

Борис Акунин



НЕ ПРОЩАЮСЬ



Annotation

1918 год. Поезд Самара-Москва. Вот уже более трех лет Эраст Петрович Фандорин находится в коме. Все эти годы верный Маса заботится о своем господине. Вот и сейчас они возвращаются после очередной реабилитации у китайского целителя Чанга. Пять месяцев его сеансов дали заметный результат. Эраст Петрович округлился, порозовел и даже стал шевелить губами. Однако врачи осторожны в своих прогнозах. И даже если статскому советнику удастся выкарабкаться и на этот раз, каким он станет после пробуждения, не может сказать никто.

- [Борис Акунин](#)
 -
 - [Table-talk 1918 года](#)
 - [Черная правда](#)
 - [Ку арэба раку ари](#)
 - [Ки играет в прятки](#)
 - [Удивительное путешествие](#)
 - [Герои Плевны](#)
 - [Всё не так просто](#)
 - [Артельщик Воля](#)
 - [Свободный выбор](#)
 - [Лучшие из худших](#)
 - [Причуды везения](#)
 - [Конец расследования](#)
 - [Братский суд](#)
 - [Она нашлась!](#)
 - [Красная правда](#)
 - [Вечека и Чеквалап](#)
 - [На голый крючок](#)
 - [Явка](#)
 - [Сказка про белого бычка](#)
 - [Сюрприз](#)
 - [Или пан, или пропал](#)
 - [Карантин](#)
 - [Футболисты](#)
 - [Шахматисты](#)

- [Шутники](#)
 - [Операция «Доверие»](#)
 - [Мерехлюндии](#)
 - [Зеленая правда](#)
 - [Турусова на колесах](#)
 - [Странный странник](#)
 - [Вдоль да по речке](#)
 - [Трое в лодке, не считая собаки](#)
 - [Зеленая Школа](#)
 - [Страшиловка](#)
 - [Ой...](#)
 - [Елизавета Третья?](#)
 - [Мгновение остановилось](#)
 - [Белая правда](#)
 - [Тяжело с кретинами](#)
 - [Облачное счастье](#)
 - [Жизнь в мире Инь](#)
 - [Зая и Шуша](#)
 - [Занимательная антропология](#)
 - [В Порт-Артуре](#)
 - [Цветок сливы на засохшей ветке](#)
 - [Средство от зубной боли](#)
 - [Адъютант его превосходительства](#)
 - [Два дела – небольшое и маленькое](#)
 - [Не прощаюсь](#)
 - [И о погоде](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Борис Акунин

Не прощаюсь

Текст печатается в авторской редакции, орфографии и пунктуации

© В.Акунин, автор, 2017 – 2018

Table-talk 1918 года

На исходе дня, уже в сумерках, вокзал вдруг пришел в движение. Разнесся слух, что будет поезд на Москву. Позавчера под Иващенко-вым местные остановили и ограбили «скорый», вынув рельсу. Поломка небольшая, но чинить было некому – профсоюз ремонтников митинговал.

И вдруг – поезд! Откуда-то стало известно, что московский пойдет по объездной ветке Сергиевского завода и что состав подадут на третий. Туда все и кинулись, подхватив узлы, чемоданы, детишек.

Самарский вокзал, один из лучших в империи, за год, миновавший после ее бесславной кончины, опустился, словно Барон из пьесы пролетарского писателя Горького: оборвался, ободрался, достиг дна. Топить перестали еще в декабре, и два верхних этажа в студеное зимнее время стояли пустые, туда снизу бегали справлять нужду – где придется. Вокзальные уборные не работали. На первом этаже, в залах ожидания, тоже не топили, но холодно там не было. На скамейках, на подоконниках, на буфетных стойках, просто на полу сидели и лежали люди, обогревали воздух дыханием, курением, кашлем и матерщиной.

И вот примерно половина всей этой серо-коричневой массы зашевелилась. Вторая половина, которой нужно было в другую сторону, на восток, осталась на месте.

Слух оказался верный. Скоро, пыхтя сизым паром, к платформе подкатился поезд, недлинный, но зато не теплушечный, а с настоящими пассажирскими вагонами: впереди синий, первого класса, за ним второклассный желтый и три простецких зеленых.

У входа в каждый вагон немедленно образовалась давка, и больше всего, конечно, у синего. Во имя равенства и братства билеты были все одинаковые, без мест и, само собой, без класса – ежай где сядешь. Если сядешь.

Милиционер с красной лентой на рукаве и еще одной на шапке стукнул прикладом винтовки о перрон:

– В очередь, граждане! Предъявляй билеты!

Но вместо очереди вышло по Чарльзу Дарвину – более сильные и ловкие распахали или оттерли остальных. Впереди всех оказался немолодой низенький азиат с раскосыми глазами – китаец или, может, киргиз. Революция, будто метла, взмела с российских окраин много разных людей, иных в глубинке прежде и не видывали. Всем вдруг стало плохо на

своем месте, и понеслась по дорогам человеческая пыль, где-то скопляясь и закручиваясь смерчем.

– Куда с тючищем прешь? – гаркнул милиционер. Ему нравилось быть хоть маленьким, да начальником, при винтовке. Времена наступили такие, что без должности и оружия человек стал никто.

У предположительного китайца через плечо действительно был перекинут огромный длинный сверток из овчины, должно быть, нетяжелый – коротышка его слегка придерживал.

– Чего ты мне, нерусь, билет суешь? Декрет был: с большой поклажей нельзя. В порядке борьбы с мешочниками и спекулянтами.

– У меня два билета, уважаемый, – сказал азиат, кланяясь вместе со своей ношей. – Два места.

По-русски он говорил хорошо, только букву «эль» выговаривал не совсем чисто.

– Нельзя! Иди отсюда, не мешай проходу граждан! Кто следующий?

Непонятливый китаец не тронулся с места, его круглое лицо сияло улыбкой.

– Два билета – два места, уважаемый, – повторил он.

Сзади ему на плечо легла огромная рука с синим якорем. Здоровенный матросище, на голову выше толпы, сверху пробасил упряму:

– Ты глухой али глупой? Слыхал, что сказано? Уйди сам, пока тебя под вагон не скинули.

Не оборачиваясь и не переставая улыбаться, азиат ответил:

– Отвали, вша тифозная.

Свободным локтем легонько двинул назад, и матрос перестал быть таким высоким – согнулся вдвое.

А милиционеру китаец сказал:

– Вы сердитый, товарищ, потому что плохо себя чувствуете. Вам надо полежать.

– Ты доктор, что ли? – окрысился служивый. – А ну покажь документ!

– Доктор, доктор, – закивал азиат. – Вам вот здесь совсем больно.

Он ткнул милиционеру пальцем куда-то в живот. Там, кажется, в самом деле было «совсем больно» – казенный человек ойкнул, стал очень бледен, выронил винтовку, пошатнулся.

– Ему нехорошо, – объяснил китаец другим пассажирам, бережно взяв милиционера за ворот. – Он немножко полежит. Подвиньтесь, граждане... Большое спасибо.

С этими словами он уложил сомлевшего служителя социалистической законности на перрон и, вскинув поклажу повыше, неторопливо поднялся

по ступенькам. Следом ринулись остальные.

Внутри оказалось, что позарившиеся на первый класс просчитались. Недавно здесь ехали домой с фронта уссурийские казаки, не пожелавшие расставаться со своими лошадьми, и респектабельный вагон, подобно Самарскому вокзалу, пал жертвой революции. В стены намертво впитался кислый конский запах, а перегородки, полки, столики, диванчики сгорели в костре, от которого на полу, посередине разоренного пустого пространства, осталась прожженная выбоина. Уцелело только одно крайнее купе. К нему и поспешили первые ворвавшиеся, хотя «поспешанием» назвать это было трудно. Никто не осмелился обогнать вежливого китайца с его громоздкой ношей, а он двигался солидно, без суеты. Только когда восточный человек, осмотревшись, уселся, пристроив к окну вертикально свой тюк, в отделение бросились самые боевитые. Вторым ворвался верзила-матрос, уже оправившийся от удара локтем.

– Я наверх, не возражаете? – почтительно спросил он и оккупировал козырную позицию – одну из багажных полок, где можно было разлечься во весь рост.

Следом купе атаковала шустрая молодежь. Двое вокзальных мальчишек, промышлявших тем, что занимали хорошие места, а потом уступали их за мзду, пристроились – один, белобрысый, у окна напротив китайского свертка, другой, рыжий, на второй багажной полке. Внизу можно было усесться еще троим. Рядом с белобрысым шлепнулась девка, чуть не по нос замотанная в багряный платок. От нее совсем чуть-чуть отстал стройный запыхавшийся юноша в гимназической шинели и фуражке.

– Оп-ля, села! – радостно крикнула девка. – Не сойду – хоть режьте!

Гимназист сказал:

– Vene, vidi, vici. Уф.

Последнее, восьмое место, подле азиата, досталось юркому попику, прошмыгнувшему под рукой у какого-то растяпы.

– Эй, батюшка, нехорошо, – сказал растяпа. – Я перед вами был!

Святой отец назидательно молвил, разматывая шарф крупной домашней вязки и вытягивая из него серебряный наперсный крест:

– Так и в Евангелии сказано, сын мой: «Мнози же будут первии последнии и последни первии». Нам ли, грешным, на то роптать? Хочешь, благословлю тебя троекратно трехсвятным благословением? Ну и зря.

И заерзал, устраиваясь так основательно, что сразу стало понятно: этого тоже хоть режь – не сойдет.

Купе наполнилось, однако рассадка была еще не окончательной.

– А вот кому место лежачее, богатое? А вот кому место самолучшее у окошка? – заорали мальчишки.

– Почему? – спросил обойденный попом растяпа. Услышав цену – сто рублей, – плюнул и отошел.

Место у окна выкупила щекастая баба в дубленой куртке – сторговала за семьдесят керенок и вареное яйцо. Малолетний барыга сунул добычу в шапку, исчез.

А второму, рыжему, не повезло. Какой-то бритый гражданин, в короткой бекеше и кубанке, вместо того чтоб заплатить, молча взял паренька за шиворот да выкинул за дверь.

– Ты что, контра?! – взвизгнул малолеток. – Я те перо воткну!

Но бритый нехорошо щелкнул языком и ощерил зубы, сверкнув золотой фиксой. Мальчишку сдуло.

* * *

Так в «синем» сформировалась поездная аристократия, заселившаяся в единственное купе. Кое-как, на полу и по стеночкам, разместились в основной части вагона прочие пассажиры. Без звонков, без объявлений, по революционному, паровоз дернул, вагоны заволновались, застучались, состав поехал.

Ту-тууу! – загудели мутные мартовские сумерки.

– Береги Господь проезжающих и странствующих, – нараспев протянул священник. – Да будет нам в конце пути лучше, нежели в начале, а иначе зачем и ехать?

– Это да, – согласился гражданин с фиксой, ловко запрыгивая на верхнюю полку. – Дрянь город. Провалиться б ему – не жалко.

– Что вы такое говорите. У меня в Самаре дом, родня, – укорила баба, но мирно, без злобы.

Все были очень довольны, что так удачно устроились.

Заглянул кондуктор – оказывается, в поездах еще бывали кондукторы.

– Остальным не предлагаю, – небрежно кивнул он на вагон, – а вам, если желаете, могу выдать керосин. Восемьдесят рубликов склянка. До самой Москвы свету хватит, если зря не жечь.

Электричества, само собой, в поезде не было, да и от ламп остались одни черные дырки, но с потолка свисал керосиновый фонарь, пока не зажженный.

Цена была безумная, но ехать в потемках не хотелось, пассажиры уже и теперь едва видели друг друга.

– Скинем по десяти с носа? – сказала баба и пояснила китайцу: – Вы на двух местах сидите, с вас выйдет двадцать.

Тот поклонился, не споря, но возникли осложнения с другими обитателями купе.

– У меня денег совсем нет, – вздохнул гимназист. – И вообще спать можно в темноте, даже лучше.

Отказалась и девка:

– А мне на первой станции слезать, я с-под Безенчука. Чего это я буду за Москву платить?

Поп прочитал стих:

Тебя от мрака защитит
Не лампы тщетное горенье,
А светлой веры крепкий щит
И сердца чистое моление.

– Ну дело хозяйское, – пожал плечами кондуктор.

Но тут сверху перегнулся фиксатый, широким жестом сунул бумажку:

– Держи сотку, фуражка. Сдачи не надо. Плачу за всю приятную компанию. Знайте Яшу Черного.

Когда купе озарилось красноватым, покачивающимся светом, путешественники смогли разглядеть друг друга лучше. Начались и дорожные разговоры – специфические, революционного времени, когда люди поначалу осторожничают и своего имени не называют. (Фиксатый не считался – сомнительно было, что он Яша и тем более Черный.)

Разговорчивей всех был батюшка. Рассказал, что приходствует в Сызранском уезде, ездил к преосвященному в Самару, потому что отца благочинного нет и жалованья давно не платят, но проездил, воля Божья, впустую, только зря потратился, потому что на епархиальном подворье теперь комитет бедноты, однако ничего, проживем и без жалованья, Господь не оставит, а и отец ректор в семинарии говаривал: «Хороший поп никогда не пропадет».

Девка жила в городе прислугой у «аблаката по законам», но тот сам «затошчал», потому что кому они теперь нужны, законы, других бар тоже не стало и служить негде, а дома отец-мать и женихи с фронта вернулись.

Бабища промышляла по обменным делам. Возила из Самары по селам

нужный товар, возвращалась с продуктами.

– А где товар-то? – спросил ее сомнительный Яша. – Вроде пустая едешь.

Тетка заколебалась – говорить, нет, но ей очень хотелось похвастаться. Полезла куда-то под юбку, звякнула об стол невеликим мешочком.

– Вот. Фунт иголок. В деревне бабам шить нечем. За одну иголочку по мешку муки дают.

Богатство по революционным временам было нешуточное. Все почтительно помолчали. Но Яша усомнился:

– Дать-то они дадут, а как ты столько в город провезешь? Это ж не одна подвода нужна. Лошади, телеги. И отберут муку на заставе. А могут шлепнуть как спекулянтку. За морем телушка полушка, да рупь перевоз.

Баба хитро подмигнула:

– У меня кум в желдоротделе служит. Сговорились. Я ему половину муки, а он доставит, в лучшем виде.

Тут ее зауважали еще больше.

Потом всех насмешил гимназист.

– А я тоже в деревню еду, продукты менять. У меня здесь, – похлопал себя по груди, – альбом с марками. Всю жизнь собирал, со второго класса. Колониальные. Летом предлагали шведский велосипед и духовое ружье. Отказался, и правильно сделал. Дешево не отдам.

Похохотали над ним от души – попик прикрывая рот ладонью, женщины со взвизгом, Яша во всю глотку. Особенно когда юнец захопал глазами и пролепетал: «Я же не знаю, что везти. Я в первый раз еду».

В веселье не участвовали только матрос, который сразу после отправки натянул на голову бушлат и захрапел, да китаец – этот бесконечно пристраивал свой тюк и наверно все-таки не очень понимал по-русски.

– А вы, товарищ, по какой надобности путешествуете? – задрал голову, спросила баба у Черного и толкнула соседку в бок, благо сверху было не видно.

– Я по жизненной стихии путешественник, – ответил обитатель возвышенного места. – Наблюдаю жизнь.

– Знаем мы таких наблюдателей, ты за вещичками приглядывай, – шепнула девке спекулянтка и убрала драгоценный мешочек обратно под юбку.

Дошла очередь и до азиата, на которого с самого начала поглядывали с любопытством, но после оказии с милиционером немножко опасались.

– Вы, гражданин китаец, верно, мануфактуру на обмен везете? – спросила неугомонная тетка. – Если ситец – на него всегда спрос. А если

ваш китайский шелк, это места надо знать. Могу подсказать.

– Нет, – коротко ответил тот, зачем-то разматывая верхнюю часть свертка.

– Что, извиняюсь, «нет»? – снова впявилась баба, не дождавшись продолжения.

– Я не китаец. Я японец. И это не мануфактура.

Он откинул край овчины, раздвинул байковую ткань, и в прорехе открылось белое лицо с белыми волосами и аккуратными черными усиками. Оно было неподвижно, веки скорбно сомкнуты.

– Покойник! – пискнула девка, от испуга сжавшись на сиденье. Поп перекрестился, Яша Черный сказал жеребьячье слово, а баба так заорала, что проснулся и вскинулся матрос, но ничего не понял – ему с полки было не видно.

– Это не покойник, это мой господин. Он спит, – строго сказал японец, протирая лоб своего странного спутника платочком.

Гимназист восхищенно присвистнул:

– Ничего себе. Прямо лорд Рутвен!

* * *

Кто такой лорд Рутвен, Маса знал. *Кюкэцуки* из старого английского романа. *Кюкэцуки* – это существо из потустороннего мира. Днем спит, ночью сосет человеческую кровь.

Мальчик и не знал, насколько близка к истине его догадка. Господин действительно спал. И действительно пообедал сегодня человеческой кровью.

Последняя порция питательного раствора по рецепту профессора Киричевского вчера закончилась, и во всей Самаре не нашлось ни капли основного ингредиента, трескового жира. Поэтому Маса напоил господина своей кровью, подмешав в нее немного муки.

Самый первый профессор, еще в проклятом городе Баку, сказал: «У раненого сохранился глотательный рефлекс, это значит, что сразу он не умрет. Проживет еще месяц или два. Если это можно назвать жизнью». Сказано было в июле четырнадцатого, а сейчас март восемнадцатого, и господин все еще жив. Если это можно назвать жизнью.

Пуля прошла навывлет через правую верхнюю часть черепа. От смерти господина спасло только то, что револьвер был небольшого калибра. Убийце это оружие подарила женщина, которая любила господина. Маса

никак не мог понять, что это было: милосердие кармы или ее злая насмешка. Может быть, лучше тот *акунин* воспользовался бы своим обычным сорок пятым и господин умер бы сразу, а не провалился в черную дыру, откуда его теперь не вытащить.

– Тут всё поразительно, – сказал светило нейрохирургии Киричевский уже в московской клинике, месяцы спустя. – Господин Фандорин не умирает, но и не живет. К счастью, современная наука мало что знает про устройство мозга.

– Почему «к счастью»? – спросил тогда Маса.

И сэнсэй, мудрый человек, ответил:

– Потому что когда нет твердого знания, остается надежда на чудо. Про мозг известно, что он живет по каким-то собственным законам и умеет самопроизвольно дублировать функциональные каналы. Вместо разрушенных могут образоваться новые, обходные. Больной, кажется, был человеком феноменальной мозговой и моторной активности? Такие люди чаще выходят из комы. – Правда, после обнадеживающих слов сэнсэй еще прибавил: – Но даже в этом случае в результате такой тяжелой травмы правой фронтальной доли очнувшийся обычно становится идиотом.

Потом было еще много профессоров. Все они говорили разное. Прошлой осенью, когда из-за революции стало совсем плохо с лекарствами, Маса спросил себя: не хватит ли мучить бедное тело, в котором не осталось души? Одно сжатие пальцев, и всё кончится. Господин наверняка сам потребовал бы этого, если б мог говорить. С другой стороны, если б он мог говорить, зачем сжимать пальцы?

В наигорший момент Масиных терзаний Кири-сэнсэй (так японец про себя для краткости называл профессора Киричевского) рассказал, что в волжском городе Самаре есть некий китайский целитель господин Чанг, добивающийся невероятных результатов с помощью прижиганий и втыкания неких хитрых иголок. Коллега из тамошнего военного госпиталя написал профессору, что китаец вернул в сознание раненого, которому шрапнельная пуля пробила череп еще под Перемышлем, в пятнадцатом году. Правда, все интеллектуальные функции нарушились, но человек сам ходит, ест, реагирует на простые команды.

Маса попробовал представить господина, реагирующего на простые команды, – не получилось. Тот никогда ничьим командам не подчинялся. И все же японец засобирался в дорогу. Тогда поезда еще ходили, и даже можно было заказать до вокзала автокарету с санитарями.

За пять месяцев, проведенных в Самаре, страна с невероятной скоростью и какой-то забубенной лихостью развалилась, будто тысячу лет

только и ждала повода рассыпаться в прах. Маса революция не нравилась – по очень простой причине: содержать инвалида в такие времена стало поначалу тяжело, а потом совсем невозможно. Деньги стремительно обесценивались, все товары и продукты, не говоря уж о лекарствах, пропали, ни в чем не стало порядка. Обидней всего, что сеансы Чанг-сэнсэя давали результат. Лорд Рутвен? Видел бы мальчишка господина до Самары. Тощий был, бледный, египетская мумия. А от иголок и горящих трав китайского знахаря округлился, порозовел – прямо Момотаро, персиковый мальчик из сказки. Иногда стал шевелить губами, будто с кем-то разговаривает. Еще немножко – может, и проснулся бы. Но Чанг-сэнсэй сказал, что больше в России не останется, потому что здесь все сошли с ума. Сказал, что в Китае тоже революция, но лучше жить среди своих сумасшедших, чем среди чужих. И отправился в Нанкин. Не насильно же его держать?

– Это называется «кома», – объяснил японец попутчикам. – Греческое слово. Значит «глубокий-глубокий сон». Господин глубоко-глубоко спит уже четвертый год. Проспал войну, проспал революцию.

– Счастливый, – вздохнула тетка. – Я тоже залегла бы в четырнадцатом годе, попросила бы: «Разбудите, люди добрые, когда жизнь опять наладится». Плохо ли? Все друг дружку бьют, режут, грабят, а он знай похрапывает.

– Дура! – рявкнул Маса на глупую женщину. – Если бы господин в четырнадцатом году не уснул глубоко-глубоко, ничего бы этого не было – ни войны, ни революции. Он не допустил бы.

От окрика баба заморгала, да и остальные притихли.

«Переглядываются. Решили, что у меня *атама* набекрень», – сказал себе Маса и вздохнул. Он уже так давно не пользовался родным языком, что начал думать по-русски, но иногда мысленно вставлял японские слова, чтобы совсем не забыть *ниппон-го*.

– Ничего. Вот господин проснется, тогда посмотрим, – угрожающе проговорил японец, обращаясь не к соседям, а в пространство.

– На Бога православного уповать надо, молиться, – посоветовал священник. – Во времена многих ужасов бывает много и чудес. Как говорится: «Богу помолился – глядь, и исцелился».

– Молился. И православному Богу, и неправославному, всяким богам молился.

– Знать, неправильно. Это я вам как профессионал говорю, – оживился поп. – Об облегчении душевноскорбных надо не напрямую к Господу

взывать, надо через Богородицу, утешительницу всех скорбящих. Вот я сейчас вам продемонстрирую. – Поднял очи к закопченному потолку и проникновенно, со слезным дрожанием, пропел: – Матушка пречестная заступница, замолви словечко перед всеблагим Сыном твоим об исцелении безумного... как его по имени?

– Эраст.

– Безумного Эраста. Воззри на него с выси, верни ему разум.

– Аминь, – сказал Маса, вздохнув. Подумал немного – перекрестился. Хуже не будет.

С выси взирал матрос.

– Тьфу! В работу бы вас, попов-бездельников. Только врите да жрете.

– Поесть – это неплохо бы, – нисколько не обиделся божий человек. – Повечеряем, братья и сестры?

И все стали ужинать, каждый свое. Гимназист развернул бутерброд с котлетой, девка – краюху посыпанного солью хлеба, матрос ядрено распахся селедкой, Яша Черный у себя наверху грыз что-то хрусткое.

Обстоятельней и обильней всех питалась баба. Она достала вареных яиц, с десятков картошек и скоро завалила полстола скорлупой и очистками.

– Не грех скоромное трескать, в великий-то пост? – спросила она с набитым ртом у священника – тот лакомился ломтиками аккуратно порезанной колбасы.

– В путешествии допускается кушать и скоромное, если нет постного, – отвечивал батюшка, – но ежели ты, дочь моя, угостишь корнеплодами, я от грехождения свиной плоти воздержусь.

Тетка только хмыкнула, а Маса вздохнул. У него за пазухой тоже лежал кусок свиной плоти, полуфунтовый шмат сала, но следовало растянуть еду до Москвы. Хээ, сказал бы кто-нибудь Масахиро Сибате во времена далекой иокогамской юности, что он будет питаться лежалым жиром давно издохшей свиньи, – вырвало бы. Однако в дороге сало удобней всего. Много этого мерзкого косо не съешь, потому что противно, а сил прибавляет. Надо ведь будет еще раз или даже два покормить господина кровью.

– Кажись, Иващенко промахнули, – сообщила спекулянтка, глядя в законную тьмищу, где не светилось ни единого огонька. – Докатить бы до Безенчука, после него уже не шалят.

– Кто шалит-то? – спросил матрос, тоже пялясь в черноту.

– Леший их знает. Положат на рельсы бревно – значит, стоп-машина. Ну и ходят по вагонам, грабят.

– А если не останавливаться? Подумаешь – бревно. Хрясь его

колесами, и полундра.

– Начнут палить по паровозу. Хорошо если из ружей, а могут из пулемета, – сказал гимназист, нервно ежась. – На прошлой неделе под Сызранью таким манером машиниста убили, и поезд на повороте с рельсов полетел. Многие убились, покалечились. Нельзя не остановиться.

Попик перекрестился:

– Озверели ироды. Человечья жизнь у них в копейку.

Знал про местную проблему и наблюдатель-путешественник:

– Мужики это местные. Солдатня с фронта вернулась. Понимаю их. Чем горбатить, проще с винтарем на дороге промышлять. Зверье сиволапое. – Он свесился вниз и оскалился на пассажиров: – Они у баб с девками первым делом под юбками шарят. Знают, где ваша сестра хабар прячет.

Девка не испугалась, прыснула:

– Мне там прятать нечего кроме девичьего.

Яша смачно причмокнул, гимназист поглядел на соседку искоса, матрос загоготал, а вот баба забеспокоилась.

Снова вытащила заветный сверток с иглами, повертела головой, куда бы спрятать, – придумала. Положила на столик, присыпала картофельными очистками.

– Если не дай бог что – не выдавайте.

– Блаженны нищие духом, им прятать нечего, – назидательно молвил батюшка. – Потому и не устроятся, егда зубовный скрежет, земной тряс и на дороге ужасы...

Накаркал.

Вдруг заскрежетали железные зубы, мир затрясся, вагон подскочил, мотнулась и погасла лампа. Поезд, резко тормозя, сбросил ход. Пассажиров, ехавших спиной вперед, вжало в стену. Тех, что сидели и лежали лицом по ходу, скинуло с мест. Масу ударило грудью о столик, матроса швырнуло с багажной полки, попик впечатался в девку.

Тьма наполнилась истошными криками, женским визгом, детским плачем. Но вот поезд замер. Снаружи один за другим ударили два гулких выстрела. Тогда в вагонах сделалось очень тихо.

– Гоп-стоп, приехали, – нервно хохотнул Яша Черный, спрыгивая вниз. – Пожалте бриться. Всякое в жизни повидал, но грабить меня еще не грабили.

Удивительней всего была, пожалуй, тишина. За стенкой в вагоне захныкал было младенец, но сразу затих. Молчали и в купе. Упавшие вернулись на свои места, залез обратно и разухабистый Яша.

В темноте было ничего не видно, ничего не слышно. Будто в вагоне ни души.

Но вот чиркнула спичка, вспыхнул огонек, осветивший хмурую и недовольную физиономию с узкими глазами.

Это японец, водрузивший обратно на диван своего жуткого спутника, поднялся зажечь погасшую лампу.

Когда стало светло, выяснилось, что пассажиры хоть и помалкивали, но смирно не сидели. Вели себя все странно.

Гимназист снял шинель, вывернул наизнанку и снова надел. Снаружи она выглядела вполне прилично, но оказалась без подкладки и теперь превратилась в какое-то серое рубище.

Девка, согнувшись, возила рукой по грязному полу, потом этой же ладонью стала тереть лицо.

Матрос быстро и размашисто крестился, бескозырку держал в руке, шевелил губами.

Священник же, кому, казалось бы, молиться пристало больше, запихивал за пазуху серебряный крест. Взамен вытащил другой, такого же размера, но железный, и пристроил посередине груди.

Яша Черный сидел у себя наверху по-турецки и что-то засовывал за ободранную обшивку потолка.

– Лопатник ховаю, – подмигнул он, заметив взгляд японца. – Будут шмонать – я пустой.

Удивительней всех вела себя тетка. Она задрала юбку и пихала под розовое исподнее большую воблу.

Эта операция заинтриговала Масу больше всего.

– Зачем вы суете в подштанники сушеную рыбу, гражданка?

– Слыхали? Они под юбку лазют. Ничего не найдут – обругают или прибьют. А тут какая-нито добыча. Авось отстанут, – объяснила баба, оправляясь. – Вы-то чего сидите? Неужто спрятать нечего?

Снаружи из вагона донесся грубый голос. Проревел, сопровождая каждую фразу матерной бранью:

– С местов не вставать.....! Тихо сидеть.....! Кто....., забазланит – рожу раскровяню. Кто рыпнется....., дулю в лоб!

Гимназист шепотом сказал:

– Высунусь. Посмотрю.

Приоткрыл дверь, осторожно выглянул.

– Ну! Чего там? – через минуту дернула его за полу девка. – Сколько их?

– Один, – сообщил мальчик, садясь на место. – С обрезом. Отбирает мелкое – часы, кольца. Кладет в мешок.

– Только один? – с любопытством спросил Маса. – И отдают?

– Не отдай, попробуй, – прогудел сверху матрос. – У насыпи, поди, другие, с телегами.

– Вряд ли. – Японец задумчиво почесал круглый подбородок. – Тогда он брал бы не только мелкое. Может быть, разбойник совсем один. Положил бревно, остановил паровоз и теперь ходит, грабит.

– А хоть бы и один. Значит, совсем зверюга. – У матроса клацали зубы. – Шмальнет с обреза – и со святыми упокой.

Маса философски подумал: волк тоже залезает в овчарню один и выбирает, какую овцу утащить, а остальные стоят смиренно, ждут и даже не блеют. Воистину всякий человек сам решает, кто он в жизни: овца, волк или человек.

– А-а-а... – тихо, как бы неуверенно, вскрикнула вдруг спекулянтка. Шлепнула рукой по столику и завопила уже громко, во всю глотку: – А-а-а-а!!! Пропали! Иголки пропали! Караул! Обокрали!

Куча очисток, должно быть, от резкого торможения, рассыпалась, и мешочка под нею не было.

– На полу посмотрите, – сказал поп. – Что уж сразу о греховном помышлять?

Баба плюхнулась на четвереньки, зашарила под столом.

– Нету! Господи, нету! Пропала я! Всю имуществу на иголки поменяла! Шкап с зеркалом, две перины, картохи пять пудов, кольцо золотое, швейную машину! Еще у кума тыщу рублей взяла! Пропать мне теперь! Уууу!

Завыла.

– Ай-я-яй, – посочувствовал батюшка. – Особенно с кумом вашим нехорошо. Если он начальником служит, значит, обладает возможностями. Не надо бы его обижать. Одно посоветую, дочь моя. Молиться надо.

А Черный оскалился:

– Ловко сработано. Аплодирую. Кто это из вас такой ушлый? Я-то наверху был, с полки не падал.

– Врешь, фармазонщик! – кинул ему матрос. – Ты тоже прыгнул. Спрашивается, зачем?

– Ой, матушки, ой, беда! Ой, пропала я! – верещала внизу тетка, всё елозя по полу. – Хоть домой не вертайся!

Дверь с грохотом откинулась.

– Кто тут глотку дерет?! Сказано было: не базланить!

Все застыли.

В проеме, подсвеченный красноватым светом керосина, в обрамлении черноты, стоял страшный человек. Был он в солдатской шинели и городской шапке меховым пирожком, видно, только что с кого-то снятой. Лицо бородатое, буграми, глаза дикие, в руке обрезанная с дула и приклада трехлинейка. Через плечо у разбойника был мешок.

– Эй ты, на полу! Села и заткнулась!

Баба плюхнулась на место. Она продолжала рыдать, но беззвучно. Слезы лились потоком.

– Купейные, – с удовлетворением произнес разбойник. – Значится, есть что взять. Сами отдадите или грохнуть кого для острастки? У тебя что? – начал он с гимназиста.

– Вот, – показал тот альбомчик. – Марки. Надеюсь поменять на еду. Папу на войне убили. Мы с мамой вдвоем остались. Голодаем. Но вы берите, товарищ. Хорошие марки. Даже Мадагаскар есть.

Грабитель только выматерился. Вырвал альбом, стукнул им паренька по голове, швырнул на пол.

– У тебя? – нагнулся он к девке.

– Дяденька, я с Калиновки, – подняла она чумазое лицо. – Десять верст от Безенчука. Савела-кузнеца дочь. Может, знаете?

– Слышал. А чё грязная такая?

Сразу успокоившись, девка сверкнула зубами.

– Подумала, вдруг чужие кто, вот рожу и перемазала. Не насильничали бы. Своих чего бояться.

Лихому человеку не понравилось, что его можно не бояться. Он вскинул обрез, выпалил в потолок. Сверху посыпалась труха. Девка завизжала. Заголосили и в вагоне.

– Клади в мешок всё ценное! Ну! После каждого обыщу. Если что найду – убью!

И передернул затвор.

После этого грабеж пошел как по маслу. Первым свесился матрос, отдал часы. Поп, недолго поколебавшись, вытащил серебряный крест. Даже Яша, косясь на дуло, выругался и сдернул с пальца два перстня.

– А ты, курица? – замахнулся бородатый на плачущую тетку.

Та задрала юбку, шмякнула на стол воблу.

– На, забирай последнее, подавись. Нет у меня ничего больше, без тебя ограбили...

Ткнулась головой в стол, затрясла плечами.

Оставался только японец. Сначала он рассматривал бандита с интересом, но скоро заскучал и даже зевнул.

– У тебя что есть, узкий глаз? Знаю я вашего брата. Пошарить, и золотишко сыщется.

– Есть, – кивнул Маса и снова зевнул. Его клонило в сон. – Золотые десятки.

Грабитель удивился. Наставил обреза.

– Давай! Куда запрятал?

– Вот сюда. – Маса похлопал себя по груди. Там, в шелковой сумочке, лежали последние восемь червонцев. – Бери сам, круглый глаз.

Он еще не решил, сломать ли невежливому *нарадзумоно* запястье, когда протянет руку, или только вывихнуть.

Но *нарадзумоно* его удивил – сразу, безо всяких проволочек, выстрелил, метя в лоб. Видно, у железнодорожных разбойников человеческая жизнь и правда шла в копейку.

От пули, Маса, конечно, уклонился. Еще не распрямившись, выбросил руку, вырвал оружие, сделал ногой подсечку, и плохой человек бухнулся на колени.

Поскольку пуля ударила совсем близко от господина, Маса обернулся – и обмер.

Эраст Петрович сидел всё так же неподвижно, но на виске остался длинный ожог от пролетевшей вплотную пули.

В глазах у Масы помутилось от ярости.

– *Буккоросу дзоооо!!!*^[1] – взревел он, отшвырнув обреза.

Схватил негодяя, потревожившего мирный сон господина, за горло. Другую руку, сжатую в кулак, занес, намереваясь проломить подлому *акото* его поганую переносицу.

Тихий, скрипучий голос недовольно произнес:

– *Соннани сакэбу на*^[2].

Не веря ушам, Маса оглянулся.

Глаза господина были приоткрыты.

– *Дамарэ. Атама га итаи*^[3], – сказал Эраст Петрович, щурясь.

* * *

Первый и самый важный долг в жизни человека – благодарность. Она

прежде всего.

Поэтому сначала Маса поставил на ноги грабителя, сунул ему кошелек с червонцами и поклонился.

– Спасибо тебе, посланец доброй кармы... Куда ты? А твое ружье?

Последние слова были сказаны уже в спину улепетывающему разбойнику.

Ну и Буцú с ним.

Исполнив долг, Маса рванулся к господину. Тот еще что-то говорил, но слов было не разобрать, потому что, едва исчез бандит, снова заревела спекулянтка.

– Тише, дура! – прошипел японец, коротко обернувшись.

Баба послушно заплакала тише.

– Черт, какой яркий свет, – пожаловался господин, хотя свет был совсем тусклый. – Ничего не вижу, слепит. Но я слышу, что плачет женщина.

Говорил он хрипло, будто у него заржавело горло. Маса осторожно потрогал пальцем след от пули. Пустяк, даже волдыря не будет. Может быть, после всех сеансов Чанга-сэнсэя не хватало только одного последнего прижигания?

– Я хочу знать, почему плачет женщина, – тихо, но твердо сказал господин.

– Это единственное, что вы хотите знать? – осторожно спросил японец, вспомнив предупреждение профессора Кири про нарушение интеллектуальных функций.

Фандорин поморгал, слегка тряхнул головой.

– Нет. У меня много вопросов. Всё какое-то... странное. Но сначала нужно помочь даме. У нее, должно быть, случилось несчастье.

– Жизнь моя пропала, – громко и глухо сказала баба, вдруг подняв голову. – Я удавлюсь. Право слово, удавлюсь.

– Эраст Петрович Фандорин, – представился ей господин. – Прошу прощения, что сижу. Почему-то не могу подняться. И вижу вас неотчетливо... Что с вами случилось, сударыня?

– «Сударыня», – хмыкнул наверху матрос. – Сударыни с сударями нынче все удрапали. Кто поспел...

Маса молча показал кулак, и невежа заткнулся. Слава богу, господин, кажется, не расслышал этих слов, иначе у него возникли бы вопросы, отвечать на которые было пока рано.

– Обокрали меня, – пожаловалась тетка новому человеку. – Кто-то из этих вот иуд. – Показала рукой вокруг.

В ночи что-то запыхтело, вагон качнулся, поехал.

– Мы в поезде. В купе, – сказал господин и опять встряхнулся. – Но в купе не бывает столько людей.

Он стал считать, разговаривая сам с собой:

– Мы двое. Дама, которую обокрали. Смуглая барышня. Двое мужчин почему-то на багажных полках. Священник. И... – Вгляделся в противоположный угол, где филателист надевал вновь перевернутую шинель. – ...И исключенный гимназист.

– Откуда вы взяли, что исключенный? – удивился тот.

– У вас петлицы без пуговиц и фуражка без герба.

– Мозгами поехал. Кто сейчас с орлами ходит? – прошептал подросток. Маса и ему показал кулак.

– Господин, вы перестали заикаться, – сказал он, покашливая. От волнения сжималось горло и ныло сердце.

– Это потому что я сплю. Во сне я никогда не заикаюсь, – объяснил Фандорин. – Впрочем, неважно. Дамам надо помогать и во сне. Что у вас похищено, сударыня?

– Иголки! Почти целый фунт! В мешочке! Ууу!

С полки свесился матрос:

– Нечего было зявиться. Реву теперь.

– Иголки. Вместо багажа матрос, – без удивления произнес Эраст Петрович. – Какая чушь. – И терпеливо обратился к тетке, должно быть, считая и ее сонным видением. – Мне часто ночью снятся какие-то нелепые преступления, которые я непременно должен раскрыть. И я их всегда раскрываю. Вы ведь перестанете так громко плакать, если иголки найдутся? Они какие, железные?

– А какие еще, – прогнусавила баба, всхлипывая. – Золотые, что ли?

– Не знаю. Во сне всё бывает. Кто-нибудь из купе выходил?

– Неа... – Спекулянтка встрепенулась. – Ваша правда, товарищ! Их всех обыскать надо! Пускай ваш азиат всех общупает!

– Товарищ? – Господин посмотрел на Масу, будто ожидая и от него какой-нибудь фантазийной выходки. Маса тоже глядел на господина во все глаза. И вдруг с силой ущипнул себя за толстую щеку: испугался, что, может, это он уснул и пробуждение Фандорина ему примерещилось?

Эраст Петрович сам себе кивнул, словно соглашаясь подчиняться правилам причудливого сновидения.

– Обыскивать мы никого не будем. У нас нет на это полномочий от судебной инстанции. К тому же среди присутствующих барышня. Но против дистанционного досмотра никто, надеюсь, возражать не будет?

– Против чего? – подозрительно спросил матрос.

Яша сказал:

– Шмонать себя не дам ни по-какому. Без мандата – хрен.

Маса встал, внимательно посмотрел на того и на другого. Возражений больше не было.

– Все согласны, господин.

– Прекрасно. Надеюсь, мой ферроаттрактор при тебе?

– Конечно. Он всегда со мной, – ответил Маса без колебаний, но сильно забеспокоился. Он понятия не имел, что такое ферро...трактор, но подрывать надежду умственно зыбкого человека было никак нельзя.

– Что это – ферроаттрактор? – спросил гимназист.

– Очень сильный магнит. Он бывает нужен в расследованиях, когда на месте преступления требуется найти какие-то мелкие металлические предметы – например, пистолетную гильзу. Сейчас мой ассистент проведет ферроаттрактором по одежде всех присутствующих, не касаясь тела. Если кто-то спрятал на себе 400 грамм железных иголок, они зазвенят. Маса, покажи, как это работает. Начни с меня, чтобы никому не было обидно.

Взгляд господина, устремленный на японца, был несколько мутен, но тверд. Маса немного подумал и торжественно извлек из-за пазухи брусок размером с два спичечных коробка, бережно завернутый в тряпицу.

Поднял, показал всем. Стал водить рукой вокруг Фандорина. Вдруг рука словно сама собой дернулась и прилипла к нагрудному карману куртки, видневшейся через раздвинутое покрывало. Японец вынул оттуда металлическую расческу, которой ежедневно восстанавливал фандоринский пробор.

– Теперь ты.

У Масы брусок сначала присосался к груди – японец вытащил и показал всем, но прежде всего священнику, нательный крестик, объяснив:

– Я в крещении раб божий Масаил.

Потом чуткий прибор потянулся вниз, к сапогу. Под голенищем оказалась бритва. Ею Маса по утрам брил господина, а один раз, недавно, на ночной улице, зарезал глупого налетчика.

– Наука, – уважительно молвил батюшка. – Ну-ка, а меня испытайте.

– Ой, что это? – внезапно воскликнул гимназист. – Вот, смотрите.

Он присел на корточки, утонув в тени – свет лампы так далеко вниз не доставал.

– Что это вы башмаком прикрываете? Отодвиньте ногу, – сказал гимназист девке и выпрямился. В руке у него был мешочек с иголками.

– Мой! Мой! – завопила тетка, вскакивая. – Целы, целы родименькие!

Уууу!

Примечательно, что рыдать она не перестала, просто плач из горестного стал радостным. Сразу же, еще не отрадовавшись, она вlepила соседке затрещину.

– Паскуда! Воровка! Зенки бесстыжие! Рядом сидела, прикидывалась!

– Я не брала! Ей же боженьки! Не брала я, тетечка!

И тоже заплакала.

– Стыдно, молодой человек, – морщась от шума, обратился Фандорин к гимназисту. – У вас повадки профессионального вора. Мало того, что украли, так еще сваливаете на невинную барышню. Если б это был не сон, я бы сдал вас на ближайшей остановке станционному городовому.

– Го...городовому? – пролепетал юнец. – Станционному? Господи, ничего бы не пожалел, только бы вернулись городовые. Господи, учиться в гимназии, не трястись в этих жутких поездах, не лазить по карманам...

И тоже заплакал.

Как же я сам не сообразил, укорил себя Маса. Это профессиональный *доробо*, промышляет по поездам. Говорил, что едет первый раз, а сам знал, где и как на дороге грабят. Говорил, голодает, а у самого белый хлеб с котлетой.

Но всё это было совершенно неважно.

– Какое счастье! – всхлипнул Маса, утирая слезы и пряча шмат сала обратно в карман. – Господин, вы не идиот!

Теперь рыдала половина купе – и счастливая тетка, и «невинная барышня», и вор, и Маса. Прочувствованно сопел и попик, порываясь что-то сказать, но на него никто не смотрел.

– Благодарю за лестное мнение, – пробормотал Эраст Петрович. – Иголки нашлись, но тише не стало. Мне надоел этот сон. Пусть следующий будет лучше...

И закрыл глаза, и обмяк, и сонно задышал – но не так, как прежде, еле слышно, а глубоко и размеренно.

– Вот вы сомневались, – наконец пробился через шум батюшка, – а я вам говорил: во времена многих ужасов много и чудес. Только надо знать, кому и о чем молиться. Об облегчении душевноскорбных – только Заступнице. Будете еще маловерствовать, сын мой?

Черная правда

Ку арэба раку ари

Господин проспал ужасно долго – трое с половиной суток, и Маса они дались мучительней предыдущих трех с половиной лет. Потому что самый страшный из слоев *дзигоку* не огненный и не ледяной, а тот, куда после смерти попадают предатели: каждый день там начинается с надежды и заканчивается ее крахом. Маса никого никогда не предавал, но хлебнул этой муки полной мерой. То у спящего начинали подрагивать веки – и не открывались, то вдруг шевелились бледные губы – и ничего не произносили, то по белому лицу пробежала легкая судорога – и исчезала, как в мертвый штиль обманная рябь по воде.

Обморок стал похож на глубокий сон, и все же это был обморок. Когда спящий проснется и проснется ли вообще, не знал даже Кири-сэнсэй. «Не провоцируйте пробуждение, просто будьте рядом и ждите, – сказал он. И со вздохом добавил: – К сожалению, я дожидаться с вами не могу. Завтра я уезжаю. Нет больше сил оставаться в этой психлечебнице, которую захватили пациенты буйного отделения». И покинул больную страну Россию, подобно китайцу Чангу.

Доставив господина домой, в Москву, японец настроился ждать столько времени, сколько понадобится. В момент, когда спящий проснется, он не должен оказаться один.

Чтобы не отлучаться ни на минуту, Маса приготовил рисовые колобки, бутылку разбавленной водки и даже ночной горшок, но ни есть, ни пить, ни тем более справлять нужду не мог – так волновался.

Не ел, не пил, не спал, и что же? На третью ночь дух не совладал с бесстыжей плотью-*карада*, и та подвела, незаметно утащила в тяжелый, беспросветный сон.

Проснулся Маса от тычка в колено. Захлопал глазами, зажмурился. Комната была залита весенним солнцем.

Хриплый голос сказал:

– Эй, ты не заболел? Ужасно выглядишь. Будто постарел на несколько лет.

Господин щурился, моргал, тер ресницы вялой рукой.

– Ах, прости! – сказал он. – Ты же ранен!.. Но раз ты можешь сидеть, значит, тебе лучше?

– Мне лучше. Мне намного лучше, – прошептал Маса, крепко прижимая ладонь к груди, чтобы сердце не выпрыгнуло наружу.

Он не кричал, а шептал, потому что Кири-сэнсэй запретил травмировать психику проснувшегося бурным проявлением чувств и велел вести себя так, будто это самое обычное пробуждение. «Излучайте побольше оптимизма, не сообщайте больному ничего печального, – наставлял профессор. – Иначе защитная реакция мозга может погрузить его в новую блокаду».

– А я, кажется, расхворался. Тело будто не свое. Еле руками шевелю. И со зрением что-то... – Эраст Петрович попробовал приподняться на подушке – не получилось. – Мне снились ужасно странные сны. Последний просто идиотский. Будто мы с тобой едем в купе, где людей, как сельдей в бочке, а там... Неважно, чушь.

Фандорин всё щурился.

– Мы дома? Не в Баку? Как это возможно? Погоди... – Нахмурился. Медленно, очень медленно ощупал затылок. – В черном, черном городе... В меня же стреляли. Удар. Я помню... Так я не спал, я был без сознания? И долго я провалился? Что за это время произошло?

Лишь теперь Маса поверил, что господин действительно вернулся.

– Вы провалялись три года, восемь месяцев и двадцать восемь дней. Что за это время произошло? – плавно перешел японец ко второму вопросу, помня про ослабленную психику. – Все государства воюют, как княжества в эпоху *Сэнгоку-дзидай*. Люди убивают друг друга миллионами. Российской империи больше не существует, она развалилась. Но солнце по-прежнему восходит, после зимы наступила весна, и женщины всё так же красивы, – закончил он бодро, на оптимистической ноте.

– Все-таки сплю, – пробормотал Эраст Петрович. – И сон опять идиотский.

Он закрыл глаза, но Маса спать ему больше не дал – ущипнул за ухо.

– Сейчас очень многим кажется, что они видят идиотский сон. Но это не идиотский сон, это идиотская *гэндзицу* – реальность. Приготовьтесь долго слушать, господин. Теперь я всё изложу подробно. Только помните слова Мудрого: «Что бы ни стряслось в суетном мире, благородный муж не теряет хладнокровия».

Потом он говорил без остановки час или больше, и сохранить хладнокровие у господина не получилось. В прежние времена, когда Маса что-то рассказывал, Эраст Петрович по ходу повествования задавал уточняющие вопросы. Сейчас же он лишь повторял:

– Что?

– Что-о?!

– Что-о-о?!!

И каждое следующее «что» было длиннее и тонкоголосее предыдущего, так что вскоре Фандорин дошел до фальцета, умолк и слушал уже безмолвно, лишь иногда встряхивал головой.

Сколько Маса ни старался подбавить оптимизма, рассказ получился грустнее «Сказания о доме Тайра». Дойдя до событий самых последних дней (как новое красное правительство капитулировало перед немцами и сбежало из Петрограда в Москву), японец виновато развел руками:

– ...В том, что вы с 1914 года лежали бревном, а мир за это время развалился, наверное, есть и какие-то положительные стороны, ибо природа сущего двуедина, но, прошу прощения, я не вижу в этой черноте Инь даже слабого просвета Ян.

Фандорин молчал минуту или даже две. Потом вздохнул.

– Ну отчего же? Польза все-таки есть. Ты наконец выучился хорошо объясняться по-русски. Это раз. А я благодаря ранению, кажется, избавился от заикания. Это два. *Ку арэба раку ари.*

– Вы правы, господин! Нет худа без добра, – со слезами воскликнул Маса, все-таки не совладав с бурными чувствами. – А самое главное, что мы вместе и что вы снова стали собой! Это перевешивает всё остальное!

Ки играет в прятки

К сожалению, японец ошибался. Очнувшись, Эраст Петрович не стал собой. От бывшего Фандорина мало что осталось. Тело слишком долго существовало в отрыве от духа, все связи между ними разрушились. Оно не желало повиноваться воле.

В первые дни Фандорин очень плохо видел, будто его поразила сильная близорукость. С этой напастью он справился при помощи терпеливых упражнений. Помогла шкатулка, доставшаяся еще от отца, хранителя и собирателя фамильных реликвий, многие из которых непонятно что означали – Эраст Петрович никогда не интересовался историей своего рода. В коробке хранился рыжий локон, завернутый в пожелтевшую бумажку (на ней надпись «Лауга 1500»). Что за Лауга, непонятно, но Фандорин обрадовался, когда смог разобрать буквы и цифры. Было там и несколько кипсейков из прошлого самого Эраста Петровича. Он с грустью разглядывал медальон с портретом первой жены, которую почти не помнил, потому что их брак продлился всего несколько часов, да и было это в другом веке, в другом мире, с другим Фандориным. Но зрение постепенно обострилось, милое юное личико ожило, ответило взглядом на взгляд. Зазвучал тихий голос, он спросил: «Счастливо ли ты прожил жизнь, милый? Вспоминаешь ли хоть иногда твою Лизу?»

Он-то, голос, больше всего и помог. Эраст Петрович смотрел суженными глазами в пространство, и из густеющего воздуха проступали картины прошлого, медленно обретая резкость. Вместе со зрением памяти усиливалось и обычное зрение. На второй день выздоравливающий уже видел гравюры на стенах, на третий смог читать.

С мышцами было хуже. Тело будто застыло на леднике и никак не желало оттаивать. Каждое движение давалось с замедлением, только после повторной команды мозга – и очень неохотно. «Возьми чашку», – приказывал мозг руке, а та будто колебалась – выполнять команду или нет. Потом все же брала, но норовила расплескать воду.

В горизонтальном направлении и вниз руки двигались еще сносно, но поднести чашку ко рту было задачей не из простых. Раньше Фандорин с меньшим усилием поднимал четырехпудовую гирию.

С ногами была совсем беда. Им приходилось давать приказ раза по три. В первый раз Эраст Петрович самостоятельно пересек гостиную (двадцать шагов) за две с лишним минуты. Потом этот нехитрый маршрут

он проделал множество раз и добился некоторого убыстрения, но всякий раз, достигнув противоположной стены, садился и отдыхал.

Рассуждая теоретически, за годы абсолютной бездвижности в организме должна была накопиться чертова уйма жизненной энергии Ки, которую Фандорин раньше умел распределять поровну между частями тела или концентрировать где угодно: в кулаке для удара, в ногах для бега или прыжка, в чреслах для любви и так далее.

В первое же утро Эраст Петрович с трудом уселся в позу *дзадзэн*, закрыл глаза, привел дух в состояние Великого Покоя и устроил тотальный допрос поочередно всем отсекам организма: не там ли прячется Ки?

Тут явился Маса с клизмой, поклонился и объявил:

– Девять часов, господин. Время делать *дайбэн*.

И Великий Покой сразу улетучился, вытесненный Великой Яростью. Даже хорошо, что энергия Ки не отыскалась, иначе верный вассал получил бы увечья средней тяжести.

Но пропавшая жизненная сила не нашлась ни на второй, ни на третий, ни на десятый день. Наверное, она забралась в такие глубины естества, что оттуда ее было уже никогда не вытащить.

Тем не менее Эраст Петрович днями напролет делал упражнения, а Маса сочувственно наблюдал, рассказывая о событиях во внешнем мире.

События были совершенно невероятные.

Войска кайзера заняли почти всю Европу от Пскова до подступов к Парижу, причем стреляли по последнему из гигантской жюль-верновской пушки, плевавшейся стокилограммовыми снарядами на сто с лишним километров. «Помните церковь Сен-Жерве в квартале Марэ? – говорил Маса. – Мы еще с вами в девяносто девятом арестовали там „Маньяка с улицы Белых плащей“. Немецкая *дайхо* расшибла ее прямым попаданием, поубивала всех молящихся». Вообразить такое было трудно, но не труднее, чем высадку в Мурманске английских солдат, которые собирались воевать на русской территории с германцами и финнами. Почему-то Фандорина больше всего удивило, что финны, мирные молочники-огородники, теперь тоже воюют.

– А в проклятом городе Баку опять резня, – сообщал японец. – Раньше тюрки резали армян, теперь армяне режут тюрков. Надеюсь, зарежут и того тюрка, до которого мне теперь не добраться. А на Кубани белые добровольцы воюют с красными добровольцами. А Украина теперь отдельная страна, и там тоже все воюют.

Бывали и местные, московские новости, не менее удивительные.

В соседних домах «уплотняют» всех «бывших», говорил он, но

дворничиха Луша-сан, очень красивая и добрая женщина, теперь «председатель домкома» и в память о былой любви Масу в обиду не дает.

Продукты давно уже «дают по карточкам». Раньше давали больше, теперь совсем мало, только немножко черного хлеба. Но из-за еды беспокоиться нечего, потому что Маса нашел отличного покупателя для своей коллекции эротических картинок *сюнга* и статуэток *нэцкэ*. Очень важный человек, Райкомпродснаб-сан, платит золотыми десятками, а на них можно купить всё на «черном рынке».

По Мясницкой улице прошел «красный ход» – это как крестный ход, но с красными знаменами и вместо молитв все поют революционные песни.

В Зоологическом саду был митинг «Свобода животным!». На волю из клеток выпустили всех «угнетенных зверей» – таких, кто никого не ест. По улицам бегали олени, яки, ламы, а у одной беременной *оку-сан* произошли преждевременные роды прямо на тротуаре, потому что ей встретился на улице Пресня южноамериканский армадилл.

Эрасту Петровичу не терпелось увидеть все эти чудеса собственными глазами.

10 апреля он наконец выполнил долго не дававшуюся задачу – преодолеть гостиную за полминуты и, довольно утерев пот, объявил: «Всё, завтра выхожу в город».

Маса был к этому готов. Он соорудил средство передвижения: кресло на каучуковых колесиках.

– *Ису-самоход* к вашим услугам, господин, но для начала я просто покатаю вас по переулку.

– Нет, – твердо сказал Фандорин. – Это совсем иной мир и совсем иной я. Нам нужно привыкать друг к другу. Первые шаги я сделаю без няньки. Завтра до полудня буду делать упражнения и тренироваться. Потом отправлюсь на экскурсию. Один.

Японец тяжело вздохнул, но спорить не стал. Он знал, что так будет.

– Чтобы *ису* поехал, надо двигать вот этим рычагом взад-вперед. Взад-вперед вы ведь можете? Захотите остановиться – жмите ногой вот на эту подставку. Только не резко, иначе можете опрокинуться...

– Не бойся. Пока не научусь, не поеду.

– Я боюсь не этого, господин. – Маса угрюмо потер полуседой ежик волос. – Москва стала опасным городом. Вы его не узнаете. Вы будете чувствовать себя, будто Урасима Таро. А это плохое чувство. Да и сказка плохо кончается.

Рыбак Урасима из сказки провел несколько дней на дне океана, в

гостях у морского царя, а когда вернулся домой, оказалось, что на земле прошло несколько веков, и он не узнал родной деревни.

– Урасиме не следовало совать нос в запретную шкатулку, – беспечно ответил Фандорин, улыбаясь при мысли о том, что завтра мир расширится за пределы опостылевшей квартиры. – Я ни во что соваться не буду. Просто немножко покатаюсь.

Удивительное путешествие

Назавтра, 11 апреля, в третьем часу пополудни, укутанный в теплое пальто со смушковым воротником, но с непокрытой головой, которую следовало держать в холоде, Эраст Петрович выкатился за ворота. Маса проводил его церемонным поклоном, прочитал оберегательную сутру и трижды перекрестил.

Качая рычаг, Фандорин медленно поехал по своему Малому Успенскому (он же Сверчков) переулку до Большого Успенского, с любопытством глядя вокруг.

Он чувствовал себя не Урасимой Таро, а скорее героем уэллсовского романа «Когда спящий проснется». Мистер Грэхем очнулся после летаргии в 2100 году и не узнал старой доброй Англии, потому что в ней не осталось ничего старого, ничего доброго и очень мало английского.

Чинный, барский квартал, прежде такой опрятный, выметенный, ухоженный, выглядел как морской берег после цунами, когда волна уже отхлынула, но усеяла сушу грязью, мусором, обломками и трупами мелких животных. Прямо на тротуаре две крысы спокойно, по-хозяйски обгладывали мертвую кошку. Отличная аллегория того, что случилось с Россией, подумал Эраст Петрович: кто был ничем, тот стал всем.

Вдоль Чистопрудного бульвара дребезжал чудо-трамвай, похожий на блюдо с виноградом – так густо свисали с площадки, ступенек и даже буферов пассажиры.

Вразвалку протопал взвод солдат, винтовки у всех почему-то прикладами кверху, а говорили они между собой не по-русски. Кажется, латыши? Странно.

С бульвара Фандорин свернул на Покровку, поперек которой висели красные транспаранты с белыми размашистыми буквами. Напротив Успенской церкви, прекрасного образца нарышкинского барокко, покачивалось на ветру полотнище с предостережением: «Осторожно, товарищ! Попы тебя обманывают!»

Следующий лозунг Эраст Петрович расшифровать не смог, хоть долго его изучал: «I съезду Свобжентруда ревпривет от мужпролетариата!»

Ледяной ветер трепал седые волосы путешественника во времени, на них падали мелкие снежинки, серебрились, но не таяли. Температура была не выше нуля. С трудом подняв руку, Фандорин плотнее затянул белое кашне.

Из-за того что кресло остановилось и перестало поскрипывать, сделались слышны обрывки разговоров проходивших мимо людей.

Дама в парижском пальто и грубом деревенском платке сказала спутнику:

– Душенька, умоляю, сколько раз повторять: не говори на улице «господин хороший». Ты нас погубишь! Только «гражданин хороший».

Просеменили две старушки, одна другой азартно кричала:

– Айда в Синдикат ломовиков! Ордера на галоши дают!

Некто, по внешности явный уголовник, жаловался приятелю:

– Мне, старому каторжанину, семь квадратов жилплощади?! Контра он, и больше ничего!

Нужен переводчик, подумал Эраст Петрович. Качнул рычаг, заскрипел по щербатому тротуару дальше.

Знакомый ресторан Петрова поменял старое название на новое: «Кто работает, тот ест». На двери загадочное объявление: «Обслуживаются только члены по предъявлению». Внизу от руки приписано: «В заклад за ложки и миски драных шапок не берем». Должно быть, эти самые члены воруют ложки с мисками, поэтому при входе у них требуют головные уборы, сдедуктировал Фандорин. Однако надпись на магазине мужского платья «Париж и Вена» расшифровке не поддавалась: «Весь товар меновой. Деньги не предлагать!» Как это: в магазине – и не предлагать денег?

Во время долгого беспамьяства Эрасту Петровичу являлось множество причудливых видений, иногда очень выпуклых и ярких. Внезапно возникло подозрение, что всё это тоже галлюцинация: немосковская Москва, трамвай с виноградинами-людьми, абсурдные вывески.

Черт его знает, всё может быть. Но еще великий Мондзаэмон писал: «Жизнь – только грустный сон, увиденный во сне». А кроме того, благородный муж даже во сне не изменяет своим правилам – что если сон окажется реальностью?

Вдруг прохожие стали быстро переходить на противоположную сторону улицы. Какой-то дядька оглянулся на калеку в кресле.

– Папаша, давай откачу. Чека идет!

Навстречу шли трое в красных повязках: один с большой деревянной кобурой, двое с винтовками через плечо. Чека? А, да. Маса рассказывал. «ЧК» – это какая-то аббревиатура. Недавно учрежденная красногвардейская Охранка. Проводят обыски, аресты, реквизиции. Маса говорил, что красногвардейская полиция еще ничего, по крайней мере приходит с ордером. А есть еще какие-то «черногвардейцы», так те грабят безо всяких ордеров и, бывает, прямо на улице, среди бела дня.

– Нет-нет, благодарю, – сухо поблагодарил доброго самарянина Эраст Петрович, фраппированный «папашей». К тому же любопытно было поглядеть на представителей новой власти. Она называлась «советской» – в каком смысле, Маса не объяснил.

– Ага! Инвалид должен знать, – сказал, подходя, человек с «маузером». – На таком стульчаке далёко от дому не отъедешь. Отец, подскажи-ка, который тут дом бывший Аксельрода? У нас, вишь, постановление. – Помахал бумагой.

Сговорились они, что ли, вконец разозлился Фандорин.

– У меня, почтеннейший, детей нет.

Хотел отъехать, но красный жандарм схватился за спинку кресла.

– Ты с кем разговариваешь? А ну предъяви документ!

– Ладно тебе, Корытов. Связался с безногим, – сказал другой. – Ну его. Пойдем вон у бабки спросим.

«Маузер» обругал Эраста Петровича по матери, но руку убрал. Чекаисты, или как их там, пошли со своим постановлением дальше, а Фандорин глядел им вслед, качая головой. У него не хватало воображения представить сотрудника Охранного отделения или Жандармского корпуса матерящимися в публичном месте.

Если красногвардейцы «еще ничего», то каковы же «черногвардейцы»?

Герои Плевны

Ответа на этот вопрос долго ждать не пришлось. Пять минут спустя, доехав на своем транспортном средстве до Маросейки, исследователь революционной Москвы увидел впереди кучку людей и услышал весьма неприятный звук, никогда не оставлявший Фандорина равнодушным: захлебывающийся женский плач. Проследовать мимо, не разобравшись в причинах столь интенсивной демонстрации горя, было немыслимо.

Эраст Петрович притормозил, но из сидячего положения ему было видно только спины.

– Мишенька, отдайте моего Мишеньку! – надрывалась какая-то женщина, вернее, пожилая дама, поскольку голос был надтреснутый, а выговор бонтонный: «аддайцэ».

На случай высадки Маса снабдил инвалида тростью. Опершись на нее, Фандорин поднялся, протиснулся вперед.

На земле, обхватив голову, сидел старик в сизой шинели с алыми отворотами и брюках с генеральскими лампасами, но при этом не в сапогах и даже не в штиблетах, а в заплатанных войлочных опорках. Он зажимал рукой голову, меж пальцев обильно струилась кровь. Рядом переступала с ноги на ногу старушка в некогда приличном, но сильно обветшавшем пальто. Она была маленькая, сухонькая, в седых букольниках, и всё повторяла, беспомощно озираясь: «Отдайте, отдайте Мишеньку! Отдайте! Ну пожалуйста! Где мой Мишенька?» Дама была явно не в себе. Похожа на девочку, у которой отобрали куклу, только на очень старую девочку, подумал Фандорин морщась. Зрелище было тягостное.

Он прислушался к разговорам окружающих, пытаясь понять, что случилось.

В толпе говорили:

– Дедок сам виноват. Во-первых, нечего форсить генеральскими лампасами, не старый режим. Во-вторых, коли реквизиция – стой смирно. Могли за сопротивление и на месте шлепнуть. У «черных» это запросто.

– Мишу этого забрали, что ли? Чем генерала-то жахнули? – допытывались те, кто подошел позже. Им отвечали, картина постепенно прояснилась.

Пожилую пару остановил какой-то черногвардеец-анархист. Увидел у женщины медальон – золотой, с алмазами – и отнял. Генерал попробовал отобрать обратно – получил рукояткой пистолета по голове.

Тем временем ушибленный поднялся с земли, обнял плачущую даму, но она его отталкивала, всё крича про Мишеньку. Старик был высокий, породистый, с седой бородкой, которая когда-то, видимо, гордо именовалась «эспаньолкой», а теперь деклассировала в козлиную или даже в «мочалку».

– Господа, ради бога! – сказал бывший генерал. – Догоните его, упрсите! Это единственное, что у Поли оставалось. Я бы сам, но голова кружится, ноги не идут.

– Алмазный медальон? Отдадут они, жди. Скажи спасибо, что не грохнули, – отвечали ему.

– Не в медальоне дело! Пусть оставит себе! Там фотография нашего покойного сына и его детский локон.

– Вишь, сынишка у них помер, – пожалела старика какая-то сердобольная баба. – Мужчина, догнали бы вы лиходея этого? На что ему карточка?

– Ага, вот ты и догоняй. Мне жить не надоело, – отмахнулся тот, к кому она обращалась.

Все уже расходились, удовлетворив свое любопытство. Событие само по себе, видимо, было будничное.

Скоро около злосчастной пары остался один Эраст Петрович.

– Посадите даму, – сказал он. – Она в полубморочном состоянии.

– Да-да, благодарю.

Генерал бережно подвел жену к креслу, посадил, и та вдруг ослабела, обмякла. Немножко повсхлипывала, пошевелила губами, затихла. Сомлела или уснула.

– Что же вы так неосторожно? – спросил Фандорин. – В генеральской шинели, с лампасами. И золотой медальон на виду.

– Шинель и лампасы от нищеты. Больше нечего надеть. – Старик всё вытирал кровь платком, но она не останавливалась. – Весь остальной гардероб продали или выменяли на продукты, а это никто не берет. Что до медальона... Понимаете, Миша был наш единственный сын, очень поздний, мы уже не надеялись. У Аполлинии Львовны в нем вся жизнь заключалась. Мишу убили под Танненбергом.

– Где?

– В Восточной Пруссии, где вся гвардия полегла, помните? Миша только-только вышел в полк, и в первом же бою... С тех пор Поля стала немножко... больше чем немножко нездорова. – Генерал деликатно коснулся пальцем виска. – Вставила в медальон последнюю Мишину фотографию, положила его детский локон. Днем сидит, смотрит на снимок,

улыбаются, перебирает волосы – и тихая. Ночью не расстается, зажимает в кулаке. И давеча на улице тоже стала рассматривать. Я после обеда всегда вывожу ее подышать воздухом. А тут этот, черный. Увидел и вцепился...

Старик спохватился:

– Прошу извинить, я не назвался. Александр Ксенофонович Чернышев. Бывший профессор Николаевской инженерной академии. Вышел в отставку еще до войны, по возрасту.

Представился и Фандорин. Раскланялись.

– Позвольте взглянуть на вашу рану, граф, – сказал Эраст Петрович. – Вы ведь из графов Чернышевых?

– Имею такое несчастье. – Александр Ксенофонович грустно усмехнулся, отнимая от раны платок. – Потому и лишен хлебных карточек. Райсовет постановил титулованной аристократии не выдавать. Бывшим генералам, впрочем, тоже не полагается, так что я, как это теперь называется, «двойной лишенец». Вроде незаконнорожденного еврея, если по-старорежимному.

Фандорин осмотрел место ушиба.

– Удар сильный, но слава богу по касательной. Тут сосуды близко, потому такое кровотечение. Рассечена кожа и, конечно, сотрясение, но обойдется без швов. Только продезинфицировать и наложить повязку. Считайте, повезло.

Генерал сухо рассмеялся:

– Повезло? Знаете, в тринадцатом, когда я вышел на пенсию, мы с Полей решили отметить это событие кругосветным путешествием. В Сан-Франциско опоздали на шанхайский пароход, а он ночью на рейде наткнулся на грузовое судно и затонул со всеми пассажирами. Мы были прямо-таки поражены нашим везением. А потом я не раз думал: эх, какое было бы счастье, если б мы тогда утонули в своей чудесной каюте первого класса и ничего бы последующего не увидели...

– Послушайте, я специалист по везению. Повезло – это когда тебе достался лучший из наличествующих вариантов. Из *наличествующих*, понимаете? – строго ответил Фандорин, мысленно прибавив: например, когда в упор стреляют в затылок и ты после этого всего лишь остаешься калеккой. – Если бы «черный гвардеец», или как его, проломил вам голову, ваша супруга осталась бы на свете одна. И что с ней было бы?

– Она теперь все равно умрет. – Чернышев поежился, глядя на спящую. – Без Мишиной фотокарточки Поля не может. Не будет есть, пить. Выплачет все слезы и умрет. Но вы правы. Я должен быть с нею. Знаете, мы сорок пять лет вместе, и никогда не расставались. Она даже на

Турецкую войну за мной поехала. Была под Плевной в лазарете, сестрой милосердия.

– Под Плевной?

Фандорин попытался представить, как выглядели Чернышевы сорок лет назад, у стен турецкой твердыни. Он – молодой инженер, она – хрупкая, но, должно быть, решительная молоденькая дама.

– Вы тоже там были? – Александр Ксенофонович посмотрел на него точно таким же взглядом – взглядом товарища по давно ушедшему времени. – Господи, зачем мы до всего этого дожили?

– Вы ведь Господа спрашиваете? – пожал плечами Фандорин. – Пусть Он и отвечает... Давайте отвезем графиню домой. Вы, я полагаю, недалеко живете?

– Совсем близко, в Петроверигском переулке. Но вы сами еле ходите. Вам, должно быть, трудно стоять? Что у вас со здоровьем?

– Последствия ранения. Ничего. Если за что-нибудь держаться, могу идти.

Они вдвоем взяли за спинку кресла – Чернышев тоже стоял на ногах нетвердо. Покатили.

– Правы вы и в том, что Аполлинии Львовне в некотором роде повезло с безумием, – тихо сказал генерал. – В своем ступоре она безмятежна и, в сущности, даже счастлива. Во всяком случае, была. Но теперь начнется ад...

Поймав сочувственный взгляд прохожего, Фандорин вдруг словно увидел их троицу со стороны: два немощных старика медленно везут куда-то полумертвую старушку. Так оно и есть.

А старушка вдруг ожила. И сразу беспокойно зашарила по груди рукой.

– Мишенька, где Мишенька?

– Дома. Мы забыли его дома, – быстро ответил Чернышев и шепнул: – Я не вынесу, если она снова начнет кричать на всю улицу.

– Домой, домой! – потребовала графиня.

Генерал содрогнулся, пробормотал:

– Господи, что будет...

Только теперь Эраст Петрович сказал то, что следовало сказать с самого начала:

– Я верну вам фотографию и локон. – Поправился: – Попытаюсь вернуть.

– Да как же? Вы в каталке. И где теперь искать этого негодяя?

– Каковы его приметы?

Александр Ксенофонович растерянно стал перечислять:

– Высокий. В черном плаще с пелериной. Широкополая шляпа, тоже черная – знаете, «Гарибальди». Черная борода. Одно слово – анархист.

– Найду. С такой внешностью – найду.

У генерала увлажнились глаза.

– Я знаю, вы говорите это из жалости. Чтобы утешить. Но все равно спасибо. А если... если каким-то чудом получится... – Во взгляде вдруг блеснула надежда. – Не провожайте нас дальше. Я доведу Полю до дома. А вы поспешите! Наш адрес – Петроверигский переулок, бывший дом графа Чернышева. Домком выделил нам дворницкую. Вставай, Поленька, освободи кресло для господина Фандорина.

Эраст Петрович спорить не стал. Нужно было торопиться, пока черный Гарибальди не растворился в миллионном городе.

– Да как же вы его теперь найдете? Прошло не меньше двадцати минут! Бросьте, это невозможно! – крикнул генерал вслед катящемуся прочь креслу.

Ответа не последовало.

На самом деле выйти на след «Гарибальди» было очень возможно и даже совсем нетрудно. Субъект приметный, да еще и опасный. На такого не просто обращают внимание, а провожают взглядами.

Идти по следу было делом привычным и небесприятным.

Эраст Петрович доехал до Лубянского проезда – свидетели говорили, что грабитель направился в ту сторону.

На перекрестке, между Политехническим музеем и памятником героям Плевны, очень кстати дежурил постовой с винтовкой и красной повязкой – советский городской. Низшие полицейские чины, как бы они ни назывались и какой бы власти ни служили, устроены одинаково: грозны с теми, кто перед ними заискивает, и искательны с тем, кто разговаривает грозно.

Поэтому на мостовую Фандорин не выехал, а повелительно крикнул:

– Эй, гражданин, поди-ка сюда.

И нетерпеливо поманил пальцем.

Городовой подошел, но глядел недовольно. Инвалид в белом шарфе был не похож на начальство.

– Да шевелись ты! – поторопил его Эраст Петрович. – Как у тебя с наблюдательностью?

– Чего? – опасливо спросил парень. Он был в кепке и черном

полупальто, похож на мастерового. – Вы кто, товарищ?

– Я – Фандорин, – со значением сказал Эраст Петрович. – Ты получил приказ проявлять ревбдительность?

Тот сразу подтянулся.

– Получил. А чего такое?

– Проходил тут минут двадцать назад бородатый анархист в черном балахоне и черной шляпе?

– Был такой, – быстро ответил городской. – Наглый, собака. Поглядел на меня – плюнул. Когда только этой черной сволочи укорот дадут, товарищ Фандорин?

– Скоро. Куда он проследовал, видел?

– А как же. Вниз, – показал постовой в сторону Варварской площади.

– Молодец. Ревблагодарность тебе.

– Служу трудовому народу! – И уже в спину спросил: –...Товарищ Фандорин, а вы кто?

– Герой Плевны, – ответил Эраст Петрович, покосившись на памятник.

Вниз – это хорошо, даже отлично. Там до самой площади поворотов не было, только в Малый Спасоглинищевский переулок, да и тот оказался перекрыт баррикадой, должно быть, не разобранной еще с ноябрьских боев (Маса рассказывал, что в Москве офицеры и юнкера долго дрались с большевиками).

На углу, против Всехсвятской церкви, сыскался другой перспективный наводчик – мальчишка, продававший газеты. Названия у периодических изданий были совершенно небывалые.

– «Дезертирская правда»! – орал продавец. – Газета «Анархия»! Журнал «Бузотер»!

С этим вышло совсем просто. Фандорин помахал в воздухе десятирублевой кредиткой с лысыми, без короны, орлами (Маса выдал целую пачку), и мальчишка немедленно подбежал.

– Глаза есть? – спросил Эраст Петрович. – Проходил тут бородатый ферт в черной шляпе и черном хламидоне, с кобурой на боку?

– Ага. Сказать, куда пошел? – И цап бумажку тощей лапкой. – В «Красной розе» он. Воон там.

Показал на двухэтажный дом на углу Солянки. Раньше там был цветочный магазин, да и теперь виднелась вывеска с большой красной розой.

– Что там?

– Известно что. Заплатишь – нальют ханжи или спирту. У них там всё есть, даже лахудры в подвале. Только надо тайное слово знать. Подкинь

еще десятку – скажу слово.

Революция революцией, а жизнь идет своим чередом, в том числе жизнь подпольная, барыжная, подумал Фандорин. Где и быть вертепу, если не по соседству с Хитровкой?

Что ж, слезка получилась недолгой.

– Дашь десятку-то? – не отставал парнишка.

– Не дам.

Эраст Петрович отъехал.

– Ага, на кой тебе, дохлому, лахудры? – крикнул сзади неделикатный отрок и был прав, но грустить по сему поводу времени не было. Как раз в эту секунду из обители порока на тротуар шагнула длинная черная фигура. Человек в широкополой шляпе, плаще с пелериной (и да, кажется, с бородой) повернул за угол на Солянку и исчез.

Эраст Петрович изо всех сил налег на рычаг, разгоняясь до максимальной скорости. Это было очень хорошо, что «Гарибальди» пробыл в шалмане всего несколько минут. Значит, не успел пропить добычу. Но пришла и другая мысль, в прежние времена не возникшая бы. Догонишь грабителя, и что дальше? Здоровенный лоб, с пистолетом. Раньше Фандорин справился бы с таким в два счета, будь тот хоть с тремя пистолетами, а что теперь? Если постоит и немного подождет, а еще лучше наклонится, можно, конечно, попробовать стукнуть кулаком, в горизонтальном направлении, потому что снизу вверх не получится... А, плевать, только бы догнать!

Охваченный азартом погони, Эраст Петрович вылетел на Солянку, с разгону чуть не сверзшись с тротуара, но кое-как притормозил, развернулся.

Черная фигура была метрах в ста, полы плаща развевались на ходу. Быстро шагает. Куда-то торопится.

Опять исчез. Свернул в сторону Воспитательного дома.

Беспокоясь, не скроется ли объект в каком-нибудь дворе или подъезде, Фандорин снова разогнался, но на этот раз поворот исполнил уже ловчее. По маневренности и скорости кресло, конечно, уступало мотоциклету с коляской, на котором Эраст Петрович так лихо гонял в городе Баку, но принцип в сущности был тот же: следи за заносом и используй массу тела.

Успел в самый раз – увидел, как «Гарибальди» вновь сворачивает, теперь налево, в аллею. Куда она ведет, попытался вспомнить Фандорин. Кажется, к воротам Банковского общества? Больше там вроде бы ничего нет. Во всяком случае раньше не было...

Так и есть. Засаженная красивыми кустами аллея вела к распахнутым

воротам, за которыми виднелся двор и фронто́н с колоннами. Когда-то здесь была барская усадьба послепожарной постройки, потом контора Ассоциации российских банков. А что нынче? И где «Гарибальди»?

Вон он – взбегает по широкой лестнице. Открылась и захлопнулась дверь.

Кажется, всё. Погоня закончена.

Всё не так просто

Фандорин понял это, когда прочитал надпись на черной полотняной ленте, украшавшей ограду: «Индивидуалистско-анархистская артель СВОБОДА».

– Очень интересно, – пробормотал Эраст Петрович. – Ну, поглядим...

Из ворот деловито вышла бабка совсем не индивидуалистского и тем более не анархистского вида – замотанная в мышастый платок, с бумажным кульком под мышкой, с пузатой бутылкой в руке, очень чем-то довольная.

– Первый раз? – сказала она. – Не робей, божий человек. Ехай через двор, а после по стеночке давай, вон туда, за хлигелек. Сегодня крупу дают, постное масло. Анархия – она только на буржуев лютая, а бедным-убогим вроде нас с тобой помогает. Попросту, без карточек, не то что большевики. Многие анархию пугаются, не ходят, а зря. Люди они хорошие, ласковые, дай им бог здоровьичка.

Во дворе Фандорину бросились в глаза два пулеметных гнезда, сложенные из мешков с землей, а из кустов торчало дуло горной пушки. Ласковые? Ну-ну.

«По стеночке за хлигелек» он не поехал, подкатил прямо к парадному входу. Там сидел на ступеньке, покуривал часовой с черной лентой на папахе.

– Ишь ты, туруса на колесах, – сказал он, пялясь на необычное кресло. – Ты, дед, в артель?

– Да. Можно войти?

– У нас всё можно. Свобода.

Часовой зевнул во всю желтозубую пасть и отвернулся. Очень возможно, что он был никакой не часовой, а просто сел человек на ступеньку покурить. В пулеметных гнездах и около орудия вовсе никого не было.

С чудесным самоходом надо было расставаться. Эраст Петрович подобрал с земли черную тряпку, соорудил из нее бант, привязал к спинке. Авось идейную каталку не сопрут.

Опираясь на палку, медленно поднялся по ступеням. Тяжелую дверь открыл без труда – это было то же движение, каким он двигал рычаг.

В просторном вестибюле с потолка свисали черные флаги с лозунгами.

«Вся власть безвластию!» – прочел Фандорин. И еще: «Собственность – это кража. П.-Ж.Прудон». «Государство должно быть

разрушено. П.А.Кропоткин». «Личность – душа революции. Лев Черный» (кто такой – леший знает).

Были здесь и люди. Посередине овального помещения громко разговаривали трое: длинноволосый очкарик в студенческой шинели, матрос с пулеметной лентой вместо пояса и маленькая скрипучая девушка. «Скрипучей» Эраст Петрович ее мысленно назвал, потому что она всё время жестикулировала и каждое движение сопровождалось хрустом. Куртка на девушке была хромовая, штаны чертовой кожи, башмаки с крагами, на боку большущая кобура.

– ...Если ты мне брат, тогда отстань со своим половым вопросом! – сердито говорила она хрипловатым голосом. Из угла пухлого рта торчала дымящаяся папироса.

– Это буржуазное ханжество! – так же горячо возразил очкастый. – Половое самовыражение – неременный атрибут свободного человека. И половой вопрос у настоящего анархиста может быть только один. Неважно, кто его задает, брат или сестра. Честно спросил – получил честный ответ. «Ты меня хочешь, сестра?» «Ты меня хочешь, брат?»

Фандорин медлил, не столько заинтересованный инцестуальной тематикой, сколько прикидывая, как действовать дальше. Приглядеться к обитателям особняка тоже было полезно. Да и спор приобретал все более любопытное направление.

– А я считаю, что пока не закончится революция, половому вопросу не время! – воскликнула девушка. – И для любви не время!

Вставил свое слово и матрос:

– Насчет любви, сестренка, не скажу, а против природы не попрешь – перетькнуться по-братски бывает очень охота.

Загоготал.

– Дурак ты, Чубатый! – крикнула скрипучая.

Очкарик ей укоризненно:

– Полегче, Рысь. Правило четыре.

От непонятого замечания девушка смутилась. Виновато сказала матросу:

– Извини, брат.

Тот осторожно потрепал ее лапицей за плечо:

– Это ты меня извиняй за жеребятину.

И предмет дискуссии, и ее тон показались Фандорину удивительными, однако времени терять не следовало.

– Послушайте...товарищи, – споткнулся он на все еще непривычном обращении. – Тут пару минут назад вошел такой в черной шляпе и черном

плаще, бородатый... Мне бы с ним поговорить.

Матрос оглянулся без интереса:

– «Товарищи» у большевиков, а у нас все братья – которые не сестры. Был какой-то, прошел мимо. Кто – не видал. Кажись, туда протопал.

Махнул в сторону коридора и отвернулся – спорить дальше.

– Спасибо....брат, – поблагодарил Эраст Петрович и заковылял в указанном направлении, внимательно осматриваясь.

Он был несколько озадачен. Логово разбойной анархии выглядело не так, как ожидалось. Никаких безобразий не происходит, люди трезвые, пол не заплеванной, бутылок нигде не валяется. Странно.

С обеих сторон коридора чернели кожаные двери. Объект мог войти в любую из них, а мог пройти дальше, к видневшейся вдали лестнице. Встретить бы кого-нибудь такого же вежливого, как те трое, да спросить, что за «Гарибальди» и где его искать.

Одна из дверей открылась, вышел мужчина в одной белой рубашке, с раскрытым воротом, хотя дом был нетопленный и по коридору гулял холодный сквозняк.

Жест, которым мужчина вытер нос, был Фандорину знаком: так делает бывалый кокаинист сразу после «заправки».

Вот это по-анархистски, подумал Эраст Петрович, а то «братья», «сестры», «не время для любви». Про расстегнутую рубашку тоже понятно – от крепкого порошка кидает в жар.

– С легким нюхом! – обратился к кокаинисту Фандорин с обычным для подобной публики приветствием.

Ответ прозвучал неожиданно.

– Ба, господин драматург! – сказал звучный голос. – Как вас... Фандорин? Давненько не показывались.

Мужчина убрал руку от лица, и оно оказалось смутно знакомым. Через секунду из памяти выплыло и имя из прежней театрально-кинематографической жизни – в этой среде Эраст Петрович просуществовал три предвоенных года, до самой бакинской неприятности.

Актер Громов-Невский – вот кто это был. Дарования среднего, в первоклассные труппы его не брали – считалось, что он переигрывает, переживает с эффектами, но охотно приглашали в гастрольные антрепризы на роли героев-любовников. Был он фактурный, зычный, для провинции в самый раз.

Играя желваками (кокаин сводит челюсти), Громов крепко пожал Фандорину руку. Глаза с расширившимися зрачками светились неестественной энергией.

– Куда вы пропали?

– Был болен.

– Вижу. С палкой ходите. Постарели.

Но расспрашивать Громову было неинтересно, в таком состоянии хочется говорить самому. По правде сказать, актер тоже не помолодел. Физиономия помялась и слегка обвисла, щеки пожелтели.

– Жалко, вас не было. Как я блистал в прошлом и позапрошлом сезонах! Получал до пятисот рублей за выход. Публика сходила с ума. В шестнадцатом имел три бенефиса. Представляете, стало трудно ходить по улице – просят автограф. Сейчас тоже узнают, да театры стали не те. Антреприз нет, репертуарные ставят всякую чепуху – про Пугачевых да Парижскую коммуны. Любовь нынче не в моде.

– Я это уже слышал, – кивнул Эраст Петрович, думая, что встреча очень кстати. Кажется, Громов здесь человек свой. Наверняка знает и господина «Гарибальди». Только очень уж болтлив...

– Черт с ними, с театрами, – широко махнул рукой Громов. – Вы поглядите, какой театр вокруг! Сегодня весь мир – театр.

Эта сентенция мне тоже знакома, подумал Фандорин.

– А что вы-то делаете у анархистов?

– Я один из них. Мне здесь нравится. Какая драматургия, какая труппа, какие декорации!

– И кокаин есть?

Громов оглянулся, понизил голос.

– Это – нет. Вы уж меня не выдавайте. За наркотики и водку наш импресарио вышибает из труппы. В смысле – из артели.

– Кто вышибает?

– Артельщик. Выборный начальник. Человек – гранит, с ним шутки плохи. Сам Арон Воля, легенда анархизма. Слыхали, конечно.

Импозантное имя (или прозвище?) Фандорину ничего не говорило, но это и неудивительно. В 1918 году в России гремели имена, про которые в 1914-м никто слыхом не слыхивал. Ленина, большевистского премьер-министра, Эраст Петрович однажды, тому лет пять, мельком видел, но прочие советские министры, какие-то Тротские, Сверловы, Зержинские (и кого там еще называл Маса), взялись непонятно откуда.

Арон Воля, легенда анархизма? Хорошо бы узнать про него и про здешний контингент побольше.

– Вот что, Громов...

– Зовите меня «Невский», – поправил артист. – Эта революционная река теперь в чести. Считайте меня крейсера «Аврора».

И зашелся смехом, хотя в чем заключалась шутка и при чем тут крейсер, было непонятно.

Это у него эйфорический максимум, прикинул Фандорин. Нужно потрошить, пока не начал скисать. Кокаиновая ажитация длится не более получаса.

– Вот что, Невский, – тоже шутливо, но в то же время твердо продолжил Эраст Петрович. – Устройте-ка мне экскурсию по вашему зоопарку. Любопытно. А не то выдам вас грозному атаману.

Невский охотно согласился. Аудитория из одного человека – все равно аудитория.

– Известно ли вам, что Москва сегодня двухцветная, красно-черная, и что в городе две власти, две силы, две гвардии – большевистская и анархистская? – громогласно начал актер. – Мы свергли монархию вместе с красными, мы их пока терпим, но уже ясно, что они ненамного лучше царских сатрапов. Вместо одной диктатуры они хотят установить другую. Но у Ленина с Троцким ничего не выйдет! – Мощный кулак рубанул по воздуху. – В одной только Москве полсотни черногвардейских коммун, артелей и отрядов! «Ураган», «Авангард», «Смерч», «Лава», «Буря», «Буревестник» – и, конечно, наша «Свобода»! Большевистский Моссовет сидит на Тверской, а наш «Дом анархии» – в пяти минутах ходьбы, на Малой Дмитровке, в бывшем Купеческом собрании. Молодежь почти вся за нас! Рабочие тоже. О, как я выступал на Трехгорке! Как меня слушали, как принимали! Большевики – бухгалтеры революции, а мы ее художники! Массы пойдут за нами! Здесь, в артели «Свобода», полторы сотни братьев, и все молодец к молодцу!

Пора было повернуть оратора в конструктивное русло.

– Я давеча видел, как сюда вошел весьма колоритный тип, настоящий художник революции. В романтическом черном плаще, широкополой шляпе. Знаете его?

Невский сбился с возвышенного тона.

– Погодите-ка... Про вас рассказывали, что вы не только драматург, но еще и сыщик. – Актер хитро прищурился. – А ну выкладывайте. Расследуете какое-нибудь преступление? Это у нас запросто. Уголовников в артели полно. Вы назовите приметы того, кого ищете.

– Я же сказал: бородатый, длинный черный плащ, очень заметная шляпа. Минут пять назад прошел через вестибюль в эту сторону.

Невский почесал мясистый подбородок, хмыкнул.

– Пойдемте-ка. Покажу кое-что.

Открыл дверь в довольно большое помещение, сплошь заставленное

вешалками.

– Здесь у нас раздевалка, она же платяной склад. Пока не закончились дрова и топили, наши оставляли здесь верхнюю одежду. Да вы подойдите.

Фандорин дохромал до двери, заглянул.

Одинаковые черные плащи с пелеринами висели в ряд. Наверху, на полке для головных уборов, лежали шляпы а-ля Гарибальди.

– У коммуны портных-анархистов на Трехгорке возникла идея пошить форму для «Черной гвардии». Прислали нам в порядке братской помощи сто комплектов. Но Воля сказал, что мундир – признак принуждения. Плащи с шляпами остались тут. Кому нечего надеть – надевают. И бородатых у нас хватает. Анархисты – чего вы хотите... – Громов как-то вдруг потускнел и сдулся, будто проколотая шина. – Ладно, Фандорин, вы тут гуляйте сами. В «Храм чтения» загляните. Когда мы реквизируем особняк, Воля велел выкинуть из банковской библиотеки всю финансовую литературу, вместо нее притащили анархистскую классику... У нас тут много чего есть. Увидите...

Вяло махнул рукой, пошел прочь. Ненадолго же ему хватило дозы, подумал Эраст Петрович. Совсем снюхался «герой-любовник».

Дальше Фандорин двинулся один, опираясь на трость, а иногда и держась за стену. Через каждые двадцать-тридцать шагов приходилось делать передышку. Больше всего сил уходило на то, чтобы не злиться. Поскольку энергия Ки выдохлась, нужно приучаться жить без нее, внушал себе Эраст Петрович. Ибо сказано: «Благородный муж презирает немощь тела, а то, что не может вылечить, почитает здоровьем».

Из открытой двери доносился голос, торжественно декламировавший:

– «Главный принцип индивидуалистического анархизма – право всякой личности свободно распоряжаться собой. Это право принадлежит любому человеку по факту рождения. Человек и его право на выбор являются высшей ценностью и уважаются при любых обстоятельствах. Всякие ограничения свободы могут быть только добровольными. Вместе следует селиться тем людям, кто трактует эти добровольные ограничения одинаково. Земля достаточно велика, чтобы на ней хватило места всем общинам, придерживающимся каждая собственных правил, а кто не хочет никаких ограничений, может жить один».

Лохматый парень студенческого вида вдохновенно читал по книге, вздевая палец в особенно важных местах. Ему внимала публика, человек двадцать, – в основном молодая. Все при оружии. Трое в одинаковых черных плащах с пелеринами, причем один держал на коленях знакомую шляпу. Но лицо было безбородое, юное.

Нахмурившись, Эраст Петрович проследовал дальше. Кажется, поиск будет непростым.

– «...Вот ради какой великой цели мы устроим самую последнюю, самую великую из революций!»

За спиной у Фандорина захлопали. Кто-то звонко крикнул:

– Даешь революцию!

В большом пустом зале, пол которого был устлан матрасами, спали люди. У стены в ряд стояли винтовки. На широком подоконнике рылом во двор торчал пулемет. Должно быть, часть «артели» постоянно находится на казарменном положении, предположил Эраст Петрович. Раз спят днем, значит, ночью бодрствуют. Не такая уж тут, выходит, вольница.

Он добрел до лестницы, ведущей на второй этаж, и заколебался – подниматься или нет.

Задача представлялась чертовски трудной. Именно поэтому Фандорин отступить не стал.

Взявшись за перила, он поставил ногу на ступеньку. Перетащил непослушное тело. Еще шаг. Еще. Остановка.

Улитка, ползущая по склону Фудзи...

Стиснул зубы, преодолел еще три ступени. Немного отдохнул.

До следующей площадки оставался всего один «переход», когда Эраста Петровича окликнули.

– Эй, ты кто? Зачѐм здѐсь?

Наверху у перил стоял широкоплечий носатый мужчина, грозно сверкал черными глазами. На нем был черный плащ с пелериной, рука лежала на кобуре. Хищная физиономия до глаз заросла густой черной щетиной.

– Я свободная личность. Куда хочу, туда иду, – сказал Фандорин, приглядываясь к незнакомцу и размышляя, достаточно ли длинна щетина, чтобы свидетели назвали ее бородой? У брюнета была еще одна особая примета – довольно сильный грузинский акцент. Генерал про акцент ничего не сказал. Но, может быть, грабитель отобрал медальон молча?

Грузин ощерил острые прокуренные зубы.

– Калѐку прислалы, умныки. Ылы прикыдываешься?

Он скатился по лестнице, крепко взял Эраста Петровича за локоть.

– Сам пойдешь?

И поволок вверх. С непрошеным помощником подъем ускорился, приходилось лишь переставлять ноги.

Фандорин прикинул, не ткнуть ли грубияна в точку «мудо», но для парализующего укола пальцем требовался хороший заряд Ки, а взять его

было неоткуда. К тому же сказано: если буря гонит корабль в правильном направлении, не борись с ней, а разверни парус шире.

Артельщик Воля

Буря протащила корабль по коридору второго этажа к двери с табличкой «Приемная». Внутри действительно оказалось совершенно обычное канцелярское помещение: шкафы для бумаг, стол с телефоном, пишущая машинка.

За столом сидела девица в черной коже – та самая, которую Эраст Петрович видел в вестибюле, скрипучая. Она подняла глаза от бухгалтерского абакуса, на котором что-то высчитывала.

– Кого ты привел, Джики?

– Еще одын шпыон, – сказал грузин. – Донеслы: ходыт, смотрит.

Девица (Фандорин вспомнил, что ее называли «Рысь») наморщила вздернутый носик:

– Староват для шпиона. И не очень-то он ходит, калика перехожий.

– Э, оны хитрие. Знаю я таких инвалидов. Как запустыт – нэ догонышь. К Арону его веду.

– Валяй, – сказала девица. Откинула на счетах костяшку, что-то записала. Мотнула головой в сторону красивой лепной двери с надписью «Председатель».

Эраст Петрович насупился. Новая жизнь, в которой он оказался, была полна обид. В прежней жизни барышни так быстро интерес к нему не теряли. «Староват», «калика перехожий».

– Иды, иды, – подтолкнул его в спину восточный человек. – Артэлщик людэй насквоз видыт. Окажэшься гныда – убью.

От толчка Фандорин едва удержался на неверных ногах, распахнул дверь грудью, и уже за порогом едва успел упереться палкой в богатый ковер.

На краю огромного полированного стола, болтая облезлым сапогом, сидел некто в черном плаще, с нечесаной полуседой бородой.

Он оторвался от книги, со спокойным удивлением посмотрел на влетевшего в кабинет человека, потом на грузина.

– В чем дело, Джики?

Внешность у «артельщика» была любопытная. Широко расставленные глаза обладали странной особенностью. Их взгляд казался рассеянным, даже полусонным, но при этом в нем угадывался затаенный огонь, приглушенный, но в любое мгновение способный вспыхнуть во всю силу. Необычен был и оттенок бледной кожи, почти синеватый, словно никогда

не видевшей солнца. Редкий экземпляр, сказал себе Эраст Петрович. Заслуживает изучения.

– Я тебе говорил, Арон, большевики совсэм охамэли! Этот в открытую ходыт. Гдэ у нас пулэметы, гдэ что – всё смотрыт. Надо его чпокнуть и за ворота выкынут. Для примэра. Тогда соваться пэрэстанут!

– А с чего ты взял, что это большевистский шпион?

– За бэзопасност кто отвэчает – ты или я? – засердился Джики. – Ты свои дэла дэлай, я – свои. Говорю шпион, стало быт знаю! Дай я его чпокну!

Артельщик пожал плечами.

– Если он и большевик, значит, у него своя правда, просто другая. За это не убивают. Выстави за ворота, и дело с концом.

– Я не уйду, – сказал Эраст Петрович. – Пока не получу то, за чем пришел.

Тут хозяин кабинета посмотрел на него еще раз, уже с интересом. Отложил книгу, встал, подошел. Огоньки в желто-карих глазах засветились сильнее.

– Иди, Джики. Я с ним поговорю.

– Э-э! – закатил глаза грузин. – Всё говорым, говорым. Стрэлят пора! Рэволюцию делат! Большевики долго говорыт нэ будут!

Хлопнул дверью, вышел.

Арон Воля довольно долго, без церемоний разглядывал Фандорина.

– Интересная комбинация. Ланселот, Сенека и Спящая Красавица в одной обложке.

Последний компонент триады заставил Эраста Петровича вздрогнуть. Он холодно спросил:

– Зачем вы мне это говорите?

– Я всегда говорю что думаю. Правильно я тебя расшифровал или нет?

Пожалуй, с неудовольствием подумал Фандорин. Я и в самом деле хожу по этому чужому миру, будто сомнамбула.

– Вы хорошо разбираетесь в людях?

– Только в интересных. С неинтересными, бывает, ошибаюсь. Говори мне «ты».

– Мне не нравится эта революционная мода. В ней не простота, а грубость.

– А я и раньше так со всеми разговаривал. В семнадцать лет решил, что если собеседник один, то и буду к нему обращаться в единственном числе.

– Должно быть, у вас из-за этого возникали проблемы? –

заинтересовался Эраст Петрович.

– Конечно. Но что за жизнь без проблем? Чем она отличалась бы от смерти? Сначала меня выгнали из гимназии. За то, что обратился к инспектору на «ты». Потом тоже бывало всякое. В Иркутской пересыльной тюрьме однажды так избили, что ноги полгода почти не слушались. Хуже, чем у тебя. Тюремный врач меня не лечил, потому что его я тоже называл на «ты». Ничего. Поправился.

А ведь он говорит правду, подумал Эраст Петрович. Этот, кажется, врать не умеет.

– Что ж, у вас свои правила, у меня свои. Я говорю «ты» лишь очень близким людям. Собственно, только одному человеку.

– Наверное, жене? – презрительно покривился артельщик. – Когда человек не умеет жить один, он заводит себе костыль. Так зачем ты сюда пришел? Ты не похож на шпиона. Шпионы такими не бывают. Может быть, ты хочешь вступить в артель? Я тебя приму, ты интересный.

– Я хочу понять, кто вы такие и чего добиваетесь. О какой революции у вас тут толкуют? Революция уже произошла. Даже две революции, в феврале и в октябре.

– Нужна третья, – убежденно сказал Воля. – Настоящая. Первая революция была буржуазной – против царизма. Вторая социалистической – против буржуазии. Третья будет анархистской – против социалистов. Лишь после нашей победы Россия станет свободной. Диктатура пролетариата – все равно диктатура. – Он говорил всё увлеченней, пламя в глазах разгоралось. – Ты посмотри, как отвратительно устроен этот мир. Рождаются дети, и девять из десяти обречены на тяжкий труд, на угнетение и унижение, а десятый, вроде бы счастливцев, обречен чувствовать себя паразитом. Ни у кого нет выбора. А человек только тем и отличается от животного, что может выбирать, кем ему стать. Посмотри, как из-за этой несправедливости некрасиво человечество! Как скверно и стыдно оно живет! Посмотри на города, эти закопченные кладбища человеческих судеб!

– Без городов тоже нельзя, – возразил Фандорин, не столько вслушиваясь в смысл слов, сколько пытаясь составить представление об ораторе.

– Можно! Нужно! Людей согнали в эти загоны насильно: здесь легче заработать на кусок хлеба. Всего-то и нужно убрать посредующее звено между трудом и хлебом. Достаточно размозжить голову гидре государства, нанести удар здесь, в Москве, – и люди по всей стране сами устроят свою жизнь. Большинство захотят жить на земле, дышать чистым воздухом,

воспитывать детей на приволье. Десятки тысяч коммун самоорганизуются и будут жить своим умом, по внутреннему уговору. Как наша артель. А в городах останутся только те, кто захочет работать с машинами или заниматься наукой. И тоже самоорганизуются. Вот что такое настоящая революция!

– Вы собираетесь свергнуть советскую власть и говорите об этом не скрываясь?

– Заговоры и козни – не наш метод. Революция побеждает с открытым забралом. У нас в городе уже 26 опорных пунктов. И их становится все больше. Народ видит, что большевики жаждут только власти, а черногвардейцы живут идеей!

– Все без исключения? – спросил Эраст Петрович, чтобы понять, до какой степени этот революционный Манилов оторван от реальности.

– Нет конечно, – даже удивился Воля. – Мы в свою артель берем любого желающего, допросов не устраиваем. Потому что каждый человек априори достоин уважения и доверия. До тех пор, пока не утратит их, совершив что-то недостойное. У артели «Свобода» есть устав из десяти правил. Всякий вступающий обязывается их соблюдать.

– И что за правила?

– Первое: не жалеть жизни за свободу. Второе: относиться к братьям и сестрам с уважением. Третье: всегда и во всем им помогать. Четвертое: ссориться со своими запрещается. Пятое: драться только с врагами революции. Шестое: всё имущество общее, за исключением предметов личного употребления. Седьмое: строгий сухой закон. Восьмое: не заводить семью до полной победы революции. Девятое: исполнять боевые приказы артельщика, не считая их ограничением свободы. И последнее, десятое: если нарушил любое из правил – безропотно принимать суд своих братьев.

– А как у вас судят?

– Общим голосованием. Есть только две кары. Малая – изгнание из артели. Для этого довольно простого большинства. И высшая мера наказания – расстрел. Но тут для приговора нужно две трети. Мы караем смертью за тяжкие преступления: скажем, за убийство. Человек свободен в своих решениях и поступках, но при этом он должен нести за них полную ответственность. Вплоть до уплаты собственной жизнью. Такова наша анархистская черная правда.

– И случалось вам расстреливать своих?

– Дважды. Брат напился пьян и зарезал другого брата. И еще раз, когда один, из уголовных, изнасиловал гимназистку. Ты видел Джики, моего

помощника по боевой части. Он сам из бывших налетчиков, человек суровой судьбы. Джики приводит приговоры в исполнение, рука у него твердая.

Фандорин решился.

– Если в артели «Свобода» такие строгие законы, как бы вы поступили с братом, который ограбил беззащитную старуху?

И он рассказал артельщику о том, что случилось на Покровке.

Воля выслушал, хмурясь.

– Да, нехорошо. Старуху жалко. Но правила артели не нарушены. Реквизиция предметов роскоши у представителей эксплуататорского класса в порядке вещей. Мы меняем изъятые ценности на продовольствие, которое бесплатно раздаем нуждающимся. То, что брат ударил генерала, тоже нормально. Если враждебный элемент сопротивляется, разрешается применять силу. Не убил же он этого графа в конце концов.

– Оставьте золотой медальон себе. Отдайте несчастной матери фотокарточку и локон. Это всё, чего я хочу.

Артельщик подумал.

– Пожалуй, отдадим и медальон, раз он имеет не товарную, а сентиментальную ценность. Тогда это предмет не роскоши, а личного употребления... Как тебя зовут?

– Фандорин.

– Идем со мной, Фандорин. Медальон должен быть в хранилище, где мы держим артельную казну. Сейчас найдем. Потом отправлю с тобой когонибудь из братьев. Пусть отдаст матери и возьмет расписку.

Арон Воля стремительно направился к двери. Озадаченный Эраст Петрович, чуть помедлив, заковылял следом.

Артельщик ждал его в приемной, слушая скрипучую барышню.

Она говорила:

– ...Так что имеем недельный запас продуктов на сто сорок семь бойцов плюс излишки. Я договорилась с коммуной имени Бакунина, они нам отдали два «максима» в обмен на восемь пудов муки и ту канистру спирта, которую мы изъяли позавчера, спирт ведь нам все равно не нужен. Сверх того, для раздачи населению, остается десять пудов муки, тридцать фунтов сахара, двенадцать мешков картофеля и еще растительное масло. Раздавать?

– Конечно. Молодец, что договорилась про пулеметы. Они нам скоро понадобятся.

Воля ласково хлопнул девушку по плечу, и ее свежее личико порозовело от удовольствия.

– Идем, идем, – поторопил артельщик Фандорина и крепко взял его под руку. – Так легче идти?

– Да, спасибо, – мрачно поблагодарил Эраст Петрович, ненавидя свои ватные ноги.

– Золото сестренка, – сказал Воля в коридоре. – Даже не знаю, кто для артели ценнее – Джики или она. Между прочим, «джики» по-грузински значит «барс», а девушку зовут Рысь. Так что оба мои помощника из семейства кошачьих, что и правильно. Кошка – самый свободолюбивый зверь, недаром римляне сажали ее к ногам богини Либертас. У нас тут всё держится на Рыси, она вроде начальника штаба. Настоящая русская девочка из тех, что живут идеей. Раньше такие стреляли в губернаторов и министров, умирали в тюремных голодовках. В прошлом году Рысь записалась в женский «Батальон Смерти» и ушла на фронт. Не из так называемого патриотизма, а во имя прав женщин. Какова? – Артельщик восхищенно рассмеялся. – Получила пулю в грудь, еле выжила. И видишь – снова на переднем крае.

Коридор два раза повернул и уперся в металлическую дверь с висячим замком. Рядом находился часовой, но его винтовка лежала на полу, а сам он заканчивал рисовать углем на стене огромную голую бабу, изображенную с максимальным натурализмом.

– Ты что делаешь, Козлов?!

Парень оглянулся. Он был цыганистый, чернобородый, но не в плаще, а в солдатской шинели.

– Не видишь? Рисую. Ты сам говорил: свободный человек должен, как это, развивать в себе художественное начало. Вот, развиваю, а то скучно стоять. Хороша?

– Ничего хорошего, – сердито сказал артельщик. – Такая похабщина унижает женский пол!

Козлов обиделся.

– Вот хрен за тебя сегодня проголосую. И ребятам скажу.

– Да черт с вами, не голосуйте, – пробурчал Воля, доставая ключ. – Хоть отдохну... – Протянул руку, нащупал выключатель. – Заходи, Фандорин. Весь конфискат, который еще не выменяли на продукты, хранится здесь. Тут Рысь распоряжается. У нее во всем порядок.

В небольшой беззаконной комнате, стены которой были сплошь заняты деревянными шкафами, на длинном столе лежали аккуратно рассортированные ценности: отдельно – серебряная посуда и подсвечники, золотые монеты столбиками, портсигары, царские ордена, серьги, ожерелья, кольца. Были и медальоны, но ни одного с алмазами.

– Что, нету? Может, брат, изъятый медальон, еще не вернулся?

– Вернулся. Полчаса назад.

У Воли нижняя челюсть будто окаменела.

– По правилам всякий боец, произведший реквизицию, немедленно по возвращении должен сдавать конфискат в казну. Не сдал – значит, вор. У своих братьев украл! За это – суд. Вот что. Ты его опознаешь?

– Лица я не видел. Но знаю приметы.

– Отлично. Сейчас увидишь всех. – Главарь анархистов зло барабанил пальцами по столу. – Слыхал, что часовой про голосование говорил? У нас раз в неделю перевыборы артельщика. Такой порядок. Каждый четверг, в пять пополудни, общее собрание. Сегодня как раз четверг, и время, – он взглянул на часы, – половина пятого. Пойдешь со мной, покажешь мерзавца.

Свободный выбор

Собрание артели происходило на заднем дворе – должно быть, в здании не было помещения, способного вместить весь отряд. На асфальтовой площадке, зажатой между главным корпусом, флигелями и оградой, стояло сотни полторы людей – как сразу заметил Фандорин, почти сплошь «братьев». «Сестер» вместе с уже знакомой ему Рысью не набралось бы и десятка. Анархические дамы были не менее живописны, чем мужчины, но в данный момент они Эраста Петровича не интересовали.

Хорошо, что все собрались снаружи, на холоде. Значит, были в верхней одежде и, что особенно кстати, в головных уборах. Фандорин пересчитал гарибальдийские шляпы (двадцать семь), выбраковал тех, кто не в плаще с пелериной (получилось одиннадцать), а из этих выделил высоких и чернобородых. Осталось всего три человека.

Один – кадыкастый, с бороденкой перьями, совсем юный, но при этом ерепенистый, с вызывающе выпяченной нижней губой. Стоял руки в карманах, время от времени поплевывал.

Другой – смуглый, с быстрым взглядом, всё время переступающий с ноги на ногу, словно готовый сорваться с места. Из фартовых, ясно.

Третий, наоборот, совершенно неподвижный, физиономия каменная, почти до глаз заросшая дремучей бородой.

Любого из троих очень легко было представить в роли уличного грабителя.

Вел собрание жутковатый Барс-Джики. И понятно почему – видно было, что дикая вольница побаивается свирепого кавказца.

Оратор из Джики был никакой.

– Ну чэго, – сказал он, уперев руки в бока. – В пэрвый раз что лы? Давай, Арон. Выходы.

Вот и всё вступление.

Должно быть, Воле как действующему артельщику полагалось обратиться к собранию с предвыборной речью.

Она тоже была не слишком длинной.

Воля поднялся на крыльцо, обвел двор своим пылающим взглядом, начал негромко:

– Спасибо, что раз за разом меня переизбираете. Надоело, поди, каждую неделю слушать одно и то же. Поэтому я коротко. Про самое главное. Про нашу черную правду. Она почему называется черной?

Слушали его хорошо. Толпа отлично чувствует настоящую, неподдельную одержимость, подумал Фандорин, и заряжается, а то и заражается ею.

– ...Потому что мы человека не забеливаем и не раскрашиваем. Мы его любим черненьким. Таким, каков он есть. Я люблю вас всех. Злых, обиженных, больных сифилисом, проклятых, никому не нужных, грешных, преступных – всяких. И знаете почему? Потому что вы – здесь, в артели «Свобода», а значит, для вас свобода важнее всего. Вы такие же, как я. Вы мои братья и сестры. Как и я, вы ничего и никого не пожалеете во имя свободы. А я ничего и никого, включая самого себя, не пожалею ради вас, и вы это знаете. Всё, я кончил. Вы свободные люди, решайте.

Ему не хлопали, одобрительно не кричали, но молчание было красноречивее аплодисментов.

Вот каким должен быть вождь. Во всяком случае, в охваченной революцией России, сказал себе Эраст Петрович и вздохнул. Ничего и никого не жалеть – слишком дорогая цена. Даже за свободу.

А Воля встал рядом и спокойно, будто только что не произносил высоких слов, шепнул:

– Ну? Видишь мерзавца?

– По приметам подходят трое, – так же тихо ответил Фандорин. И объяснил, кто именно.

– Спартак, Топор, Жохов... – процедил Воля, недобро прищурившись. – Ладно. Выборы кончатся – разберемся.

Собрание тем временем продолжалось.

Когда Джики спросил, готова ли артель голосовать или еще кто хочет выступить, поднялась рука.

– Хватит с нас Арона! – крикнул какой-то в картузе. – При таком Воле никакой воли нет! Братва, даешь актера в артельщики! Невского желаем!

Громов-Невский был тут же, в плаще поверх рубашки, бледноватый, но улыбочивый. Он помахал всем рукой и шутливо поклонился, уронив на лоб пышную прядь.

– Это наш артист, – сказал Воля. – Знаменитость. Отлично выступает на митингах и вообще много сделал для пропаганды наших идей.

Эраст Петрович не уловил в этих словах ни враждебности, ни ревности.

Толпа оживилась. Кто-то засмеялся, кто-то выкрикнул:

– Давай, Невский! Скажи речь!

Актер легко поднялся по ступенькам, скинул плащ, тряхнул шевелюрой. Говорил он с эффектными паузами, отлично поставленным

баритоном.

– Дорогие братья и еще более дорогие сестры! Я тоже буду краток. В отличие от предыдущего оратора я вас всех терпеть не могу. Потому что вы уроды. Половина – бандиты, а половина – психи, вроде вашего покорного. Чем сидеть дома, чай пить, ищете приключений на свою задницу. – Аудитория засмеялась. – Но я торчу в этом шалмане по той же причине, что и вы. У них там, – Невский махнул рукой за ограду, – скучно, а у нас тут весело. Правда, могло бы быть еще веселей. Моя выборная программа включает в себя только один пункт. Даешь вместо сухого закона мокрый! Седьмое правило надо переписать: «Кто не умеет пить и от спирта или марафета превращается в свинью – того гнать в шею, а все прочие квасьте себе на здоровье». Всё, я кончил. Вы свободные люди, решайте, – очень похоже передразнил актер глуховатый голос Воли и поклонился.

Во дворе и хлопали, и смеялись.

– Они вас сейчас сместят, – сказал Фандорин с тревогой. Дело, которое, казалось, шло к концу, в этом случае осложнилось бы.

– Пускай, – равнодушно бросил Воля. – У людей свободный выбор. Хотят пьянствовать – их дело. Ничего, за неделю поймут, что так нельзя, и снова выберут меня, а сухой закон восстановят. Ты не волнуйся. Остальных правил никто не отменяет, так что вора мы все равно выявим.

Джики объявил голосование.

– Сначала подымай руки кто за Арона, – сказал он и сам первый вскинул кулак.

К удивлению Фандорина, почти вся толпа последовала примеру грузина, в том числе и Невский. Поймав взгляд Эраста Петровича, актер подмигнул. Стало ясно, что кроме всеобщего внимания и аплодисментов «герою-любовнику» ничего и не требовалось.

Благодарственную речь победитель произносить не стал.

– Кто на дежурстве – по местам! – крикнул он. – Остальным тоже далеко не отлучаться. Жохов, Топор, Спартак, через пять минут ко мне!

Лучшие из худших

– Что вы собираетесь делать? Обыскать их?

Фандорин не поспевал за угрюмым артельщиком. Тот остановился, подождал.

– Нет. Обыск унизителен. К тому же вор мог где-то припрятать добычу. Потолкую с ними. Я же говорил, я хорошо вижу людей. Да и ты, я уверен, в них разбираешься. Нарочно велел им зайти не сразу. Коротко объясню про каждого. Спартак, самый молодой, когда-то был учеником телеграфиста, но с прошлого февраля втянулся в революцию. Он к нам попал из безмотивников.

– Кто это?

– Самые крайние из анархистов. Считают, что все представители эксплуататорского класса преступники и подлежат уничтожению. Безмотивники подкладывали бомбы в вагоны первого класса, поджигали дорогие дачи, обстреливали окна богатых домов. Безо всякого мотива, отсюда и название. Спартак – парень резкий, даже жестокий. Думаю, от юношеского максимализма. Но неплохой. Во время ноябрьских боев штурмовали мы штаб милиции Временного правительства, а там – собачий питомник. Ну, пожар, псы воют, не могут выбраться. Так Спартак кинулся прямо в огонь и выволок ищейку. Рисковал. Не думаю, что это он ограбил стариков. То есть отобрать медальон мог, но утаить – непохоже.

Эраст Петрович не стал спорить, хоть повидал на своем веку самых разных «юношеских максималистов», в том числе отъявленных преступников.

– Что скажете про смуглого, дерганого?

– Топор. Видели, у него за поясом топорик на коротком топорище? Отсюда и прозвище. С этим нехитрым инструментом он управляет, как хирург со скальпелем. Хоть дверь вскрыть, хоть ногти почистить, хоть череп проломить.

– Налетчик, – кивнул Фандорин. Ремесло второго он угадал верно, да это было и нетрудно.

– Уголовный элемент, – подтвердил Воля. – У нас таких много, я говорил. Это нормально. Бандит стихийно, по зову природы, отвергает эксплуататорское общество с его законами. Такие, как Топор, были на Руси всегда. Шалили по лесам и дорогам, а при Разине и Пугачеве резали дворян. Анархия – магнит особый. Притягивает самых лучших и самых

худших. Точнее так: самых лучших из лучших и самых лучших из худших, – поправился он. – За Топора я, пожалуй, не поручусь. Сколько волка ни корми...

– Третий? Неподвижный?

– Он только с виду неподвижный, Жохов. Когда надо, он быстрый. Герой войны, полный георгиевский бант. Пластун-разведчик. Ползал через линию фронта, приволакивал «языков». В одиночку. Он вообще-то молчалив, но однажды со мной разговорился. Рассказал, что в тылу у немцев сначала, бывало, одного-двоих зарежет «для сугрева» и только потом берет живого. Этот из людей, в которых война разбудила зверя. Про него ничего сказать не могу. Субъект интересный, но совершенно непредсказуемый.

Они наконец добрались до приемной, где Рысь раскладывала по полкам в маленькой комнатке-кладовке какие-то папки.

– Поздравляю с переизбранием! – высунулась она.

– Было бы с чем, – проворчал Воля. – Сейчас ко мне трое придут. Пустишь.

– Знаю, слышала. Спартак, Топор и этот кошмарный Жохов. Не могу его видеть, бррр. От него трупом пахнет.

– Что ты врешь. Каким трупом? – удивился Воля, должно быть, не читавший Чехова. – У меня нюх хороший. Я бы уловил. В общем, ко мне их.

Не прошло минуты, в дверь постучали. Один за другим вошли подозреваемые: первым уголовный «хирург», вторым «безмотивник», последним, неторопливо, герой войны.

– Здорово, братья, – сказал Воля.

В одинаковых плащах и шляпах, с заросшими черным волосом лицами они действительно были похожи на младшего, среднего и старшего братьев.

– Чего вызвал, начальник? – спросил нетерпеливый Топор. – Дело какое? Я со вчерашнего не спал. Собирался в матрасную, подрыхнуть.

Воля молча смотрел на него своими мерцающими глазами, будто просвечивал насквозь. Потом так же неспешно оглядел остальных. Спартак не обратил на это никакого внимания, он пялился в пространство, пошмыгивая носом. Жохов выдержал пронизывающий взгляд с абсолютной невозмутимостью. Но Топору осмотр не понравился. Он задергал углом рта, в голосе зазвучала истерическая нотка:

– Ты чего глазами впился, будто дырку сверлишь? Говори чего надо!

Артельщик тихо спросил:

- Кто-нибудь из вас сегодня реквизицию делал?
 - Я – нет, – быстро ответил Топор. – А чё такое?
 - А? – не сразу услышал молодой. – Нет... Я по своим делам ходил.
- Жохов отрицательно качнул головой.

Воля стал совсем мрачен. Должно быть, все же надеялся, что медальон сдадут.

– ...Чтоб больше никаких реквизиций. Начинается горячее время. Будет сшибка с большевиками.

Жохов кивнул.

Топор сказал:

– Пустим краснюкам краснянку, давно пора.

– А? – переспросил Спартак.

– С завтрашнего дня перевожу всю артель на боевое положение. А вас троих прошу заступить на боевое дежурство прямо сейчас. Вы, братья, мне нужны. Топор, поручаю тебе проверку караулов. Чтоб глядели в оба. А то разболтались, ворон считают. Пулеметные гнезда во дворе пустые. Часовой, вместо того чтоб казну охранять, бабу на стене рисует.

– Понял, – кивнул бывший налетчик. – Будут стоять, как на шухере.

– Спартак, ты давай на телеграфный пункт. Не забыл, чему учился? Мы в штабе, на совещании командиров, договорились телефонной связью для секретных разговоров больше не пользоваться. Коммутатор занят большевиками, подслушивают.

– Я не могу, – насупился Спартак. – Сегодня никак. Дело у меня.

– Какое еще дело?

Покраснел.

– Личное...

– Личные дела после победы революции! – вскипел Воля. – Марш на телеграфный пункт! Девятое правило помнишь?

Тот с несчастным видом кивнул.

– Теперь ты, Жохов. Рысь выменяла два новых «максима». Проверь состояние. Если что не так – исправь. Тебе одному доверяю, ты на все руки мастер.

Молчун наклонил голову и впервые разомкнул уста. Сипло спросил:

– Всё, что ли? Тогда я пошел.

За ним последовали остальные.

– Который, по-твоему? – спросил Воля.

– Любой. В том числе и мальчишка. Для себя он золотую безделушку не взял бы, но ведь он влюблен. Я этот отсутствующий взгляд хорошо знаю. Может быть, у него есть какая-то Клеопатра, которая требует дорогих

подарков.

Артельщик вздохнул.

– Да. Я всё время забываю про этот фактор. Ладно. Дальше мы сделаем вот что...

Дверь распахнулась. В кабинет ворвался Джики.

– На чердаке соседнего дома латишсы ставят пулэмёт! – возбужденно объявил он. – Что дэлат, Арон? – И сам ответил: – Пэрэстрэлят к эдрёне матэри! Пуст знают, как с нами шутки шутыт!

– Спокойно, Джики, спокойно. – Воля взял грузина за плечи. – Остынь. Стрелять в большевиков рано. Возьми ребят, поднимитесь на чердак. Латышей вежливо выпроводить. Пулемет реквизируют. Пусть передадут от Арона Воли привет товарищу Дзержинскому и благодарность за помощь оружием. Понял? Веж-ли-во.

Кавказец ухмыльнулся.

– Почему не понял? Вежливо. Пулэмёт на месте оставляю. Только с нашим расчётом.

– Вот это правильно. Иди.

Они снова остались вдвоем.

– Вы начали говорить о том, что собираетесь сделать дальше, – напомнил Эраст Петрович.

– Не я, а мы... – Воля стоял спиной к двери, сосредоточенно потирая переносицу. – Может быть, эта поганая история даже к лучшему. Со дня на день будет решающее столкновение черной правды с красной. Суд над вором встряхнет братьев. И прогнать подлеца будет мало. Потребую высшей меры. Надо подтянуть революционную дисциплину перед большими событиями.

– Как же вы определите, который из них вор? – спросил Фандорин, не особенно веря в дедуктивные способности анархического вождя.

– Очень просто. Мы сейчас сходим к твоему графу и попросим его описать внешность грабителя поподробнее. Только и всего. Ты ведь адрес знаешь?

– Да. Это в десяти минутах. Петроверигский переулок. Бывший дом Чернышевых. Они живут в дворницкой.

Оказывается, Воля не так уж прост. Дал подозреваемым такие поручения, чтоб никуда не отлучались, – фактически поместил под домашний арест. И скоро, не позднее, чем через полчаса, виновный будет изобличен.

– Пойдем, – сказал Воля, надевая шляпу.

– Кто пойдет, а кто поедет, – вздохнул Эраст Петрович.

Причуды везения

Каталку, защищенную черным бантом, никто не тронул. Уставший от ходьбы Фандорин с облегчением опустился в кресло, взялся за рычаг.

Поехали.

– Послушайте, – искоса посмотрел Эраст Петрович на спутника. – Вы же человек умный, немолодой, много повидавший. Неужели вы во всё это верите?

– Во что «в это»?

– В вашу черную правду. Что люди, какие они есть, способны «самоорганизоваться»? Что наша огромная неграмотная страна, где каждый живет по принципу «своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю», превратится в братство анархических коммун?

– «Своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю» – это правильные, врожденные инстинкты, – спокойно ответил Воля. – В этом вся суть анархизма-индивидуализма. Всякого рода «государственники», включая большевиков, ненавидят человеческую природу, насилуют ее. Заставляют людей жить ради каких-то выдуманных идеалов, будь то Третий Рим, «вера-царь-отечество» или диктатура пролетариата. А человеку всё это ни к чему. Он хочет жить собою и близкими, помогать тем, кого знает и любит, работать на себя, а не на дядю. Это и называется свободой. И это никакая не утопия. У нас страна на девять десятых состоит из крестьян, а они все природные анархисты. Им не нужна никакая власть. Они сами умеют наводить у себя в общине порядок, защищаться от чужих. Чтобы менять зерно и мясо на промышленные изделия, государственная машина ни к чему. Рабочий с крестьянином отлично между собой сторгуются. Я в шестнадцатом году сидел в камере с одним украинцем. Совсем простой парень. Нестор Махно его звали. Мы с ним много про это говорили. А сейчас он пишет мне с Украины. Они там у себя в уезде создали крестьянскую коммуну и живут по анархистской правде. Отлично получается – безо всякой полиции, без чиновников, без денег. Вот как родится новый мир. Если, конечно, мы тут в Москве не оплошаем. Большевики – противник сильный...

Слушая эти рассуждения, Фандорин то и дело оглядывался. Наконец перебил:

– За нами слежка. Притом плотная. Идут от самых ворот, сразу трое. Пытаются быть незаметными, но работают топорно.

– Агенты Чрезвычайки, – без интереса объяснил Воля. – Они в последнее время очень активизировались. Когда я выхожу, всегда увязываются. Хотят знать, где был, что делал, с кем встречался. Я же говорю: большевизм не лучше самодержавия, без тайной полиции никуда. Не обращай внимания. Тронуть меня у них кишка тонка. Такое начнется!

И даже не обернулся.

В густеющих сумерках они медленно поднимались по наклонному Космодамианскому переулку, до чернышевского дома оставалось повернуть только за угол. С фандоринской скоростью дорога заняла вместо десяти минут все двадцать.

– Вон тот желтый особняк, – показал Фандорин. – Эй, любезный, где тут дворницкая? – окликнул он сильно нетрезвого мужичка, выбредшего из подворотни.

Пролетарий посмотрел недобро.

– Любезным всем кишки повыпускали... – перевел взгляд на Волю в его черном плаще, с «маузером» на ремне и перепугался. – Дворницкая? А это во дворе, направо. Там ступенечки крутые, не оступитесь.

Ступеньки в полуподвал действительно были крутоваты. Эраст Петрович поглядел на них с сомнением – черта с два спустишься.

– Подожди здесь. Сам поговорю. Двухминутное дело, – сказал Воля.

Сбежал по лестнице, толкнул дверь, вошел.

– Эй, хозяин! – донеслось снизу.

И надолго установилась тишина. Прошло не две минуты, а пять, потом десять. Пятнадцать.

У Фандорина начали приподниматься брови. Он крикнул:

– Господин Воля! Почему так долго?

Никакого ответа.

Все-таки придется спускаться.

Поднявшись с кресла, Эраст Петрович взялся за стену и уперся палкой в ступеньку, примериваясь, как поставить ногу. Энергия Ки, подлая предательница, злорадно наблюдала за этими титаническими усилиями.

– *Тикусё!* – выругался Фандорин по-японски, чтоб ей было понятней.

Он был на третьей ступени и оставалось еще четыре, когда дверь открылась. Внизу стоял Воля. Его лицо странно дрожало.

– Старик и старуха мертвы. Убиты. Там всюду кровь. Совсем свежая. Еще течет... То есть текла, когда вошел. Теперь уже перестала... Я простоял, не знаю сколько...

– Для революционера вы слишком впечатлительны, – зло сказал Эраст Петрович. – Подвиньтесь. Дайте пройти.

Он преодолел вторую половину лестницы короткими, неуклюжими скачками, больше полагаясь на палку, чем на ноги. Оттолкнул анархиста, вошел в крошечную полутемную квартирку.

Александр Ксенофонтович и Аполлинария Львовна лежали на полу, навзничь. Генерал прикрывал жену рукой, будто защищая.

Оба убиты металлическим предметом, вероятнее всего, кастетом, по профессиональной привычке отметил Фандорин, с трудом опускаясь на корточки. Он – ударом в лоб, она – в висок. Бил человек немалой физической силы. У генерала на лице застыло выражение испуга. Догадывался, что сейчас произойдет. Скорее всего, узнал убийцу. У старухи, наоборот, черты были мирные, расслабленные. Наверное, так Аполлинария Львовна выглядела, пока не лишилась рассудка. И да, убийство произошло совсем недавно. Не более двадцати минут назад. Из этого следует, что...

– Наш разговор в кабинете был подслушан, – глухо сказал Воля. – Вы ведь назвали адрес. Мерзавец понял, что его неминуемо разоблачат, и побежал сюда. И пока мы добирались, убрал концы в воду.

А Фандорин, закончив осмотр, позволил себе думать о несущественном.

Что карточку и локон возвращать больше не нужно. Эти предметы теперь не имеют ценности ни для кого на свете. И что графу с графиней, в сущности, повезло. Они жили долго, и хоть не всегда счастливо, но умерли в один день и даже почти в одно мгновение. Оказывается, удача бывает и такой...

– Этого не может быть, – продолжал артельщик вычислять то, что Эрасту Петровичу было уже ясно. – За дверью всё время была Рысь. Подслушивать посторонним она не позволила бы... Рысь? Но как?! Почему?!

Он развернулся и выбежал из подвала, забыв о Фандорине.

Конец расследования

На четырех колесиках Эраст Петрович катился довольно резво, достигнув в своем инвалидном лихачестве изрядного мастерства, однако в артели, по коридорам и лестнице ковылял по-черепашьи, так что на увертюру опоздал.

Из приемной слышался громкий голос Воли.

– ...Отвечай! Кому из них ты проболталась? Топору? Жохову? Спартаку? Которому? Ну что ты изображаешь оскорбленную невинность? Кроме тебя никто подслушать не мог. А теперь убиты два человека. Их кровь на тебе! Что ты молчишь?! Как ты могла?!

Фандорин открыл дверь.

Артельщик нависал над своей помощницей, тряс кулаком перед ее носом. Рысь стояла перед ним бледная, закусив нижнюю губу, глядела снизу вверх мокрыми глазами. Яростно вытерла слезу.

– Это ты! – закричала и она. – Как можешь ты? Мне! Такое! – Захлебнулась. – Ничего я не подслушивала! Эх, ты...

Резко отвернулась.

Воля схватил ее за тонкие плечи, развернул обратно.

– Чудес не бывает. Мы с Фандориным говорили один на один. Стояли близко от двери. Допустим, ты нарочно не подслушивала, но ты не могла не слышать. Был назван адрес. И убийца явился туда раньше нас. Как ты это объяснишь?

– Ничего я тебе объяснять не буду... Думай что хочешь.

Девушка упрямо опустила голову. Ее подбородок дрожал.

Эраст Петрович решил, что пора вмешаться.

– Сударыня, – сказал он, приблизившись. – Вы хотите сказать, что вас здесь не было?

Она молча кивнула.

– Куда же ты выходила? – спросил Воля. Он тяжело дышал.

– Никуда я не выходила, – буркнула Рысь. – Ничего я тебе объяснять не буду.

Не была в приемной, но никуда не выходила? Фандорин посмотрел вокруг.

– Вы были вон там?

Он показал на приоткрытую дверь кладовки, где находились полки с папками.

Рысь опять кивнула.

– Но если кто-то вошел в приемную, вы не могли этого не знать. Скрипнула бы дверь, слышались бы шаги. Был кто-нибудь?

Снова кивнула. Плечи затряслись.

– Ты видела, кто это? – закричал Воля.

Мотнула головой.

– Трудно поверить, сударыня, что вы не выглянули посмотреть, кто пришел, – мягко сказал Фандорин. – Это на вас не похоже.

– Я на стуле стояла. Список личного состава доставала с верхней полки. Этот, – Рысь враждебно ткнула пальцем на артельщика, – велел проверить и доложить убыль-прибыль. Но я его окликнула, и он ответил.

– Кого окликнули? Вошедшего?

– Да. Эй, говорю, кто там. Погоди минуту, сейчас выйду. А он мне: не торопись, сестренка. Пожду.

– Кто это был?! – взвился Воля. – Ты поняла по голосу?!

Девушка не удостоила его ответом.

– Кто это был? – повторил вопрос Эраст Петрович, и ему она сказала:

– Жохов.

– Вы уверены?

– У него голос – не спутаешь. Сиплый. Он и назвался. «Я это, Жохов». Но не дождался. Я когда вернулась, его уже не было...

Фандорин и Воля молча переглянулись.

– Как ты мог, как ты мог про меня такое подумать? – горько обратилась к артельщику Рысь. – Что я подслушала и кому-то наболтала? Это я-то?

– А что я должен был подумать? – проямлил Воля. – И почему ты сразу не сказала, что это Жохов?

– Ты так накинулся! Уже заранее решил, что я виновата! Никогда тебе не прощу! Я ради него... Я ради тебя...

И не удержалась, расплакалась по-настоящему.

– Ну чего ты, чего ты. – Артельщик неловко погладил ее по плечу. – В самом деле, нехорошо получилось...

Фандорин бесцеремонно вмешался в это трогательное объяснение:

– Господин Воля, давайте-ка лучше займемся убийцей.

– Ищи его теперь. Поди, уж и след простыл.

– Не думаю. Зачем тогда было убирать свидетелей? Нет, он где-то здесь.

Отправились на поиски. Всех, кто попадался на пути, Воля спрашивал, не видели ли они Жохова.

– Он внизу был, – сказал пятый или шестой из встреченных. – С артистом, с Невским балакал.

Пошли вниз. На лестнице Воля нетерпеливо тянул медлительного спутника за локоть.

– Эй, Невский! – крикнул он, выпуская фандоринскую руку и сбегая вниз. – Давай сюда!

Актер подошел, с любопытством поглядывая на Эраста Петровича. Ухмыльнулся:

– Я гляжу, вы стали неразлучны. Как Дон Кихот... с еще одним Дон Кихотом.

– Где Жохов? Ты с ним разговаривал. Давно расстались?

– Минут пять. Может, десять. Он сказал, что пойдет, сдаст в казну какой-то конфискат. А что?

– В казну?

Воля кинулся обратно по лестнице, на второй этаж. Развернулся и Фандорин. Он изобрел новый способ подъема. Трость просунул в пуговичную петлю, чтобы освободить руку. Брался за перила, рывком переставлял сразу обе ноги, перекидывал руки выше, опять прыгал. Так получалось быстрее.

Невский шел рядом.

– Что это с нашим Бакуниным? Никогда его таким не видел.

Ответить Эраст Петрович не мог, его зубы были стиснуты.

По длинному коридору он двинулся вскачь: одной рукой обхватил Невского за плечо, другой опирался на палку.

Завернули за угол.

Воля стоял, схватившись за голову. На полу, под нарисованной бабой, в луже крови лежал человек. Это был давешний часовой, Козлов. Точно такой же удар в висок, как в Петроверигском переулке, еще издали определил Фандорин.

Дверь была приоткрыта, в стороне валялся сбитый замок.

– О, что за бойня здесь! – продекламировал актер слова принца Фортинбраса и, оставив инвалида, побежал вперед. – Никак нас грабанули? Экспроприировали экспроприаторов? Ловко!

Они вошли в казну втроем. Серебряная посуда и прочие громоздкие вещи остались на месте, но мелкие ювелирные изделия исчезли.

Белый от ярости Воля выдернул из футляра «маузер» и стал палить в потолок.

Через минуту комната и коридор наполнились сбежавшимися на

выстрелы людьми. Вперед протиснулся Джики.

– Оцепление по всему периметру, – приказал артельщик. – Ищем Жохова.

Все разом загудели: «Жохов, где Жохов, кто видел Жохова?»

– Жохов на задний двор выходил, – сказал кто-то.

Всей толпой побежали туда.

Во дворе, где проходило собрание, было темно и пусто. Асфальт с канализационным люком посередине, железные прутья ограды – и больше ничего.

– Ушел, сволоч! – обернулся к артельщику Джики. – Пэрэлэз и ушел. Тепэр не найдешь.

Пока все шумели, обсуждая случившееся, Эраст Петрович прошелся по двору, постоял у ограды, потом присел на корточки у железной крышки колодца.

Вернулся.

– Прикажите обыскать этого человека, – сказал он артельщику, показывая на актера. – Вы сами себя выдали, Невский. Мы знаем только с ваших слов, что Жохов собирался идти в казну. Зачем бы он стал вам про это говорить, если собирался совершить ограбление?

Стало тихо.

– Вы рехнулись, калека? – ошеломленно произнес Невский. – Арон, это провокатор. Хочет, чтобы мы перегрызлись между собой. Ты знаешь, чем он при царе занимался? Он сыщик, полицейская ищейка!

– Э, пагады, – повернулся к нему Джики. – Ты мне говорил – он большевистская ищейка.

Невский открыл рот – и ничего не сказал.

– Это страшное обвинение. – Воля глядел Фандорину в глаза. – У тебя есть доказательства?

– Общайте его – найдутся.

– Это мой брат. Я не стану унижать его обыском без достаточных оснований.

– Основание там, – показал Эраст Петрович на канализационный люк. – Труп Жохова. Я видел на асфальте несколько капель крови. Уверен, что метод убийства окажется тот же – удар кастетом. Господин Джики, приглядите за господином Невским, чтоб не сбежал.

Воля кивнул грузину. Тот полуобнял артиста за талию.

– Если Жохова там нэту, я инвалида самого в колодэц спущу. Обэцаю, – успокоил он Невского.

Актера эти слова, однако, не успокоили. Он облизнул сухие губы,

оглянулся. Сзади плотно стояли анархисты.

– Есть! Лежит внизу кто-то! – закричали с середины двора, светя фонарем в люк.

– Обыскать! – приказал артельщик.

Из карманов Невского достали золотые броши, серьги, несколько колец с камнями. Кастет. Накладную бороду.

– Гадина, – сказал Воля. – Судить будем прямо здесь и сейчас. Нашим братским судом.

Братский суд

Не уверенный в сообразительности «присяжных», Эраст Петрович повторил основные тезисы своей обвинительной речи еще раз, теперь коротко:

– Невский – наркоман, тяжелый кокаинист. Это раз. Цены на порошок заоблачные, из-за этого Невский и пристал к артели «Свобода» – чтобы, прикрываясь «черной правдой», безнаказанно грабить обывателей. Это два. Поскольку его лицо известно многим москвичам, он прицеплял фальшивую бороду – вероятно, взял в театральной гримерке. Это три. Медальон, отобранный у стариков Чернышевых, Невский сразу отнес в кабак «Красная роза» и поменял на марафет. Это четыре. Я имел неосторожность рассказать ему, кого я ищу, описав приметы. Зная мое прошлое, Невский сразу догадался, что я иду по следу. Это пять. Он попытался избавиться от меня, наврав Джики, что я красный шпион. Потом, на собрании, увидел, что я стою рядом с Волей и что тот вызывает к себе трех человек, соответствующих приметам. Это шесть. Невский забеспокоился, пошел выяснять. Ему повезло, что Рыси не было на месте. Он актер, он легко подделал голос Жохова. Подслушал, что мы с Волей собираемся в Петроверигский переулок, и понял, чем это ему грозит. Это семь. Опередив нас, убрал обоих свидетелей, не пожалев даже сумасшедшую старуху. Это восемь. Потом решил убить двух зайцев: ограбить артельную казну и свалить вину на Жохова...

Эраст Петрович посмотрел на председателя суда – Арона Волю. Подытожил:

– Мотивы преступления очевидны, цепочка событий полностью восстановлена, вещественные улики налицо.

Артельщик обратился к присяжным:

– Понятно?

– Чего тут непонятного? Сволочь он! В расход его! – многоголосо откликнулся двор. Он был заполнен белыми и черными лицами – в зависимости от того, как падал свет из окон. Электричество горело во всех помещениях, чтобы осветить площадку. Присяжными были все бойцы отряда.

– Слово для защиты обвиняемому, – объявил председатель. – Брат Невский, если тебе есть что сказать – говори.

Актер, выслушавший обвинение, сидя на ступеньке крыльца,

поднялся. Картинно запахнул плащ, должно быть, воображая себя на сцене, перед полным залом.

– Вы думаете, вы анархисты? – загремел красивый, мощный голос. – Вы думаете, он анархист? – Перст эффектно показал на Волю. – Нет, вы мещане и обыватели. А унылый зануда, которого вы раз за разом сажаете себе на шею, – вдвойне. Он нес вам чепуху про черную правду, а вы, раззявя рты, слушали. Я вам объясню, что такое настоящая черная правда. Она – как черная, беззвездная ночь. Она – как космос! – Палец торжественно ткнул в небо. Оно действительно было беспросветно черным. – Правда в настоящей свободе! А настоящая свобода – это не свобода от государства и не свобода от общества, это внутренняя свобода! Ты сам решаешь, на что у тебя есть право, а на что нет. Сам, а не под гнетом придуманной кем-то морали. Худший вид рабства – рабство моральное, кандалы чужих представлений о добре и зле! К черту мораль! К черту кастрата Арона! Братва, давайте жить по-другому. Широко, весело, в полную грудь! Это будет такая лафа, после которой умирать не страшно! На кой вам меня судить? Я один из вас, я такой же, как вы! Я и есть черная правда! Выбирайте меня – нет, не артельщиком, мы ведь с вами не бурлаки и не плотники – выбирайте меня своим атаманом! Обещаю: скучно со мной не будет. Кто «за» – подымай руки!

Эхо пометалось между стен главного здания и флигелей, стихло. Собрание гудело. Страстная речь произвела впечатление.

– Я не держусь за свое место! – Воля перекричал шум. – Хотите меня переизбрать – валяйте. Хоть прямо сейчас! Ждать неделю незачем. Но всё по порядку. Сначала голосуем приговор. Если обвиняемый будет оправдан, тогда перейдем к выборам. Согласны?

Артель одобрительно зашумела.

– Хочу сказать только одно. Анархисту мораль нужнее, чем кому бы то ни было. Без твердых правил, без власти над самим собой, человек превращается в скотину. Теперь голосуем. Кто считает, что брат Невский виновен, поднимите руки. И помните, что ответ за такое преступление – смерть. Для приговора нужно две трети голосов.

К удивлению Фандорина, рук поднялось столько, что считать их не понадобилось. Все или почти все были за высшую меру наказания. Стало быть, черную правду они понимали иначе, чем Невский.

Актер снова вскочил и голосом покинутого всеми Лира возопил:

– Братья, опомнитесь! Вы анархисты или вы овцы? Братья!

Джики с размаху влепил ему оплеуху.

– Закрой паст! Ты нам болше нэ брат! Иды! В подвале тэбя кончу.

Схватил осужденного за ворот, уволок в дом.

Воля замахал рукой, призывая к тишине.

– Тихо, братья и сестры! Тихо! Суд окончен, но у меня важное объявление. Артель переходит на боевой режим. Отлучки и увольнительные отменяются. Десятники, соберите своих людей. Проверьте оружие. Рысь скажет, кому где расположиться. Приближается час третьей революции! Мы скинули царя, скинули Временное правительство, теперь скинем и диктатуру большевиков! Завтра «Дом анархии» станет штабом черной революции! Мы расколотим вдребезги звериную клетку государства! Мы выпустим народ на свободу! Даешь свободу!

– Даешь свободу! – заорали полторы сотни глоток.

И тут ночь взорвалась бешеным речитативом: да-да-да-да-да! Окна второго этажа полопались, вниз посыпались стеклянные осколки, со стен полетела штукатурка. Поверх голов собравшихся ударила длинная пулеметная очередь.

Потом наступила звонкая тишина, но длилась она недолго.

Зычный голос, усиленный рупором, крикнул из темноты, с той стороны ограды:

– Граждане анархисты! Вы окружены со всех сторон! Здесь батальон Красной гвардии с двенадцатью пулеметами! От имени Советской власти предлагаю сдать! Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией нынче ночью разоружает Черную гвардию по всей Москве! Слышите?

Издали, с разных направлений, донеслись звуки пальбы. Где-то бухнула пушка, потом еще раз.

– Всех сложивших оружие мы отпустим! Но кто окажет сопротивление, будет уничтожен. Пять минут на размышление. Потом пеняйте на себя! Повторяю: пять минут...

Она нашлась!

Голос еще не умолк, когда Воля яростно закричал:

– Все по местам!!! Занять оборону!!!

Двор пришел в движение. Кто-то побежал к центральному крыльцу, кто-то кинулся к флигелям. Должно быть, в отряде существовала какая-то диспозиция на случай внезапного нападения.

Но красные пяти минут ждать не стали. Теперь пулемет открыл огонь прямо по толпе.

Эраст Петрович увидел, как валятся люди, истошно вопят, прижимаются к стенам.

Исход боя сомнений не вызывал. Анархистов застали врасплох, они были обречены.

В такой ситуации главное – не терять головы. Особенно если нет надежды на ноги. Поэтому Фандорин сначала прикинул, как работает пулеметчик (зигзагами слева направо, потом в обратном направлении). Когда дорожка пуль стала удаляться, Эраст Петрович небыстро поднялся по ступеням, перешагивая через трупы, и скрылся в доме.

Внутри тоже было неуютно. По зданию лупили со всех сторон. Всё трещало, грохотало и тряслось. Некоторые пули, пробив окна и двери, рикошетили по коридорам.

Из дома начали отстреливаться, но редко и недружно.

Пулеметы вдруг стихли. Тот же голос, приглушенный расстоянием, крикнул:

– Последнее предупреждение! Выходь с поднятыми руками, вашу мать! Не то всех положим, до последнего гада!

– Огонь, огонь! – закричал где-то, кажется, на втором этаже, Воля.

Стрельба возобновилась.

Надо как-то из этой кислой ситуации выбираться, размышлял Фандорин, пересекая открытые куски со всей доступной скоростью, а в более или менее защищенных местах замедляя ход. Красные воюют с черными, и это ради бога, *аку ва аку-о куу*, одно зло пожирает другое, но что тут делать благородному мужу, покинутому энергией Ки? Оставалась, правда, умственная энергия Тиноо. Она дала единственно верный совет: удалиться туда, куда не залетают пули, и подождать, когда закончится эта Сэкигахара. Долго она не продлится. Черноговардейцы пуляли из окон вслепую, в ночь как в копеечку, зато сама артель сияла огнями и

представляла собой отличную мишень. Выключить электричество никто в суматохе не сообразил. Там и сям на полу валялись тела. Около одного Фандорин, нахмурившись, остановился.

Это был Джики. Рубашка на груди разорвана, кобура пуста. Голова вывернута набок, на затылке багровеет вертикальная вмятина. Кто-то схватил кавказца за горло и расколотил череп об угол. Нетрудно догадаться кто. Должно быть, при звуке выстрелов грузин отвлекся, и приговоренный не упустил такого шанса...

Не то ампула себе выбрал господин Невский, мрачно подумал Эраст Петрович. Ему бы не героев-любовников исполнять, а хуаляней, трюкачей из китайского театра. Впрочем, деться из насквозь простреливаемого дома хуаляню все равно некуда. Свои увидят – пристрелят, красные тоже не пощадят. Акума с ним, предоставим ловкача собственной карме.

Наверху было людно. Основная часть бойцов собралась здесь, отступив с первого этажа. Судя по стрельбе и крикам, красные уже проникли туда, причем сразу в нескольких местах.

Воля переходил из комнаты в комнату, говорил стрелкам:

– Прощайте, братья! Помните: лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Прощайте... Помните... Прощайте... Помните...

В своем длинном плаще, с полуседой бородой он был похож на призрак отца Гамлета. И говорит то же самое, подумал Эраст Петрович: «Прощай и помни обо мне...»

За долговязым, тощим Волей преданно следовала маленькая Рысь.

– Пригнись, Арон, пригнись! – повторяла она, когда он проходил мимо очередного окна.

– Он такой неосторожный, он совсем не бережется, – сказал она, поймав взгляд Фандорина. – Знаете, я всегда об этом мечтала. Что мы с ним будем вместе до конца.

– Вы его любите, – удивился Эраст Петрович (вообще-то можно было сдедуктировать и раньше).

Девушка просто ответила:

– Люблю.

– Погодите, но вы же говорили: сейчас не время для любви?

Это прозвучало еще глупей.

– Я ему нужна. Он сам этого не знает, но я ему очень нужна. Он без меня пропадет, – ответила Рысь, как будто оправдываясь.

В женской психологии Фандорин разбирался, может быть, не очень хорошо, зато мужчин понимал отлично. Но он не стал говорить девочке, что людям вроде Воли никто не нужен. Это вечные одиночки.

Эраст Петрович зачем-то продолжал идти за артельщиком и его спутницей. Может быть, потому что они двигались медленно, и он со своей палкой не отставал. Пуля пробила дверную филенку, осыпав его и Рысь щепками. Девушка рассеянно вытерла щеку.

– Знаете, сколько Арону лет?

– Полагаю, за пятьдесят.

– Тридцать семь. Из них семнадцать он провел в тюрьме, ссылке и на каторге, а там старятся вдвое быстрее. Представляете? Он самый свободный человек на свете, а его половину жизни продержали в клетке.

Огонь по зданию вдруг прекратился.

– Сдавайся, анархия! – Теперь трубный глас вещал откуда-то снизу. – Вам амба! Первый этаж наш! Нам нужен только Арон Воля! Остальных не тронем!

На втором этаже в ответ закричали – разное. Где-то: «Шиша выкуси!», а где-то: «Сдаемся, сдаемся, не стреляйте!»

Воля обернулся к Рыси.

– Принуждать никого не стану. Дело каждого. Кто хочет жить на коленях – пусть живет. Но меня они в клетку больше не посадят. Я наверх, на чердак. Буду стрелять, пока есть патроны!

Выдернул из футляра «маузер», побежал к лестнице.

– Я с тобой! – бросилась за ним Рысь.

В комнатах наперебой спорили уцелевшие – драться или нет. Никто не стрелял.

– Эй, погодите!

Эраст Петрович тоже направился к лестнице, но теперь те двое двигались быстро, не угнаться.

Шагая через две ступеньки, Воля поднялся до площадки между этажами, оглянулся на поспевавшую следом Рысь.

– Пойдите! – позвал их Фандорин. – Совершенно необязательно...

Его слова потонули в грохоте. Кто-то все-таки открыл огонь, и по дому сызнова ударили пулеметные очереди и винтовочные залпы.

Сверху, прямо под ноги артельщику, упало и подскочило что-то маленькое, черное. Лимонка! Значит, чердак захвачен красными. Вероятно, они вскарабкались туда снаружи, по пожарной лестнице.

Дальше всё случилось в секунду.

Рысь схватила Волю за руку и толкнула с такой неженской силой, что тот, не устояв на ногах, кубарем покатился вниз по ступенькам. Потеряла равновесие и девушка, начала падать, но пола не коснулась. Взрыв подбросил ее маленькое тело, отшвырнул и впечатал в стену, враз

покрывшуюся кровавыми брызгами.

Фандорин подхватил оглушенного падением Волю под руку, потащил прочь от лестницы. Красные не торопились спускаться. Бросили еще гранату, но та, попрыгав по ступеням, взорвалась уже впустую.

Артельщик шел на негнущихся ногах и всё оглядывался.

– Жалко. Она была настоящим бойцом... Неважно. Мы сейчас все погибнем.

– Не все. Слышите?

Теперь уже по всему этажу кричали:

– Сдаемся! Сдаемся!

– Ну так я один! – Воля потряс «маузером». – И стреляться не буду. Не доставлю большевикам такого удовольствия. Пусть сами убивают Арона Волю!

– Вам совершенно незачем погибать. Выберите во двор. Снаружи темно. Может быть, сумеете уйти.

– И что дальше? Ты же слышал, наших бьют по всему городу. Куда я денусь? Я не знаю Москвы. Я никого тут не знаю.

– Если прорветесь, идите на Покровку, в Малый Успенский переулок. Спрашивайте Сверчков переулок, его так чаще называют. Увидите двор за оградой, в глубине небольшой дом с колоннами. Постучите. Вам откроет японец. Покажете ему вот это. Дайте руку.

Фандорин достал химический карандаш, лизнул, написал на ладони артельщика по-японски: «Помоги ему».

– Что это за каракули?

– Волшебное заклинание, которое вас спасет... Бегите в угловой кабинет. Там у окна проходит водосточная труба. Сумеете спуститься?

– Я в одиннадцатом году бежал из Якутского централа – по веревке с крыши. А ты?

– Мне с трубой не совладать, – вздохнул Эраст Петрович. – Ничего. Не пропаду. Бегите же.

Артельщик сбросил на пол плащ. Побежал.

Снизу в рупор кричали:

– Выходь по одному, чернорылые! Руки кверху, морды книзу! Не бойсь, убивать не будем! Накостыляем маленько – и пинком за ворота!

Эта перспектива Фандорина не устраивала. Лучше переждать, пока тут всё утихнет. И он вернулся к первоначальному плану.

До хранилища надо было идти в самый конец коридора, и там повернуть за угол. Навстречу из дверей валили бледные, растерянные люди, многие в крови, кто-то еле шел. Красная правда оказалась сильнее

черной, думал Эраст Петрович. Что естественно, поскольку при прямом столкновении индивидуализма с коллективизмом у первого нет шансов на победу.

За поворотом, то есть уже во флигеле, коридор был темен и пуст. На стене, под которой пал художник-часовой, корячилась грудастая анархистская Венера.

Фандорин вошел в темную комнату, плотно прикрыл за собой дверь, стал шарить по стене в поисках выключателя. Тот, кажется, находился где-то справа. А, вот.

Вспыхнул свет.

За спиной раздался радостно изумленный голос:

– Смотрите, кто пожаловал!

На столе, сложив ноги по-турецки, сидел, щурился от яркого света Невский.

– Великие умы мыслят сходно. Тоже сообразили, что сюда пули не залетают? Надо же, какая удача! Сижу тихо, жду, и труп врага приплыл сам!

Актер соскочил на пол, шутовски раскинул руки, будто для объятий. Прорекламиривал:

Сколь месть сладка, о боги-судии!

Подобно мёду услаждает душу!

При слове «удача» Фандорин поморщился. Ветреница что-то зачастила с изменами.

Невский хищно улыбался.

– Покрасовались? Поигрались в суд? Теперь судьей буду я. Объявляю приговор сразу, без волокиты. «Повинен смерти ты, отродье Вельзевула!» – Он величественно воздел руку и повернул большой палец книзу. – Чем бы вас прикончить, мсье Фандорин? Хочется подобрать что-нибудь эффектное.

Он взял со стола серебряный канделябр, повертел – отставил.

– Нет, это тривиально... Вот то, что надо! Орудие божьего гнева. – Поднял массивное восьмиконечное распятие. – Гарантирую моментальное отпущение всех грехов. Или чем-то другим? Прямо даже не знаю. Глаза разбегаются...

Невский лицедействовал, изображал задумчивость, тянул паузу – наслаждался минутой.

– Нет! Решено! Вы – благородный идалго и имеете право погибнуть

от меча!

Взял со стола георгиевскую наградную саблю с золотым эфесом, обнажил клинок. На полированной стали сверкнули блики.

Заветный меч, булатный побратим,
Отправь злодея ныне в преисподню!

Фандорин прикинул, не попробовать ли дотянуться до шута тростью. Нет, не стоило и пытаться. Сильного и быстрого удара не получится, а выглядеть жалким не хотелось. Лучше принять смерть без суеты.

Невский явно обучался сценическому фехтованию. Он изобразил саблей какие-то замысловатые, изящные кренделя в воздухе, потом сделал выпад – Эраст Петрович инстинктивно отшатнулся, иначе острие пропорол бы ему грудь. Попятился. Уперся спиной в шкаф.

Актер злорадно улыбнулся:

– Ага, вы все-таки не каменный. Подыхать не хотите. Но придется, никуда не денетесь. Сейчас я медленно и с удовольствием пришпилю вас к дереву. Как бабочку в коллекции, иголкой через брюшко.

Он опустил клинок ниже, до живота. Надавил.

Острая боль пронзила тело, а Невский еще и слегка покрутил рукоятку, расширяя ранку.

– Мы ведь не будем торопиться, правда? Это так приятно!

Кулаком не дотянусь, думал Фандорин. Ногой можно бы достать, но ее не поднимешь. Стоять и не шевелиться. Главное не застонать, не вскрикнуть. Преодоление боли – одна из радостей самурая.

Но было не только больно. В животе, в самой глубине тела, происходило что-то еще, какое-то странное щекотание, словно там в самом деле затрепыхала крылышками бабочка. Эраст Петрович перестал обращать внимание на болтовню сязоэня, стал прислушиваться к себе.

Неужели... Неужели это *она*? Так вот где она спряталась!

Разумеется, где же еще ей быть? *Хара* –местилище жизненной силы. Когда самурай хочет выпустить ее наружу, он взрезает себе живот. Укол стали пробудил энергию Ки. Она просыпается!

Изнутри струился ток, с каждым мгновением усиливаясь. Боли больше не было, лишь звенящая, наполняющая всё существо вибрация.

Радостно засмеявшись, Фандорин схватил рукой лезвие. Его край не был острым – кто натачивает парадную саблю?

Невский заткнулся. Удивленно приподнял брови. Попытался вдавить

клинок – тот не сдвинулся ни на йоту. Попробовал дернуть на себя – тоже не получилось.

– Что за фокусы... – пробормотал он.

И вдруг выпустил рукоятку. Отскочил к противоположной стене, тоже сверху донизу занятой шкафами. Выхватил пистолет.

– Черт с тобой! Подохни попросту, от пули!

Эрасту Петровичу казалось, что движения врага странно замедленны: Невский очень плавно отдаляется, долго тянет из кармана оружие, «браунинг» цепляется за ткань, небыстро высвобождается. Легко можно было вышибить пистолет или сбить неуклюжего болвана с ног. Но торопиться не хотелось. Соскучившееся по скорости тело просило острых ощущений.

Вот Невский навел дуло, целя прямо в лоб. Фандорин не шевелился, только улыбался. По животу под рубашкой стекала щекотная струйка крови. Это было приятно. Вся *карада* искрилась жизнью, словно только что налитое шампанское пузырьками.

«Браунинг» выплюнул огненное жало. Голова Фандорина, будто сама собой, качнулась в сторону. Пуля с хрустом впилась в дерево.

Руки тоже действовали без команды, слаженно и быстро.

Левая перевернула саблю эфесом к себе, подкинула. Правая перехватила, метнула коротким, точным броском.

Прозвучал еще один выстрел. Вторая пуля прошла в миллиметре от фандоринского уха.

И пистолет ударился об пол.

Невский косил глаза книзу, будто хотел там что-то рассмотреть и не мог. А рассматривать было что. Сабля насквозь пронзила актеру горло и вошла в дверцу шкафа до половины.

– Ну и кто из нас б-бабочка? – спросил Эраст Петрович.

Руки умирающего схватились за рукоятку – и упали. Глаза закрылись. Тело обмякло, но осталось висеть.

Фандорин уже не смотрел на мертвеца. Он пожимал-поражимал пальцы. Присел и подпрыгнул – сначала не очень высоко, потом еще раз, метра на полтора. Ударил кулаком по краю стола. Подломились ножки, столешница покосилась, с нее звонко покатались кубки, подсвечники, прочая сверкающая чепуха.

– То-то же, – сказал Эраст Петрович энергии Ки. – И больше д-дурака не валяй.

Опять заикаюсь, вдруг понял он. Совсем без инвалидства нельзя? Ладно, лучше заикаться с энергией Ки, чем разливаться соловьем из

кресла-каталки.

Он выглянул за дверь. Прислушался.

Кто-то вдали командовал:

– Обыскать все помещения! Где у них тут награбленное? Поставить караул! Нашли Волю?

Легко и неслышно ступая, Фандорин прошел по коридору, выглянул из-за угла.

Командовал пышноусый коротышка в кожаной фуражке с красной звездой. Повсюду были люди – подбирали брошенное оружие, волокли мертвых, осматривали комнаты. Через минуту-другую должны были добраться и до флигеля.

Эраст Петрович дожидаться не стал.

Он вошел в первую же дверь, распахнул окно и, перемахнув через подоконник, без колебаний спрыгнул в темноту.

Как хорошо!

Красная правда

Вечека и Чеквалап

У ограды большой барской усадьбы на Поварской остановился извозтрудящийся, как теперь называли «ванек». Обернулся к седоку, перекрестился.

– Вот он, бывший графа Сологуба. Госсподи, не чаял живым добратся.

– Да, весело живете, москвичи, – сказал седок, молодой военный, спрыгивая на тротуар.

Время было рассветное, сумеречное, но город в минувшую ночь не спал. Сразу в нескольких местах густо стреляли, неслись куда-то грузовики с вооруженными людьми, а когда проезжали Самотеку, по мостовой с дроботом промолотила пулеметная очередь.

– На. Как договаривались.

Военный не глядя сунул вознице кредитку. Тот внимательно осмотрел пассажира, задержавшись взглядом на следах споротых погон.

– Сто рублей прибавить надо. Что страху-то натерпелся.

– Ага. И штаны с сапогами. Уговор есть уговор.

Молодой человек – он был высокий, светловолосый, подтянутый – взял с сиденья саквояж.

– Гляди, ваше благородие. – У извозчика сузились глаза. – Тут теперь знаешь чего? Чека. – Он кивнул на часового у распахнутых ворот. – Сейчас вот скажу, что ты вел вражеские разговоры. Я пролетарий, мне от власти доверие.

– Дерьма ты кусок, а не пролетарий. Вообще ничего не получишь.

Блондин спрятал бумажку обратно в карман.

«Ванька» разинул рот – заорать, но поглядел еще внимательней и передумал. В лице у молодого человека было какое-то не очень понятное, но тревожное противоречие. Яркие васильковые глаза смотрели вроде бы весело, но у рта пролегла твердая, угрюмая складка, на виске белел косой шрам, а еще один, неровный, самым кончиком выглядывал из-за воротника. Очень возможно, что военный был не так уж и молод.

Шепотом выматерившись, извозтрудящийся хлестнул клячу, а пассажир надел фуражку, которую доселе держал в руке, и оказалось, что он никакое не благородие, а красный командир – на околыше алела матерчатая звезда. Подошел к часовому и хриловатым, привыкшим командовать голосом спросил:

- Где тут найти товарища Орлова?
- Проходи, там скажут.
- И документ не спросишь? – удивился военный.
- На кой? – Часовой зевнул. – К нам посторонние не ходят.

Покачав головой, краском пошел через широкий двор, с двух сторон стиснутый флигелями. Из одного, правого, вдруг повалили люди с винтовками. Первый, должно быть, начальник, оборачиваясь, кричал:

– Машин больше нет, товарищи! Придется бегом! Шевели ногами, мать вашу!

Протопали мимо. Лица у всех хмурые, усталые.

– Что-то Наташи не видать, – пробормотал блондин, провожая их взглядом. Учитель словесности в гимназии рассказывал про особняк на Поварской, что это и есть дом графов Ростовых из романа «Война и мир». Теперь к двери было криво приколочен фанерный щит, на нем белой краской, тоже криво: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем».

Войдя в вестибюль, посетитель поморщился. Порядка не было и здесь. У стола с табличкой «Дежурный» сгрудилась толпа, все наперебой что-то говорили, измученный человек в расстегнутом кителе отмахивался от них, кричал сорванным голосом в телефон:

– Подкрепление? Полчаса как отправили... Почему я знаю где?

Было ясно, что тут ничего не добьешься.

Терпение не входило в число достоинств блондина. Он нахмурил золотистые брови еще сердитей, повертел головой, высматривая кого-нибудь пригодного, – и быстрым, точным движением уцепил за локоть бегущего рысцой порученца с бумагами.

– Товарищ, где тут у вас Орлов?

Порученец, не оборачиваясь, дернул руку, но не высвободился и лишь тогда оглянулся.

– Зачем тебе товарищ Орлов? Ты кто? – И тоже, как давеча извозчик, задержался взглядом на плечах военного.

– Я тот, кому нужен Орлов. А зачем – я расскажу ему. Проводи-ка меня к нему, товарищ, будь ласков.

Пальцы у неизвестного были железные, а голос хоть и тихий, но какой-то очень убедительный. Сотрудник ЧК сразу стал вежлив.

– Идемте, это на втором.

Пошли вверх по лестнице.

– Что это у вас пальба по всему городу? – спросил краском. – Где-то даже трехдюймовка шаршила.

– Черную гвардию кончаем. Надоели, бузотеры... Эй, Крюков! Тут товарищ к Орлову! – крикнул сотрудник на пороге секретарской, но внутри никого не было. – Вышел куда-то... – Порученец прислушался к голосу, доносившемуся из-за двери. – Вы дождитесь, когда товарищ Орлов кончит по телефону говорить, и заходите.

И вдруг спохватился, что привел к начальнику непонятно кого.

– Ваша как фамилия? Вы откуда?

– Я Романов. Вызван с Псковского фронта телеграммой, – ответил военный. – «Явиться в ВЧК к Орлову». Что за «ве-че-ка» такая, знать не знал, но приказ есть приказ. Явился.

За дверью в это время как раз шла разъяснительная работа по поводу того, что такое ВЧК.

Хозяин кабинета, мужчина лет сорока с короткой бородкой, в солдатской гимнастерке под кожаной курткой, потирая веки, втолковывал комиссару Центральной телефонной станции:

– Крошкин, долго еще твои телефонистки будут путать ВеЧеКа и Чеквалап? У нас тут аврал, судьба революции решается, а мне через раз звонят: «Это Чеквалап? Чрезвычайная комиссия по снабжению валенками и лаптями?» Собери своих дур и вколоти им, что такое ВЧК... Сам знаю, что из Питера переехало много новых учреждений, к названиям никто не привык. Но наше учреждение с другими пусть не путают. Гляди, Крошкин. Еще один звонок про валенки, и я твою башку в валенок засуну, понял?

Бухнул трубкой. Засмеялся. Потер бородку.

Снова зазвонил аппарат. На сей раз ошибки не было, телефонировал командир отряда, посланного ликвидировать анархистскую артель «Свобода», второй по важности оплот черноговардейцев.

– Ушшшел, ушшел! Изззмена! – яростно зашипела и зазудела трубка. – У тебя, Орлов, в ЧК предатель!

– Спокойно, Шилейкис, без драматических эффектов. Что не так? Кто ушел? Ты артель разоружил или нет?

Орлов подавил зевок. У него выдалась вторая бессонная ночь подряд: с десятого на одиннадцатое на коллегии до утра разрабатывали план ликвидации, а минувшей ночью было тем более не до отдыха.

– Артель-то мы разоружили, потери – чепуха, шестеро раненых. Но Арон Воля ушел! – закричал Шилейкис, срываясь на хрип. Он был старый партиец, надежный, только немного нервный. – Мы всё перевернули, нет Воли! Я заранее поставил вокруг оцепление из твоих, одни чекисты. И какой-то гад его пропустил! Орлов, у тебя предатель!

Не выпуская трубки, хозяин кабинета наклонился над картой города, где двадцатью шестью черными кружками были помечены черногвардейские базы, и красным карандашом поставил крест еще на одной. Теперь неперечеркнутых оставалось только три.

– Успокойся, Шилейкис. Твои латыши свое дело сделали. Молодцы. А предателей у меня нету. Это я приказал Волю не задерживать.

– Что?! – охнула трубка.

– Сам подумай. Ну, шлепнули бы мы полоумного Арона. Вони бы было на всю мировую анархию. Судить его – того хуже. Пусть катится на все четыре. Без своей артели он не опасен... Короче так, Шилейкис. Я знаю, твои ребята устали, но на Дмитровке нужна подмога. Мы уже из пушки по ним лупим – не сдаются. Двигай туда, пособи. Всё, действуй.

Разъединился. Позвал:

– Крюков!

Дверь открылась, но вместо помощника вошел бравый командир в офицерской шинели без погон и ужасно удивился:

– Гвоздь, ты?!

Жесткое, насмешливое лицо человека с бородкой помягчело. Орлов посетителю не удивился, но, кажется, был ему сильно рад.

– Я, я. Заходи, штабс-капитан.

Обнялись.

– Погоди, так Орлов – это ты? – всё не мог опомниться Романов. – А я в толк не возьму, кто это меня вызывает... Но почему ты стал Орлов?

– Время такое. При Николашке брал себе прозвища тоже птичьи, но мелкие – шмыг туда Грачом, шмыг сюда Дроздом или Дятлом. При Временном стал Гвоздь, потому что прибить их надо было. А теперь власть наша, парим по-орлиному. Всё небо наше, летай не хочю...

Они стояли, с удовольствием разглядывая друг друга.

– Это сильно здорово, Романов, что ты явился.

Ты мне вот как нужен. – Орлов провел ребром ладони по горлу. – Но сначала расскажи, командир, как с немцами повоевал.

– Хреново повоевал. – Вошедший махнул рукой. – Ни к черту наша красная гвардия не годится. Какая может быть гвардия, когда армии нет? Сам знаешь, все срока демобилизованы. Солдаты разошлись по домам... Глупость это. С немцами нам все равно воевать придется, Брестскому миру грош цена. А значит, нужна нормальная русская армия.

– Нет никаких немцев и русских, есть наши и не наши. – Орлов ткнул старого знакомого пальцем в лоб. – Вколоти ты это наконец в свою офицерскую башку. Немецкие рабочие – это наши люди. И скоро они будут

вместе с нами. А нормальная армия у нас будет. Красная армия. Был на то указ Совнаркома. Всему свое время. Мы еще только разворачиваемся.

Засмеялся, потянулся.

– Чего ты такой довольный? – недоуменно спросил его Романов. – Фронт развалился, в Москве драка, у тебя в твоей комиссии бедлам, а ты скалишься.

– Я довольный, Леша, потому что я счастлив. Одного только боюсь – что проснусь утром, а всё окажется сном. Наша революция, наша победа – всё. Ведь какого слона, какого мамонта завалили! Небывалое в истории дело! Знаешь, я никогда не понимал, как это людям бывает жить скучно. Мне всегда интересно было. Но чтобы так, как теперь? Чернышевский, сон Веры Павловны! Жюль Верн, «Из пушки на Луну»! – Орлов опять засмеялся, блеснув крепкими белыми зубами. – Ты тоже на скучающего не похож. Погодишь пока стреляться? Помнишь, как летом-то, под Сморгонью, а? Еле я тогда успел тебя за руку ухватить. И потом два дня от себя не отпускал.

Лицо у Романова словно окаменело, но ненадолго, на секунду-другую. Он ответил шуткой:

– «И сия рек, гласом великим воззва: Лазаре, гряди вон!» И встал я, и пошел.

Орлов посмотрел на него очень серьезно, сам себе кивнул.

– Вижу. Вопрос «быть или не быть» с повестки дня тобою снят. Это правильно.

А коли надоест жить – зачем самому утруждаться? Желающих помочь в этом деле сколько угодно. Вот мы нынче ночью ссадили попутчиков-анархистов. Потом, чую, дойдет очередь и до эсэров. Революция – кобыла норовистая, больше одного всадника не повезет. И не факт, что один-то в седле удержится. Вот об этом я и хочу с тобой потолковать, господин штабс-капитан. Садись, в ногах правды нет.

Романов сел, приготовился слушать. Веселости в хозяине кабинета не осталось совсем, одна озабоченность.

– Анархисты с эсэрами – ладно, с ними разберемся. Немцам пока тоже не до нас, их Антанта с американцами догрызают. Хуже то, что сидит наша красная власть пока некрепко. Мы почему правительство из Питера в Москву перевезли? Потому что Петроград – враждебный нам город. Там дворян, купцов, чиновников и прочей «чистой публики» чуть не четверть населения. В октябре мы их взяли врасплох, но там как на дремлющем вулкане. В Москве пропорция получше, однако тоже непросто. Считается, что одних бывших офицеров здесь не меньше сорока тысяч. И

большинство, конечно, спят и видят, как бы нам выпустить кишки. Теперь представь, что некая решительная и целеустремленная сила сумеет организовать этих враждебных нам людей в один кулак. Стукнут – от нас мокрое место останется. Нас в ВЧК знаешь сколько? Сто двадцать сотрудников, а опытных, кто умеет разоблачать заговоры, – ноль. Конспираторов-подпольщиков вроде меня хватает, но мы ведь к чему приучены? Не искать, а прятаться, не догонять, а убегать. Понял теперь, почему я тебя с фронта вызвал?

– Потому что я служил в контрразведке. Но я ловил немецких и австрийских шпионов, а не заговорщиков. Там другая специфика. По заговорщикам – это Охранное отделение.

– Ну извини, – развел руками Орлов. – Из Охранки у меня никто не работает. Ты что, отказываешься?

Романов вздохнул.

– Я тебе тогда, под Сморгонью, сказал и сейчас повторю. Я свой выбор сделал. Я с революцией. Говори, чего конкретно от меня хочешь?

– Тебе эта служба не понравится, – предупредил Орлов.

– Не беспокойся, я барышня с прошлым. Думаешь, мне в контрразведке нравилось? Дело кровавое, грязное.

Не постучавшись, развалистой походкой вошел широколицый чернявый человек в ремнях крест-накрест.

– Кончено с Дмитровкой. Сдались, гады, – сказал он. – Всё, товарищ Орлов. Можешь докладывать.

– Ага. – Орлов подмигнул. – Гляди, кто у нас.

– Здорово, Крюков. И ты здесь?

Романов пожал вошедшему руку.

– А где мне быть? Где он, там и я.

– И уже не ефрейтор. – Бывший штабс-капитан с любопытством смотрел на бывшего ефрейтора – тот сильно переменялся. – Чиновник особых поручений при большом начальнике. Кстати, кто ты, Орлов, теперь по чину?

– У нас чинов нет. Я – член коллегии ВЧК, Крюков – мой помощник.

– А кем буду я?

– Контриком. По нашим данным, офицерский заговор уже существует и активно расширяется. Нам нужно внедрить в подпольную организацию своего человека. Понятно, офицера. Понял теперь, что от тебя требуется?

Романов насупился, по лбу прорисовалась резкая морщина.

– Нет. Филерствовать не буду. Я с этими людьми вчера воевал вместе. Втереться к ним в доверие, а потом донести?

– Я тебе говорил, откажется, – скривил рот Крюков. – Они для него свои. Офицер – он всегда офицер.

– Помолчи, Тимофей, – одернул его Орлов. – Леша, скажи: ты в Бога веришь?

От неожиданного вопроса Романов сморгнул.

– Нет. А при чем тут это?

– Тогда второй вопрос. Как мир устроен, тебе нравится?

– Кому это может понравиться?

– Ну, а если мир плохой и Бога нету, кто будет на Земле порядок наводить?

Романов начинал злиться:

– Что ты со мной, как учитель с пригостишкой? Говори попросту.

– Я попросту. Проще не бывает. Начну с себя. Честно скажу: я в революцию пошел не для того, чтоб мир исправлять, а потому что я – это я. Мне всегда, с детства, хотелось всё перевернуть. Чтобы шурум-бурум, всё вверх тормашками. Или побывать там, где никто еще не бывал. Эх, думал в детстве, мне бы жить триста лет назад – открывал бы новые материки. Или, наоборот, жить бы на сто лет позже – летал бы на другие планеты. А однажды, уже в юности, как ударило. По-человечески устроенный мир – вот чего никто никогда не видал и где никто еще не бывал. Это и есть самое великое открытие и самое великое приключение. Устроить мир, чтобы он был не только для таких, как ты, кому повезло в чистенькой семье родиться, а для всех людей. Погляди на Крюкова. Он сизмальства жил в голоде, грязи, свинстве. Так и подход бы в навозе, если б не революция. А Крюковых у нас сто с лишним миллионов. И теперь все они будут жить, как кто расстарается – а не так, как от роду приговорено. Кто умный, толковый – тот из ничего станет всем.

Помощник слушал – блестели глаза. А Орлов заводился всё больше, чеканя слова.

– Конечно, в нашей бедной, дикой стране мы земного рая не построим. Но всё ж таки с голодухой, неграмотностью, унижением покончим. И ради этой великой, этой небывалой цели можно покорячиться, не пожалеть ни пота, ни крови, ни жизни... Ты с офицерами на фронте воевал, а я с анархистами в тюрьме сидел, с каторги бежал! Но сегодня ночью мы нанесли удар в спину своим товарищам, вместе с которыми делали революцию. Ударили исподтишка, подло... Да-да, подло! Скольких убили, а кто уцелел – будут нас проклинать и ненавидеть до конца дней. Но ради великой нашей цели мы пошли и на это! А он... он будет мне свою интеллигентскую чувствительность выказывать, мерехлюндер... Неудобно

ему, видишь ли, перед господами офицерами!

Член чекистской коллегии начинал задыхаться от бешенства и не мог больше говорить, сделался страшен.

Но Романов его не испугался, а лишь оттянул воротник и почесал пулевой шрам на шее.

– Ладно, ладно, не сверкай глазами. Убедил. Обойдусь без мерехлюндий. Только вот что. Я себя подлецом считать не согласен. Если бы я с кем-то, как ты, в тюрьме сидел или с каторги бежал, я о старом товарище уж как-нибудь бы позаботился. Так что предупреждаю сразу: поперек сердца ничего делать не буду. Ясно?

Орлов будто и не ярился. Он снова подмигнул Крюкову, весело.

– Ясно, что вы, товарищ Романов, еще не доросли до классовой морали, вот и фамилия у вас подозрительная. Ничего, Леша, мы с Крюковым тебя постепенно перевоспитаем. А сейчас, прямо нынче же, отправляйся-ка на рыбалку.

– На какую рыбалку? – спросил Романов.

– На вольную. В открытое море. Там плавают акулы, а где именно – мы не знаем. Ни сети тебе дать не могу, ни гарпуна, ни наживки. Нам известно лишь, что офицерский заговор существует, об этом шушукается весь город, а где ловить заговорщиков – это ты сообрази сам. Ты же профессионал.

На голый крючок

В контрразведывательной практике задание, полученное Алексеем Романовым, называлось «удить на голый крючок». Это когда имеются достоверные сведения о том, что существует вражеская шпионская сеть, но нет ни имен, ни примет, ни адресов – вообще ничего. При нормально работающей контрразведке тут создается система «маркеров» или «колокольчиков», то есть по всем подразделениям, полицейским околоткам, станциям, извозчичьим биржам, по объектам, представляющим интерес для противника, рассылаются ориентировки: регистрировать всякую подозрительную активность по таким-то и таким-то параметрам. Рано или поздно какая-нибудь из рыбок сама себя выявит, «колокольчик» звякнет, а дальше уже вопрос техники.

Забрасывать одинокую удочку с голым крючком, чтобы поймать большущую стаю рыб, Романову прежде не доводилось. С другой стороны, задачу нельзя было назвать очень уж сложной, поскольку имелось три обстоятельства, сильно ее упрощавших.

Во-первых, придется иметь дело не с профессиональными разведчиками, а с любителями, вряд ли владеющими конспиративными навыками.

Во-вторых, военный заговор, в отличие от шпионской организации, должен постоянно расширять свои ряды – ведь речь идет о захвате двухмиллионного города.

Наконец, в-третьих, известно, из какой среды заговорщики вербуют участников – из бывших офицеров. Вроде штабс-капитана Романова.

Стало быть, нужно цепляться на крючок самому и правильно выбрать место для ловли. Вот и вся хитрость.

Покончив с недолгими логическими выкладками, Романов мысленно отмотал время назад, представив себя таким, каким он был до поворотных событий минувшего лета. Вернее, до одного события, о котором напомнил ему бесцеремонный Орлов. Сам Алексей обнес этот участок памяти глухим забором и старался в ту сторону даже не оглядываться. Не стал оглядываться и теперь. Просто сказал себе: я фронтовой офицер, ни черта не смыслящий в политике, но обозленный революцией, которая развалила государство и армию. Я оскорблен хамством распоясавшейся солдатни, я считаю большевиков германскими агентами, дьявольской силой, губителями России и люто, до зубовного скрежета их ненавижу.

Орлов с Крюковым сидели тихо, наблюдая за умолкнувшим Романовым, который вдруг зажмурился.

Это Алексей вживался в роль. Когда он снова открыл глаза, мир будто переменял окраску. В красивой дворянской усадьбе, где когда-то жила Наташа Ростова, теперь хозяйничают грубые, злые, враждебные люди. Они захватили не только дом Ростовых, они опоганили весь древний, прекрасный город, всю великую тысячелетнюю страну. Ну и рожа, подумал Романов, с ненавистью глядя на Крюкова. Развалился в ампирном кресле, скот.

– Подбери окурочек, тварь. Этому паркету полтора года лет, ты в нем дырку прожог.

– Ты чего? Ты чего? – замигал Крюков, ежась под неистовым взглядом. А Орлов рассмеялся.

– Отлично. Идите, ваше благородие, спасайте Россию от хамов. Романов и пошел.

За дверью, правда, остановился. Сказал себе: «Итак. Я не красный командир, а обычный демобилизованный офицер. У меня нет ни продовольственных карточек, ни денег, ни крыши над головой, ни московской родни. Куда бы я обратился?»

Ответ очевиден. Военный, привыкший к попечению государства, как собака, приученная находить корм в своей миске, отправился бы в управление военного округа. Государство-то все-таки существует, хоть и большевистское.

Где в Москве штаб округа?

Полистал телефонно-адресную книгу на секретарском столе, нашел. Улица Пречистенка. Недалеко.

Встал перед пятнистым зеркалом (об него кто-то тоже гасил окурки), внимательно осмотрел себя. Пожалуй, достаточно спороть с фуражки звезду и прицепить на китель те ордена, которые офицеру положено носить постоянно.

Шагом марш, штабс-капитан.

На большом казенном здании висела красная тряпка с надписью «Военно-учетное управление РККА». Романов остановился перед входом, озадаченно хмурясь – как это сделал бы всякий офицер при виде непонятной аббревиатуры.

Дверь всё время хлопала, люди входили и выходили.

Рядом встал еще один такой же, как Алексей – в офицерской фуражке без кокарды, в высоких сапогах со шпорами. Судя по желтому канту,

драгун. Запыхтел.

– Что это «РККА», не знаете? – спросил Романов.

– Рабоче-крестьянская красная армия. Вот думаю – записываться, нет... Паек дают, – вздохнул драгун. – Жить как-то надо... Эх, пойду.

Алексей вошел за ним. В длинном коридоре толпилось много людей, по виду – сплошь бывшие офицеры. Оно и понятно: нижние чины после демобилизации просто отправились по домам, вернулись к прежней жизни, а куда деваться профессиональным военным?

Алексей стал медленно прохаживаться, приглядываясь и прислушиваясь. Разговоры были тихие, унылые: нечем жить, паек, паек, паек, до чего же мы докатились, пропала Россия, в Архангельске англичане, немцы наступают на Париж.

На Романова тоже посматривали. Вернее, на его грудь. Шинель он распахнул, стали видны боевые ордена: офицерский и солдатский «георгии», «владимир» с мечами.

– Снимите это, – посоветовал немолодой артиллерист. – Недавно комиссар накричал на георгиевского кавалера, сорвал с него крест. Зачем нарываться?

У него самого на мундире был только академический значок, от орденов остались лишь дырочки.

– Сорвать, может, и не сорвут, однако назначения точно не получите, – сказал другой.

– Мне за три месяца жалованье не выплатили! Пусть выдадут. А назначения от них мне не надо! – Романов говорил громко – не так, как остальные. – В Москве теперь главная власть – германский посол Мирбах. Что он прикажет, то большевики и делают. Это что же, я буду немцам служить? Которые моих товарищей убивали?

– У вас, верно, семьи нет, – печально вздохнул артиллерист. – А у меня трое детей. Да-с.

Второй шепнул:

– Пускай лучше заправляет Мирбах, чем Ленин с Троцким...

– Господа, господа, поосторожней, – шикнул третий. – Слыхали про ЧК? Запросто могут ходить тут, подслушивать. Мы для них подозрительный элемент.

Все умолкли, оглядываясь.

Романов приметил, что некий благообразный, сильно пожилой господин в длинной кавалерийской шинели, с седоватой бородкой клином действительно остановился и прислушивается. На чекистского агента он был никак не похож, да, если верить Орлову, в ЧК и не было агентов.

Специально для кавалериста, проходя мимо, Алексей презрительно пробормотал:

– Офицеры, мать их. Тьфу! Овцы...

Потом он поговорил в том же духе еще в двух местах, всё время периферийным зрением следя за пожилым. Тот близко не подходил, но и не отвязывался. Неужто клюнуло, с первого же заброса?

– А катись она, ваша «эркака»! Пусть подавится моим жалованьем! – громогласно объявил Романов напоследок и пошел к выходу.

Идет сзади или нет? Оборачиваться нельзя.

Шел кто-то, шел, не отставал!

На улице Алексей остановился зажечь папиросу. Шаги за спиной тут же стихли. Снова двинулся – возобновились.

Он ощутил подзабывшееся чувство, азарт охотника – и вдруг устыдился. Господи, ведь не на чужих охотишься, а на своих, на русских, с кем еще вчера был вместе. Но теперь люди делились на своих и несвоих по иным признакам. И вообще, прав Орлов: к черту мерехлюндии.

Романов применил элементарный агентурный прием – сделал вид, что поправляет фуражку. В ладони было спрятано маленькое зеркало, чтобы смотреть назад, не оборачиваясь.

Оп-ля. «Хвостом» оказался не давешний дядя, а какой-то тощенький паренек в лыжной финской куртке. Стоит, делает вид, что изучает афишу на тумбе, а сам косит глазом. Может, показалось? Очень уж юн, совсем мальчик.

Для проверки Алексей проделал еще один трюк, тоже примитивный: снова зашагав, слегка задел плечом встречного и повернулся извиниться.

Мальчишка окончательно себя выдал – шарахнулся за тумбу.

В общем, ясно. Не загадка пляшущих человечков. Пожилой кавалерист бродит по коридору военно-учетного управления, отбирает офицеров, которые кажутся ему перспективными, а потом дает сигнал пареньку. Тот, видимо, пасется неподалеку от входа. Теперь мальчик будет таскаться по пятам, проверять: куда человек пойдет, с кем встретится, где проживает и прочее. Можно, конечно, поиграть в эту несложную игру, да времени жалко.

Поэтому Алексей поступил проще. Свернув в подворотню, спрятался в густой тени. Дождался, когда «хвост» сунется следом, – и крепко ухватил мальчишку за шкирку. Вблизи тот оказался совсем зеленым, лет семнадцати, а то и шестнадцати. Белокожий, тонкошей, с пушком на верхней губе. Возмужает – станет красавцем, а пока как есть гадкий утенок.

– Сопливый совсем, а уже шпионишь! – прошипел Романов. – Прыщ чекистский!

Парень не испугался, а оскорбился.

– Я совсем не то, что вы подумали! Я не сопливый, я юнкер! А насчет прыщей это недостойно! – придавленно пропищал он. На лбу у него действительно розовела россыпь прыщей – за них и обиделся.

Разжимать пальцы Алексей не спешил, еще и дернул руку кверху, чтоб мальчик приподнялся на цыпочки.

– Зачем вы за мной следите, если вы юнкер?

– Я не слежу... То есть слежу, но не в том смысле... Отпустите, я задыхаюсь. Отпустите же! Я от людей, которые думают так же, как вы.

– О чем это они думают? – подозрительно спросил Романов, но ворот выпустил. – Говорите ясней.

– Я Копейщиков. Веня... то есть Вениамин Копейщиков. Юнкер Александровского училища. То есть бывший юнкер. А вы офицер, я знаю. Скажите только, вы ведь патриот?

– Коли уж вы представились... Я штабс-капитан Романов, Алексей Парисович. Что за странный вопрос про патриота? Я русский офицер, этим всё сказано.

– Я не просто так спрашиваю... – Парнишка мигал, что-то соображая. Потом решил. – Пойдемте со мной. Там с вами поговорит один человек.

– Кто? О чем?

– Такой же патриот, как вы. Идемте, Алексей Борисович, тут недалеко.

Незатейливо, подумал Романов. Это вам не германская разведка и даже не австрийская. Первого встречного сразу приглашают на явку.

– Во-первых, не «Борисович», а «Парисович». Во-вторых, если вы юнкер, то обращайтесь к старшему как положено.

– Виноват, господин штабс-капитан! – Веня Копейщиков вытянулся. – Я пробыл юнкером недолго, не успел привыкнуть. Идемте же, не пожалеете!

– Ладно, – проворчал Романов. Охотничий азарт весь куда-то подевался, осталась одна жалостливая досада. – Все равно деваться некуда. Я в Москве никого не знаю...

Явка

Идти было действительно недалеко, минут десять – через Арбат и Собачью площадку в какой-то переулок (Романов прочитал на табличке название – «Трубниковский»). По дороге Веня не затыкался ни на секунду, успев сообщить массу сведений. Что его приняли в училище только в октябре, по достижении шестнадцати лет. Что дать присягу он не успел, так как сразу началась «заваруха». Что он был на баррикаде и стрелял, но попал или нет, не знает, а врать не хочет. Что в «организации» он недавно, пока находится на испытательном сроке.

Но когда Алексей спросил, что за организация, юнкер замялся.

– Это вам Иван Климентьевич... то есть господин подполковник расскажет. Я не должен. И вы ему, пожалуйста, не говорите, что я про организацию сболтнул.

– Не буду.

Снова ожив, Веня затрепал дальше.

Выяснилось, что «явка» – это, собственно, квартира, в которой он живет с сестрой Зинаидой. Она совершенно отличная, хотя немолодая уже, на девять лет старше. Тоже настоящая патриотка, от нее можно ничего не скрывать. Она не Копейщикова, а Грузинцева, по мужу. Владимир Иванович Грузинцев был прекрасный человек, между прочим, офицер генерального штаба. Убит в Карпатах, ужасно его жалко.

Романов перестал слушать чепуху. Он думал, что заговор, который может устроить такая вот «организация», никакой опасности не представляет. Обычное российское дилетантство. Зря Орлов беспокоится. Уже одно то, что по городу ходят слухи об офицерском заговоре, – верный признак несерьезности предприятия. Надо посмотреть, кто у них за главного, и по-хорошему с ним поговорить, чтоб не игрался с советской властью в игрушки, не подводил людей под монастырь. Это может плохо закончиться – время сейчас нервное.

Дом, куда его привел разговорчивый юнкер, был недавней, предвоенной постройки. Вошли в подъезд через черный ход (парадную как зимой заколотили, так и осталось, объяснил Веня). Поднялись на второй этаж.

Мальчик позвонил особенным образом: два раза длинно, три коротко. Важно сообщил:

– Это значит, свои.

Конспираторы, вздохнул Романов, готовясь к встрече с «патриоткой», наверняка экзальтированной дурой.

Дверь открыла молодая дама в сером платье с белым воротничком. Высокая, с девичьей косой через плечо, но сразу видно, что именно дама, не барышня. Алексей понял бы это, даже если бы мальчик не сказал про погибшего мужа. У девушек не бывает такого внимательного, медленного взгляда и таких морщинок у рта.

Он щелкнул каблуками, назвалса, ничего больше не объясняя, да в том и не было нужды.

– Это наш человек, – выпалил Веня. – Еще один. Ты, Зина, напои его пока чаем, а я за Иваном Климентьевичем сбегаяю.

Хотел сразу и бежать, но женщина остановила, удержав за рукав.

– Зинаида Андреевна Грузинцева, – сказала она гостю. – Вениамин, ты куда не побежишь, пока не наденешь шапку и не возьмешь перчатки. Утром я не проверила, а ты и рад. Восемь градусов на термометре.

– Госсподи, Зина, что я, маленький?

Мальчик смущенно поглядел на Романова, но взял и шапку, и перчатки. Понесся вниз через две ступеньки.

– Прошу вас. – Грузинцева отступила, давая гостю войти. – Раздевайтесь, проходите в гостиную. Вы, я вижу, с вокзала. От вас паровозом пахнет. Это хорошо.

– Почему хорошо? – спросил Алексей, думая: какой цепкий у нее взгляд. Не экзальтированная и не дура.

– Значит, вы только что приехали. Не чекист. Я всё время боюсь, что Вениамин приведет какого-нибудь подсадного.

Правильно боитесь, мысленно ответил Романов.

– Зачем тогда разрешаете ему... заниматься такими вещами? – Он сделал неопределенный жест. – В самом деле, может скверно кончиться. Ваш брат меня совсем не знает. Мало ли, что я такое? Запретите ему. Я вижу, он вас слушается.

– Да, он привык меня слушать. Когда мы остались без родителей, ему было двенадцать, а кроме меня никого. Но Вениамин уже не ребенок. Сейчас такие времена, что мальчикам нужно рано становиться мужчинами. Что я ему скажу? «Пускай всё гибнет, а ты сиди тихо, целее будешь»? Так мужчинами не становятся. Хотя, конечно, очень за него страшно... Вы садитесь, я сейчас.

Вышла.

Он оглядел комнату. Гостиная как гостиная, но есть две необычности. В углу нечто вроде киота, но в нем, подсвеченные лампадой, не иконы, а

фотографии. Мужчина с женщиной (верно, родители) и военный с академическим знаком на кителе. Должно быть, покойный муж, хоть для Зинаиды Андреевны, пожалуй, староват. Второй необычностью была пишущая машинка с разложенными рядом стопками бумаги. Подойдя, Романов прочел начатую, но недопечатанную строчку: «МАРАТ: За каждую слезу, пролитую тобой, бедная труженица, аристократы заплатят каплей, нет, бочкой крови! Довольно ты страдала! Теперь для народа настало время утешения и расплаты!»

– Я зарабатываю перепечаткой пьес для театров, – раздался за спиной голос Грузинцевой. Она вошла так тихо, что Романов не услышал. В руках у хозяйки был поднос: чашка чая, несколько ломтиков хлеба, масло. Для голодных времен недурно. – В основном сейчас ставят всякую революционную чепуху, зато дают трудовой паек и даже приплачивают. Я научилась хорошо печатать, без помарок. Этим и живем.

Ты, верно, всё делаешь хорошо и без помарок, подумал Алексей. Дама ему очень нравилась, и настроение от этого окончательно испортилось.

Он действительно сильно проголодался, но старался откусывать поменьше и жевать медленно, прикинув, что три ломтика съест, а четвертый оставит.

– Вы не стесняйтесь. Хлеба достаточно, – сказала Зинаида Андреевна, всё посматривая на гостя, но ни о чем не спрашивая.

– Наверное, я должен рассказать про себя?

– Придет Иван Климентьевич – расскажете. Зачем два раза?

– А... кто это – Иван Климентьевич? Ваш брат не объяснил.

Грузинцева довольно долго молчала. Романов уже пожалел, что задал вопрос.

– Отделенный командир, – в конце концов ответила она, видно, что-то для себя решив. – Вы пейте чай. Мне кажется, я вас смущаю.

И оставила его одного – должно быть, чтобы избежать других вопросов.

Четверть часа спустя из коридора донеслись звонки: дзззззз-дзззззз-дз-дз-дз. Романов поднялся и двинулся в прихожую. В такой ситуации важно получить позиционное преимущество: объект, попав в новое пространство, еще не сориентировался, не приспособил зрение к иной освещенности, и, пока щурится или моргает, можно составить о нем первое впечатление, самое важное.

Объект по имени «Иван Климентьевич», разумеется, оказался тем самым дядей в кавалерийской шинели, с бородкой. Агентурное чутье Алексея не обмануло.

– Пойдите-ка, – сказал он первым, пока вошедший на него шурился. – Я вас где-то уже видел... А, в управлении, только что.

– Подполковник Зотов, – представился кавалерист. – Я боюсь, молодой человек ввел вас в заблуждение касательно... – Он неопределенно помахал рукой, покосившись на Веню Копейщикова, который стоял с виновато опущенной головой. – Молодой человек любит фантазировать.

Романов догадался, что юнкер получил взбучку за торопливость. А первое впечатление от «отделенного командира» было такое: типический армейский службист, наверняка добросовестный и исполнительный, странно только, что в таком возрасте (лет сорок восемь, а то и пятьдесят) всего лишь подполковник.

– Штабс-капитану можно верить, – сказала вдруг тихо Грузинцева. – Да и поздно уже скрытничать.

– В самом деле? – с облегчением произнес Зотов. – Я, дорогая Зинаида Андреевна, вашим суждениям привык доверять. Ну и отлично. Что это вы, чай пьете? Я бы тоже не отказался.

Заговорщиком подполковник оказался ненамного опытнее юнкера Вени. Вместо того чтоб как следует допросить незнакомого человека, сначала рассказал о себе. Загадка несоответствия между возрастом и чином объяснилась просто. Иван Климентьевич, кадровый офицер, попал в плен в самом начале войны, в августе четырнадцатого, потому и не продвинулся по службе. Вернулся из Германии только две недели назад и «не узнал родины».

– Какую чудовищную глупость, какую страшную ошибку совершило большевистское правительство, подписав позорный мир! – горячо говорил он. – Я видел Германию изнутри, она совершенно истощена. Нам бы продержаться еще несколько месяцев – и всё, победа! Надо было отступить, но не сдаваться. Даже отдать столицу, как Кутузов! А теперь что? Национальный позор, презрение союзников. И, конечно, никакого участия в дележе трофеев. Единственное спасение России – свергнуть Советы и снова вернуться в Антанту. Я как только добрался до дому, сразу кинулся искать людей, которые понимают это и готовы действовать. Нашел. Быстро. Нас очень много, Романов, и с каждым днем всё больше!

– Зинаида Андреевна сказала, что вы отделенный командир? Что это означает?

Лишь тут подполковник спохватился.

– Погодите. Сначала расскажите, где вы служили и за что получили столь почтенные награды. – Кивнул на романовский китель.

Узнав про контрразведку, подполковник поморщился. В прежние, довоенные времена подобная служба считалась для офицера не слишком почтенной. Но, услышав, что солдатский «георгий» получен за атаку, помягчел.

– Значит, умеете не только бумажки переключивать. Что ж, с удовольствием приму вас в отделение. Видите ли, в организации система такая. Каждый новый человек вне зависимости от чина и возраста зачисляется рядовым, но получает право привлекать других офицеров, лично отвечая за них. Как только собралась тройка, становишься отделенным. Тройка превращается в девятку – ты уже взводный. Вот я, благодаря вам (вы у меня последний), скоро пойду на повышение, – засмеялся Иван Климентьевич. – Потом дорасту до ротного, а там, глядишь, и до батальонного, то есть достигну своей бывшей должности – я перед войной кавалерийским дивизионом командовал. У нас в организации карьеру делают быстро.

– А вы, то есть мы, как-то называемся?

Романов понял, что заговор устроен не так уж глупо. Конечно, при столь неосторожной системе вербовки легко нарваться на доносчика или просто болтуна, но так же просто цепочка и оборвется. А между тем, когда каждый рядовой участник организации является вербовщиком в переполненной офицерами Москве, членство у них должно расти как на дрожжах.

– «Союз защиты Родины». Хорошее название, примиряющее все политические взгляды – кроме, конечно, большевистских. И вы не думайте, что у нас нет подразделений крупнее батальона. Есть и полки, и бригады, и даже дивизия, – значительно понизил голос Зотов, оглянувшись на дверь, хотя подслушать его могли только хозяйка и ее брат – они тактично оставили офицеров наедине.

– Даже дивизия?

Романов быстро перемножил в уме, получилось больше двух тысяч человек. Ого!

– И, возможно, даже не одна. Впрочем, точно не знаю. Так высоко с моего шестка не видно. Но уверяю вас, руководят делом весьма серьезные люди. Когда пробьет час, мы моментально захватим все ключевые пункты столицы и парализуем советскую власть. Нам хватит одного удара, как хватило им в Петрограде полгода назад. Они тогда взяли мосты, узлы связи, резиденцию правительства – и вся огромная Россия оказалась у них в руках. Мы сделаем то же самое, только четче и организованней, по-офицерски.

Нет, это совсем не любительская затея, сказал себе Романов. Сама идея массовой, тысячной организации, которая состоит из легко заменяемых дилетантов, но управляется грамотно, из единого центра, до гениальности дерзка и действенна. Можно сколько угодно гоняться за щупальцами этого спрута и обрывать их, но до головы не доберешься, а пока будешь пытаться, вылезут новые отростки.

– Я только с поезда, в Москве никого не знаю, – сказал Алексей вслух. – Мне бы где-нибудь поселиться, и буду готов выполнять любые приказы.

Оказалось, что юнкер Веня не так уж тактичен. Дверь приотворилась, раздался звонкий голос:

– Господин штабс-капитан, а поживите у нас! Зина, ведь можно? Кабинет Владимира Ивановича все равно пустует.

– Да, конечно, – ответила из коридора Грузинцева после паузы.

До вечера Алексей отсыпался, разом за дерганые фронтовые дни и за тяжелую дорогу. Проснулся, сел на диване – накрыт стол: белейшая салфетка, симметрично разложенные приборы, на фарфоровой тарелке бутерброды с колбасой, печенье, термос с чаем. Залюбуешься. И записка мелким, но твердым, очень красивым почерком: «Есть горячая вода».

Поел, помылся в настоящей ванне, с газовым водонагревателем – давно забытая роскошь. Потом долго, с удовольствием брился, подстриг усы, привел в порядок ногти. Впервые за много месяцев ощутил себя жителем цивилизованного общества.

Вернувшись к себе, в кабинет убитого на войне генштабиста, стал расхаживать вдоль шкафов с книгами, все больше военными и историческими. Прикидывал, что делать дальше. Докладывать пока рано. Да и зачем? Все равно у Орлова никого кроме людей с винтовками нет. Они понадобятся только на завершающем этапе. Сначала нужно установить, кого и где брать. «Осьминожья» конституция удобна в смысле безопасности, но в то же время имеет слабую точку. Конечно, несколько тысяч заговорщиков установить и арестовать невозможно. Но это и не нужно. Если найти голову спрута и нанести по ней удар, можно не заботиться о щупальцах. Без управления и связи они будут беспомощны, перестанут представлять какую-либо опасность.

В кабинете было очень тихо. Пушистый ковер скрадывал шаги, резные часы не тикали. Алексей подумал, не завести ли – в детстве он очень любил заводить старинный отцовский «Мозер» бронзовым ключиком. Нет, не стоит. Если у такой аккуратной хозяйки часы стоят – значит, со смыслом.

Понятным. Умер хозяин, остановилось время.

Вдруг, подумав об аккуратности Зинаиды Андреевны, сообразил, что забыл убрать за собой бритвенные принадлежности.

В носках, чтоб не шуметь, вышел в коридор, прислушался. Нигде ни звука. Время было уже позднее.

Черт, и свет в ванной не погасил!

Он приоткрыл дверь и застыл.

Зинаида Андреевна стояла подле умывальника с зажмуренными глазами, держала в руке, у самого носа, мыльный помазок. Зачем?

– Ради бога извините, – сказал Романов. – Сейчас помою.

Ее глаза раскрылись, в них было смятение.

– Это вы извините, – пробормотала Грузинцева. – Я... я совсем отвыкла от этого запаха. Мужского запаха. Веня еще не бреется...

Алексей перестал на нее смотреть, чтобы не смущать еще больше.

– Вам, должно быть, неприятно, что я разместился в кабинете вашего мужа. Я съеду, как только Иван Климентьевич найдет что-нибудь. Он обещал...

– Я думала, что будет неприятно, но почему-то... Почему-то хорошо оттого, что в доме снова живет мужчина. – Зинаида Андреевна повернула кран, стала медленно, тщательно, мыть помазок. Она тоже больше не смотрела на Романова. – Знаете, мы с Владимиром Ивановичем прожили недолго, я даже толком полюбить его не успела, хотя он был очень хороший человек. Знакомый отца. Когда папа с мамой так внезапно... Веня вам наверно рассказал?

– Нет.

– У нас было имение на Волге. Зимой всегда уезжали туда на Рождество. Последняя предвоенная зима была очень теплая, помните? Они провалились на Волге под лед, вместе с санями и лошадьёю. Канули, будто не было... Мне сейчас иногда кажется, что вся Россия, вся прежняя жизнь тоже ухнула в какую-то черную полынью, и... – Она содрогнулась. – Мне был двадцать один год, Вене двенадцать. Не знаю, как бы мы это перенесли, если б не Владимир Иванович. Он всё время был рядом. Выйти за него замуж казалось таким естественным. И у нас всё было бы прекрасно, я уверена. Но мы поженились в апреле, а в августе война. Потом он один раз приезжал на побывку – и всё...

Романов слушал, вздыхал. Сколько в России таких молодых вдов. И сколько еще появится.

– Что-то я разнюнилась, на меня непохоже. – Грузинцева кашлянула. – Всё запах виноват. Вы живите у нас, Алексей Парисович, сколько

понадобится. Не бойтесь, я вас чувствительными разговорами больше терзать не буду. Спокойной ночи.

В общем, сломала она Романову всё оперативное планирование. Вернувшись к себе, он про дельное уже не думал. Только про то, как же это могло получиться: Орлов с Крюковым для него свои, а Зинаида Грузинцева, Зотов и Веня – чужие? Бред.

Сказка про белого бычка

– Печать «Снабарма» подлинная. И здесь тоже... – Орлов отложил удостоверение, взял мандат, дававший право проезда по железным дорогам. – У них, мерзавцев, есть свои люди и в Совете обороны, и в Наркомате путей сообщения. Хреновые дела, Крюков.

Помощник поглядел бумаги на свет.

– Мать твою! Бланки тоже настоящие. На прошлой неделе только отпечатали с водяными гербами!

Романов, стоя под окном, выпустил струйку дыма в форточку. У Орлова была жестокая простуда, от табачного запаха он начинал кашлять. Апрель перевалил за середину, но теплее пока не становилось.

– Как говорится в анекдоте, вы, ваше благородие, еще не всё знаете, – сказал Алексей, выгоняя сизое облачко рукой. – Что я выяснил за эту неделю у Зотова? Что у «Союза защиты» всюду агенты. Советская власть берет в учреждения кого ни попадя, без проверки. Один «союзник» тянет за собой другого, тот третьего. Советский аппарат, красноармейские штабы – всё червивое. Сколько вы напринимали на службу бывших офицеров и чиновников? Пять тысяч? Десять? Сами, поди, не знаете. Тем более не знаете, кто из них враг, а кто нет. Когда начнется восстание, запылает разом в сотне мест.

– Что ты предлагаешь? – угрюмо спросил Орлов.

У него в кабинете появилось новшество: железная койка у стены, накрытая солдатским одеялом. Член коллегии теперь квартировал прямо на рабочем месте.

Алексей объяснил суть своей идеи, закончив так:

– В общем, нужно выйти на их штаб. Одному мне это сделать трудно, требуются помощники.

Орлов хрипло закашлялся, тряся пальцем, что означало: погоди, сейчас догрохочу и скажу важное.

– Кх, кх, – прочистил он горло. – Мы тут времени тоже не теряем. Завели агентурный отдел, для слежки и сбора оперативных данных. Там уже целых пятнадцать сотрудников, так что помощники будут.

– Мне твои лопухи ни к чему. Только засветятся, всё дело испортят. Зотов рассказал, что в «Союзе защиты» есть специальный орган, занимающийся безопасностью. Называется «Охранный сектор». И состоят в нем профессионалы – бывшие работники полиции, жандармерии,

Охранки. Чем ближе к штабу, тем строже меры предосторожности. Мне не слежка нужна, мне нужны помощники изнутри.

– Как это?

– А вот так. Я теперь у них активный кадр. Видишь, какую службу они мне устроили – чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии. Чусоснабарм, – с трудом выговорил Романов название своей должности. – Буду связным, для того и мандат. Но этого мало. У меня появилось право набрать собственное отделение. Двух человек. Втроем, изнутри, мы сделаем больше, чем твои сопливые «агенты». Найдутся у тебя среди толковых сотрудников бывшие офицеры?

– Шварц есть, – вспомнил Крюков. – Носатый такой. Который студент. Он при Керенском был прапорщик.

– Верно, Ося – парень умный. А где взять еще одного? – Орлов подергал бородку. – Больше офицеров нет.

– Отдай мне Крюкова, – попросил тогда Алексей. – Скажу, встретил боевого товарища, вместе воевали. Он хоть не офицер, но я за него-де ручаюсь. Захотят проверить – всё правда. Были вместе на фронте.

Орлов опять захекал, застучал себя ладонью по груди.

– Гад ты, Леша. Пользуешься моей слабостью. У больного человека последнее отбираешь... Ты как, Крюков? Согласен?

– Я не девка, меня спрашивать не надо, – ответил бывший ефрейтор. – Ты только это, жрать без меня не забывай. На улицу без лишней надобности не шастай. Порошок пей, какой доктор прописал.

– Ой, забирай его к черту! – Орлов махнул рукой. – Хоть отдохну без няньки.

А только ничего из плана с помощниками не получилось. Зотов спросил, как зовут прапорщика Шварца, и, услышав, что Иосифом Самуиловичем, сразу заявил, что евреев в организацию не принимают. Завернул и ефрейтора Крюкова – нижним чинам в «Союзе» тоже не место. Такой порядок.

– Хотел я сделать быструю карьеру – не вышло, – уныло пошутил Алексей. – Не бывать мне отделенным...

От первоначального замысла пришлось отказаться. Работать предстояло все-таки в одиночку. Стратегии это не меняло, но сильно затягивало дело.

Стратегию подсказала сама структура «Союза». Проследить всю цепочку, осторожно, звено за звеном: от «отделенного» к «взводному»,

от «взводного» к «ротному», от «ротного» к «батальонному», и так до самого верха. Только не спугнуть дичь.

Зотова не надо было и выслеживать. Иван Климентьевич уже считал штабс-капитана за своего и сообщил адрес, по которому его можно разыскать в случае необходимости. Он даже проговорился, что дважды в неделю, по вторникам и пятницам, встречается с взводным командиром для доклада и получения приказов.

В ближайшую пятницу Алексей просто «повел» подполковника прямо от дома. На Патриарших тот десять минут посидел на скамейке с каким-то господином Подкрученные Усы, и оттуда Романов уже сел на хвост новому объекту. Объект доехал на трамвае до Крымской площади и вошел в здание Провиантских складов, расписавшись в журнале на проходной. По подписи его чекисты и установили: бухгалтер Бакшаев, Христофор Петрович, проживает в Большом Ушаковском переулке. Ага, бухгалтер – с такой-то выправкой.

«Бухгалтера» Романов пас три дня, благо должность «чусоснабарма» присутствия на службе не требовала. Бакшаев встретился еще с двумя мужчинами явно офицерской наружности, но Алексей на них тратить время не стал. В свое время на контрразведывательных курсах Романов прослушал несколько лекций по визуальной дедукции, полезнейшему инструменту слежки. Даже не слыша, о чем говорят люди, можно многое определить по психопластике, то есть по движениям и мимике: примерный предмет и ход беседы, иерархический и энергетический баланс. Эти двое иерархически стояли ниже Бакшаева. Такие же «отделенные», как Зотов, – ясно. Но в воскресенье в чайной профсоюза медсанработников Подкрученные Усы посидел за одним столиком с Усами Подковой и вел себя поведенчески недвусмысленно: сначала напряженно говорил, заглядывая собеседнику в глаза (докладывает), потом так же напряженно слушал, кивая (получает приказ).

Усы Подковой оказался врачом соседнего военного госпиталя доктором Кирилловым, бывшим лекарем лейб-гвардии Кирасирского полка. На чертова эскулапа, несомненно ротного командира, ушла уйма времени, исключительно из-за Алексеевой тупости. Ни с кем, похожим на подпольное начальство, Кириллов не контактировал. Лишь на седьмой день, и то по случайности, Алексей у двери подслушал обрывок тихого разговора, в котором доктор сказал собственному фельдшеру: «Будет исполнено, Карл Петрович». Притом фельдшера этого Романов видел поблизости ежедневно, и звали его вовсе не Карлом Петровичем, а Прохор Иванычем. Он-то, выходит, и был «батальонным».

Зато со следующим звеном повезло. В тот же день липовый «Прохор Иванович» наведалься в Хамовнические казармы и погулял вдоль ограды с командиром полка имени Парижской коммуны товарищем Стаднисом. В завершение разговора был поощрительно похлопан по плечу, из чего следовало, что Стаднис командует полком не только у красных, но и у заговорщиков.

Вся эта нескончаемая сказка про белого бычка Романову начинала сильно надоедать, тем более что Стаднис по своей официальной должности без конца встречался с разными прямыми и непрямыми начальниками, так что каждого из них, кто прежде был офицером, потом приходилось проверять. Все оказались чистыми.

Лишь на первомайской демонстрации Алексей наконец вышел на «бригадного». Когда полк имени Парижской коммуны стоял перед Историческим музеем, дожидаясь выхода на Красную площадь, командир вдруг подошел прикурить к уличному точильщику. Тот выглядел живым олицетворением Освобожденного Труда: вжикал ножиком по каменному кругу – салютовал пролетарскому празднику искрами, а на синем халате красовался кумачовый бант. Но комполка, прикуривая папиросу от простецкой самокрутки, больно долго шевелил губами, точильщик же ответил коротко и резко, после чего Стаднис виновато кивнул.

И сразу перестало быть скучно. Горячо, очень горячо! Это бригадный начальник. Огонь совсем близко!

От Зотова было известно, что на высшем уровне заговор состоит из «дивизий», а значит, оставалось подняться всего на одну ступеньку.

Интересный точильщик сразу после ритуала с прикуриванием перестал сыпать искрами и пошел с краснознаменного ликования прочь – Театральной площадью, потом дворами. За первой же подворотней Романов наткнулся на брошенный станок. Там же валялся красный бант. Высунувшись из-за угла, увидел, как идущий впереди человек скидывает халат, под которым оказался приличный чесучовый костюм.

«Ах попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети. Не расстанусь я с тобой ни за что на свете», – тихонько напевал охотник, передвигаясь стремительными, бесшумными рывками от одного прикрытия к другому. «Бригадный» то и дело оглядывался, но непрофессионально: за секунду до движения по плечам и шее угадывалось, что сейчас обернется.

На Кузнецком Мосту объект остановил извозтрудящегося, бляха 578, крикнув: «Плачу за скорость!» Коляска резво уцокала по бульжнику в сторону Трубной, но это ничего. Грамотный нелегал до пункта следования обязательно поменял бы средство передвижения, но от этих горе-

конспираторов подобных тонкостей ожидать не следовало.

И точно. Бляха 578 потом рассказал чекистам, что довез щедрого пассажира до уголовного дома на Семеновской улице и видел, как тот здоровается с дворником.

– Бывший подполковник Гуцин, живет под собственным именем, – сообщил вечером Орлов. – Москвич, долго отсутствовал, домой вернулся в конце марта. Очень возможно, что прислан с Дона. Дворник слышал, как Гуцин что-то говорил жене про Новочеркасск. Это рыба уже крупная, Леша. Одна ступенька осталась, и выйдем на их штаб. Умоляю – не дай им соскочить.

– Не суйтесь под руку – не соскочат. Но у нас осложнение, – озабоченно сказал Романов. Он смог выбраться на Поварскую лишь поздним вечером, и на то имелись причины. – Отправляют в командировку. Связным, в Казань. С важным сообщением к тамошнему филиалу.

– К какому еще филиалу? – спросил Крюков.

– Был у меня сегодня с Зотовым разговор. Паршивый. – Алексей вздохнул. – У «Союза», оказывается, есть филиалы в нескольких городах. В назначенный день восстание начнется синхронно. За тем из Москвы и отправляются курьеры. Меня выбрали, потому что я бывший контрразведчик, имею опыт конспирации. В Казани я должен каждый день с девяти до девяти пятнадцати стоять под вокзальными часами. Рано или поздно ко мне подойдут, произнесут пароль. А сколько курьеров едут и в какие еще города, Зотов не знает.

Орлов нахмурился.

– Где сообщение?

– Вот. – Романов протянул картонный коробок. – На дне записано, под спичками.

Член коллегии и его помощник, сдвинув головы, уставились на комбинацию цифр.

– Зашифровано, мать-перемать! – выругался Крюков.

– А ты как думал?

Алексей хотел помучить их подольше, с удовольствием пуская колечки дыма, но Орлов его быстро раскусил.

– Судя по довольной роже, ты эту белиберду уже расколдовал. Ну?

– Потому и просидел допоздна. Не ждал от «Союза защиты» таких изысков. Это математическая шифровка по системе Чейза, применяется у англичан. В шестнадцатом году я работал с ними по делу о германской подводной лодке, только потому и понял. Пришлось повозиться, но

разобрался.

– Что тут написано?

– Только два слова. «Первое июня».

Крюков опять выругался. Повисла зловещая пауза.

– Романов, дай папиросу! – попросил Орлов.

– Тебе нельзя, снова раскашляешься, – сказал помощник.

Тут выматерился уже член коллегии.

– ...! Месяц остается, а мы еще на их центр не вышли! И ты уезжаешь! Что будем делать? Работать по Гущину без тебя?

– Ни в коем случае. Лучше отправь кого-нибудь в Казань под моим именем. Дело-то несложное. Передаст коробок, и всё.

– Нет, нельзя... – Орлов яростно взъерошил волосы. – Ты там тоже нужен. В Казани хранится золотой запас республики. Если произойдет мятеж и золото захватят враги – беда. Поезжай, Леша. Ты должен не просто отдать шифровку, а зацепить их организацию. Казанские товарищи доработают без тебя, но выведи их на след. И живо назад. Я тебя буду ждать, как ждет любовник молодой минуты верного свиданья. К Гущину соваться без тебя не будем. Слово.

И Романов поехал в Казань. Там он пробыл до 12 мая и успел много больше, чем просто «зацепить» местную организацию «Союза». Добрался до самой верхушки заговора. Его устройство было не таким осторожным, как в Москве, все нити тянулись в штаб гарнизона. Алексей вышел на одного из руководителей, помначштаба Линца, и оставалось только определить остальных, но двенадцатого поступила «молния» от Орлова с приказом немедленно возвращаться.

Обратно в столицу Романов ехал прямо как народный комиссар – литературным из одного вагона, и других пассажиров не было. Попутные поезда и даже воинские эшелоны давали дорогу, так что останавливались лишь для заправки углем. И оба раза Романов должен был давать со станции телеграмму: «Проехал Ибреси», «Проехал Муром».

В Москву прибыл днем тринадцатого. Встречал его лично Орлов, на автомобиле. В машине и поговорили.

Член коллегии сразу оборвал жалобы Романова на то, что ему не дали размотать казанский клубок до конца:

– Пускай товарищи берут кого знают, остальные – черт с ними. Не до Казани. Тут не знаешь, за что хвататься.

Он не усмехался, шуток не шутил – вообще был не похож на себя всегдашнего.

– Данные о «Союзе защиты Родины» поступают отовсюду. Не только в

Москве, а в Калуге, Ярославле, Туле берем всякую контрреволюционную шантрапу – кто наболтает лишнего, кто сдуру попадетсЯ. И всякий раз нитка обрывается. Это значит, что у «Союза» все больше и больше филиалов. А сколько городов, про которые мы ничего не знаем? На ящике с динамитом сидим, Леша. Надо запал поскорее выдернуть, а он в Москве. Так что давай, дорабатывай Гущина.

Романов потянулся, откинувшись на мягком сиденье. От Мурома до самой Москвы он дрых и толком еще не проснулся.

– Ничего, время до 1 июня еще есть. – Зевнул. – Суетиться незачем. Хуже всего, если они почуют слежку. Тогда могут ударить раньше времени, а дальше по городам сдетонирует само. Не гони, Орлов. Хороший жокей скакуна перед стартом не нервирует. Я сейчас заеду домой, приму горячую ванну, попью чайку, а потом выйду на ипподром и добуду тебе приз.

Орлов малость успокоился.

– Это хорошо, что ты такой веселый. Веселые бывают двух сортов – умные и дураки. Знаешь, как отличить первых от вторых?

– Как? – улыбнулся Алексей.

– Умные ездят на авто, а дураки топают на своих двоих. Выметайся из машины.

Само собой. Не на чекистском же «паккарде» было катить в Трубниковский переулок.

– Минутку, Веня! Надену халат! – крикнула откуда-то из глубины квартиры Зинаида Андреевна, когда Романов позвонил условленным образом.

Звякнула цепочка.

Голова хозяйки была обмотана полотенцем. В голосе то ли испуг, то ли растерянность.

– Вы?!

Алексей не удержал взгляда, который сам собой скользнул книзу, туда, где в разрезе халата на розовой коже поблескивали капельки. Смутился, опустил глаза совсем к полу, но там под халатом белели ноги. Пришлось все-таки поднять голову. Пахло свежевывытыми женскими волосами и еще чем-то сладким, от чего сбилось дыхание.

– Вот, вернулся... – сказал он, не придумав ничего более складного.

За всё время после того, первого разговора они с хозяйкой ни разу не оказывались в такой близости друг от друга. Казалось, Грузинцева избегает постояльца. Должно быть, чувствовала, что ему с ней неловко. Правда, Романов почти не бывал в квартире, целыми днями пропадал, гоняясь за

своим белым бычком. Возвращался – в кабинете на столе ждал накрытый салфеткой ужин. Утром, как рано бы ни встал, из гостиной несся стук печатной машинки. Завтракал на кухне один или, если не повезет, с юнкером. Находиться рядом с мальчишкой, судьба которого была предрешена, Романову тоже не нравилось, но Веня, в отличие от сестры, чуткостью не отличался и, наоборот, ужасно радовался, если они оказывались за столом вместе. Сразу начинал делиться событиями своей увлекательной подпольной жизни. Его наконец приняли в «тройку» полноправным членом! Ему дали очень важное задание, сугубо секретное, но господину штабс-капитану рассказать можно! Он ездил за город, на стрельбище, и выбил сорок два очка из пятидесяти!

В общем, юнкер сильно портил настроение. Зато когда Алексей сталкивался с Зинаидой Андреевной, разговор бывал недлинный: здравствуйте – мне так неудобно, что вы стираете мои вещи – ну что вы, я привыкла – возьмите продуктовые карточки на неделю – право, не нужно, у нас всего достаточно – вот и вся беседа.

Тем удивительней была пауза, повисшая между ними сейчас. Зинаида Андреевна стояла, заслонив собою дверной проем, смотрела ему прямо в глаза, ее приоткрытые губы подрагивали.

– Я думала, что больше вас не увижу, – сказала она, и голос тоже дрогнул. – Вы вдруг взяли и пропали. Иван Климентьевич перестал появляться. Веня ничего не знает. Я сначала обиделась: как же так, даже не попрощался. Потом вижу – часть вещей осталась. Господи, думаю, с ним что-то случилось! Одиннадцать дней!

– Получил срочное задание от Ивана Климентьевича, потому он и не приходил – знал, что меня нет. А не попрощался я уезжая, потому что никого не было дома. Записку оставить не мог, это противоречит правилам конспирации. Ради бога простите, – сбился Романов, заметив слезы в ее глазах. – Я не предполагал, что вас расстроит мое исчезновение...

– Это вы меня простите, – спохватилась Зинаида Андреевна. – Держу вас на пороге. А в каком я виде! Без мужчины в доме совсем распустилась.

Запахнула халат плотнее, прикрыв грудь. Хотела еще что-то сказать, но не удержалась, всхлипнула, сама на себя сердито махнула рукой.

Пошла по коридору, но через несколько шагов обернулась.

– Вы странно на меня действуете, Алексей Парисович. Как репчатый лук. А ведь я редко плачу.

Смахнула слезинку, одновременно пытаясь улыбнуться. Несколько мгновений постояла, словно ждала, не ответит ли он.

Романов молчал. Он даже не зашел в ванную, которая, верно, после

Зинаиды Андреевны вся пропахла демобилизующими ароматами. Не стал и есть. Просто бросил саквояж и отправился на Семеновскую улицу. Пообещал себе, что станет бывать в Трубниковском еще реже. Операция подходит к этапу, когда исполнителю необходима полная сосредоточенность. Угрызаться совестью не время.

Сюрприз

Единственное, что Романов доверил московским чекистам, – подготовить «скрадку», она же «засидка». Этим термином, применяемым в охоте на кабана или волка, у контрразведчиков называют пункт стационарной слежки. Орлов сказал, что прямо напротив дома, где живет «бригадный командир» Гуцин, снята квартира с телефоном. На случай, если объект, как в прошлый раз, возьмет извозчика, приготовлен велосипед.

Квартирой Алексей остался доволен. Оттуда просматривался не только гуцинский подъезд, но можно было даже заглянуть в окна. На кухне были заготовлены папиросы и продукты – хлеб, колбаса, жестянка чаю.

Однако в «скрадке» не сидят в одиночку. Нужен напарник, а то ни умыться, ни в уборную отойти.

Протелефонировал на Поварскую.

– Орлов, пришли мне на Семеновскую этого твоего прапорщика. Как его, Шмидт?

– Шварц. Ага, все-таки потянулся к коллективному труду, кустарь-одиночка. Жди. С агентом Шварцем ты не соскучишься, обещаю.

Прапорщик, даже «керенского набора», закончил хотя бы офицерские курсы. Значит, худо-бедно обучен составлять схемы, вести учетную запись, грамотно пользоваться биноклем – чтоб не демаскировать себя бликами. Опять же студент, не пролетарий, с которым и не поговоришь толком. Черт знает, сколько тут куковать.

Появился Шварц уже через час и своим видом навел на Алексея тоску. Лучше уж был бы пролетарий. Такой утрированный еврей с черносотенной карикатуры: носатый, губастый, с копной мелкокурчавых волос, еще и в пенсне. Единственно не картавый, а с неприятной питерскому уху маасковской растяжкой.

– Вы и есть праславленный мастер сыска? – спросил новый помощник, скептически оглядывая Алексея. – Очень приятно.

– Там поглядим, приятно или нет, – ответил Романов, проигнорировав протянутую руку.

Он эту интеллигентскую породу хорошо знал. Станешь политесничать – сядет на голову, начнет демонстрировать, какая он уникальная и яркая личность. А если сразу против шерсти – надуется, зато будет стараться.

Коротко и сухо объяснил, что придется делать и каковы правила

наблюдения.

Шварц брезгливо выслушал. Вполголоса сказал:

– Дуболом и антисемит. Ну и черт с ним.

– Что?! – поразился Алексей.

Напарник вежливо объяснил:

– Не обращайтесь внимания. Это я сам с собой. Привычка.

И стало ясно, что с агентом Шварцем действительно не соскучишься.

Наблюдение он, впрочем, вел безукоризненно. Встал сбоку от окна, в тени. Прodelал в тюлевой занавеске дыры для окуляров. Головой не вертел, ни на что не отвлекался. Только всё время напевал довольно противным фальцетом, словно в комнате никого больше нет. Песни были тягучие, странной мелодики и совершенно непонятного содержания.

– Что это за язык? – спросил Романов, от нечего делать затеявший разборку и смазку «нагана».

– Древнееврейский. Я еврей, если вы не догадались, – язвительно ответил Шварц, не отрываясь от бинокля. – Кстати говоря, интересно это вам или нет, в прихожей зажегся свет. Вижу мужчину, надевающего котелок. Собирается выходить.

Алексей в десять секунд собрал револьвер, кинулся к двери.

– Ни на что не отвлекаться! Всех входящих записывать.

Скатился по лестнице. Осторожно выглянул из парадной.

Гущин как раз выходил на улицу. Поднял воротник, слегка поежился (с неба побрызгивал дождик). Двинулся в сторону Таганской площади.

Романов ходил за ним до вечера. У Гущина произошло три встречи, все короткие: две с незнакомцами, третья – опять со Стаднисом. По психопластике было видно, что Гущин для всех троих старший. Значит, полковые командиры. Не то.

Вернулся Алексей в сумерках.

Напарник все так же сидел с биноклем у окна, мельком оглянулся, поморщился, ничего не сказал.

Рядом лежал листок. Романов заглянул:

16.45 – Дворник. Пробыл 4 мин.

17.12 – Почтальон. Настоящий. 1 мин.

18.50 – Связной. Всегдашний. Рост ок. 6 фут., худ., легк. хром. на лев. ногу. 1 мин.

– Откуда вы поняли, что почтальон настоящий, я предположить могу. Очевидно, он разносил почту и по другим квартирам. Но с чего вы взяли,

что хромой был связным, да еще всегдашним?

– Вошел с газетой, вышел без, – буркнул Шварц. – В газете удобно маскировать шифровки. Поцеловал хозяйке руку, что-то коротко сказал и сразу ушел. Значит, не в первый раз.

– Кажется, с напарником мне повезло. – Романов улыбнулся и пропел запомнившуюся строфу из шварцевской песни: – *Шалу шалом, шалу шалом, Ерушалаим.*

Шварц оглянулся еще раз, уже с интересом.

Констатировал:

– Не дуболом и, кажется, не антисемит. Давай, что ли, познакомимся? Я – Ося.

Под разговоры служба пошла веселей.

Иосиф Шварц раньше был студентом Московского технического училища. До семнадцатого года не воевал, потому что имел «белый билет».

– Зачем мне умирать за русского царя? Мы, евреи, от России и Романовых хорошего видели мало, а плохого много. Я был сионист. Думал, получу диплом и уеду в Палестину. Пускай русские живут как хотят, а нам, евреям, надо строить свое государство. Но после Февральской всё изменилось. Гляжу вокруг – нравится. Э, думаю, если больше нет черты оседлости и дискриминации, зачем уезжать? Где родился, там и пригодился.

– Поэтому ты пошел в армию?

– В армию я пошел из-за Миркина.

– Из-за кого?

– Ты не знаешь, кто такой Миркин? – поразился Шварц. – Я думал, все люди знают Миркина. Хотя, конечно, до недавнего времени «все люди» для меня означало «все евреи». Лев Миркин – председатель «Союза евреев-воинов». Гусар, заслужил на войне полный георгиевский бант, но до Февраля оставался вольнопером, потому что евреев в офицеры не производили. Зато в семнадцатом, когда запрет отменили, в несколько месяцев дослужился до ротмистра. Прошлой весной он выступал перед сионистской молодежью, убеждал не уезжать, говорил: наша родина – Россия, а родину в трудный час не бросают. Хорошо выступал. Ну, я выкинул «белый билет», закончил школу, попал на фронт. Но в окопах мне мозги быстро прочистили. Когда все вместе, рядом, и каждого в любой момент может убить или покалечить, быстро понимаешь, что это не важно, кто еврей, а кто нет. Важно, кто смелый, а кто трус, кому можно доверять, а кому нельзя.

Романов кивнул. Он знал, как это бывает. А потом рано или поздно

встречаешь своего Орлова, и тот объясняет тебе, в чем правда – если ты к тому времени сам еще не понял.

– Я главное что уяснил? Миркин хоть и герой, но ошибается. Родина человека не Россия и не Израиль, а вся земля. И пока на всей земле не устроится хорошая жизнь, ни в России, ни в Израиле хорошей жизни тоже не будет. Это и есть главная на свете правда. Так я стал большевиком-интернационалистом, – важно закончил Шварц.

– Но все равно остался евреем. Песни поешь, антисемитов вычисляешь.

– Разве утка может перестать быть уткой оттого, что она – птица? – пожал плечами бывший прапорщик. – Это отлично, что я еврей. Евреи нужны мировой революции. Потому что мы есть во всех странах. Мы – как цемент, который всё сцепит. Или нет – мы электрические провода, по которым пойдет ток и всюду загорится свет... Ой, у них свет погасили. Спать ложатся. Может, и нам отдохнуть? Третий час ночи.

– Отдохну я, мне завтра наверняка опять по городу бегать. А ты сиди, наблюдай.

Алексею показалось, что он только-только сомкнул глаза, когда по лбу что-то щелкнуло. Вскинулся на топчане – в лицо полетела еще одна скомканная бумажка.

Через окно сочился рассвет.

– Подъем, – тихо сказал Шварц, отрываясь от бинокля. – В прихожей свет. Объект надевает шляпу.

Романов уже натягивал сапоги.

– Который час?

– Двадцать минут пятого.

Куда Гуцин собрался в такую рань? Это неспроста.

– Можешь подрыхнуть, пока меня нет, – крикнул Романов уже из коридора.

Объект вел себя не так, как вчера. Через каждые десять шагов озирался. Знать, важное дело. Вчера встречался с подчиненными, сегодня идет к начальнику – это было бы логично.

Горячо, горячо!

Смешные гуцинские предосторожности для Алексея, конечно, проблемы не представляли. На пустой улице можно отстать на безопасную дистанцию, а перемещаться бросками, от прикрытия к прикрытию.

Так дошли до Таганки, где Романову сначала не повезло. Надо ж

такому статья! Из-за угла вдруг выехал извозчик, черт знает откуда приблудившийся в этот глухой час. Гуцин махнул рукой, уселся. Вот когда пригодился бы велосипед!

Но удача сменила гнев на милость. Извозчик переспросил зычным голосом, далеко слышным в рассветной тиши:

– К Страстному? Доставим!

Пролетка покатила вниз по Земляному Валу.

Минут через пять Романов тоже нашел извозчика. Тот не хотел брать седока – у него закончилась смена, но Алексей за неимением удостоверения предъявил «наган». Убедительный довод подействовал.

Погнали со всей мочи и более коротким путем – через Язу и по бульварам. Поэтому на площадь перед Страстным монастырем Романов попал раньше и несколько минут прятался за одиноким, нахохленным Пушкиным, прежде чем на углу Сытинской типографии остановилась знакомая коляска.

Потом Гуцин довольно долго петлял переулками, постоянно оглядываясь. Романов тихой тенью скользил сзади.

Напротив большого жилого дома объект остановился. Стал чего-то или кого-то ждать. Время было 4.52.

Ровно в пять из подъезда вышел прямой, как шест, мужчина в клетчатом кепи. Гуцин шагнул навстречу, приподняв котелок. Незнакомец просто кивнул, подал руку первым. Командир – без сомнений.

Романов чуть не запел.

Медленным шагом заговорщики двинулись в сторону Алексея. Он спрятался в подворотню, слился со стеной.

Они прошли не более чем в пяти шагах.

– ...Численность растет, а сумма выделяется прежняя, – торопливо говорил Гуцин. – Стаднуса это не касается, у него все люди на советском жалованье, но Бердников и Тышкевич в большом затруднении.

– Хорошо. Поставлю вопрос о финансах перед штабом. Прямо сейчас.

Профиль у дивизионного командира был твердый, будто выкованный из чугуна. Подбритые в узкую полоску усики. Больше Романов ничего разглядеть не успел.

Решил, что досчитает до двадцати, прежде чем выглянет вслед – не дай бог дерганый Гуцин как раз оглянется и заметит. Потом решил, что безопаснее досчитать до тридцати.

Судьба уберегла – не иначе.

На счете «двадцать семь» мимо укрытия беззвучно проплыл некто в сером пальто и сером матерчатом картузе.

Это что за новости?

Романов осторожно, чуть-чуть, высунулся – и снова спрятался.

Серый вскинул к глазам руку – как бы поглядеть на часы, но чуть выше, чем требовалось. Жест знакомый. Подобным образом секретных агентов учат проверять, нет ли слежки. Стекло на часах для этого делают зеркальным.

У ВЧК в штате таких умников нет. Вывод? За дивизионным командиром ходит личный телохранитель, хорошо подготовленный.

Слежка становится рискованной. Рано или поздно профессионал ее заметит.

Сюрприз. Пренеприятный.

Или пан, или пропал

И все же Алексей решил, пока не кончились тесные переулки, походить за интересной троицей еще. На широкой улице или на площади, конечно, придется их выпустить. Эх, жалко!

Минут через пять «дивизионный» и Гуцин распрощались. Дальше человек с чугунным лицом двинулся один – если не считать сопровождавшую его на отдалении «тень». Охранник держался метрах в двадцати, на противоположном тротуаре, и всё время поглядывал по сторонам, не забывая проверять и тыл – то на часы посмотрит, то в витрину.

Ужасно не хотелось выпускать такую добычу. Возникла некая идея, но до того наглая, что Романов сначала от нее отмахнулся – бред. Идея, однако, вернулась и скреблась всё настойчивей.

Чугунный сказал Гуцину: «Поставлю вопрос перед штабом. Прямо сейчас».

Значит, он идет на заседание штаба. Какого – ясно. Это шанс выяснить, где собирается всё руководство «Союза», а может быть, и установить состав.

Конечно, риск велик. Но в случае успеха велик будет и приз.

Впереди между домами появился широкий просвет – какая-то большая улица. Там слезке конец.

Была не была.

Действие первое: комедия с переодеванием.

Алексей перестал таиться, а, наоборот, с топотом побежал вперед, прямо к серому. Момент был отличный – «дивизионный» уже свернул за угол, а телохранитель еще оставался в переулке.

Серый, само собой, обернулся, бегло оглядел приближающегося человека по рутине, знакомой каждому профессионалу: лицо, руки, обувь. По последней часто определяют «хвоста». Чтоб не примелькаться, следящие меняют головной убор или переворачивает наизнанку верхнюю одежду, но переобуться сложнее. Если у мастерового вдруг окажутся приличные штиблеты – ясно, что маскарад.

Кадр из Охранки, не из Жандармского, определил Алексей (он тоже на бегу проделал осмотр сверху вниз, а как же). Вблизи было видно, что у серого характерная «медвежья походка», в Жандармский с таким плоскостопием не взяли бы.

– Часы есть? Сколько времени, браток? – крикнул Романов, как бы собираясь пробежать мимо. – Зараза, смену проспал!

Ничего подозрительного в спешащем человеке охранник не усмотрел, поднял руку с часами.

Романов ее схватил, вывернул за спину, взял левым локтем шею лопуха в зажим, сдавил сонную артерию, придержал обмякшее тело.

Вроде всё вокруг тихо.

Сзади пусто. Из окон никто не выглядывает.

Доволок бесчувственное тело до ближайшего подъезда. Стянул серое пальто, надел на себя. Нахлобучил и картуз. Для верности стукнул охранника кулаком в висок – чтоб нескоро очнулся.

И – догонять.

«Дивизионный» успел уйти не очень далеко, метров на сто. На всякий случай Алексей до предела увеличил дистанцию и опустил козырек на лицо.

Пару раз – сначала на площади Никитских Ворот, потом на бульваре около сидящего каменного Гоголя – объект мельком оборачивался, но подмены, похоже, не заметил.

Старую, вернее, теперь новую столицу Алексей знал не очень хорошо, но место, к которому вывел бульвар, было знаменитым – там стоял Храм Христа Спасителя с его массивным купеческим куполом. Посреди площади объект остановился, будто что-то вспомнив. Затем вдруг обернулся и властным жестом поманил Романова.

Сейчас будет действие второе: комедия ошибок.

Расстояние сокращалось, и с каждым шагом суровое лицо Чугунного менялось: легкое удивление – недоумение – тревога.

– Я вас не знаю, – сказал «дивизионный», его рука опустилась в карман.

– Я недавно в организации, – тихо ответил Романов. – «Охранный сектор» тоже растет.

Раз у них есть «Охранный сектор», резонно предположить, что за безопасность руководства он и отвечает.

Рука покинула карман, повисла в воздухе.

– А Рычков куда делся?

– Мне приказано его сменить.

Ладонь протянулась вперед.

– Полковник Меркуров.

– Я знаю, кто вы, – слегка усмехнулся Алексей, почтительно отвечая на рукопожатие. – Романов моя фамилия. Вы зачем меня подозвали? По

инструкции не положено. Люди смотрят.

На паперти уже сидели первые нищие, хоть до заутрени было еще далеко.

– Знаю. Есть срочное поручение. Я пробуду в амбулатории долго. Чем торчать снаружи без дела, лучше вернитесь ко мне домой и возьмите у жены синий блокнот. Я забыл его в прихожей. Пароль вы знаете, жену зовут...

– Тоже знаю, – перебил Романов. – Будет исполнено.

И не тронулся с места.

– Ну так исполняйте.

– После того, как сопровожу вас до места.

– Да сколько здесь осталось? – Меркуров качнул головой на Остоженку. – Сам дойду, не барышня. А блокнот мне понадобится.

– Я человек военный. Инструкция есть инструкция.

Спорить Меркуров не стал, только чертыхнулся. Значит, «Охранный сектор» у них сам по себе, сделал вывод Алексей. Дивизионному командиру не подчиняется.

– Тогда идемте рядом. Чего теперь ваньку валять?

Пошли.

– Вы тоже бывший сотрудник Охранного отделения, как Рычков?

Алексей обиженно хмыкнул.

– Я из военной контрразведки.

– Извините, – чуть смутился Меркуров. – Вы офицер?

– Штабс-капитан.

– Эк меня Василий Васильевич ценит. Лестно... – рассеянно пробормотал спутник и надолго умолк, думая о своем.

Романов на полшага поотстал и тоже, как давеча серый, принялся отслеживать зоны: лево, право, тыл; лево, право, тыл.

Миновали монастырек с красной стеной, вышли к небольшому скверу.

– Черт, я последний, – сказал Меркуров. – Все уже здесь.

В скверике сидели и прохаживались раз, два, три, четыре, пятеро мужчин, одетых по-разному, но одинаково повернувшихся и сразу отвернувшихся. При этом каждый держался наособицу, будто сам по себе.

Тоже охранники, не ошибешься, определил Романов.

– Всё, штабс-капитан. Довели до места – дуйте за блокнотом. Постарайтесь взять извозчика. А я пойду полечусь.

Меркуров направился к полутораэтажному особнячку с вывеской «Амбулатория». Очень удобно для конспиративных встреч, оценил Романов. Может приходить кто угодно, не вызывая подозрений.

Он немного прогулялся по тротуару, ловя на себе быстрые, хватистые взгляды остальных. Встречаясь глазами, слегка прищурился, как это делают люди секретных служб, когда хотят незаметно поприветствовать друг друга.

Потом, тихо выругавшись и даже стукнув себя по лбу, быстро пошел к крыльцу. Пусть думают, что он собирается догнать Меркурова.

В приемном покое у стены стояли стулья для посетителей, за столом, под плакатами про вшей и про сифилис, милосердная сестра. Немолодая, со злющей, совсем не милосердной рожей, в холщовой шапочке с красным крестом.

Две двери – одна слева, другая справа.

– Вы к кому? К доктору Ананьеву или к доктору Зассу?

Один врач, верно, для маскировки, принимает обычных посетителей, а второй – тот, который нужен, подумал Романов. Но который?

– Не спрашивайте глупостей, – сердито сказал он. – К кому я могу прийти в шестом часу утра? Я с Меркуровым.

Она молча качнула головой влево.

Коридор. В конце еще одна дверь. Из-за нее слышатся голоса.

Романов глубоко вздохнул. Громко постучал. Голоса умолкли.

Ну, действие третье: пан или пропал.

Карантин

Кабинет как кабинет: стеклянные шкафы, диплом в рамке, умывальник с зеркалом. Внутри шестеро. Один, вероятно, сам доктор (Ананьев или Засс?) сидел за столом, четверо, включая Меркурова, – на стульях вдоль стен, и кто-то еще стоял за спиной у предположительного доктора. Рассматривать их пока было некогда.

– В чем дело? – резко повернулся Меркуров и объяснил остальным. – Это мой охранник, штабс-капитан Романов.

Тот, что стоял позади «Доктора», чуть качнулся, пальцы левой рукой нырнули в правый рукав. Алексей, находившийся в предельной концентрации, немедленно зарегистрировал это плавное, но быстрое движение. Человек был невысок, плотен, совершенно лыс или наголо обрит, с мясистым лицом. По оперативной привычке давать клички объектам, чье имя неизвестно, Романов мысленно нарек его «Толстовцем» (у лысого под пиджаком была толстовка).

Левша, отменная реакция. Что у него в рукаве – маленький шестизарядный «штейер» с креплением на запястье? И почему «Толстовец» стоит, когда все сидят?

– Так точно, господа, я штабс-капитан Романов, но я не охранник.

Алексей смотрел на «Доктора», который несомненно был здесь главным.

Плешеватый, лобастый, мешки под глазами, взгляд острый и в то же время очень спокойный (нехорошее сочетание). Воротнички на рубашке несвежие, на куртке не хватает пуговицы (вечный одиночка; не придает значения внешности). Сцепленные на столе руки чуть пошевеливают тонкими пальцами с грязноватыми ногтями (нет, не доктор; высокий накал внутренней энергии, но полный контроль над эмоциями).

Вместо того чтоб спросить: а кто же ты, если не охранник, «Недоктор» лишь прищурился. Ждал, что последует дальше. Серьезный тип, очень серьезный.

– Я рядовой член «Союза», – продолжил Алексей, по-прежнему глядя только на главного, но периферийно следя за руками «Толстовца». – Пять недель в организации. В прошлом я контрразведчик. Служил с генералом Жуковским, с князем Козловским. Моя специальность, помимо прочего, – охрана особо важных персон. Одно время я даже состоял при поезде его величества. И мне, господа, совершенно невыносимо наблюдать за

бардаком, который у нас творится! Конспиративные организации, которые так устроены, обречены на провал! То, что всех нас еще не зацапали чекисты, объясняется лишь их непрофессионализмом! Но зацапают, будьте уверены! И я решил доказать вам, как легко это сделать.

Он говорил напористо и очень быстро, всё время повышая голос, чтобы ни на миг не потерять инициативы.

– Как дважды два, путем элементарной слежки, я прошел по всей вашей смехотворной цепочке. От отделенного командира к взводному, потом к ротному, батальонному, полковому, бригадному. Тот преотлично вывел меня на господина Меркурова. – Романов кивнул на своего кратковременного подопечного, слушавшего с отвисшей челюстью. – Да, дивизионного командира у вас опекает личный телохранитель, на нашем жаргоне «тень», но это, извините, несерьезно! Я легко его нейтрализовал, подменил собой – и вот я на заседании центрального штаба...

«Толстовец» наконец показал, что у него в рукаве – узкий стилетообразный нож.

– Что с Рычковым?! Убью! – крикнул он, отведя руку с клинком вниз и назад. Нож метательный.

– ...И если б на моем месте был чекист, он явился бы сюда не один! – закончил Романов, готовясь, если понадобится, увернуться.

«Недоктор» негромко цокнул языком.

– Тубо́, Василий Васильич. В ваш огород камешки.

Явление штабс-капитана Романова народу демонстрирует справедливость его критики.

Лысый засопел, спрятал ножик обратно, руки сжал в кулаки.

Теперь Алексей позволил себе немного расслабиться и окинул взглядом остальных.

Итак, не считая Меркурова, их было трое.

Двое – типичные штаб-офицеры или даже генералы.

Щекастый, стриженный бобриком, с моржовыми усами («Морж») и долговязый, рыжеватый («Таракан»). Лица у обоих сильные – сразу видно, что эти сделали карьеру не в штабных кабинетах, а под пулями. Третий на кадрового военного не похож. Щеголь в отлично выглаженной визитке, безупречные манжеты с перламутровыми запонками, физиономия горбоносая, живая, с насмешливым ртом, в руках вертит изящный серебряный портсигар. Его Алексей окрестил «Франтом».

Беглый осмотр не мешал говорить.

– Цел ваш Рычков, – бросил он «Толстовцу» Василию Васильевичу. – Полежит часок-другой, будет как новенький. Это ведь вы – «Охранный

сектор»? Слабенько работаете. Не чувствую школы. Вы раньше кем были? Городовым на перекрестке?

И, не давая времени ответить, – «Недоктору»:

– Я почему решился сюда вот так вломиться? Надо срочно перестроить систему безопасности. Иначе до первого июня можем и не дожить.

– Откуда он знает про первое июня, Виктор Борисович? – быстро сказал Василий Васильевич. – Рядовым членам знать не положено! Этого даже батальонные не знают!

– Меня посылали с депешей в Казань. Я не идиот, догадался, что значат слова «первое июня».

«Толстовец» нехорошо улыбнулся.

– Неувязочка. Депеша была зашифрована.

– Для контрразведчика ваш устаревший Чейз – пустяки, – презрительно бросил Романов. – Думаю, эту систему даже в ЧК знают.

– Интере-есно, – протянул Виктор Борисович.

Он всверливался в Алексея своими припухшими глазами. Такая повадка встречается у матерых уголовников, которые смотрят на мир, как на место для охоты, а на людей, как на стадо баранов – всё время выбирают, какого ухватить зубами.

– Вы правильно сделали, штабс-капитан. Оружие есть?

От неожиданного вопроса Алексей вздрогнул.

– «Наган».

– Сдайте Василию Васильевичу.

– Почему?

– Потому что я приказываю. – Острый взгляд блеснул сталью, но голос остался мягким. – Вы ведь понимаете как контрразведчик, что мы должны вас проверить. Посидите какое-то время в карантине. Если всё, что вы про себя рассказали, правда – будете помогать Василию Васильевичу. Ну, а если вы не тот, кем представились, наши отношения примут... иной оборот. – Чуть усмехнулся. – Василий Васильевич, пожалуйста, отведите штабс-капитана, а мы, господа, возвращаемся к работе. У нас сегодня большая повестка.

Конвоир вывел Романова через заднюю дверь в темный коридорчик и сноровисто обшарил. Вынул из кармана револьвер, нащупал нож, прикрепленный ремешком к лодыжке. С любопытством оглядел, щелкнул кнопкой, скривился на выскочившее лезвие:

– Баловство.

Забрал и наручные часы. Попросил:

– Головку наклоните. – И завязал платком глаза.

– Это зачем?

– Для интриги. Осторожней, тут ступеньки.

Вел под руку – долго. Романов насчитал семь поворотов и три лестницы, по которым то спускался, то поднимался, то снова спускался. В особняке таким просторам взяться было неоткуда – сопровождающий нарочно путал, водил несколько раз через одни и те же места.

Опять спуск. Воздух стал холоднее, пахло плесенью. Подвал.

Железный скрип. Толчок в спину.

– Вот мы и дома. Платочек можно снять. Я пока иллюминацию организую.

Небольшая глухая комната с низким потолком. Складная койка, накрытая солдатской шинелью. В углу, под крышкой, ведро.

Василий Васильевич поставил на табурет керосиновую лампу.

– Ну вот, стало уютненько. Потом принесут покушать, и будет совсем славно. Располагайтесь, господин критик. Отдыхайте.

Он вышел, лязгнув дверью, в которой сразу же распахнулось окошко, зарешеченное.

– У вас тут настоящая тюремная камера, – сказал Романов.

– Иногда бывает нужна. Для карантина, например. И не только. Окошечко оставлю открытым, для вентиляции.

Ишь, заботливый, подумал Алексей. Через окошко в любой момент можно незаметно заглянуть внутрь.

В отверстии блеснула лысиной круглая башка.

– Хорошо вам баклуши бить, а мне из-за вас лишняя работа. Ладно, счастливенько вам.

Башка пропала.

– Поторопитесь, а? – крикнул ей вслед Романов.

Проверки он не опасался, но сколько она продлится – вот в чем вопрос. Если надолго исчезнуть, в ЧК могут решить, что внедренного агента вычислили и убрали. Как бы Орлов не заторопыжничал, не наломал дров.

А впрочем, философы утверждают, что нет смысла тревожиться из-за вещей, на которые ты повлиять не в состоянии. Утешившись этой мыслью, Алексей вспомнил еще одну мудрость, солдатскую. Нечем себя занять – ложись и дрыхни. Служба научила его полезному искусству высыпаться впрок.

Узник подземелья потянулся, сладко зевнул, стал устраиваться.

Футболисты

– Вставай, чистейшее дитя!

Первое, что увидел, открыв глаза, лежавший на боку Романов, – «наган» и нож на табуретке. Значит, всё нормально.

Спустил ноги с койки, поднял голову на улыбающегося Василия Васильевича.

– Проверили? Дальше что?

– Дальше поручаемся, обнимемся и будем не разлей вода. Я Василий Васильевич Полканов. Имя кошачье, фамилия собачья. Потому и личность у меня противоречивая. Добрая натура и дубленая шкура.

Алексей встал, пожал балагуру руку. Тот рванул ее на себя, развернул еще сонного Романова, очень грамотно взял в захват. Прямо в глаз нацелилось острие – не шевельнешься.

Длилось это, впрочем, недолго. Через пару секунд Полканов слегка пихнул Алексея в спину, добродушно засмеялся.

– Шучу. Это чтоб ты побыстрее проснулся.

И чтобы сразу обозначить иерархию в собачьей стае, подумал Романов.

– Который час? – хмуро спросил он, потирая смятое горло.

– Намек понят.

Василий Васильевич вернул изъятые часы. Алексей их выронил:

– Черт, пальцы занемели. Ну и хватка у вас... Присел на корточки. Прodelал элементарную манипуляцию, именуемую «бык партерный». Ударил стоящего лбом в пах, одновременно дернув за лодыжки. Василий Васильевич с грохотом приземлился на задницу, взвыл.

Выстраивать иерархию в собачьей стае Романов тоже умел.

– Шутка за шутку, – сказал он. – Меня зовут Алексей Парисович, и на «ты» я перехожу только с офицерами. Вы к их числу явно не принадлежите.

Полканов поднялся, держась за ушибленный копчик. Беззлобно улыбнулся.

– Как говорится в футболе, счет один-один.

– Играете в футбол? – удивился Романов.

– Болею. А вы?

– До войны был в команде Санкт-Петербургского университета.

– Погодите... – Василий Васильевич ахнул. – Вы – голкипер Романов?!

Отлично помню, как вы взяли пенальти на матче со «Спартой». – Он снова сунулся с рукопожатием, теперь без подвоха. – Очень рад. Ну, футболист с футболистом всегда сработаются. Потому что понимают смысл слова «команда»!

– Сейчас утро или вечер?

Часы показывали половину одиннадцатого.

– Утро.

– Неужели я провалялся больше суток? А ощущение такое, что поспал бы еще.

– Нет, это все то же прекрасное утро, – хитро улыбнулся Полканов. – Не такие уж мы пентюхи, как вы думаете, Алексей Парисович. Кое-что умеем. Вся документация генштаба, включая архив второго отдела Огенквара, к которому относилась контрразведка, теперь в штабе РККА, в Москве. Всего-то и понадобилось – послать записку нашему человечку. Он передал ваш послужной список. Всё верно, и фотокарточка в деле ваша. Один только вопросец. Последняя запись за июнь семнадцатого: переведен в действующую армию. Что было после? Чем занимались?

Тут опасаться было нечего. После Октября военно-бюрократическая машина остановилась, никаких бумажных следов от перехода в Красную гвардию в старом формуляре остаться не могло.

– Злость копил.

– Злость – штука полезная. Во мне-то ее всегда было много, как в голодной собаке. – Полканов шутливо ощерил зубы и даже порычал. – Только я своей злости не сразу нашел правильное применение. Виктор Борисович мне глаза открыл.

– А кто он?

– Вот так так, – удивился Василий Васильевич, – а еще контрразведчик! Виктора Саввина не признал.

Ах, вот это кто! Про Саввина, конечно, Алексей слышал. При царе это был самый известный из террористов-подпольщиков, глава боевой организации эсэров, вездесущий и неуловимый. После Февраля, при Керенском, стал товарищем военного министра, самым энергичным деятелем Временного правительства. Теперь понятно, почему «Союз» представляет собой такую грозную силу.

– Я занимался шпионами, а не политическими. В отличие от вас. Вы ведь из Охранного? Узнаю выучку.

– Филер первого класса. Был в своем ремесле отменно хорош, любил эту работу. Нравилось, что я – овчарка, цепной пес державы. Рву зубами волков, а овец поцапываю за мягкие бока, чтоб боялись.

– Как же вы оказались с Саввиным?

– Волей Провидения. В Бога я, конечно, не верю, но без Божьего чуда тут не обошлось... – Василий Васильевич улыбнулся воспоминанию. – Однажды сел я на «хвост» одному подозрительному субъекту. Вдруг соображаю – это же Змей, все приметы совпадают. (У нас Саввин под кличкой «Змей» проходил.) Ну, затрясся от радости. Такая удача! Пять тыщ награды! Эх, думаю, сам его и возьму. Честолюбив был, самоуверен. Огнестрельного нам не полагалось, но у меня при себе мой ножик. Иду «Змею» навстречу прогулочной походочкой, насвистываю, гляжу в сторону. Поравнялся и цап-царап! Прием у меня такой был, никогда не подводил: одной рукой хватаю снизу за причинное место, и лезвие к горлу. «Ша! – говорю. – Замри!» И стиснул кулак.

Полканов покачал головой, будто и сейчас удивлялся.

– Всякий заорал бы от боли или хотя бы задрожал. А у этого – ни один мускул. «Ого, говорит, какие интимности». Медленно, спокойно взялся ладонью прямо за нож. «Ловкий парень, молодец. И смелый. Не побоялся один меня брать». И сжимает лезвие! Кровь, прямо мне по запястью, в рукав течет, а Саввину хоть бы что! Еще улыбается! «Не надоело, говорит, по хозяйскому свистку шавкой бегать? Пойдем со мной по лесу гулять, вольным волком». Смотрит прямо в глаза, в упор, а взгляд у него – сами видели. И нашло на меня что-то. Пошел за ним и ни разу потом не пожалел.

– Почему пошли? – с любопытством спросил Романов.

– Потому что почуял: мой человек, и жизнь моя. Настоящая. Как вам сказать... Рядом с таким человеком и сам становишься больше. Я, конечно, о себе шибко много не воображаю. Если Виктор Борисович – как Петр Великий, то я при нем не Меншиков и даже не Ягужинский, а так, Александр Румянцев. Но мне и того довольно. Знаете, кто был Румянцев?

– Я-то знаю... – удивленно ответил Алексей.

От бывшего филера такой эрудиции не ждешь. Капитан Румянцев – первый российский мастер тайных операций. Прославился тем, что похитил из Германии мазепинского наследника Войнаровского, а потом доставил из Италии беглого царевича Алексея.

Василий Васильевич усмехнулся:

– Это я раньше валенок был, ничем кроме пива и картишек не интересовался, а за тринадцать лет при Виктор Борисыче, наверно, тысячу книг прочел. За орлом летаешь – высоко поднимаешься. Ладно, давайте к делу. Раз вы, Алексей Парисович, такой знаток безопасности, валяйте, предлагайте, как нашей команде играть, чтоб гол не пропустить.

– Я сказал, что на «ты» я бываю только с офицерами... – Романов

широко улыбнулся. – Не совсем так. С футболистами тоже. Во время игры церемонничать не приходится.

Снова, уже в третий раз, пожали руки, крепко и от души.

– Сначала, Вася, мне нужно иметь полную картину. Я же к воротам по краешку поля прорвался.

– Прорваться ты прорвался, но гола бы не забил. У меня чем ближе к воротам, тем плотней защита.

– Сейчас поглядим. Вопрос первый. Как часто собирается штаб?

Будет отвечать или нет?

Алексей внутренне напрягся.

– Раньше – раз в неделю, если ничего экстренного.

Сейчас три раза. Последнюю неделю перед первым июня будут встречаться каждый день.

– Это слабое место. – Романов неодобрительно нахмурился. – Один удар – и всех возьмут разом.

Полканов подмигнул:

– Не всё так просто. Давай пока, спрашивай дальше.

Что он имеет в виду? В каком смысле «не так просто»?

– Ладно. Второй уязвимый пункт – глава «Союза», Саввин. Где он живет, как охраняется?

– Охраняется хорошо, при нем всегда двое моих лучших ребят. А где живет – не скажу. Сам не знаю. Виктор Борисович, как лисица. Два раза в одном месте не ночует. Привычка еще с тех времен. Его даже Охранка найти не могла.

– Хорошо. Третья прореха – дивизионные командиры. И здесь ты меня не успокоишь, я сам видел, что берегут их паршиво. Довольно чекистам выйти на одного, как я на Меркурова, да взять его – и считай, всей дивизии нет. Кто трое остальных?

После паузы Василий Васильевич сказал:

– Начдив-1 – генерал Жбанов. Который на бобра похож.

«Морж», сообразил Романов.

– Тощий, длинный – полковник Шерер, начдив-2. Начдива-3 Меркурова ты знаешь... А красавец-брюнет – это командир кавалерийской группы ротмистр Миркин.

Алексей удивился:

– У...нас (чуть не вырвалось «у вас») даже кавалерийская группа есть?

– А как же. Сотня офицеров записалась в красные эскадроны и в Кавшколу РККА. Первого июня они соберутся в несколько летучих отрядов. Быстрые удары, служба связи. Город-то огромный, без кавалерии

никак.

– Погоди... – вдруг сообразил Романов, вспомнив вчерашний рассказ Шварца. – Ротмистр Миркин? Тот самый? Из «Евреев-воинов»?

– Ага. Хороший мужик. Как говорит Виктор Борисович: «Миркин хоть еврей, но воин».

– Да как же так? Я хотел своего товарища, прапорщика Иосифа Шварца, записать в «Союз» – мне отделенный сказал: евреев не принимаем!

– Миркин – это Миркин. Его даже жидомор Шерер уважает. А еще Миркин у нас казначей. Все финансы на нем. Как говорит Виктор Борисович: «Миркин хоть воин, но еврей».

Прикинув возможные варианты, Романов выбрал самый перспективный.

– Мне бы приглядеться к каждому из них. Характер, привычки. Я пока только Меркурова знаю. С ним, я думаю, довольно провести хороший инструктаж по конспирации. А за остальными тремя я бы походил, понаблюдал. Индивидуальная охрана действенна, только если соответствует привычкам и психологическим характеристикам объекта. Дай мне их адреса.

– Зачем тебе адреса? – уклонился Полканов. – Пойдем со мной. Сейчас понаблюдаешь. Заодно и я тебе расскажу про ихние характеристики.

– Куда пойдем?

– Заседание еще не кончилось. У Виктор Борисыча в повестке 23 пункта.

– А можно?

– «Охранному сектору» всё можно. Если осторожно, – подмигнул Полканов. – Идем, Алеша, идем.

Они поднялись из подвала наверх, в небольшую, очень опрятную комнату.

– Моя келья, – сказал Полканов. – Тут и коротаю затворнические дни.

Подошел к стене, отодвинул какую-то заслонку, приложил палец к губам.

Стали слышны голоса.

В стеклянном квадрате был виден знакомый врачебный кабинет.

Василий Васильевич шепнул:

– С той стороны – зеркало над умывальником.

– ...Какой это примерно процент от общего состава, генерал? – донесся хрипловатый баритон Саввина.

Шахматисты

– Как вы понимаете, Виктор Борисович, общая численность дивизии при существующей системе комплектации определена быть не может. Списки по конспиративным соображениям не ведутся, членство на уровне рядовых условно: если человек вступил в «Союз», еще не факт, что на него можно твердо рассчитывать. – Говорил начдив-1 генерал Жбанов. – Теоретически в дивизии порядка двух тысяч бойцов, которых, впрочем, считать реальными «бойцами» не следует. Как я уже сказал, по моей предварительной оценке 1 июня на пункты сбора явится хорошо, если тысяча человек. Сами видите, какой это процент. Пятьдесят – максимум.

– У меня то же самое, – вставил Меркуров.

Начдив-2, Шерер, просто кивнул.

– А мои придут все, я в них уверен, – весело заявил Миркин. – Кавалеристы – не чета пехтуре.

– Просто у вас, Лев Абрамович, людей немного, и связи короче: от вас к взводным, и всё, – заметил Жбанов.

Очень мешал слушать Полканов со своими комментариями прямо в ухо:

– С Жбановым легче всего. К охране относится с пониманием, правил не нарушает...

Снова заговорил Саввин, и начальник «Охранного сектора» почтительно умолк.

– Я вам больше скажу, господа. Не выйдет первого июня пятьдесят процентов. И двадцать пять не выйдет. Все живые люди, всем страшно. Одно дело – подниматься в атаку из окопа, плечом к плечу, а у нас каждый живет дома, многие среди родных. И ему неуверенно. Страшно. У нас с вами произойдет так же, как при любой революции... Не кривитесь, полковник, мы все именно что революционеры – если понимать слово «революция» в его изначальном смысле: переворот. На первом этапе всегда выступают только самые смелые и активные. Если они устояли и, того паче, добились каких-то успехов, присоединяются среднесмелые и только потом уже остальные. А когда дело идет к победе, поднимаются все прочие, кто восставать и не собирался. Поэтому будет вполне довольно, если каждая из дивизий утром первого числа соберет хотя бы 10 процентов состава. Этих нескольких сотен храбрецов достаточно, чтобы полностью дезорганизовать советскую власть в Москве, а если получится, то и в

других ключевых городах. На то, господа, и составлен «план приоритетов». Мало людей вышло – дивизия концентрирует удар только по цели номер один. Чуть больше – по двум, еще больше – по трем, и так далее.

Он повернулся к Шереру.

– Возьмем вас, Антон Альфредович. Допустим, вы видите, что утром 1 июня у вас в наличии только сто человек. Ваши действия?

Начдив-2 уверенно ответил:

– Собираю людей в кулак и бью по цели номер один, которая...

Опять некстати встрял Полканов:

– С Шерером беда. Гоняет от себя охранников. Говорит: я сам о себе позабочусь. При этом неосторожен и ненаблюдателен.

Сквозь шепот Алексей еле разобрал, что «цель номер один» у дивизии Шерера – ЦК большевистской партии.

– ...Первое июня – как раз суббота, а они по субботам собираются на свой синагогон, как на моление в синагогу. Мы войдем через Боровицкую башню, там в карауле будет наш человек. Через пять минут окажемся на месте и перебьем всех еврейчиков вместе с шабесгоями.

– Антон Альфредович, я бы попросил. – Саввин покосился на Миркина.

Полковник сконфузился.

– Извините, Лев Абрамovich... Я не в том смысле. Но у них там, сами знаете, еврей на еврее сидит.

– Если б ваш драгоценный царь-батюшка обращался с евреями по-другому, они в революцию бы не пошли. Глядишь, революции и вовсе бы не случилось, – поморщился франтоватый ротмистр. – Ей-богу, полковник. Иной раз послушаешь вас и засомневаешься, не перейти ли к красным.

– Не считайте меня юдофобом, – всё оправдывался Шерер. – Вы знаете, как высоко я вас ценю. Ну и вообще – в вашей нации встречаются достойные представители.

Миркин иронически кивнул:

– Вы говорите в точности, как мой знакомый Изя Шифер. «Можете кидать в меня тряпками, но среди гоев иногда попадаются приличные люди».

Все кроме Шерера засмеялись, а Саввин сказал:

– На сем предлагаю эту содержательную дискуссию закончить и вернуться к делу. Если, конечно, не возражает полковник Шифер. То есть Шерер.

У полковника так вытянулась физиономия, что смех перешел в хохот. Усмехался и невозмутимый Виктор Борисович, из чего следовало, что

оговорка была не случайна. Прыснул в конце концов и Шерер:

– А ну вас!

Романов поймал себя на том, что улыбается. Его бывший начальник подполковник Козловский тоже, если пускался в рассуждения о политике, производил впечатление сущего неандертальца, махрового черносотенца, а при том был отличный товарищ и вообще душа-человек. Эх, где-то он теперь? С кем – ясно. Конечно, с *этими*.

– Хорошо, Антон Альфредович, – продолжил серьезный разговор Саввин. – Допустим, у вас не сто человек, а полтораста или двести.

– Вычлению второй отряд для цели номер два. Центральный телеграф. Согласно плану, отряд выдвигается на...

– Миркин тоже проблема, – зашептал Василий Васильевич. – Не спорит, не ерепенится, но когда ему надо – отрывается от охраны и исчезает.

Умолк. Саввин поднялся над столом.

– Господа, я не мастер произносить речи. Я человек не слова, а действия. Однако хочу сказать вам вот что. Мы в «Союзе защиты Родины» все разные, всякой твари по паре. Но дело у нас общее – построить ковчег, на котором мы спасем наш мир от потопа. А вот когда спасем, тогда уже будем спорить, какую будет новая Россия – монархической, республиканской, социалистической, федеративной или какой-то еще. Потом, когда наш ковчег выплывет.

Миркин изобразил аплодисменты.

– Bravo, Виктор Борисович. Очень политичная аллегория. Спасибо, что ничего не стали говорить про Голгофу и Гефсиманский сад, я бы счел это очередным выпадом против евреев. А Ноев ковчег – это прекрасно. Он признается как христианами, так и евреями.

Все опять засмеялись.

Весельчаки, озабоченно подумал Романов. Что же у них за план по захвату Центрального телеграфа? Как выявить предателя в Кремлевском гарнизоне? И каковы приоритетные цели у остальных дивизий?

– Уже одиннадцать, господа. – Саввин смотрел на старые карманные часы. – Позаседали не хуже Временного правительства при незабвенном Александре Федоровиче. Встретимся в пятницу.

Все поднялись.

– Лев Абрамович, задержитесь, пожалуйста. Прошу отчета о поступлениях и тратах.

Про финансы охотно послушал бы и Романов, но Василий Васильевич опустил заслонку.

– Поглядел? Какие соображения?

Не до конца доверяет, понял Алексей.

– С генералом Жбановым, как ты говоришь, всё хорошо. Меркурову достаточно поменять охранника на более опытного, плюс проведу с ним беседу. Насчет Шерера. Дерганый, вспыльчивый, самолюбивый. Самое лучшее – приставить к нему негласную охрану. Раз он не наблюдателен, то и не заметит.

– Дело говоришь, – согласился Полканов. – Надо было мне самому скумекать. А с Миркиным как быть? Главное, он не протестует, на всё соглашается, шуточки шутит. Но если ему надо – раз, и как сквозь землю.

– Подумаю про Миркина. Непростой субъект.

– Ага, давай вместе подумаем. Времени у нас с тобой сколько хочешь. Я тебя тут, за стенкой поселю, хорошая такая комнатка. Тебе понравится.

– Ладно. За вещами только схожу.

– А не надо ничего, – задумчиво молвил Василий Васильевич. – Я с тобой поделюсь и бельишком, и всем прочим. Ты, Алеша, теперь отсюда ни ногой. Всё время будешь тут, в амбулатории. Оно и мне веселей. Про футбол наговоримся.

– Что?!

– А ты как думал? Я тебя отпущу по городу гулять после всего, что ты видел и слышал? – Полканов укоризненно покачал головой. – Нет, брат. Ты когда наши слабые точки перечислял: Виктор Борисович, штаб, командиры частей, забыл еще про одну ахиллову пяту. Про меня. Я как начальник «Охранного сектора» об организации знаю больше всех. Попадусь чекистам – беда. Посему никуда и не выхожу. Сижу здесь, как паук. Тку паутину из своего укромного уголка. И ты теперь такой же. Слишком много знаешь. До самого первого июня мы с тобой, считай, под домашним арестом.

К такому повороту Алексей был не готов. А как сообщить Орлову все добытые сведения? Вылезти ночью в окно? Нельзя. Заметят отлучку – всё пропало. Черт!

– Ничего, – утешил его Василий Васильевич. – Чай не камера-одиночка. Дом большой, гуляй где хочешь. Люди опять же всё время заходят. Которые к доктору Зассу – уличные, которые к доктору Ананьеву – наши. Это, кстати, я – доктор Ананьев. Если надо триппер подлечить, обращайся.

– Спасибо, я лучше с ним схожу.

Посмеялись.

– Познакомишься с ребятами из сектора, они часто появляются. С

Марьей Львовной нашей подружись, которая в приемном покое. Сидит тихой курочкой, прямо незабудка, – ласково улыбнулся Полканов. – Видал бы ты, как мы втроем – Виктор Борисович, я и Маруся – в девятьсот седьмом жандармского генерала Баха убабахали.

Он отвел Алексея в соседнюю комнату, верней, чуланчик с таким узким окном, что при всем желании не протиснешься.

– Не апартамент, зато безопасно. Пойду матрас с одеялом добуду, а ты погуляй.

Предложение подружиться с Марьей Львовной было хорошее. Тетка сидела, как цербер, у выхода на улицу, мимо не проскользнешь. Хорошо бы найти путь к ее суровому эсэровскому сердцу.

Он отправился в приемную. Посетителей там не было, но над милосердной сестрой склонился Миркин, что-то весело ей рассказывал. Значит, уже отчитался перед начальством.

– А вот и он, д'Артаньян, – обернулся ротмистр. – Я Марье Львовне живописую, как эффектно вы предстали перед штабом. «Подвески похищены, ваше величество!» Нас не познакомили. Лев Миркин.

Сначала Алексей, по правилам учтивости, представился даме, еще и щелкнул каблуками, но та ответила тяжелым, недоверчивым взглядом.

Леший с ней, старой гримзой. Подождет. Миркин сейчас представлял больше интереса. Вот бы накрыть его вместе с кассой «Союза»!

– Я знаю, кто вы, ротмистр. Позвольте на два слова.

Вышли в коридор.

– Я теперь помощник у Василия Васильевича. Он жалуется, что вы бегаєте от охраны.

Миркин сделал виноватое лицо.

– Больше не буду. Христом-Богом клянусь!

– Хорошее обещание из уст еврея, – укоризненно сказал Алексей. – Когда вы без «тени», вы очень рискуете. Сами не заметите, как вам сядут на хвост, пропасут до дома, а у вас деньги и, что еще хуже, записи, отчеты.

– Нет.

– Что «нет»?

– Ничего нет. Ни записей, ни отчетов. Все здесь. – Миркин постучал себя по лбу. – Потому и поставлен казначеем. У меня математическая память. Я, видите ли, шахматист.

– Я тоже учился на физико-математическом. И тоже играю в шахматы.

Ротмистр оживился.

– Правда? А без доски можете?

– Могу.

– Проверим. Чур я белыми! – Лев Абрамович потер ладони. – Ну те-с, разыграем, что ли, английский дебют?

Иду С4.

Не заговор, а спортклуб, подумал Романов, прикидывая, как бы вытянуть из Миркина домашний адрес.

– Хорошо. С5.

– Иду G3.

– Ну, G6.

Фигур оба не называли – хорошему игроку и так ясно.

– Разумеется, на G2. Вы где воевали?

– Отвечаю на G7... Если считать только фронт, то в четырнадцатом был в Восточной Пруссии. Ранен в руку.

– А мне там пикой в ляжку въехали.

– В шестнадцатом был в Брусиловском прорыве.

– Там меня шрапнелью зацепило.

– Прошлым летом был под Сморгонью.

– Нет, я в это время в госпитале лежал. Сморгонь – это где женский батальон в атаку ходил? Вот что нужно вечно помнить.

Алексей на мгновение зажмурился – так явственно увидел перед собой картину, расколовшую всю его жизнь на две части.

– ...А я бы хотел навсегда забыть.

Миркин тихо сказал:

– Нет. Забывать мы ничего не будем. И тогда, может быть, плохое больше не повторится... Пойду на С3.

Романов уже взял себя в руки – ухмыльнулся.

– Вообще-то я люблю играть на настоящей доске. Ферзиху возьмешь – как барышню за талию. Ладью – как бабу за бедра.

Ротмистр фыркнул:

– Аппетитно рисуете. Чувствуется, вы не только шахмат любитель. Я, впрочем, тоже. А знаете, Романов, заходите как-нибудь ко мне. Поиграем и на доске. Я недалеко живу, на Сивцеве.

– Где там на Сивцеве? – рассеянно спросил Алексей, как бы обдумывая ход. Что такое «Сивцев», он понятия не имел. – ...На А4, пожалуй.

– Це-це-це. Ломаете канон? – Миркин схватился за подбородок. – Что это вы задумали? Хотите, чтобы я раскрылся, а потом устройте какую-нибудь бяку?

– Клянусь Торой и Талмудом, мои помыслы чисты.

Лев Абрамович засмеялся.

– Нравитесь вы мне, д'Артаньян. Чувствую, мы подружимся. А приходите прямо сегодня. После десяти. Сивцев Вражек, дом восемь, второй этаж. Жалко, что вы не кавалерист. Если умеете держаться в седле, поступайте лучше ко мне в эскадрон, чем киснуть в «Охранном секторе». У нас лихо будет.

Ты мне тоже нравишься, подумал Романов, но как там д'Артаньян ответил кардиналу Ришелье? «По какой-то роковой случайности все мои враги здесь, а все мои друзья там, так что меня дурно приняли бы здесь и на меня дурно посмотрели бы там». Никакого удовлетворения от того, что удалось заполучить Миркина, Алексей не испытал. Легко получать сведения, когда человек тебе доверяет.

На смену бесполезным мыслям вдруг пришла другая, полезная.

Раскрыться и устроить бяку? Так-так-так...

– Прошу прощения, Лев Абрамович, вспомнил про срочное дело. После как-нибудь доиграем.

И скорее назад, к Полканову.

Влетел в комнату, не постучав, да остановился. У Василия Васильевича был Саввин.

– Прошу извинить...

– Я уже ухожу.

Главарь заговора пожал руку Полканову, потом остановился перед Алексеем и долго смотрел ему в глаза.

Слабонервных рентгенируй, внутренне усмехнулся Романов, изображая смущение. Мелькнула идея, интересная. А не грохнуть ли обоих прямо сейчас? Глядишь, тут и заговору конец.

Вздыхнул. Нет, не конец. Дивизионные командиры, возможно, общаются меж собой не только в штабе. Устроят восстание и без Саввина с Полкановым.

– Ну, договорились, – сказал Виктор Борисович помощнику на прощанье, заканчивая какой-то разговор, и вышел.

– Ты чего ворвался как на пожар? – спросил Василий Васильевич. – Дело?

– Я понял, в чем главный недостаток системы безопасности.

– В чем?

– Это как в футболе. Если ты только защищаешь свои ворота от гола, победы не жди. Надо атаковать, пускай обороняется команда противника.

Василий Васильевич выжидательно уставился на заместителя.

– Давай-ка без футбола. Попросту. Ты что имеешь в виду?

Алексей стал объяснять. Собеседник слушал вначале недоверчиво, потом с прищуром, очень внимательно, наконец тоже заволновался, стал перебивать вопросами.

Получив все ответы, сказал:

– Нахально. Но соблазнительно. Знаешь, Алеша, что я больше всего ценю? Что ты не стал распускать перья перед Виктор Борисычем, а подождал, пока мы останемся вдвоем. Это правильно, это по-командному.

Саввин поумнее тебя, он бы не клюнул, мысленно ответил Романов. Ты же клюнешь. Потому что воображаешь себя волком, а на самом деле ты всего лишь овчарка.

Минуту-другую Полканов колебался. Затем с мечтательной улыбкой произнес:

– Правда, что ли, потрянуть стариной?

Шутники

– ...Размять косточки, поиграть в казаки-разбойники? А то засиделся я в кабинете. – Орлов улыбнулся точь-в-точь как Василий Васильевич – с ностальгией. – Правда, роль ты мне отводишь тухлую. Я привык быть с другой стороны от мушки.

– Какой мушки? – спросил Крюков. Он выходил отдать распоряжения и пропустил самое интересное.

– Про мушку тебе Леша расскажет. Сначала доложи, а то он волнуется.

– Значит, так. – Крюков стал перечислять Алексею: – Всё исполнил, как ты велел. Шварц сядет наблюдать за квартирой Миркина. Напарником я назначил Воробьева, он парень четкий, дров не наломает. Кулик с Антошкиным будут следить за квартирой Меркурова. Твою бумажку я им дал, велел вызубрить. Окна, убытие-прибытие, когда выходит – на хвост не садиться и прочее.

– Шварцу я доверяю, а на остальных погляжу сам, – сказал Романов. – Итак, картина получается следующая. Подытоживаю специально для тебя, Тимофей. Первое: Саввина взять мы не можем. Второе: захватить штаб одним ударом тоже не получится...

– А не наврал тебе Полканов, что у них там заложен динамит? – спросил Крюков.

– Не наврал. Станете штурмовать амбулаторию – получите груды обломков.

– Да хрен положить. Пускай!

– Спасибо, Тимоша, что на меня тебе тоже хрен положить, – поклонился Алексей. – Я, конечно, готов подорваться вместе с врагами революции, но подорветесь только вы, чекисты, а штаб «Союза» благополучно уйдет. Там в подвале есть какой-то подземный ход. Где именно, Полканов мне не говорит.

– Я же не слыхал про подземный ход, – стал оправдываться Крюков. – Я уже вышел, когда ты про него рассказывал.

Орлов цыкнул на него:

– Ну так и не встревай. Продолжай, Леша.

– Что мы имеем? Оттяпать заговору башку не получится. Но можно обрубить волку все четыре лапы.

– Взять трех дивизионных командиров и Миркина, – пояснил помощнику Орлов. – Без них связь между Саввиным и организацией

разрывается.

Крюков кивнул:

– Это-то ясно. Где две «лапы», Меркуров и Миркин, мы знаем. Но адресов Шерера и Жбанова у нас нету. Саввин и с двумя «дивизиями» в Москве такую кашу заварит, что неизвестно, чем оно закончится. Всё офицерье и юнкерье, весь антисоветский элемент из щелей повылазит. Неужто ты, Романов, не можешь из Полканова остальные адреса вытянуть?

– Он мужик хитрый, осторожный. Что-то мне говорит, а что-то нет. Не шибко доверяет. Потому и возникла идея...

Орлов подхватил:

– Идея операции «Доверие». Смысл в том, чтобы Полканов стал доверять нашему Леше, как самому себе. И тут, дорогой товарищ Крюков, мы возвращаемся к вышеупомянутой мушке.

– Говорите понятно, а? – Крюков перевел взгляд с одного на другого. – Что вы придумали?

– Я говорю Полканову: лучший способ защиты – нападение. Для нас, говорю, сейчас что самое важное? Чтобы нас в самый последний момент не раскрыла ЧК. А ЧК – это прежде всего член их поганой коллегии Орлов, который ведаёт всем сыском. Жутко опасная сволочь – хитрая, активная, нюхастая.

– Э, э, полегче. – Орлов показал кулак.

Крюков оскалился:

– Не, Романов правильно тебя описывает. Ну?

– Полканов говорит: наслышан про Орлова. Серьезный господин.

– Вот, – поднял палец Орлов. – Уважают меня люди.

– погоди ты со своими шутками, – пихнул его Крюков. – Дальше что?

– Я говорю: надо Орлова этого ликвидировать. Без него ЧК замечется, как курица с отрезанной головой. Выиграем время. Пока Дзержинский будет искать Орлову дельную замену, наступит первое июня.

– Романов меня хочет на мушку взять, понял? – азартно улыбнулся Орлов. – Своей рукой грохнуть старшего товарища. А что? Мне идея нравится.

Крюков моргнул.

– Чё-то я не пойму... Как это – грохнуть?

– Вот и Полканов меня спрашивает: как? Я говорю: это я беру на себя. Моя профессия. Обрисовал ему подробности. Он помозговал, помозговал – согласился. Потому я и отпущен из амбулатории: готовить теракт против чекистской ищейки.

– А что Саввин? – негромко спросил Орлов. – Одобрил?

– Полканов ему докладывать не стал. Говорит: Виктор Борисович с Орловым раньше были вместе. Как бы Саввин не сминдальничал. Решу, говорит, своей властью.

– Мда, кудрявая штука жизнь. – Орлов вздохнул. – Сказал бы мне кто до революции, что мы с Виктором будем друг на дружку охотиться... Мы ведь с ним одного поля ягоды, почти близнецы. Но дороги наши разошлись. Теперь я не ломаю, а строю. И коли Саввин хочет мешать, тем хуже для Саввина. Жаль, но ничего не попишешь.

И еще раз вздохнул. Алексей отлично его понимал. Та же проблема: свои, ставшие чужими.

– Ты-то хоть не бабься, нам одного интеллигента хватит, – сказал несентиментальный Крюков. – Как же ты, Романов, собираешься убивать товарища Орлова? Вот чего я не пойму.

– На улице, на виду у публики, пальну из окна или с какого-нибудь чердака. Мы в контрразведке для трюков с ложной стрельбой в свое время изобрели такой специальный шарик из тонкой резины, внутри красная краска. Бабах! Человек хватается за грудь, между пальцев кровь. Падает. В газете «Правда» пишут: «Член коллегии ВЧК товарищ Орлов жертвою пал в борьбе роковой», печатают красивый портрет в черной рамке. И будет мне после этого от «Союза защиты Родины» полное доверие.

– Ловко придумано, – одобрил Крюков. – Молодец, Романов.

Орлов встал, подошел к окну. Сделал вид, что целится из винтовки.

– Ловко-то ловко, да не очень. Во-первых, если меня кокнут, я что, должен от всех спрятаться, перейти на нелегальное положение? Не могу, работы по горло. А во-вторых, Леша, ты, конечно, профессионал, но и я в таких делах кое-что смыслю. Мне тоже случалось гусей из засады стрелять. Ты в меня чем собираешься палить? Холостым патроном?

– Не боевым же.

– Тогда я тебе вот что скажу. Лично я на слух всегда отличу боевой выстрел от холостого. Василий Васильевич твой не дурак, он наверняка отправит кого-то посмотреть, как убивают чекистского начальника. И, скорее всего, этот кто-то будет человек опытный. Если поймет, что ты стрелял холостым, вместо операции «Доверие» у нас выйдет операция «Провал».

Алексей нахмурился. Орлов был прав.

– Ты предлагаешь стрелять боевым, но мимо?

– Тоже риск. Пуля отрикошетит от мостовой или еще от чего-то, высечет искру – может быть заметно. Нет, Леша. Давай-ка ты будешь стрелять всерьез. Но не убьешь меня, а ранишь. Для доверия этого хватит, а

мне потом можно не уходить в подполье.

– Как раню? По-настоящему? – недоверчиво спросил Романов.

– Ну да. Легонько. Ты как стреляешь?

– Стреляю-то я прилично, и Полканов обещал дать «маузер» с оптическим прицелом. На упоре, с прикладом, метров с пятидесяти легко продырявлю копейку, но... Ты уверен?

– Тима, твой маузер хорошо пристрелян? Дай ему.

– Ты что удумал? – спросил Крюков, вынимая из деревянной кобуры большой пистолет.

– Иди сюда. – Орлов поманил Алексея к окну. – Вот идет из столовой наш управделами товарищ Ягода.

Внизу, во дворе, щеголевато одетый мужчина бережно нес перед собой миску горячего супа.

– Сейчас проверим, какой ты Вильгельм Телль. Не надо Ягоде эти щи кушать. Они невкусные, я пробовал.

Крюков, хихикая, толкнул в плечо:

– Давай, Романов. Вишь, у него кителечек генеральский.

Взвесив «маузер» на ладони, Алексей печально сказал:

– Серьезные люди, опора государства. Шпана!

Выждал, когда идущий повернется в профиль, и только после этого, рисуясь, вскинул руку. Как бы не целясь (на самом деле, конечно, прицелившись, но очень быстро) выстрелил.

Продырявленная миска, будто ожив, выскочила из рук жертвы эксперимента, а сам управделами с воплем подпрыгнул на месте.

Обернулся на гогочущих в окне Орлова с Крюковым (Алексей благоразумно спрятался за штору).

Весь китель у товарища Ягоды был в дымящейся капусте.

– Дурак ты, Орлов, и шутки у тебя дурацкие! Я Дзержинскому рапорт напишу! Ты мне китель попортил! Сапоги шевровые!

– Это не я, это Крюков, – показал пальцем Орлов. – Он не нарочно. Он маузер чистил.

Отошел от окна, посмеиваясь.

– Кстати о шевровых сапогах. На следующей неделе получим десять пар для награждения особо отличившихся сотрудников. Если ты, Леша, меня аккуратно продырявишь – одна пара твоя. А если скриворучишь и убьешь – даже не надейся... Перестань хрюкать, Хрюков, – сказал он сложившемуся пополам Крюкову. – На тебя председателю ВЧК рапорт пишут, а ты ржешь.

Операция «Доверие»

Несколько дней заместитель начальника «Охранного сектора» и сотрудник ВЧК готовились к операции, всяк по-своему. В первом из этих качеств штабс-капитан Романов часами изучал рутинное поведение и привычные маршруты «мишени», тщательно пристреливал в амбулатории К-96 с кустарным, но превосходно изготовленным оптическим прицелом. От всех других обязанностей Василий Васильевич помощника освободил.

Чекист Романов тоже времени не терял. Он сам придумал Орлову рутину и маршрут, подходящие для теракта, а затем подготовил «мишень» к спектаклю.

На Большой Лубянке, 11 заканчивались работы по переоборудованию дома страхового общества «Якорь» для штаба ВЧК. Особняк на Поварской стал тесен для быстро растущего учреждения, там не хватало кабинетов, негде было устроить тюрьму для важных подсудимых – а таковые вскоре ожидалось в массовом количестве. Поэтому выбрали большой трехэтажный дом с замкнутым двором, с множеством удобных помещений, с обширным подвалом. Сейчас там доламывали одни перегородки и ставили другие, завозили мебель, встраивали сейфы, меняли двери и прочее. Все работы находились под личным контролем члена коллегии товарища Орлова. Каждый день ровно в десять утра он, как часы, приезжал на Лубянку и входил в подъезд.

Место было идеальное. Прямо напротив – пустующий дом, в нем чердак со слуховым оконцем. Линия прямого выстрела – двадцать пять метров, не промахнешься и без оптического прицела.

Договорились, что Орлов вылезет из автомобиля и на пару секунд замрет, опершись о дверцу – будто дает распоряжения водителю. Стрелять Алексей собирался по воротнику, чтоб оцарапать шею. Такое ранение выглядит как тяжелое, кровищи много, а заживет быстро. Выстрел, конечно, ювелирный, но Романов был уверен, что не промахнется. Он вручную, по аптекарским весам, заправил патроны, чтоб пороховые заряды совпадали до миллиграмма. Потренировался с такого же расстояния и скоро мог сколоть пулей краешек шляпки на вбитом в стену гвозде.

Когда всё было подготовлено и рассчитано, доложил Полканову: пора. Василий Васильевич потребовал устроить репетицию.

Утром они вдвоем поднялись на чердак, посмотрели, как без двух минут десять к будущему штабу ВЧК подруливает «паккард», как оттуда

вылезает стремительный Орлов, за ним неуклюжий Крюков.

– Выстрелю – и бегу вон туда, – показал Романов на крышу примыкающего дома. – Спускаюсь по черной лестнице вниз, дворами в переулок на Кузнецкий, а там ждешь ты в пролетке.

Василий Васильевич хорошенько всё осмотрел. Предупредил:

– План годный, но плохо одно. На выстрел к окнам кинутся чекисты. Увидят, как по крыше напротив бежит человек, – откроют пальбу. Укрыться тут негде.

– Пока сообразят, куда смотреть, меня след простыл.

– Ладно. Завтра чикнем чекиста, забьем Советам гол. – Полканов сладко улыбнулся. – Красивая получится акция. Не хуже, чем когда кокнули министра Плева. В учебниках писать будут.

Назавтра выехали втроем: впереди, под видом извозчика, полкановский человек, сзади – Алексей с Василием Васильевичем.

На Кузнецком Мосту, подле бывшего филиала «Мюра и Мерилиза», ныне зияющего выбитыми витринами, остановились.

– Жди нас тут, Коля, – сказал Василий Васильевич. – Как только мы выскочим вон из той подворотенки, сразу трогай. Запрыгнем на ходу.

Взял с пола что-то длинное, обернутое в тряпку. Спустился на тротуар.

– Ты куда собрался? – спросил Романов. – Что это у тебя?

Полканов молча нырнул в арку, там слегка раздвинул тряпку – блеснул черный металл.

– Один ствол хорошо, а два лучше. Зверь такой, что класть его надо наверняка.

У Алексея от паники перехватило горло. Всё рушилось. От операции надо было отказываться. Но как?

– Мы так не договаривались! На кой ты мне? Только помешаешь!

Полканов смотрел с лукавой улыбкой.

– Взревновалось мне что-то, Алеша. Тоже хочу в учебники попасть. Ладно тебе, не жидись. Распасуем мячик вдвоем.

Что делать? Что делать? Что делать?

Оглушить ударом в переносицу и взять? Это запросто, но что потом? Полканов – мужик крепкий, остальные адреса не выдаст. Не пытаться же его. Захватить амбулаторию? Там одна Марья Львовна, тоже баба – кремень. Ну, Меркурова с Миркиным арестовать можно. Но не факт, что они днем сидят дома, а к вечеру про арест Полканова будет уже известно.

– Что ты еле тащишься? – обернулся Василий Васильевич. – Нервишки шалят?

– Торопиться некуда. У меня всё по секундам рассчитано.

Так ничего и не решив, поднялся за Полкановым по лестнице.

На чердаке Василий Васильевич вынул компактный карабин «наган», идеальное оружие для стрельбы с небольшой дистанции. Мурлыкая, вставил патроны в барабан.

– Эх, Алешенька, видел бы ты, как красиво я из этой машинки в двенадцатом году на «эксе» снял всю охрану, четырех верховых. Как куропаточек.

Снял пиджак, аккуратно пристроил на подоконник. Спустил подтяжки, закатал рукава. Приложился к карабину, целя в стену.

– Давай рядышком, как шерочка с машерочкой. Лупим на счет «три». Чего застыл? Без пяти уже.

Романов занял позицию по соседству. Он уже знал, что сделает, и это ему сильно не нравилось.

Показался «паккард».

– Ровно десять часов, – шепнул Василий Васильевич, ведя дулом. – Вежливость королей. Готов? Считаю.

Машина остановилась.

– Раз...

Орлов вылез, оперся о дверцу. С переднего сиденья выкарабкивался Крюков.

– Два...

Алексей выстрелил. Орлов рухнул, как подломленный. – Ты что?! – свирепо обернулся Полканов. – Я же сказал: на счет «три»!

– Не хочу делиться славой, – криво ухмыльнулся Романов.

На улице кричали. Из окон высовывались люди.

– Идиот! Ты его только ранил! – прошипел Василий Васильевич, поглядев вниз, и снова припадая к прицелу. Орлов пытался приподняться, над ним метался Крюков, оглядываясь на чердак.

Должно быть, заметил ствол, потому что рухнул прямо на начальника, закрыв его своим телом. Одновременно ударил выстрел. Алексей увидел, как от кожаной куртки Крюкова, посередине спины, летят клочья.

– Заметили! Бежим!

Схватил Полканова за локоть, отволок от оконца.

В доме напротив действительно кричали:

– На чердаке! На чердаке!

– Погодь.

Василий Васильевич хладнокровно поправил подтяжки, надел пиджак.

Выбежали на крышу.

Романов обернулся.

Под неподвижным Крюковым слабо шевелился Орлов. Плохо, очень плохо.

Из окон напротив начали стрелять. По жестяным листам противно стукнуло раз, другой.

– Ногами шевели! – оглянулся Полканов.

Алексей поднял «маузер» и выстрелил бегущему в спину, повыше лопатки. Тот, охнув, упал.

– Задело? – склонился над ним Романов.

Сияясь улыбнуться, Василий Васильевич просипел:

– Не свезло...

Воздух гудел и трескался, из окон палили всё гуще.

– Давай, вставай! Убьют!

– Не могу... Беги... Доложишь... Я всё...

Алексей ухватил тяжелое тело под мышки, перетащил за скат крыши, куда не могли достать пули.

– Не утащишь... – пробормотал Полканов. – Только сам попадешься... Беги!

– Заткнись! Я своих не бросаю.

По черной лестнице спустились в обнимку. Василий Васильевич прикусил губу, но не вскрикивал, терпел.

Двор пересекли на четырех ногах, шатаясь.

– ...А я тебе не хотел верить... Казалось что-то... Ты прости меня, Алеша... – лепетал Полканов, всё норовя завалиться вбок.

– Бог простит. Шевелись, мать твою! Немного осталось!

Мерехлюндии

Прямо в амбулатории раненого прооперировал доктор Засс, тихий человек, изо всех сил делавший вид, будто он не догадывается, чем занимаются соседи. Засс и теперь не спросил, как это «доктора Ананьева» угораздило среди бела дня получить дырку в спину и почему его не отвезли в настоящую больницу.

– Пулю я вынул, канал обработал, но пробита верхушка легкого. Нужно в стационар, – сказал врач Саввину и Романову, не глядя им в глаза.

– Ох, интеллигенция, – покачал головой вслед ему самый опасный человек России. – Нелепая порода. При царе помогали революционерам, но делали вид, что знать не знают о бомбах и крови. Теперь помогают контрреволюционерам, но тоже прикидываются одуванчиками. За это никто интеллигентам и не доверяет – ни старый режим, ни новый. Мы победим – тоже их любить не будем. Ибо сказано: «Извергну тебя из уст Моих, как ты есть не холоден и не горяч».

– Что делать с Василием Васильевичем? – Романов смотрел на восковое лицо с закрытыми глазами. – Он тут умрет. Может, отправить в больницу, как говорит Засс? Мало ли – грабители человека ранили.

А в больнице ЧК его приберет, подумал он. Но Саввин сказал:

– Не тревожьтесь. Я, как и вы, боевых товарищей не бросаю. Мы с Полкановым не один пуд соли сжевали. Переправим его туда, где уход будет хороший и ни одна ищейка не унюхает. Есть люди, устроят. Эх, жалко, в самое горячее время без такого помощника остался! Будто правую руку отрезали.

– Я виноват. Моя была идея, – понурился Алексей.

– Хорошая идея. И что Орлов не убит, а только ранен, тоже хорошо. Мы его еще судить будем. Приговорим к смерти, а потом помилуем, за прежние заслуги. Интересно, а меня он за старые заслуги помиловал бы? – задумчиво спросил сам себя Саввин. – ...Неважно. Важно, штабс-капитан, что теперь «Охранный сектор» на вас. Василий Васильевич перед наркозом за вас поручился. Завтра представлю вас штабу и берите вожжи, вникайте во все наши секреты. Только побыстрей, долго запрягать некогда.

Скоро Романов знал о «Союзе защиты Родины» всё.

Примерный состав – пять тысяч человек в одной Москве. Большинство просто ждут приказа в назначенный час явиться на сборные

пункты, где получают оружие и боевые задачи. Отделения Союза имеются в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Калуге, Муроме и Туле (имена и адреса руководителей Алексей сообщил Орлову для передачи местным чекистам).

Знал он теперь и адреса всех дивизионных командиров, а у них, якобы ради усиления безопасности, выяснил местонахождение всех девяти бригадных и двадцати семи полковых начальников. Единственное, что осталось тайной, – где прячется сам Саввин, но для плана операции, которую готовила ВЧК, это значения уже не имело.

Алексей решил, что жить в амбулатории не станет – на вольной квартире больше свободы в перемещениях, и в первый же вечер вернулся в Трубниковский. Получилось, что поспел к ужину.

Веня Копейщиков кинулся жать руку, пригласил за стол, но Зинаиду Андреевну нежданное появление блудного постояльца не обрадовало. Она сидела молча, глядела в скатерть.

Неловких пауз, однако, не возникало. Юнкер молот языком без умолку, делился новостями заговорщической жизни.

– Так жалко, что мне нужно уходить, – всё повторял он. – Прямо как назло! Но служба есть служба. – И многозначительно умолкал, на секунду-другую.

В конце концов, конечно, не удержался и, понизив голос, с гордостью сообщил, что участвует в ответственнейшем деле: переправке оружия на секретный полковой склад.

Местонахождение всех оружейных складов Алексею было известно, поэтому он посоветовал мальчику держать язык за зубами. Веня вспыхнул, обиженно попрощался, ушел.

Остались вдвоем, в тягостном молчании.

– Я вижу, мое возвращение вам неприятно, – со вздохом молвил Романов. – Вы за весь вечер не произнесли ни слова, ни разу даже не посмотрели на меня. Не трудитесь, Зинаида Андреевна, я всё понимаю. Сейчас заберу вещи и уйду. Больше не беспокою.

Поднялся.

– Сядьте. – Грузинцева подняла глаза. Они ярко блестели. – Ничего вы не видите, ничего не понимаете. Всё это время я думала только об одном: он больше не вернется. И мне казалось, что жизнь кончена... Я знаю, что я вас совсем не знаю. Я вас себе выдумала. Но я точно чувствую одно. Вижу. Вы такой же подранок, как я. Вы так же одиноки. И так же хотите излечиться от этой мучительной болезни. Не перебивайте меня! – попросила она. – Я и так боюсь, что не договорю до конца... Сейчас все

правила приличия отменены. Настало страшное время. Смерть сорвалась с цепи. Всё может закончиться в любой миг. Поэтому каждый день, каждый час особенно дорог. У любви против смерти так мало шансов...

Она поднялась.

– Пожалуйста. Не надо никаких слов. Обнимите меня. Просто обнимите – и всё. Только медленно. Иначе у меня разорвется сердце...

Закрыла глаза, ожидающе протянула руки.

Алексей тоже резко встал – стул со скрипом отлетел.

– Вы правильно почувствовали, Зинаида Андреевна. Почти правильно... Я тоже подранок. И тоже болею одиночеством. Но в одном вы ошиблись. Я не хочу излечиваться. Это неизлечимо. Простите меня, простите...

И поскорее отвернулся, чтобы не видеть ее искажившегося лица. Стуча каблуками вышел. Наскоро побросал в саквояж вещи. Уже на лестнице, за дверью, схватился за левую сторону груди. Сердце сжималось так, что не вдохнешь.

– Ничего, – сказал Романов вслух. – Поживу в амбулатории. Так даже лучше.

Для дела оно и в самом деле, пожалуй, было лучше – готовиться к операции, находясь там, где она состоится.

Уже определился день и час – 31 мая, 9 утра. В это время будет проходить последнее перед восстанием заседание штаба. Романов придумал, как решить проблему и с динамитом, и с подземным ходом. От ареста не уйдет никто, включая самого Саввина.

И все же кое-что было не в порядке. Любимый начальник князь Козловский когда-то учил зеленого Алешу Романова, что для успеха всякого большого дела контрразведчику необходимо правильное состояние психики, которое складывается из двух элементов: умственного возбуждения и душевного покоя. С умственным возбуждением было, как говорится, дальше некуда – от него в ночь на тридцатое Романов ни минуты не спал. С душевным покоем дела обстояли много хуже. И с приближением назначенного часа внутренний раздрай становился всё острее.

На рассвете Алексей перестал ворочаться на койке и приступил к решению этой проблемы.

Через приемную, где на матрасе спала чуткая, как сторожевой пес, Марья Львовна, незаметно прокрасться не получилось. Чертова баба немедленно приоткрыла глаз и сунула руку под подушку, но, увидев, что это Романов, успокоилась. Раз начальник идет куда-то в рассветный час –

значит, надо.

По пустой и прохладной, еще спящей Москве он дошел до Трубниковского переулка. Принялся кидать камешки в окно Вениной комнаты. После шестого по счету попадания за стеклом возникла растрепанная голова.

Алексей приложил к губам и поманил: давай сюда и не разбуди сестру.

– Беда, юнкер, – мрачно сказал он спустившемуся мальчишке. – Заговор раскрыт. Сегодня пройдут повальные аресты. Срочно уходите отсюда и увозите Зинаиду Андреевну. Неважно куда, только подальше из Москвы. Вот деньги, вот документы.

У Василия Васильевича в амбулатории были запасены и бланки, и фальшивые печати – от любых советских учреждений, на все надобности.

Парнишка, конечно, стал сыпать вопросами, но Романов его оборвал:

– Нет времени. Мне еще надо предупредить других. Берегите сестру. И всё. Вы человек военный, а это приказ. Исполняйте!

От самого же Алексея в ЧК была известна вся цепочка от дивизионного командира Меркурова вниз до зотовского отделения, в котором числился Веня. Забрали бы и его, и Зинаиду Андреевну.

Теперь не заберут.

Стало полегче. Но оставалась еще одна «мерехлюндия».

Членов контрреволюционного штаба было не жалко – кроме одного. За минувшие дни Алексей пару раз наведлся домой к ротмистру Миркину, надеялся в разговоре выпытать источники финансирования. Не выпытал. Но проникся к Льву Абрамовичу симпатией. Они играли в шахматы, болтали о всякой всячине, много смеялись. К сожалению, Миркин был убежденный враг большевизма, но человек отличный, каких мало. Не хотелось обрекать его на верную смерть.

Поэтому из Трубниковского переулка Романов отправился на Сивцев Вражек и разбудил приятеля. Миркин – не юнкер, пришлось объяснять подробнее.

– Получены оперативные сведения, что во время сегодняшнего заседания штаба в амбулаторию нагрянут чекисты. Сначала несколько агентов под видом обычных больных сядут в приемной к доктору Зассу. Потом появятся основные силы. Я только что об этом узнал от верного человека. В амбулаторию не вернусь, это рискованно. Очень возможно, что за домом уже установлено наблюдение. Поэтому предупреждаю членов штаба, по адресам. Выступления завтра не будет. Как только найду новое место для штаба – сообщу. Вот ваш новый адрес. Он известен только мне. Ждите сигнала. А теперь прошу извинить, но мне нужно побывать еще у

Шерера и Жбанова.

– А Виктор Борисович? – крикнул вслед Миркин. – А Засс?

– Засс никаких секретов не знает, а Саввин, конечно, оповещен. На такой случай предусмотрен экстренный канал связи. Не тяните, уходите отсюда!

На улице Алексей изображать спешку перестал и позволил себе выкурить папироску.

Вот теперь состояние психики у него сделалось просто идеальное.

Он успел еще в порядке контроля заглянуть на Поварскую, где полным ходом шла подготовка.

Прелесть операции заключалась в том, что для нее не требовалось много людей. Несколько физически крепких ребят да комендантский взвод, бойцы которого не догадывались, зачем их с утра пораньше собрали у грузовиков.

Арестной группой командовал бледный от нервов и ответственности Шварц.

– Не психуй, Ося, – сказал ему Алексей. – Всё сработает как часы. Хочешь, пройдемся по плану еще раз?

– Давай.

– В половине восьмого в амбулатории соберутся члены штаба. Саввин, как обычно, придет последним. Я там окажусь к восьми. Как только пойму, что все на месте, телефонирую сюда. Говорю, как условились: «Богдан Иванович, присылайте шприцы». Марья Львовна ничего не заподозрит, потому что Богдан Иванович – служащий склада РККА, ворующий для заговора оружие...

– Так-то подробно не надо. Что ты со мной, как с идиотом.

Шварц слегка улыбнулся – уже хорошо.

– Ну а дальше просто. Отправляешь комендантский взвод в амбулаторию, сам с группой дуешь в Бутиковский. Грузовики шумно подкатывают к амбулатории. Ты сказал, чтоб клаксонили?

– Три раза повторил.

– Правильно. Не надо, чтоб они застали врасплох охранников, которые в сквере, а то те с перепугу начнут палить. Этого нам не надо. Пусть бегут в дом – предупредить. Согласно плану аварийной эвакуации, все спустятся в подвал, по одному залезут в подземный ход. Я останусь поджечь бикфордов шнур – якобы. Ну а где они будут из лаза вылезать, ты знаешь. Примете их в Бутиковском честь честью, тоже по одиночке.

Самому Алексею диспозиция ужасно нравилась. Не операция, а шедевр искусства. Вот она уж точно войдет в учебники.

– Романов, ты гений, – сказал окончательно успокоившийся Шварц. – Может, ты хоть по маме еврей?

– Я по жизни еврей, – ответил Романов. – Ладно, побежал я. Уже семь двадцать пять.

Первое, что показалось ему странным, но еще не встревожило – в скверике перед амбулаторией не было охранников. Ни одного. Члены штаба опаздывают?

Потом Алексей увидел, как с крыльца поспешно спускается Засс, в каждой руке по кожаной сумке.

– Куда вы, доктор? А как же прием?

Засс изумленно уставился на Романова.

– Простите, я в ваших загадках ничего не понимаю... Четверть часа назад прибежал господин Миркин, очень нервный. Сначала закричал: «Марья Львовна, доктор, я за вами! Я сообразил, что Романов вас не предупредил! Скорее уходите!» Марья Львовна ему: «Как уходите? Зачем уходите? Все только пришли». А потом... потом все забежали, закричали: «Чекисты, скоро придут чекисты». Минуты не прошло – я остался один. Мне никто ничего не объяснил! Я собрал самое необходимое, и вот... Может быть, хоть вы скажете, что мне делать?

Алексей стоял ни жив ни мертв.

Душевного покоя захотел, мерехлюндер. Расстрелять тебя мало...

Оттолкнул доктора, ринулся в амбулаторию, к телефону.

Засс, помедлив, побежал в другую сторону.

– Не вешай нос, Леша. Отработано не на «отлично» и даже не на «хорошо», максимум на «уд.» с плюсом, но все же экзамен сдан. Главное – восстания не будет.

Орлов находился еще в госпитале, но с сегодняшнего дня снова взял руководство в свои руки. Ему в палату поставили телефонный аппарат, носили сводки и донесения. На тумбочке у кровати лежали списки арестованных, прижатые сверху пепельницей с грудой окурков.

– Саввина и членов штаба мы, конечно, упустили, но почти всех бригадных и большинство полковых арестованы, склады с оружием тоже захватываем, один за другим.

Постучав, вошел порученец, протянул бумагу. Орлов, неловко повернувшись, стал читать.

– Хорошая новость. Накрыли оружейный склад их кавалерийского отряда, а там оказался наш «еврей-воин», Миркин.

– Взяли? – востроенулся мрачный Романов.

– Хладным трупом. Выхватил пистолет, ну ребята его и угрохали. Жалко. Не научились еще живьем брать. Так и не узнаем, кто «Союз» снабжал деньгами.

Он присмотрелся к Алексею.

– Эй, ты чего такой кислый? Гордиться надо. Какое дело провернул! Сорвал заговор против республики. И почти без потерь с нашей стороны. Одного человека только потеряли, и то не сегодня, а раньше. Тимофея Крюкова. Вечная ему память. Какой был товарищ!

Лицо у Орлова стало печальным. Но трауру член коллегии предавался недолго – не такого склада был человек. Обращенный на Романова взгляд засветился обычным шепутным блеском.

– Еще одна жертва героической операции ВЧК – моя продырявленная голяшка. Хреновый ты оказался стрелок, Леша, а хвастался.

– Я же объяснял! Мне надо было тебя подстрелить так, чтоб ты упал. Иначе Полканов тебя уложил бы намертво! У меня выбора не было!

– Ничего не знаю. Шевровых сапог в награду не получишь. Больше чем на кирзовые ты не наработал. Я-то вот никакого сапога надеть не могу. – Орлов показал на подвешенную к потолку ногу.

Шутить Алексею не хотелось. Собравшись с духом, он сказал:

– Знаешь, а ведь это я операцию провалил...

И объяснил про Миркина, закончив покаянный рассказ так:

– Зная его, я должен был сообщить, что он кинется в амбулаторию спасать Засса. Если б не мое сдюнтяйство, всё обернулось бы иначе. Сейчас эта недобитая контра рассеется во все стороны, как драконьи зубы. И запольхает в ста разных местах... Под трибунал меня надо.

Орлов глядел на Алексея из-под сдвинутых бровей.

– Эх, – сказал он со вздохом. – Тогда и меня надо под трибунал. Я, знаешь, тоже себя казню, что в апреле анархистов отпустил. Теперь тот же Арон Воля гадит нам на Украине, еще нахлебаемся с ним. И другие тоже... Трудней всего уничтожать тех, кто еще вчера был для тебя свой. Учиться нам еще и учиться. Красной революционной правде. А она сурова: твой друг – тот, кто друг революции, а кто ей враг – тот и тебе враг. Беспощадности надо учиться, без нее не будет победы. Красная правда, брат, потому и красная, что поливают ее кровью.

Зеленая правда

Турусова на колесах

«Всё, что не траур, – праздник. Всё, что не боль, – радость». С этим девизом Мона прожила на свете до почтенных тридцати четырех лет, и он ни разу не подвел. Бывало, конечно, всякое. Не очень-то порадуешься, если у тебя ноет зуб или разбито сердце. Но дантист или самый лучший лекарь (правильно – время) делали свою работу, боль и траур заканчивались, и можно было снова отмечать каждый день и каждую ночь, потому что повод всегда найдется – и днем, и ночью. Просто смотри на мир не черными глазами, а голубыми. У Моны глаза были исключительной голубизны, прямо аквамарин.

Нашелся повод и сейчас, в, мягко выражаясь, нелучезарных обстоятельствах.

На грязной железнодорожной станции, в грязном зале ожидания, Мона потянулась фляжкой к грязному «титану», за кипятком, и злющая баба, тоже совавшая под кран миску с крошенным хлебом, замесить тюрю, рявкнула:

– Не замай, безноса! Куды лезешь заразной лапой? Тварюга бесстыжая!

– Сама ты тварюга, – гнусаво ответила Мона. – Щас вот плюну тебе в тюрю.

И приподняла на лице повязку, а под нею красота: вместо носа синебагровый ужас с двумя капельками гноя (воск, натуральные краски, итальянская смолка). Сойдя с поезда, Мона уединилась в кустиках и соорудила камуфляж: изобразила сифилис третьей стадии, сверху повязала тряпицу. Судя по тому, как шарахнулась от художественного полотна бабища, работа удалась на славу. Как же тут было не порадоваться?

Гордая собой, Мона наполнила флягу, почесала лоб, на котором еще не совсем подсохла звездная сыпь (гуашь с сеяным песочком).

«Была я белошвейкой и шила гладью», – тихонько пропела Мона, наслаждаясь гнильностью голоса. Ее обеспечивали два комочка ваты, сунутые в ноздри.

Ну, в путь! Железнодорожная стадия «Исхода» позади, и хоть была она не сахарной, настоящие приключения только начинаются. Дальше Белгорода поезда не ходят, потому что советская власть тут более или менее заканчивается. Впереди ничейная территория, и, кроме как пешком, ее не пересечь. Но чего бояться нищенке-сифилитичке? Кому она, убогая,

нужна?

Подбодрив себя этой мыслью, Мона пошла по пыльной улице от станции на юг (послеполуденное солнце светило в правое ухо). Где-то в той стороне должно начинаться Харьковское шоссе. Что за власть в Харькове – еще красная, уже белая или вообще никакая, – толком никто не знал. Май одна тыща девятьсот девятнадцатого года был баловник и чародей, веял свежим своим опахалом так, что ни черта не разберешь, всё вихрилось и вертелось.

Экипировка для туристического похода через Дикую Степь была превосходная, продуманная со всей свойственной Моне обстоятельностью.

Поглядеть со стороны – жуткие обноски. Бесформенный балахон в кривых заплатах (вывернутый наизнанку и обшитый мешковиной альпийский плащ), на ногах облупленные опорки (швейцарские башмаки после соответствующей обработки), за спиной драный мешок. Кто станет рыться – сразу передумает.

На выходе из города, у заставы, случился первый экзамен. Часовой заподозрил в Моне спекулянтку, полез-таки шарить. Матернул, выдернул руку – пальцы перемазаны бурым, липким.

– Шо у тя там?!

– Ветошка, гной обтирать, – жалостно прогундосила Мона и снова предъявила свой замечательный нос. На самом деле пачкался ликвидкармин, незасыхающая грунтовка – совершенно незаменимая вещь в работе, придает воску живой отсвет, как у настоящей кожи.

Дальше служивый не полез, до запрятанного на дно «бульдога» не дорылся, но и не отстал. Настырный попался. Обшарил Моне бока, нащупал под балахоном, во внутреннем кармане, мешочек с железками, обрадовался.

– Ага! Доставай, показывай!

Разочарованно потрогал пальцем крошечные катушечки, винтики.

– Это чё?

– Я швея, мил человек. В городе записочек добыла, машинку чинить. Сломалась, окаянная.

Но красноармеец не отвязался и теперь.

– А документ у тебя есть? Может, ты кадетская шпионка?

Документ – это пожалуйста. Бланк обошелся Моне в две воблы, печать она изготовила сама – для художницы пустяки.

– Катись, – сказал постовой, и Мона покатилась. За шлагбаум, прочь из Совдепии.

Вот и еще один повод праздновать – отлично сданный экзамен.

Глядя на волнистую равнину, пересеченную оврагами и балками, она вспомнила зазубренную когда-то в гимназии цитату из «Слова о полку Игореве»: «А всядем, братие, на свои брзья комони, да позрим синего Дону!»

Что ж, всядем, позрим.

Жизнь щедра на подарки человеку, настроенному только на хорошее. Мона не прошагала в своих замечательных ботинках и двух верст, как ее догнала пустая телега, и молодой крестьянский парень крикнул: «Садись, бабонька, подвезу. Не люблю я один, скучно». Это, конечно, веселый каламбур судьбы, решила Мона, потому что ее фамилия была Турусова.

На колесах, на мягком сене, путешествовалось быстрее и комфортабельнее, а приглядевшись к вознице, Мона увидела: хорош. Веселый, в белых зубах ромашка, длинные ресницы золотисты, золотятся и небритые щеки. Прямо фавн, только без свирели.

Устыдила себя: фу, Турусова, а еще интеллигентная женщина.

Тут фавн высморкался пальцами, обтерев их затем о свою апельсиновую щетину, и недостойное настроение улетучилось.

Мона весело болтала с парнем о всякой чепухе (о городских ценах, о небывалом паводке, о том, кто хуже – красные или белые); ходу мыслей это нисколько не мешало.

Беда с мужчинами в чем? – размышляла она. Разговаривать хочется с умными, а обниматься с эротичными, однако эротичный мужчина, как правило, неумен, а умный – неэротичен. Если даже вдруг одно совпадет с другим (редко, но бывает), тоже проблема. Встретишь какого-нибудь умопомрачительно красивого, да еще и нечеловечески умного. Чувствуешь – всё, пропала. Съела бы, как котлету. А красавец возьми и скажи нечто интеллектуально тонкое или парадоксально точное, от чего тянет задуматься. В голове сразу начинают жужжать бойкие мухи, стартует умственный процесс, а когда у тебя включается голова, женское сразу отключается. Любить можно или умом, или телом, а тем и другим вместе – никак.

Будучи особой неглупой, Мона, конечно, понимала, что беда не с мужчинами, а с ней самой. Кто виноват, что у тебя, как выразился бы отец, девиантная либидозная установка? Так и прожила в тисках этой неразрешимой дилеммы, держа мух и котлеты отдельно. Ни мужа, ни детей...

Она вздохнула, покачивая свешенными с телеги ногами, и рассмеялась собственному притворству.

Замуж выйти ей никогда не хотелось, рожать детей – бррррр, тем более.

Пусть размножаются те, у кого нет занятий поинтересней.

Жалко, конечно, что за долгую уже жизнь было немного любовных приключений, но тут уж, матушка, винить некого. Чересчур переборчива. Претендентов-то хватало, грех жаловаться. За недостижимостью абсолютного идеала Мона влюблялась в мужчин одного и того же типа: эротичных (то есть высоких, стройных, красивых, а главное умеющих создавать праздник) и не чрезмерно умных. Дураки, конечно, исключались, они вообще никому ни за чем не нужны, но и Лобачевских тоже не надо.

Однако в четырнадцатом году все красивые и праздничные ушли на фронт, а после семнадцатого года вообще исчезли – во всяком случае, в Совдепии. Это была еще одна, хоть и не первостепенная причина, по которой Мона Турусова отправилась в «Исход». Первостепенная состояла в том, что ее любовно созданный мир сожрали крысы.

– Ездют все, ездют, на месте не сидят, – вздохнул возница, его звали Ероша. – Будто всей Расее подхвостлицу скипидаром намазали, ну она и сорвалась. Вот ты, тетка, не с наших краев, поговору слышать. Куды тебя несет? Чё те дома не сидится? Хворобу, что ли, свою лечить ехаешь?

– Умный ты, Ероша, враз угадал. Дома мою хворобу не вылечат, – похвалила Мона.

– Я умный, – согласился парень. – Мне и мамка говорит: «Ты, грит, у меня, Ероша, голова».

А Моне мать говорила: «Не живи головой. Не повторяй моих ошибок. Живи тем, что в тебе самое главное. Вот во мне главное – сердце, а я старалась жить головой. Поэтому сначала упустила любовь. Затем вышла замуж, потому что так казалось умней. Потом развелась, потому что на одном уме далеко не уедешь. И только с третьей попытки кое-как устроилась. Твой отец – замечательный муж, у нас очень крепкая семья». Подобные откровения всегда заканчивались вздохом.

Папа у Моны действительно был замечательный. Вот уж у кого ума – палата. Доктор Турусов, профессиональный исследователь человеческой психики, про семейную жизнь объяснял так: «Прочнее всего союзы, в которых один партнер – цветок, а второй – горшок. Пока почва в горшке питательна и достаточно увлажнена, цветок будет делать то, что ему предписано – цвести, а горшок этим любоваться. Обоим польза».

В Моне главным и лучшим оказались пальцы. Они были прямо волшебники – умели чувствовать выпуклости и впадинки бытия, а потом воспроизводить их в виде совершенных копий.

В юности Мона пожила в Париже, поучилась ваянию у великой, сумасшедшей Камиллы Клодель. Та тоже любила порассуждать про

главное. С ее точки зрения, главным в жизни был правильный выбор материала.

Мона попробовала разные материалы: гипс, камень, металлы, но все они отдавали мертвечиной, а хотелось поймать и удержать жизнь. От разочарования даже занялась фотографией, но та раздражала двухмерностью и ничего не давала пальцам.

К двадцати пяти годам наконец нашла идеальный материал. Стала делать фигуры из воска, совсем как живые. Лучше, чем живые. Раскрашивала красками, которые изобретала сама. Шила для кукол одежду.

В предвоенном Питере турусовские «восковые персоны» стали входить в моду. Трехмерный портрет стоил очень недешево, да Мона еще и не всякого заказчика брала. Сначала сажала человека в кресло, щупала лицо пальцами. Они рассказывали ей больше, чем глаза. Если объект интересный – лепила. Нет – отказывала.

А еще, уже для себя самой, постепенно превращала свою мастерскую в сказочное королевство, населенное восковыми фигурками в одну десятую натуральной величины. Жителями королевства становились все люди, чем-то привлечшие Монино внимание. И всяк попадал на свое место.

Ненавистная мучительница детства, гимназическая инспектриса Извольская, пасла на лужайке свиней. «Первый поцелуй», юнкер Келлер, навечно остался заколдованным принцем. Возлюбленный, с которым Мона плохо рассталась, лежал вампиром в стеклянном гробике, пронзенный осиновым колом. Но были там и шестеро остальных, с которыми она разошлась без обид. В своем идеальном мире она каждого наградила в соответствии с заслугами.

Бравые солдаты маршировали по кукольной улице, томная барышня выглядывала из окошка. Мудрый алхимик, вылитый доктор Турусов, колдовал над философским камнем.

Там много что было, в восковом королевстве. Мона так к нему привязалась, что не уехала из обреченного Петрограда, когда это было возможно.

А ведь мудрый папа еще осенью семнадцатого сказал, что российская почва истощилась и горшку с цветком пора перебираться в иные черноземы. «Психиатры нужны только там, где психически здоровые люди изолируют от общества психически больных, а в стране, где психи сажают здоровых, мне делать нечего». И увез плачущую маму в Финляндию, а оттуда через Швецию и Францию в Швейцарию. Получил в Женеве кафедру, слал письма, звал. Потом письма из-за границы доходить перестали, а уехать из России стало нельзя.

Мона и не собиралась бросать своих восковых подданных. Как-то существовала, понемногу продавая обстановку. Научилась спекулировать, менять вещи на продукты. Только вот население королевства больше не увеличивалось, потому что негде было взять воск. Месяц назад, в апреле, она узнала, что под Псковом заработала какая-то «свечная коммуна» и коммунарам там не хватает фитилей. Достала, отвезла, обменяла на пуд очень приличного воска. После недельного отсутствия вернулась домой довольная – а королевства нет. В голодном городе ужасно обнаглели крысы, которым стало нечего жрать на помойках. Они начали забираться в квартиры. И слопали всё сказочное население: дам, кавалеров, дворников, гимназистов, добрых и недобрых возлюбленных. Ничего не осталось от прекрасного мира, только катышки крысиного помета.

Мона целый день проревела, как в детстве, когда еще не выработала свой отличный жизненный девиз. И засобиралась в «Исход»: назад, в детство, к папе и маме.

Но за время, миновавшее с родительского отъезда, пролетарская республика позахлопывала все лазейки, ведущие наружу. Зимой еще можно было, пускай с риском, перейти границу по льду Финского залива, в теплое же время года оставался только кружной путь: на юг, в белую Россию, и оттуда морем, вокруг Европы.

Далеко? Да. Тяжело? Опасно? Не то слово. Но что делать? Не оставаться же в стране победивших крыс?

Дистанция от решения до исполнения у Моны всегда была короткая.

Собралась. Поехала.

Из Питера до Москвы дорога оказалась легкой, только в Бологом пришлось проторчать двое суток, потому что пассажирский поезд мобилизовали на нужды фронта. На пути из Москвы в Белгород приключений было больше: трижды ссаживали, дважды обстреляли, непонятно кто; близ Курска «сдох паровоз», и пришлось всем народом семнадцать верст пихать поезд. Но ничего, добралась.

И вот началось самое трудное: преодолеть «сумеречные земли», где в немногочисленных городах – красная власть, а вокруг – «зеленая», то есть никакая. И где-то вдали, по-за степью мерцает свет белой власти. Туда пытаются пробраться многие, да не всем удастся.

Но Моне, разумеется, удастся – в этом она не сомневалась.

Славный Ероша довез попутчицу куда ехал сам, до села Маслово Пристань, и подсказал, у какой бабы есть швейная машинка.

У Моны был разработан простой и гениальный план дорожного снабжения. Брать с собой еду смысла нет, на всю дорогу не напасешься, но умный человек всегда найдет себе и корм, и крышу над головой.

Здесь, в Масловой Пристани, она свою идею и проверила.

Постучалась.

– Хозяйка, швейную машину починить не надо?

Само собой, оказалось, что надо. Все последние годы чинить немецкую технику, да еще в такой глуши, было негде.

Готовясь в путь, Мона наменяла запасных деталей и освоила технику машинного ремонта – ее ловким рукам это нехитрая наука далась легко.

Хозяйка так обрадовалась, что и накормила, и спать уложила, и в дорогу снеди собрала, а самое главное – дала бесценный совет. Узнав, что мастерица пробирается на юг, сказала:

– Чего тебе подметки стаптывать? Ныне весна, вишь, какая, Донец широко разлился, по сию пору плоты гонят. Попросись к плотовщикам и поплывешь себе, как барыня. Заплатить найдешь чем?

– Найду, – ответила Мона, окончательно уверившись, что удача на ее стороне. По реке – это гениально!

Утром она вышла к Северскому Донцу, разбухшему от талой воды, поигрывающему водоворотами.

И точно, не подвела удача. У причала покачивался невеликий плот с прицепленным сзади баркасом. Губастый, голенастый недоросток как раз спрыгивал вниз, на бревна, держа в руках каравай хлеба и крынку молока. Должно быть, бегал на рынок.

Мона его окликнула.

Парнишка был простой, приятно застенчивый, но при этом говорливый. Рассказал, что помогает дяде Стасю сплавать избяной лес на юг, «казакам», потому что у них там плешасто и хорошего бревна нету, а строиться, война не война, всё одно надо.

– А возьмите меня с собой, – сказала Мона. – Я гляди чем заплачу. – Показала вынутые из-под мышки, где потаенный карман, золотые часики. – Хорошие, господские.

Паренек почесал затылок.

– Я бы, тетка, ты и так взял, жалко, что ли. Плот, чай, не лошадь, ему все равно. Но без старшого не могу. А дядя Стась, вишь, спит. Разбудить – заругается.

Из соломенного шалашика на дальнем конце плота торчали четыре ноги: две в старых юфтовых сапогах, две в галошах поверх портянок.

– А второй кто?
– Странник пристал, божий человек.
– Ну, где странник, там и странница. Отчаливай. Проснется твой Стась, заругается – слезу на берег.

И убила.

Оттолкнулись в два шеста от причала, поплыли.

Хорошо-то как, думала Мона, лежа на охапке сена с заложенными за голову руками и глядя на белые облачка.

Ее слегка покачивало на волнах, майский ветерок шевелил рыжую прядь, и та щекотно елозила по лбу, но вынимать из-под затылка руку было лень.

Так и уснула, убаюканная рекой.

Странный странник

Проснулась со ртом, полным слюны. Пахло наваристой ухой. Нос даже сквозь повязку унюхал чудесный запах еще до того, как пробудился мозг.

Грело нежаркое, ласковое солнце. Всё так же покачивался плот. Приоткрыв глаз, Мона увидела, как мимо проплывает обрывистый правый берег, обрамленный светлой зеленью кустов.

– Так не спас душу-то, дед? – лениво спросил сиплый голос. – Не утаился от мира?

Другой, глуховатый, ответил с легким заиканием:

– От него утаишься. Сам ко мне з-заявился.

– Погнал под зад коленкой? – засмеялся первый. – Это да, это он умеет. Уху-то ешь.

Зазвенели ложки. Мона открыла оба глаза, но пока лежала тихо, чтобы разобраться, кто тут и что.

На железном листе догорал костерок. Рядом, на подставке из трех кирпичей, стоял дымящийся котелок. Едоков было трое. На давешнего парнишку, громко хлюпавшего похлебкой, Мона смотреть не стала – его она уже видела. Двое остальных были такие: широкий небритый дядька с медной рожей (не иначе дядя Стась) и седовласый старик в монашеской скуфье, в перепоясанной вервием рясе. Этот сидел в одну четверть, так что разглядеть можно было только сухую скулу, обросшую белой бородой, и ус – не седой, а черный.

Запахло еще вкусней – это на углях, оказывается, доспевала рыба. Ужасно хотелось есть, но Мона пока еще не решила, пора ей официально просыпаться или нет. В меднорожем плотовщике, в пластике его жадных движений чувствовалось что-то тревожное. Такие вещи Мона хорошо угадывала. Как хищно обгрыз он одну, вторую, третью плотвичку! Как неприятно облизал пальцы!

Вдруг старшой обернулся – Мона едва сомкнула ресницы.

– Эх, рыбку пожарить да бабу отхарить. – Сыто рыгнул. – Буди, что ль, свою уродку, Фомка. Попользоваться ей желаю.

Притворяться больше смысла не было. Мона рывком села.

– Я говорила, я не даром, – быстро сказала она. – А не хотите – я сойду. Только к берегу пристаньте.

– Знамо, что не даром. Сейчас и расплотишься.

Стась подходил к ней, скрипя галошами, распуская ремешок на

штанах. Снизу он казался огромным.

– Сдурел ты? – крикнула Мона. – У меня нос сгнил, заразишься!

Сдвинула повязку – для наглядности.

Но старшой не испугался.

– Дак и я такой же. Пожалеет друг дружку, бабонька. Хворый хворого. Ты харю-то подолом прикрой, глядеть погано.

Она рванула к себе мешок, щупая среди тряпья револьвер, но от нервов не находила.

– Фомка, вторым будешь? – спросил Стась паренька.

– Не, дядь, мне жаниться ишшо.

Сказано было вяло. Помощи с той стороны не будет.

– Ну, гляди. Может, после разохотишься. А ты, дед? Или тебе уже не надо?

– Не надо, – брезгливо ответил монах. Этот и вовсе отвернулся.

Так и не нащупав «бульдог», Мона решила, что прыгнет в реку. Плавала она отлично, и до берега недалеко. В любом случае лучше промокнуть, чем стрелять в живого человека, даже такого.

Пробежала шага три, а потом упала и не сразу поняла, в чем дело, – только когда Стась, а за ним и Фомка захохотали.

Пока Мона спала, кто-то привязал ее веревкой за ногу. Распутываться было некогда, сверху уже нависала медная рожа.

Рука снова сунулась в мешок и на этот раз сразу попала на рельефную рукоятку.

– Отойти! – крикнула Мона, наставив на плотовщика прыгающий ствол. – Выстрелю!

На секунду или, может, две рожа скалиться перестала. Потом снова расползлась.

– Не, не пальнешь. Кишка тонка.

Здоровенная лапища вырвала «бульдог», вторая ловко и очень больно вlepила Моне затрещину.

– Раскладайся! – велел старшой. – А забрыкаешься, ногами потопчу. Ну!

Наступал жизненный момент, когда праздновать и радоваться было нечему. В такие черные минуты остается только одно – кричать. И Мона закричала, отчаянно и безнадежно:

– Ааааааа!!!

– Орать ори, это можно.

Стась нагнулся, ухватил полы балахона. Мона захлебнулась, умолкла.

– Она не хочет. По-моему, это очевидно, – донесся голос старика. –

Оставь ее в п-покое.

Плотовщик обернулся:

– Не встречай, дед. В реку скину.

Монах или странник, бог разберет, с неожиданной для такого возраста легкостью поднялся.

– Повторяю последний раз: отстань от нее.

Сзади на нежданного заступника прыгнул, обхватив руками за горло, Фомка. Старик сделал какое-то движение – парень перевернулся кверху ногами, с размаху приложился о бревно. Затих.

– ...! – матерно зарычал старшой. – Убью!

Вскинул ручищу, в которой маленький револьвер показался вовсе игрушечным.

Грянул трескучий выстрел. Промаяхнуться с десяти шагов было невозможно, но странник с какой-то почти неуловимой для глаза быстротой присел и, как бы продолжая то же движение, подхватил чугунок с ухой.

Второй выстрел юркого старца тоже не задел – он качнулся вбок. А котелок, брошенный с неистовой силой, мелькнул в воздухе и звонко ударил Стася в лоб.

Плотовщик взмахнул руками, выронил оружие, с плеском шлепнулся в воду.

Мона, разинув рот, посмотрела: вынырнет?

Нет, не вынырнул.

Снова всплеск. Это очнувшийся Фомка прыгнул с плота в воду и отчаянными саженками поплыл к берегу.

У Моны дрожали руки. Голос тоже.

– Этот человек... утонул?

– Туда и дорога, – недовольно буркнул странник. – Нашли о ком жалеть. Вот котелок – да, жалко. Пригодился бы.

– Я не в том смысле, – быстро сказала Мона. Не хватало еще упрекать нежданного спасителя. – Мне его не жалко. Это был ужасный тип. Как удачно вы ему попали прямо в лоб!

– Повезло... – Странный странник опустил на корточки, развязал веревку. – Он вас ударил. Поверните-ка голову, посмотрю... Кровоподтека не останется.

– Вы не монах, – сказала Мона, глядя на него. Лицо у старика было не вполне старческое: на лбу всего одна морщина, вертикальная; глаза синие, не выцветшие от возраста; длинные волосы и борода седые, но усы действительно совсем еще черные. Пощупать бы фактуру щек и подбородка, стало бы понятно, что за человек.

– Вы из образованных. По речи ясно. Зачем вам маскарад: борода, ряса, шапочка?

– Я год не стригся и не брился. Жил в северном монастыре. Оттуда и одежда. Монахи неспроста такую носят. В ней на п-пленэре удобно. Передвигаться по стране в нынешних условиях – тоже. Старый чернец никому не интересен. Как, впрочем, и нищенка с третьей стадией сифилиса. – Он скептически разглядывал декорацию на Монином лице. – У вас, сударыня, язвы размазались. Что это за желтые капельки – итальянская смолка?

Мона схватилась за нос.

– Сейчас смою... Как вас зовут?

– Последний год звали «братом Сергием». Или «отцом Сергием», в зависимости от того, кто ко мне обращался.

Не хочешь говорить свое имя – не надо, подумала Мона и ответила в тон:

– А я по документам швея Федосья Кукушкина.

Он равнодушно кивнул и отошел.

У края плота Мона села на колени и долго смывала краску, искоса посматривая на «брата-отца». Наверное, тоже пробирается на юг, но зачем? Кто он? Офицер? Вполне возможно. Осанка прямая, движения четкие, по манере говорить видно, что привык командовать. Если военный, то наверняка генерал, оно так и по возрасту получается. Хотя для военного что-то очень уж свободная моторика – не чувствуется мундирной скованности. Интересно...

Непонятный человек повертел в руке поднятый с бревен «бульдог», да вдруг зашвырнул его в реку.

– Эй, брат Сергей, вы что?! – возмутилась Мона.

– Этой д-дряню вы опасного человека не убьете и даже сильно не раните, а только разозлите.

Отвечая, он снова посмотрел на нее. Брови (тоже не седые, а черные) удивленно приподнялись.

– Да вы молоды. И... – Он не договорил, но Мона догадалась: «и красивы». – Пожалуй, для вас я скорее «отец Сергей».

Она сразу перестала на него сердиться. Черт с ним, с «бульдогом». У путешествующей дамы появился какой-никакой, а защитник. Лучше быть с рыцарем преклонных лет, чем вообще без рыцаря.

– Что мы будем делать? – спросила она, чтобы проверить, как «отец» отнесется к местоимению первого лица множественного числа и к предположению, что они теперь будут что-то делать вместе.

Вопрос был воспринят как нечто естественное – Сергей задумался. Тут Мона окончательно поняла: инцидент с любвеобильным плотовщиком – очередной подарок судьбы, а вовсе не то, чем показался вначале.

– Плот придется бросить. На нем всё время нужно отталкиваться от мелей шестом. Бесперывно дежурить в одиночку я не смогу, а у вас не хватит сил. Перебираемся в б-баркас.

Он взял из шалаша мешок на лямке, Мона подобрала свой и безропотно последовала за старым рыцарем. Пусть привыкает заботиться о даме и принимать решения. Мудрый доктор Турусов учил дочку: «Быть женщиной очень выгодно. Когда удобно – ты слабая. Когда понадобится – сильная. Пользуйся гонором и мышечной силой мужчин, ими легко манипулировать. Миром вообще должны управлять женщины. Большую часть своей истории человечество просуществовало при матриархате, и всё было отлично. Проблемы начались, когда общество возглавили мужчины».

Баркас был старый, но крепкий, с мачтой, мотором, веслами. Продолжая изображать робкую деву, Мона села на скамеечку, беспомощно сложила руки на коленях и стала смотреть, как отец Сергей возится с мотором.

– Одноцилиндровый «Эвинруд» с встроенным магнето и глушителем. Могло быть и хуже, – пробормотал удивительный странник.

Покрутил какую-то штучку. Двигатель фыркнул, завелся. Лодка обогнула обезлюдевший плот, резво понеслась по реке.

– Вы разбираетесь в таких сложных механизмах? – почтительно спросила Мона, хотя механизм был не особенно сложный. Она и сама бы разобралась. Может, только не так быстро.

– У меня диплом инженера по двигателям.

Представляю, какие были двигатели сто лет назад, когда ты получал свой диплом, подумала она. Паровые со свистком.

– А где вы его получили? – осторожно развивала она светскую беседу.

– В М-Массачусетском технологическом институте.

– В Америке?! – с искренним изумлением спросила она.

Сергей выключил мотор, баркас замедлил ход.

– Зачем мы останавливаемся?

– Мы не останавливаемся. Просто поплывем со скоростью течения. Побережем бензин для случаев, когда понадобится плыть быстро. Видите, здесь всего одна запасная канистра.

А Мона очень заинтересовалась Америкой.

– Вы, наверное, много странствовали?

– Да. Я всегда был странник. Только рясу не носил. Доберемся до мало-мальски спокойных мест – расстанусь с ней. И с именем «Сергий».

Без повязки на лице Мона чувствовала себя красавицей, еще и развязала платок, подставив солнцу свои густые волосы чудесного бронзового оттенка. Старик то и дело поглядывал на них. Должно быть, они недурно посверкивали.

– Почему именно «отец Сергий»? В честь героя Льва Толстого?

– Монахи лесной обители, где я жил, не читали г-графа Толстого. Это северная Вологодчина, совсем дикие места. К ним повадился ходить медведь-бобиль, житья не давал. Я с ним потолковал, в самый первый день. Мишка ушел. Вот братия и нарекла меня Сергием в память Сергия Радонежского, медвежьего укротителя.

– Как это «потолковали»?

– В глаза посмотрел. С хищниками просто. Они нападают только в трех случаях. Если очень голодны и считают тебя съедобным. Если испуганы. И еще в зависимости от пола.

– От пола? – еще пуще заинтересовалась Мона.

– Ну да. Самка – защищая детенышей. Самец – красуясь перед самкой. Медведю со мной делить было нечего. По моему поведению он понял, что я не еда. Пугать его я не пугал. Самки рядом тоже не было. Вот он и ушел.

– А как вы вообще попали в северный монастырь?

Баркас тащился медленнее пешехода, впереди была абсолютная неизвестность, про спутника Мона почти ничего не знала, но ей всё это ужасно нравилось: и неспешная река, и зеленые берега, и синее небо, а больше всего – разговаривать с умным, интересно пожившим мужчиной, при котором можно не думать про женское, потому что он уже не в том возрасте.

– Весной прошлого года мы с другом поступили по-восточному. Один мудрец две тысячи лет назад сказал: «Если мир перестал тебе нравиться, а ты не можешь его изменить, предоставь мир собственной к-карме и удались». Вот мы и удались.

– Собственной чему?

– Карма – это почти то же самое, что «судьба», только без оттенка фатализма. У японцев считается, что судьба никем не предначертана, ее можно изменить. Видите ли, мой друг японец. Он сказал: «Найдем где-нибудь тихий *о-тэра* (это вроде обители), поживем там, пока не придет *сатори*». *Сатори* – это... – Отец Сергий подумал – махнул рукой. – Долго объяснять, неважно. Я неплохо знаю Вологодскую губернию. Мы забрались в самый отдаленный монастырь и отлично провели там целый

год. Иногда в нашу глушь доносились вести из внешнего мира, одна хуже другой, а мы живем себе, ждем *сатори*... Ну, это такое состояние, когда человеку вдруг становится всё окончательно ясно, – объяснил-таки рассказчик – довольно туманно, но Мона вникать не стала. Ей хотелось знать, что произошло дальше.

– Месяц назад, когда сошел лед, всё стало окончательно ясно. Без *сатори*. По реке приплыл отряд какого-то ЧОНа (ей-богу не знаю, что это такое). Стал монахов выгонять, потому что в монастыре должен расположиться «спецлагерь для враждебных элементов». Я попросил у игумена б-благословения поговорить с этим ЧОНОм по-своему, но преподобный не позволил. Пришлось нам уходить.

– Куда?

Отец Сергей пожал плечами.

– Сначала вернулись домой. Посмотреть, что с Москвой. И я увидел, что там, в моем родном городе, стало совсем нельзя жить. Не оттого, что красный террор, а оттого что никто ему не противостоит. Люди просто живут и ждут, чем всё закончится. Служат за паек, ходят в синематограф, шепчутся о п-политике, играют в карты... Знаете, у меня нет претензий к плохим людям. С ними ясно: они на стороне Зла. Но мне тяжело смотреть на хороших людей, которые неумны или слабы. За свою долгую жизнь я пришел к выводу, что Злу больше везет со своими сторонниками, чем Добру. И дезертиры из армии Добра гораздо многочисленнее. Это понятно даже и с физической точки зрения. Падение дается легче, чем подъем, подчинение легче, чем сопротивление. Я уехал из-за всеобщего бессилия.

Мона кивнула – это ощущение ей было знакомо. И рассуждения о Добре и Зле, на которые в прежние, более сложные времена, она бы покривилась, в теперешнюю двухцветную, черно-белую, верней, красно-белую эпоху показались ей совершенно уместными.

Они замолчали, думая каждый о своем.

Так продолжалось до тех пор, пока Моне не пришла в голову тревожная мысль. А долго ли с ней пробудет этот отраднo спокойный человек? К тому же еще и не надоедливый: на вопросы отвечает, а сам ни о чем не спрашивает.

– Значит, из красной Москвы вы уехали, – сказала она. – А куда вы теперь? К белым?

И забеспокоилась – вообще-то про такое не спрашивают.

Но отец Сергей ответил, будто в вопросе не было ничего особенного:

– Белые меня не интересуют. Они хотят вернуться во вчерашний день, а это никогда не удастся. Революция потому и случилась, что во вчерашнем

дне России было плохо. Да, я намерен попасть на белую т-территорию. Но только затем, чтобы выбраться из страны, которая хочет заменить плохое прошлое на ужасное будущее. Ничего изменить я не могу, а наблюдать за этим процессом не хочу.

И тяжело вздохнул. Зато Мона очень сильно обрадовалась.

– Как хорошо! Я тоже должна попасть в какой-нибудь белый порт, чтобы уплыть оттуда за границу! Мне все равно, в какой. Вы куда – в Ялту, в Севастополь, в Новороссийск?

– В Севастополь. Меня там будет ждать друг, которого я уже поминал. Но в Крым я попаду не сразу. Сначала нужно завернуть в одно место.

– В какое?

– Понимаете, у нас с другом произошла размолвка. Как я уже говорил, он японец, но много лет прожил в России. И вот в Москве он сказал: «У нас две родины, моя и ваша. Сорок лет я прожил в вашей, но ее больше нет. Теперь ваша очередь сорок лет прожить на моей родине. Мы поплывем из Севастополя в Порт-Саид, а оттуда в Иокогаму».

– А из-за чего возникла размолвка?

– Я сказал, что сначала должен убедиться, действительно ли у России есть только два пути, красный или белый. А Маса – так зовут моего японца – объявил, что это нечестно, что я просто тяну время. И наши дороги разошлись. Он отправился в Севастополь, дожидаться, пока я «закончу копать в б-брюхе дохлого тигра» (это у них такая поговорка). А я пообещал, что моя поездка продлится недолго.

– Какая поездка? Куда?

– Видите ли, когда я вернулся в свою московскую квартиру, меня там ждало одно интересное письмо. От старого знакомого.

Отец Сергей умолк, рассеянно глядя на поблескивающую воду. Мона немного подождала, потом нетерпеливо тронула его за рукав.

– Вы говорили про письмо от старого знакомого.

– А? Да. Простите. Это идейный анархист, адепт так называемой «Черной правды». Его зовут Арон Воля. Теперь он обосновался на Украине. У них там что-то вроде анархистской республики. Зовет посмотреть собственными глазами. Пишет: приезжайте, не пожалеете. Я почти уверен, что это ч-чепуха и утопия, но все же решил навеститься, в порядке экскурсии. Для очистки совести. Мало ли, вдруг... Письмо красивое, и человек не пустой. – Отец Сергей опять вздохнул. – Посмотрю, удостоверюсь, что бред, – и в Севастополь, к Масае.

Мона напряженно прикидывала, что лучше – снова остаться одной или напроситься к этому чудному экскурсанту в спутницы. Не получится ли так

безопасней?

– Где эта анархистская республика? Далеко?

– В Приазовье. Есть там такой уездный городок, Гуляйполе.

– Вы про республику батышки Махно?! – вскрикнула Мона. Про степного атамана и его гуляйпольскую вольницу она наслушалась в белгородском поезде, когда решала, каким маршрутом двигаться на юг.

В «сумеречной зоне» между красными и белыми возникли десятки степных республик, у каждой свой «батышка»: «Чигиринская коммуна» батышки Коцуры, «Холодноярская управа» батышки Чучупаки, «Новая сечь» батышки Божко, «Лыцарское казачество» батышки Ангела, какая-то «Зеленошкольская директория», но больше всего говорили о гуляйпольском атамане Махно.

Нет уж, спасибо за такие экскурсии. Ничего не поделаешь. С отцом Сергием придется расставаться, раз он совсем полоумный.

– Я намерен спуститься по Донцу до Изюма, а оттуда идти пешком, – закончил рассказ неверный рыцарь. – Дальше поплывете сами. Управлять баркасом легко, только двигайте рулем. А пользоваться двигателем я вас научу.

– Хорош ваш японец. Еще друг называется. – Моне от расстройства захотелось сказать какую-нибудь гадость. – Отпустил пожилого человека в такое опасное путешествие одного.

– Чем это оно опасное? – удивился отец Сергей. – По нашим с Масой меркам нисколько. Заверну к знакомому в г-гости. Не понравится – через несколько дней буду в Крыму. А если паче чаяния понравится – вызову Масу к себе.

Мона отвернулась. Конечно, очень приятно чувствовать себя под чьей-то защитой, но лучше к этому не привыкать. Человек по-настоящему свободен, лишь когда ни от кого не зависит.

Катись в свое Гуляйполе, скатертью дорожка.

Вдоль да по речке

Она решила, что не будет к отцу Сергию привыкать, а то еще привяжешься. Конечно, спасибо за спасение, и вообще человек он достойный, по-своему привлекательный (не в *том* смысле, а как личность), но их совместный путь будет недолгим, и лучше, если расставание никого не опечалит. Поговорить поговорили, и хватит.

Дело облегчалось тем, что отец Сергей общаться со спутницей тоже не жаждал. Сидел на корме, правил – важный, словно управлял дредноутом.

Вдоль да по речке, вдоль да по широкой сизый селезень плывет, думала про него Мона, все же несколько уязвленная полным отсутствием интереса к сравнительно молодой и, в общем, довольно красивой женщине.

Свою дурацкую скуфью «странник» снял, рясу тоже. В рубашке и штанах стал почти похож на нормального мужчину. «Почти» – потому что седые волосья и борода все-таки превращали его в деда Мазая.

Так они и плыли – мимо полей, лугов и перелесков медленно, мимо деревень на моторе, быстро. Кто знает, что на уме у местных и какая где власть? Лучше было не рисковать. Ничего угрожающего, впрочем, не происходило. У мостков стирали белье бабы, мальчишки купали коней. На тархтящий баркас деревенские глядели без интереса. О том, что идет война, напомнил только конный разезд, не поймешь чей, но отец Сергей заметил его издали и причалил к берегу, под обрыв. Там и переждали.

Единственный раз путешественники обменялись парой слов, когда Мона достала из мешка заработанные в Масляной Пристани продукты. Вежливо предложила, он вежливо отказался.

Мона пообедала, задремала. Проснулась так же легко, как уснула. Открыла глаза – и поймала на себе взгляд спутника.

Он спокойно, без смущения сказал:

– Извините. Вы так хорошо улыбались во сне. Я давно не видел молодых, красивых женщин. В монастыре их, понятно, не было, но и потом тоже. Будто все они улетели из России в другие края. Как сказал один старинный автор: «В безобразные времена к-красота женщины поражает сильней».

Кажется, святой отшельник говорит комплименты, с веселым удивлением подумала Мона. Но он тут же всё испортил, задумчиво прибавив:

– Очень верно подмечено. Можно уточнить: «даже умеренная к-

красота».

– «...не очень молодой женщины»? – подхватила она.

Вот теперь он смутился.

– Извините, я совсем не вас имел в виду, это было отвлеченное рассуждение... А насчет возраста позволю себе заметить, что самые интересные лица бывают у женщин средних лет. Еще можно разглядеть вчерашнюю девочку, и уже видно завтрашнюю с-старуху... О Господи, – окончательно стусевался отец Сергей. – Что я несу? Вконец одичал! Ради бога, я не про вас. Честное слово!

Она, не удержавшись, фыркнула – такой он сейчас был смешной. И после этого отношения как-то сами собой наладились. Иногда возникала беседа, иногда наступало долгое молчание, но уже не напряженное, а естественное.

Несколько раз отец Сергей садился на весла и греб на удивление мощно, подолгу, без усталости. Потом река вышла на равнину, разлилась пошире, выпрямилась, и он поставил парус.

Моне было расчудесно. Попутчик ей нравился. Больше всего тем, что с ним было спокойно. По-женски спокойно. Должно быть, поначалу она испытывала неловкость из-за чересчур романтической ситуации: прекрасная дева и благородный герой – это чревато осложнениями. Прямо как в синемаатографе. Или в той истории, которую любила рассказывать мать.

Но, узнав «благородного героя» поближе, Мона убедилась, что он по всем показателям ей не подходит. Во-первых, умный. Во-вторых, невеселый. Ну и, само собой, ужасно старый.

Хорошо!

– Хорошо-то хорошо, но слишком быстро, – сказал вдруг отец Сергей и, поймав ее изумленный взгляд, улыбнулся. Улыбка у него была немного неуклюжая, трудная. Будто подзаржавевшая. Сразу видно – человек улыбается редко. – Извините. Привык с собой разговаривать вслух. Говорю же: одичал. Это я о парусе. Хорошо, что попутный ветер, но из-за него мы движемся быстрее, чем нужно.

– То есть?

– Плотовщик Стась (не могу пожелать ему царствия небесного) рассказал мне про речной путь. Нам предстоит пересечь территорию некоей «Козолупинской республики». Это вольное государство пополняет свой б-бюджет, грабя проплывающих, поэтому данный участок следует преодолевать ночью, без огней и очень тихо. Мы же с вами такими темпами прибудем туда засветло. Придется пристать к берегу и дожидаться сумерек.

Он направил лодку к заросшему густым полузатоленным кустарником берегу. Место было отличное: под прикрытием ветвей баркас было не видно ни с реки, ни с суши.

– Отдохнем, – сказал отец Сергей. – Можно и поспать. Ночью будет не до сна.

Но сам спать не лег, а, усевшись на корме, стал разбирать содержимое своего дорожного мешка. Мона подсматривала.

Сначала старик достал полевой бинокль и стал тщательно протирать бархоткой его окуляры. Это было долго и скучно. Мона зевнула, подумав, не поспать ли в самом деле. Но второй предмет, извлеченный из мешка, был интересней – деревянная шкатулка. Отец Сергей достал и бережно развернул какой-то пожелтевший пергамент.

– Что это?

– Сам хочу понять. В шкатулке реликвии, оставшиеся от моих предков. Покойный отец собирал, а мне всегда было недосуг разобраться. Решил: если уезжать навсегда, возьму с Родины хоть это. Изучаю, изучаю, но пока б-безрезультатно.

Она подседа, заглянула ему через плечо. Древние каракули было не разобрать.

– «Память сия» в начале могу прочесть, а дальше никак... И в конце еще разборчиво: «Корней», какое-то слово, «руку п-приложил». Нашего родоначальника, который приехал в Московию при Алексее Михайловиче, звали Корнелиусом. Может, он?

И зашевелил губами.

Фамильные древности Мону не заинтересовали, но спать расхотелось.

Решила размяться.

Прошла до конца кустов, за которыми простиралось большое поле. Раздвинула ветки – испуганно присела.

Метрах в трехстах по дороге растянулась длинная, окутанная пылью колонна, которой было не видно конца.

Впереди медленным шагом под свернутым знаменем ехали всадники, человек десять-пятнадцать.

Мона побежала назад, рассказала отцу Сергию. Тот убрал свой палимпсест, поднялся, взял бинокль.

– Дайте и мне! – потребовала она.

Встали плечом к плечу. Он стал смотреть в правый окуляр, Мона в левый, но скоро отодвинулась. Во-первых, щеке было щекотно от его бороды, а во-вторых, мало что видно. Бинокль был слишком мощный. В белом кружке покачивались фуражки и папахи, въехала конская морда с

оскаленными зубами.

– Красные, – определил отец Сергей. – Не меньше б-бригады... Впереди штаб. Вероятно, подкрепления для харьковского фронта.

– Смотрите! – Она тронула его рукав.

Навстречу колонне по дороге мчался легковой автомобиль, за ним тянулся лисий хвост пыли.

Машина остановилась перед головой колонны. Выскочили три проворные фигурки: одна впереди, две сзади.

– Что-то срочное, – сказал отец Сергей. – Бог с ними. Какое нам дело? Сюда они не сунутся.

Конные стали спешиваться, окружили тех, что вылезли из автомобиля.

Вдруг хлопнул выстрел. Кучка людей быстро задвигалась. От нее оторвался всадник, за ним второй. Оба пустились вскачь через поле – в сторону кустарника. Моне показалось, что прямо на нее.

Вслед скачущим стреляли. Под задним споткнулся, опрокинулся конь. Мона вскрикнула, увидев, как всадник катится по земле.

Передний поднял лошадь на дыбы, дернул уздечку, разворачивая коня и всё время стреляя из револьвера.

Прихрамывая, подбежал второй. Подпрыгнул, взгромоздился сзади на круп. Снова поскакали.

– Молодец, что не бросил т-товарища, – заметил отец Сергей. – Но вообще-то мне это не нравится.

– Почему? – взволнованно спросила она.

– Потому что они выведут всю эту ораву на нас. Скорее. Отчаливаем.

И побежал к берегу. А Мона осталась, замороженная драмой. Двое беглецов под пулями несутся к зарослям, должно быть, надеясь в них укрыться, и не знают, что за кустами река. Они обречены! А ведь если бегут от «товарищей» и «товарищи» по ним стреляют – значит, наверняка приличные люди.

– Скорей, что же вы! – крикнул от воды отец Сергей. Там – трррр, трррррр, трррррррррррррр – с третьего рывка завелся мотор.

Всадники спрыгнули с лошади перед кустами метрах в сорока правее.

Мона высунулась, замахала:

– Господа, господа, сюда! У нас лодка!

Один, высокий, дернул второго, маленького, с рюкзаком на спине, за руку, показал на Мону.

Нырнули в заросли, скрылись из виду. Но бежали сюда – треск приближался.

Красные на поле перестали палить, садились в седла. Сейчас

прискачут!

– За мной, за мной! – кричала Мона, оборачиваясь на бегу.

Вот они уже рядом. Статный, красивый блондин и худощавый, невысокий шатен, тоже очень недурной наружности. Поразительно было то, что в этих отчаянных обстоятельствах они ругались между собой.

– Завшифот, вы кретин! Что вы натворили?! – орал шатен.

Блондин так же яростно ему в ответ:

– Я вас от ареста спас! Это же Кандыба, начособотдела!

На Мону они едва взглянули, увлеченные своим непонятным спором. Только Завшифот (ну и имечко) спросил:

– Где лодка? – Сам услышал мотор, кивнул. – Ага. – И снова спутнику: – Ваш дядя правда Гай-Гаевский? Откуда Кандыба вызнал?

– Чего тут признавать! У меня в анкете написано: «Мать Гай-Гаевская Антонина Зеноновна». Редкая фамилия, редкое отчество. Ну и что? У начдива-три товарища Махрова родной брат в армии Врангеля тоже командует дивизией, а тут всего лишь дядя! Разобрались бы и отпустили!

Единственное, что Мона поняла: кажется, шатен – племянник генерала Гай-Гаевского, командующего белогвардейской Добровольческой армией. Про него часто пишут в советских газетах, даже карикатуры помещают: толстяк в пенсне, в одной руке виселица, в другой кнут.

– Господа, после доругаетесь! Быстрее!

– Да-да, – буркнул ужасно сердитый племянник, обогнал ее и первым прыгнул в лодку.

Блондин сзади подсадил Мону (решительно, но деликатно), перелез через борт сам, крикнул:

– Давай, дед, гони!

Отец Сергей кинул на него неласковый взгляд, повернул рычаг.

Баркас вскинулся носом, выбросил из-под кормы фонтан брызг, сорвался с места.

Трое в лодке, не считая собаки

Самое удивительное, что эта парочка продолжала выяснять отношения и в лодке, даже не поблагодарив за спасение.

– Я ни в чем не виноват! – кипятился шатен. – Кто вас просил стрелять, Завшифот? Я бы всё объяснил!

– Кому? Кандыбе? Он бы вас вывел в расход без разговоров! Эх вы! Я вам жизнь спас, а вы лааетесь! Ну и катитесь назад к своим красным, товарищ помначшта-бриг... как вас... Штукин!

– Скукин, моя фамилия Скукин, – зло поправил шатен. – А кто вы-то такой? Чего вы полезли? Я только знаю, что вы заведующий шифровальным отделом... Каганович, кажется?

– Канторович.

До Моны дошло, что эти двое толком не знакомы.

– Всем лечь на дно, – коротко сказал отец Сергей. – Сейчас будут стрелять.

Оглянувшись, Мона увидела на берегу людей. Они прикладывались к ружьям. Баркас отплыл довольно далеко, и страшно не было, но все же она поскорей кинулась на мокроватое дно лодки, столкнувшись локтем с помнач-чего-то-там Скукиным.

– Пардон, – извинился тот, морщась от визга пуль. Одна лязгнула по железной ключине, и вот это уже было страшно. Мона вскрикнула.

– Ничего, – донесся спокойный голос с кормы. – Сейчас п-повернем по излучине, и они перестанут нас видеть.

Баркас немного накренился, и пальба действительно оборвалась.

Мона и двое остальных сели.

– Вы кто такие? – мрачно спросил отец Сергей.

Первым ответил Канторович:

– Я офицер, штабс-капитан. Записался к красным, чтобы добраться до фронта и уйти к нашим. Ждал удобного момента. И когда Кандыба на вас накинулся: «Сдавай оружие, контра!» – продолжил он, уже обращаясь к Скукину, – я подумал, что вы тоже свой. Вот и уложил его.

– Кто это Кандыба? – перебил отец Сергей.

– Начальник особого отдела Восьмой армии, – объяснил Скукин. – Наша дивизия всего неделя как сформирована. Приписали к Восьмой, и особотдел, наверно, стал проверять анкеты военспецов. Увидели, что мой дядя – генерал Гай-Гаевский, хотели разобраться. А этот умник, – кивнул

он на Канторовича, – угрожал главного чекиста. Теперь извольте: я изменник и враг советской власти.

Горестный монолог завершился крепким словом.

– Здесь д-дама, – одернул его отец Сергей.

Шатен посмотрел на Мону внимательней.

– Прошу прощения, сударыня. Вы так одеты – я думал, просто баба. Позвольте представиться. Аркадий Сергеевич Скукин, подполковник генерального штаба. Бывший, разумеется. Мобилизован в РККА, получил должность помощника начальника штаба бригады – неплохое, кстати, назначение. Из-за этого кретина Канторовича я превратился в государственного преступника.

– Послушайте, К-Канторович, – обратился отец Сергей к блондину, – а более правдоподобную фамилию вы себе взять не могли?

Штабс-капитан с достоинством ответил:

– Во-первых, чтоб вам было известно, евреи бывают и белобрысые. А во-вторых, других документов достать не удалось... Все патроны отстрелял, – проворчал он, глядя на откинутый барабан и вытряхивая из него пустые гильзы. Одна, ударившись о борт, отскочила, ударила о колено рулевого.

– Миль экскюз, почтенный старец. А вы-то кто? – спросил лже-Канторович.

Тот поднял гильзу, рассеянно повертел, бросил в воду. Ответил сухо:

– Я – почтенный старец.

– ...Сергий, – закончила Мона. Ей было неловко за его невежливость.

Чего он так разозлился? Уже не из-за того ли, что в баркасе появились молодые мужчины?

У нее-то настроение было просто прекрасное.

Отдышавшись и успокоившись, спасенные стали разговорчивее.

Штабс-капитан (Мона решила, пусть остается Канторовичем, раз никак иначе не назвался) рассказал, что состоял в московском подполье, а когда начались аресты, записался в армию к «товарищам». Поскольку в прошлом он студент-математик и шахматист, его взяли в шифровальный отдел.

– Ушел я не с пустыми руками, – похвастался Канторович. – Прихватил с собой коды. Думаю, у белых мне будут рады.

Скукин, поостыв и, видимо, поразмыслив, гневаться на внезапный поворот судьбы перестал.

– Ну, а мне тем более. Полагаю, дядя найдет для меня хорошее место. Если бы я оказался на юге, разумеется, пошел бы к белым, но я

петроградский, так что выбора не было. Мне ясновидящая еще в юнкерском училище предсказала, что я буду генералом. Думал – красным, но белым – еще лучше. Тем более у наших дела идут неплохо, а у красных всё хуже.

По последней фразе было легко понять, что мысленно Скукин уже перешел линию фронта. Поймав испытующий взгляд Моны, он с вызовом сказал:

– Да, сударыня. Я прагматик. А также честолюбец и карьерист. И никогда не изображаю, что я лучше, чем есть на самом деле.

Оба офицера были очень интересные, Мона охотно бы попопальпировала им лица, чтобы получше вникнуть, но приходилось довольствоваться зрением.

Среди прочих необходимых в дороге вещей у нее с собой был карвер, маленький изогнутый ножик для резьбы по дереву. Дерево – скучный материал, но где взять воск?

Когда, отплыв подальше от нехорошего места, они снова пристали, чтобы дожидаться темноты, и вся компания перебралась на берег, Мона развлекалась вырезанием. Это не мешало ей потихоньку вести наблюдение. К тому же человека, поглощенного художественной работой, никто не попросит заниматься скучными женскими обязанностями, а таковые имелись. Канторович еще в баркасе как-то очень ловко и быстро, на хлебные крошки, наловил рыбы, и теперь ее надо было жарить. Старец Сергей и Скукин возились с костром, штабс-капитан потрошил свою добычу, а Мона вместо того, чтоб мило хозяйничать, превращала деревяшку в грифона – и все поглядывали на ее творчество с почтением.

– Как вас по имени? – спросила она Канторовича.

– Шая Мордехаевич, – бодро ответил он. – «Товарищи» звали Шайкой, вы можете Шаенькой.

– А я Федосья Кукушкина, – засмеялась она.

Веселый, красивый, отчаянный, не чрезмерно умный. То, что надо.

Скукин был совсем в ином роде, но тоже яркий. На свете полным-полно циников, но такого честного встретишь нечасто. Отсутствие притворства – очень сильное качество. Как в женщинах, так и в мужчинах. В Скукине интриговала какая-то непонятная внутренняя холодность или, верней, неподвижность. Именно: неподвижность. Как будто у человека есть незыблемая точка опоры, с помощью которой можно сдвинуть мир, а сам останешься на месте. Лишь крайние эгоцентристы обладают этим завидным качеством.

И тоже красивый, на сдержанный, нерусский манер. Движения

экономные, изящные. Наверняка умный. Явно не весельчак. Вроде по первому впечатлению проигрывает «Шаеньке», но чувствуется и второй слой, а это всегда манит.

Бедный старец с его американским дипломом при такой конкуренции совсем поблек.

Будто и сам это чувствуя, он сразу после трапезы сказал:

– Отбой. Два часа спим. Потом пьем дальше.

Не дал молодым мужчинам развлечь даму беседой, а «Шаенька» поглядывал на Мону с приязнью и, кажется, был не прочь распустить хвост.

– Слово адмирала закон для моряка, – сказал он со вздохом. Улегся, положив под ухо локоть, и моментально засопел.

Скукин лег в позу покойника, скрестив руки на груди и пристроив вместо подушки рюкзак. Старец Сергей величественно задремал, привалившись спиной к дереву.

Раз веселого пикника не получилось, устроилась на привал и Мона: поодаль от мужчин, в баркасе. Отгородилась от земли бортами, так что осталось одно только небо наверху. Закрывала глаза – оно было светло-синее. Открыла – буквально через секунду – а оно уже черное. Ночь.

Проснулась Мона оттого, что баркас покачивался на волнах.

– Давно пьем? – спросила она охрипшим со сна голосом.

На нее зашипели:

– Тсссс.

Кто-то, по шепоту не разберешь, сказал:

– Тише. Ночью по реке далеко слышно.

Мона тоже перешла на шепот:

– Мы уже в Козолупии?

– Да.

Села, чтобы посмотреть, но сначала ничего не увидела кроме неподвижной черноты сверху и еще одной, колышущейся, внизу. Понемногу глаза привыкли к темноте, и стала различима густо-серая полоса недалежного берега и светло-серая рябь на воде. Лодка медленно, бесшумно плыла по течению.

На носу сидел кто-то в застывшей позе, со странно расставленными локтями. Скукин, угадала Мона по фигуре. Что это он делает? А, в бинокль смотрит. Но что можно увидеть в темноте?

Вдруг Скукин вскинул руку.

– Что? – шепнул Канторович. Этот сидел на дне баркаса, прямо перед Моной, но она разглядела его только сейчас.

– Что-то светится, не пойму, – ответил Скукин.

Штабс-капитан подсел к нему.

– Дайте ваши чудо-окуляры... Да, огонь. Посередине реки? Странно. Эй, старец, рулите-ка вон к тому мысу.

Чуть скрипнул руль.

Впереди река делала изгиб, и баркас взял курс на выступ берега. Нос мягко уткнулся в песок. Мужчины один за другим, стараясь не шуметь, вылезли. Мона – за ними.

Что-то хрустнуло. Это Скукин лез на невысокое кривое дерево. Замер.

– Что он делает? – спросила Мона у стоявшего впереди отца Сергея.

– У него морской бинокль ночного видения.

Она немного прошла по берегу, раздвинула ветки.

Действительно, огонь. Река здесь сильно сужалась, метров до сорока, а то и до тридцати, и прямо посередине на чем-то плоском, ровном пылал желто-красный конус. Больше ничего разглядеть было нельзя, и Мона вернулась.

– Что там? – тронул Скукина за каблук штабс-капитан.

– Не мешайте.

Прошло еще две или три минуты, прежде чем Скукин спустился.

– Господа, ситуация следующая. Это паромная переправа. Паром выведен на середину. Там трое с винтовками. Огонь горит в бочке, освещает воду. Незаметно проплыть невозможно.

Канторович тихонько присвистнул.

– Кордон, мать его! Виноват, сударыня.

– Это еще не всё, – невозмутимо продолжил Скукин. – Напротив, на нашем берегу, под деревьями, пулеметное гнездо. Я разглядел мешки, ствол, две головы.

– Что будем делать? – спросил Канторович.

– Посмотрим с другого ракурса. Идемте, штабс-капитан.

Они вдвоем подошли к самой воде, о чем-то тихо переговариваясь.

– Штатских и слабый пол к участию в военном совете не привлекают, – иронически заметил отец Сергей. – Ну посмотрим, что решит г-генеральный штаб.

– Слушаюсь, господин подполковник, – сказал Канторович, чуть повысив голос. Шагнул в заросли. Исчез.

А Скукин вернулся, все такой же невозмутимый и деловитый.

– Ситуация военная, – сказал он, – поэтому беру командование на себя.

– Куда он? – спросила Мона про штабс-капитана, а отец Сергей спросил:

– Каков план действий?

Скукин, разумеется, ответил не ей, а мужчине:

– «Козолупинская республика» у красных считается союзницей. Ее лозунг «Советы без жидов и коммунистов». Поэтому поплывем открыто. У меня удостоверение помощника начальника штаба красной бригады. Скажу, что спускаюсь по реке с донесением. Вы, сударыня, переоденьтесь – у меня в мешке есть запасная гимнастерка. Фуражку возьмите мою, уберите волосы под нее. У большевиков служит немало женщин, но все стриженные. Вы – просто лодочник. – (Это уже отцу Сергию.) – Минуем кордон – подберем Канторовича. Он обойдет по суше. Всё ясно? Главное помалкивайте. Говорить буду я.

– А почему Канторович не с нами? – спросила Мона. – У него ведь тоже советские документы.

– Потому что он – Шая Канторович, – нетерпеливо ответил подполковник. – Я ведь объяснил: козолупинцы не любят евреев.

У отца Сергия был другой вопрос:

– Какой у вас план на случай, если нас все-таки задержат?

Тревоги в голосе не было, только любопытство.

Скукин ответил еще резче, чем Моне:

– Повторяю еще раз: ситуация военная и командую здесь я. Приказы командира не обсуждают, их выполняют. – Посмотрел на часы со светящимся циферблатом. – Дадим Канторовичу четверть часа – и вперед. Займите места в баркасе.

Вернулись в лодку. Мона сняла свой балахон, блузу. В темноте можно было не заботиться о целомудрии – ничего кроме белого пятна мужчины не разглядят. Натянула скукинскую гимнастерку, тесноватую в бюсте. Запихала волосы под фуражку. Она приподнялась – волосы были пышные. Чтоб не свалилась, приколола с двух сторон шпильками. Жаль, нельзя посмотретья в зеркало.

– Пора. Заводите мотор, старец! – громко приказал Скукин. – Мы больше не прячемся.

В ночной тиши рык двигателя показался оглушительным.

Баркас выплыл на середину реки, оставляя за кормой белую полосу, обогнул темную массу мыса, уверенно понесся прямо на огонь.

С парома что-то орало, махали руками.

– Глуши! Глуши! Давай сюда! – разобрала Мона.

Рычание оборвалось. Лодка, замедляясь, приближалась к черному прямоугольнику.

– Чалься, – приказал сверху дребезжащий, пропитой голос. – Влазь по одному.

Первым поднялся Скукин.

– Здравствуйте, товарищи. Вы козолупинцы? Помощник начальника штаба пятьдесят восьмой бригады Скукин. Вот удостоверение. Со мной стенографистка. Следуем в Волчанск.

Говорил он очень хорошо. Уверенно.

– Держи их на прицеле, ребята, – сказал обладатель противного голоса. – Чуть что – шмаляй всмерть.

Рожа у него была не лучше голоса: сизая, одутловатая, скверно-улыбчивая. Он тут явно был начальник.

– А повежливей нельзя? – запротестовал Скукин. – Вы говорите с командиром Красной армии. У нас с вашей республикой военный союз.

– Ага. Давай ишшо поцелуемся. – Козолупинец хмыкнул и вдруг сорвал со Скукина ремень с кобурой. – Мы на кругу всем обществом порешили, что Советы трудовому народу враг, и чтоб всех вас, краснюков, кончать. А ну стань с краю! Эй вы, остальные двое, подымайсь!

Отец Сергей за спиной Моны тихо сказал:

– Роман «Война и мир», сцена Аустерлицкого сражения. Мудрая диспозиция штаба провалилась.

Нашел время для шуток, подумала Мона. У нее пощелкивали зубы. Кое-как, на несгибающихся ногах, она поднялась по перекладинам лесенки. Прямо в грудь ей уперся ствол.

– Баба ничего, титястая, – сказал начальник. – Не бойсь, тебя не порешим. Сгодишься. Прймай ее, ребята.

Второй грубо взял Мону за локоть, толкнул ее к Скукину. Тот стоял спиной к перилам, руки держал в карманах. Рядом, небрежно опустив винтовку, скалился третий караульный. Рожа такая, что приятней уж глядеть на главного.

– Ты чего форсишь, краснопузый? – крикнул Скукину начальник. – А ну лапы кверху! Я те, гнида, повторять...

Что случилось в следующую секунду, Мона не поняла.

У подполковника карман галифе вдруг взорвался треском, выкинул язычок пламени, и сизомордый, не договорив, сложился пополам. Подполковник повернулся – вправо, влево, его штанина еще дважды плюнулась злым трескучим огнем. Один караульный, всплеснув руками, опрокинулся в реку. Другой, закричав, бухнулся на колени.

Тогда Скукин выдернул руки из карманов. В правой был маленький пистолет. Подполковник ударил начальника рукояткой по темени – тот рухнул в воду. Туда же полетел коленопреклоненный, вышибленный с паррома пинком.

Наверху остались только двое – Скукин и ошеломленная Мона.

– Вы рехнулись? – крикнул из лодки отец Сергей. – А пулемет? Прыгайте в воду! С другой стороны парома! Быстрей!

Мона кинулась к перилам, посмотрела вниз на черную воду и замерла.

– Спокойно, сударыня. Не надо никуда прыгать, – сказал сзади Скукин. Она обернулась.

Подполковник стоял спокойно, смотрел на берег – туда, где находилось пулеметное гнездо.

– Что у вас, Канторович? – крикнул он.

Берег откликнулся:

– Порядок! Подбирайте нас!

– Кого «нас»?

– Меня и моего нового друга! – весело ответил штабс-капитан. – «Гочкис», к нему две ленты!

Скукин спрыгнул в баркас.

– И никогда больше не подвергайте сомнению приказы командования, – наставительно сказал он отцу Сергию. – Хорошая диспозиция предусматривает все неожиданности.

Старец пристыженно молчал, а Мона, спускаясь по лесенке, смотрела на подполковника с восхищением.

Все-таки лучшие на свете мужчины – это офицеры. Во всяком случае, когда в мире война.

Словно чествуя победителей, вдруг разомкнулся черный небосвод, проглянули звезды, засветила луна, и ночь сделалась похожа на картину сладкого живописца Куинджи.

– Как это вы отобрали у двух вооруженных людей пулемет? – спросила Мона штабс-капитана, когда они пристали к берегу. – Без стрельбы, без шума?

– А вот. Чик-чирик.

Он показал узкий хищный нож. Вытер о траву, сунул в сапог.

Пристроил в лодку железную штуковину на треноге. Сел, потянулся, зевнул.

Залез к себе в сапог и Скукин, но извлек оттуда не нож, а маленькую флейту в аккуратном чехольчике.

– Никто не возражает? Это помогает мне снять напряжение.

Возражающих не было.

Минуту спустя южнорусская ночь сделалась еще сиропнее – над рекой полилась тихая, волшебная мелодия. Играл Скукин изумительно, извлекая из своей дудочки ледяные звуки поразительной точности, прозрачности и

чистоты.

Мона слушала и ежилась. Один ее спутник только что хладнокровно зарезал двух человек. Другой застрелил троих. Оборвалось пять жизней. Толстой с Достоевским написали бы про каждую по великому роману, Леонид Андреев – душераздирающую повесть. А сейчас гражданская война, и все привыкли. Один убийца зевает, другой музицирует, блаженно прикрыв глаза. Как мальчик Кай, у которого вместо сердца сосулька.

Под волшебную музыку неудержимо склонило в сон, хоть часу не прошло с тех пор, как Мона проснулась. Это несомненно было следствие потрясения.

Она опять легла на дно, зажмурилась, покатила куда-то вниз, вниз, на мягкое, илистое дно, оттолкнулась от него – и вынырнула уже в утро. Страшной ночи будто и не было. Может, она приснилась?

Баркас беззвучно парил в серой дымке, под которой бликовала гладкая вода. Новорожденное солнце играло с туманом в сложные цветовые игры. Вместо флейты – и ничуть не хуже – пели птицы.

Это первобытная жизнь, это естественный отбор, сказала себе Мона. Природа ни о чем не жалеет и ни в чем не раскаивается. Кто-то хотел тебя сожрать, ты не дался и сожрал его сам. За это тебе светит солнышко и поют птички. Рефлексовать не из-за чего.

И стало ей хорошо, радостно, просто. Правда, ее спутники – не почтительные рыцари, верно служащие прекрасной даме, потому что они не особенно почтительны и уж точно ей не служат. Зато с ними надежно.

Я как Гекльберри Финн, плывущий по Миссисипи, подумала Мона.

Отец Сергей, опершись о руль, что-то писал в блокнотике. Офицеры сосредоточенно играли в карты. На скамейке между ними лежал ворох советских дензнаков.

– Вскрою, пожалуй, – протянул Скукин. – ...Ага! Блефуете. Так я и знал.

Потянул все бумажки к себе.

– Много вам от них будет пользы у белых, – засмеялся Канторович. – Давайте, что ли, на щелбаны, как в гимназии.

– Я учился в Пажеском корпусе. У нас на щелбаны не играли. А деньги есть деньги, к ним следует относиться с уважением.

На Мону никто не обращал внимания, и ей пришла в голову другая литературная ассоциация: трое в лодке, не считая собаки.

Хорошо бы помыть голову и привести себя в порядок, а то действительно похожа на подзаборную дворняжку...

День прошел без приключений. Ну – почти.

Плыли то просто по течению, то под парусом, а однажды отец Сергей и Канторович еще и сели на весла. На гребле в четыре сильных руки да под развернутым парусом лодка побежала почти так же споро, как с включенным двигателем.

Мимо сел и деревень все же проходили на моторе, и штабс-капитан на всякий случай ложился к пулемету. Но никто путешественников не трогал. То ли места были мирные, то ли дуло «гочкиса» отлично заменяло пропуск.

Мона всё время поглядывала на Скукина. Минувшей ночью он произвел на нее большое впечатление.

Прирожденный вождь. Холодный, расчетливый и, что удивительней всего, никакой рисовки. А какой музыкант! Ей теперь нравилось в нем всё, даже то, что на вечернем привале подполковник занялся полировкой ногтей. Прав Пушкин, прав: быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.

Этому Каю нужна Герда, которая расколдует его оледеневшее сердце, нежно думала она.

Тут Скукин поднял глаза, поймал ее взгляд и своим обычным сварливым голосом сказал:

– Мне знакомо это умильное выражение у женщин. Оно означает: «Я определила среди самцов лидера и хочу от него приплода». Остыньте, сударыня. Я, конечно, самец-лидер, но потребности в самке не имею.

Вспыхнув от оскорбления и стыда (да-да, стыда, потому что дым был не без огня), Мона прошипела:

– Вы не самец-лидер, а самец-пидер! Потому вам и самки не нужны!

И отошла. С хамами она никогда не вела себя как леди. Не считала нужным.

Хорошо, остальные двое не слышали – они о чем-то разговаривали, чистя пулемет.

Еще вся кипя, Мона подошла, послушала. Ничего интересного в беседе не было.

Говорили про следующую проблемную территорию, которую лучше тоже миновать ночью – Зеленошкольскую Директорию. Она не признает ни красных, ни белых, там какие-то диковинные порядки, атаман называется «директором», а фамилия его Жовтогуб.

Оба склонялись к тому, чтобы дотемна отсидеться здесь.

Настроение у Моны было испорчено, спутники ей разонравились.

Один – хам и, очень возможно, представитель «третьего пола» (это более интеллигентное выражение, чем то, которое она употребила сторяча);

другой – старик и тоже не шибко любезный; третий – с сомнительным чувством юмора («Шаечка»!).

А впрочем, к третьему стоило приглядеться повнимательней, сказала она себе, посмотрев на широкие плечи и оголенные по локоть руки штабс-капитана.

Он был очень даже ничего. Уж покрасивее Скукина.

Прозлилась Мона недолго, потому что река сияла ленивым предвечерним золотом, шелестели юные листочки, чудесно пахла печеная рыба, а грубиян Скукин еще пожалеет.

Всё в общем было неплохо. Второй день рискованного путешествия подходил к концу.

Зеленая Школа

Во время ужина Мона села в стороне – лицом к кустам, спиной к обществу. Ела с прутика замечательно вкусного леща, додумывала план.

План состоял в том, чтобы перестать быть собакой, которую не считают, заставить мужчин относиться к ней по-другому.

Для этого понадобится:

1. Отойти в укромное место, чтобы искупаться и помыть голову.
2. Расчесать и уложить волосы. Тут одно из двух: «баранка» на затылке и взбитая челка на лбу или просто – волной по плечам (не очень практично, но смотрится еще лучше).
3. Переодеться. Балахон снять, все равно в нем по такому теплу жарко; юбку перевернуть настоящей, шелковой стороной вверх; достать из мешка сатиновую блузку, припрятанную для цивилизации.

4. Эффектно вернуться в общество.

5. Канторовича прикормить, с отцом Сергием вести себя так, будто он еще мужчина хоть куда, Скукина игнорировать.

Она отшвырнула рыбий скелетик, вытерла пальцы о траву. Оглянулась. Три богатыря на нее не смотрели, обсуждали что-то мужское.

Берегитесь, три поросенка. Сейчас к вам придет серый волк, зубами щелк, хищно улыбнулась Мона, звезда петроградских салонов.

Она подхватила мешок, скользнула в кусты – и наткнулась на неподвижно стоящего человека.

Вскрикнуть не успела – жесткая ладонь зажала ей рот.

Очень близко, в двух вершках, яростно щурились глаза. Тихий шепот приказал:

– Цыть у меня! Только пикни.

И еще кому-то:

– Давай, детки. Тихохонько.

Слева и справа обозначилось шевеление. Кто-то медленно двигался там, не шурша травой, не беспокоя ветки.

Мона скосила глаза. Увидела двоих слева, одного справа. Они были в одинаковых солдатских гимнастерках без погон. У каждого винтовка.

Тот, что зажимал ей рот – немолодой, вислоусый, – поцокал языком, покачал головой:

– Гляди, баба, не зашуми. Осерчаю – пожалеешь. Моргни, если поняла.

И так весомо, страшно он это сказал, что Моне и в голову не пришло

ослушаться. Она моргнула.

Тогда он отнял руку, крепко взял Мону за локоть. В другой руке у вислоусого был «наган».

– Пора! – крикнул он.

И все четверо с треском вывалились на полянку.

Сидящие успели лишь обернуться. Увидели наведенные стволы – медленно подняли руки. У всех троих сделались одинаковые лица: сосредоточенно-застывшие, двигались только глаза.

Командир выпустил Монин локоть, подтолкнул:

– Ступай к ним. Сядь.

Она отбежала к своим, тоже плюхнулась на землю, прислонилась к мужскому плечу. (Это был противный Скукин, но сейчас обиды не имели значения.)

Наконец смогла рассмотреть лесных людей.

Трое с винтовками были молодые, бритые. На левом рукаве зеленая повязка. Оружие держали не абы как, а каждый целил в одного из сидящих. У немолодого тоже была повязка, но немного другая – с белым кружком.

Были они совсем не такие, как те ночные, с парома. На бандитов не похожи, но сразу видно, что очень опасные. Особенно начальник.

– Грамотно нас взяли, – прошептал Канторович.

– Сидеть тихо! – прикрикнул усатый. – Руки не опускать.

И своим:

– Пойду лодку посмотрю. Не зевай, ребята. Кто шелóхнется – бей.

– Ого, чего тут у них! – заорал он от баркаса. – «Гочкис»! И две ленты!

Солдаты повернули головы.

Воспользовавшись этим, Скукин цапнул из нагрудного кармана удостоверение, швырнул в кусты.

– Слушай приказ, – быстро шепнул он. – Каждый за себя. Мы друг друга не знаем. Я попросился меня подвезти.

Точно так же избавился от документов и Канторович.

Вернулся усатый. В одной руке он держал снятый с треноги «гочкис», в другой – большой бинокль отца Сергея, обычно лежавший на корме.

Спросил:

– Чьи будете? За кого воюете?

– Ни за кого я не воюю, мил человек, – сказал отец Сергей. – Бинокля моя, на базаре сменял. В речном деле штука годная. Я лодошник.

Говорил он не так, как всегда, а мягко, по-южнорусски. И совсем не заикался. Кто бы мог ожидать от него таких актерских способностей?

– «Гочкис» мой, – поднял одну руку выше Канторович. – Ты его, дядя,

за радиатор не держи, погнешь. Я тоже ни с кем не воюю. Пока.

– На что ж тебе пулемет? – весело удивился командир.

– На то, что я пулеметчик. С войны уходил – машинку прихватил. Гуляю по свету, ищу хорошую службу. Вы кто такие? Нужны вам хорошие пулеметчики? Сговоримся – буду ваш.

– Хорошие пулеметчики сейчас везде нужны. А сговориться – сговоримся. У нас в Зеленой Школе всем нравится.

Ах вот это кто, поняла Мона. И пожалела, что плохо слушала недавний разговор отца Сергея с Канторовичем. Всё, что осталось в голове: «Зеленошкольская Директория» против красных и против белых. И что атаман у них называется «директор». Какая-то смешная фамилия.

– Ну, а ты кто? – спросил усатый Скукина.

– Музыкант. Из Москвы. Там есть нечего. Пробираюсь на юг.

– Где ж твой струмент?

Подполковник достал флейту.

– Сыграть?

Засвистел «Камаринскую».

– «Пошла плясать, ногой топнула, ажно хата покачнулась, и дверь хлопнула» – подпел усатый, шлепнул Скукина по плечу. – Давай к нам, музыкант. Подхарчишься.

Мону он спросил не так, как других:

– Ты, тетка, при ком?

Очевидно, в его мире не предполагалось, что женщина может быть сама по себе.

– Дочка это моя, – ответил за Мону отец Сергей. – С Белгорода мы, обое. И баркас мой. Энтих двоих не знаю. За плату взял, по дороге.

– Что ж ты из Белгорода так далёко заплыл?

– В Луганск нам надо. Там больница психическая. Добрые люди присоветовали. Дочка у меня не в себе. Бесноватая.

Все посмотрели на Мону. От неожиданности она замигала.

– Так-то она ничего, тихая, – вздохнул отец Сергей. – Но от мужиков сатанеет. Как найдет на нее бабья течка – кидается. Говорят, психические дохтора от этой хворобы лекарство дают. Вот и поплыли.

– Пускай накинется, мы не против, – сказал конопатый солдат. – Правда, дядя Семен?

И все, включая командира, засмеялись.

– Зря ты так, сынок, – пригорюнился отец Сергей. – Сбереги ты от такого Господь. Моя Федосья, когда у ей припадок, мужику рожу царапает, зубами горло грызет. Одному чуть хозяйство с корнем не вырвала. Беда!

Мона ему подыграла. Поглядела конопатому на пах, облизнулась. Парень попятился.

– Ладно, послушали вас, – досмеялся командир. – Теперь поглядим.

И начал рыться в мешках, не торопясь, тщательно. У Канторовича нащупал за подкладкой какие-то бумаги. Вынул.

– Что за цифирь?

Шифровальные коды, догадалась Мона. Штабс-капитан рассказывал, что похитил их у красных.

– Леший знает. На раскурку подобрал.

Усатый покопался еще. Вдруг выпрямился и ударил Канторовича кулаком в лицо.

– Это тоже на раскурку?! Гнида золотопогонная!

В другой руке он держал развернутую тряпицу. В ней поблескивали эмалью ордена. Мона увидела белый крестик офицерского «георгия».

В лоб штабс-капитану уперлось дуло винтовки. Он сидел побледневший, сплевывал кровь.

– Та-ак, – протянул командир, увидев на траве скукинский ремень с кобурой и его же кожаный футляр с морским биноклем. – А это чье?

– Мое, – сказал Канторович, которому терять теперь было нечего. – Я человек военный. И между прочим, я не говорил, что я не офицер. На войне я командовал пулеметной ротой.

– Подымись-ка. И ты тоже, второй! – приказал дотошный сыщик.

Примерил Канторовичу ремень – оказался мал. Зато Скукину пришлось в самый раз.

– Офицерье. Брехуны! Вяжи их, ребята.

Штабс-капитану и подполковнику скрутили руки, обоих обшарили. Нашли и маленький пистолет в скукинских галифе, и нож в сапоге у Канторовича.

– Это вы с вашими побрякушками виноваты! – зло сказал Скукин штабс-капитану. – Вы что, и в Красной армии их хранили? Идиот! Из-за вашей чертовой сентиментальности...

Командир двинул его в скулу:

– Заткнись, благородие! Побалакаешь еще.

Повернулся к Моне и отцу Сергию, всё еще сидевшим.

– Поплыли, папаня с дочкой. У нас в Зеленях дохтура не хуже, чем в Луганске. Полечат.

А своим сказал:

– К директору доставим, пуцай разберется. Неспроста эта цифирь, ребята. Я такую на фронте, в штабе видел. «Шифра» называется.

Все погрузились на баркас, который от тяжести низко осел. Поплыли. Из-за рокота мотора не разговаривали. Мона испуганно смотрела на своих рыцарей, оказавшихся не такими уж надежными.

У Канторовича зло подергивался разбитый рот, Скукин напряженно о чем-то думал – наверняка прикидывал, как будет выкручиваться. Безмятежным выглядел только отец Сергей, который, надо отдать ему должное, держался молодцом. С другой стороны, у него было меньше причин для тревоги, чем у офицеров, и руки не связаны.

Минут через сорок моторного хода, то есть, вероятно, верст на десять ниже по течению, на высоком правом берегу, недалеко от реки, показалось селение. Было оно изрядное, в сотню или две белостенных мазанок, а посерединке блестели железные крыши каменных домов и золотились купола пятиглавой церкви.

– Вот они, наши Зеленыя. Может, здесь навсегда и останетесь, – зловеще сказал командир. – На перегной пойдете. Будет от вас земле польза.

С этим напутствием, под дулами винтовок, арестованные поднялись по крутой тропинке от пристани на обрыв.

Наверху был большой зеленый луг. Пастух гнал к домам стадо толстых коров, болтающих тугими выменами. До вечера, впрочем, было еще далеко – в конце мая дни длинные.

Вдаль, насколько хватало взгляда, тянулись распаханые, уже покрывшиеся яркой зеленью поля. Меж хат белели и лиловели сиренью сады – даже издали несся ее одеколоновый аромат. У самой околицы, на пустыре, учились штыковому бою юнцы в гимнастерках, с уже знакомыми зелеными повязками. Поочередно разбегались, с криком втыкали штык в чучело, выдергивали, возвращались в строй. Командовал усач с хорошей военной выправкой. У него на рукаве тоже была повязка, с двумя белыми кружками.

– Где «гочкиса» добыл, Семен? – крикнул он.

– Да вот, офицера подарили. Вечерять скоро думаешь, сотенный?

– Полчасика ишшо мальков погоняю – тогда. Заходь, десятник. Таисья борщу наварила.

– Зайду.

Говорили мирно, по-соседски, будто и не было никаких арестованных, из которых двое шли со связанными за спиной руками.

Село оказалось зажиточное. Дома все чисто беленные, заборы ровные и даже крашеные. На лавках сидели старики со старухами, глазели на

чужих, но без большого любопытства. Видно, зрелище было привычное.

Улица вывела на площадь с рыночными рядами, где, несмотря на предвечернее время, шла бойкая торговля. Имелись и лавки – много, десятка два. Мона пробежала глазами по вывескам. «Мясо», «Булочная», «Москательные товары», «Бакалея», «Мануфактура», «Сапоги-галoши». Даже «Книги»! Да здесь больше магазинов, чем на полумертвом Невском, теперь Проспекте 25-го октября!

Каменные дома, окружавшие площадь, тоже выглядели нарядно – это при всероссийской-то разрухе. Из открытых окон длинного дома с вывеской «Четырехклассное народное училище» доносилось стройное пение – там занимался детский хор. Картина была бы совсем идиллической, если б в толпе не преобладала блеклая зелень фуражек и гимнастеров.

Задержанных подвели к особнячку в четыре колонны, с широкой лестницей. «Волостное правление», прочла Мона на скучной казенной табличке. Но выше, прямо по штукатурке, огромными затейливыми буквами было выведено «ДИРЕКТОРСКАЯ».

– Глаз не спускать, – приказал Семен конвою и взбежал по ступеням. – Пойду доложу директору.

Минут через пять, показавшихся Моне бесконечными, дверь правления с нехорошим скрипом начала открываться, да замерла. Кто-то собирался выйти, но приостановился.

– Считаешь, расстрелять? – спросил властный, далеко слышный голос. – Сейчас поглядим.

Мона приготовилась увидеть кого-то очень страшного.

На крыльцо, однако, вышел человек весьма мирной, даже скучной наружности. Был он преимущественно сер: полуседые волосы в кружок, такая же бородка а-ля Чернышевский, железные очки. Под мышастым пиджачком виднелась рубашка навыпуск с украинским вышитым воротом. В руке человек держал стакан с чаем. Оружия на нем не было.

– Здравствуйте, ребята, – кивнул он конвойным. – Коля, на тебя соседи жалуются. Ты ко мне потом зайди. Сайкин, книжку прочитал? Как твоя мать, Тиша? Не выздоровела?

Все трое почтительно поздоровались, называя его «господин директор». Каждый что-то ответил, но Мона не слушала – у нее громко стучало сердце. В этом Чернышевском, в его мягких движениях, в тихом, по-учительски поставленном голосе было что-то пугающее. Точно так же приговишкой она боялась грозную директрису.

Человек не спеша спускался по ступеням. Теперь он смотрел на

задержанных. Глаза у него оказались тоже серые, внимательные.

За директором шел десятник Семен, показывал на каждого пальцем, вполголоса что-то объяснял.

«Ордена... Шифра... Психованная», – разобрала Мона и, поймав на себе изучающий взгляд атамана, пару раз судорожно дернула головой.

– Господин начальник! – громко сказал Канторович. – Разрешите обрати...

Получил от конвойного удар прикладом под ребра, поперхнулся.

– Будешь говорить, когда вызовут к доске, – укоризненно покачал головой директор. – Никакой дисциплины, а еще офицер. Отдай ему ордена, Семен. Он их честно заслужил. Смелый человек – по глазам видно. И опасный. Второй тоже непрост. Отведи их в инспекторскую, к Степану Акимовичу. Пусть допросит про шифры и прочее. А вы, – обратился он к отцу Сергию, – пожалуйста ко мне, поговорим. И дочку прихватите.

К возражениям атаман, видно, не привык. Отдав распоряжение, повернулся и пошел назад в дом.

Десятник похвастался конвойным:

– Не зря я лодошника доставил. Слыхали? Сам с им говорить будет. А я сразу скумекал: дедок непростой.

Канторовича со Скукиным повели к воротам. Мона с ними не простилась, даже не посмотрела вслед. Она знала: сейчас решится судьба.

От волнения она толком не разглядела внутренность правления. Кажется, там сидели за столами люди, где-то стучала пишущая машина. Мона смотрела только на сутуловатую спину директора.

Он толкнул дверь, поманил за собой:

– Пожалуйста.

Эта зловещая вежливость пугала больше всего.

Они оказались в кабинете, очень похожем на учительскую. Ничего воинственного – книжные шкафы, на столе несколько тетрадей, даже что-то вроде классного журнала с разграфленными страницами, исписанными аккуратным почерком.

Директор сел к столу, показал рукой на два стула.

– Ну-с, кто вы на самом деле? Что не отец с дочерью, это видно. И про психическое заболевание тоже врать не нужно. У нас в больнице работает отличный психоневролог из Харькова. Если что – проверит...

– Психоневролог? В сельской больнице? – удивился отец Сергей.

Мона недоверчиво покосилась на него. Это единственное, про что он хочет спросить?

– У нас в Зеленой Школе есть любые врачи. Сами приезжают из города. Потому что у нас сытно и спокойно. – Директор погрозил пальцем. – Но вы меня, пожалуйста, не перебивайте. Я еще не закончил. Итак, вы не отец с дочерью, женщина не психическая, и никакой вы, разумеется, не лодочник. Говорите правду. За ложь я наказываю.

Вроде бы не самое грозное по военным временам слово «наказываю», но Мона задрожала.

Отец Сергей же смотрел на атамана безо всякого испуга, скорее с любопытством.

– Про б-бесноватость я сказал, чтобы ваши вояки не приставали к даме.

– У нас не насильничают. За это – наказание третьей степени.

Директор разглядывал отца Сергея с неменьшим интересом.

– Послушайте, за тридцать пять лет педагогической работы я научился очень хорошо видеть людей. В вас ощущается личность недюжинного масштаба...

Мона с удивлением уставилась на отца Сергея. Он, конечно, был старец солидный, но чтобы прямо «недюжинного масштаба»? Или она что-то в нем упустила?

– Вы, конечно, не шпион, как предположил десятник, – продолжил директор. – Не тот калибр. Кто же вы тогда?

Он допил чай и внезапно – Мона вскрикнула – швырнул пустой стакан отцу Сергею прямо в лицо. Стакан был перехвачен в воздухе.

Директор довольно рассмеялся.

– Я же вижу – поразительная точность каждого движения. Как у циркового акробата. Кто вы?

– В том числе и акробат, – невозмутимо ответил отец Сергей, ставя стакан на стол.

– А помимо того?

– Исследователь. У меня этнографическая экспедиция. Изучаю русский анархизм. С этой точки зрения ваша «республика» мне очень интересна.

Мона не верила своим ушам. Как можно так разговаривать с человеком, который в любую минуту может отдать приказ о твоём расстреле?!

Но директор не рассердился.

– Давайте познакомимся, – сказал он. – Никодим Львович Жовтогуб. Только у меня здесь, упаси боже, не республика, а школа. Зеленая Школа. И по части анархизма вам лучше не к нам, а в Гуляйполе, к Нестору

Ивановичу Махно. Он, по молодости и склонности к романтизму, любит «черную правду». А у нас тут правда зеленая.

– Что это такое – «зеленая правда»? Расскажите? – спросил отец Сергей так, словно это была самая обыкновенная светская беседа.

– С удовольствием. Нечасто доводится поговорить с умным, взрослым человеком. Вечная проблема педагога – всё время ты окружен детьми.

На Мону оба не обращали ни малейшего внимания, и ее это отлично устраивало. Она бы вообще охотно убралась отсюда, но боялась лишним движением напомнить мягкоречивому атаману о своем присутствии.

– Если позволите, сначала расскажу о себе. Чтобы вам было понятно, как возникла Зеленая Школа... Двадцати лет от роду, еще не закончив Харьковского университета, я «ушел в народ», понес «дикому мужику» высокие идеалы свободы-равенства-братства. – Жовтогуб усмехнулся. – Со временем, когда я узнал жизнь и народ получше, из трех идеалов сохранился только один, главный: братство. Свободы и равенства не существует. Это городские химеры, а Расея – страна крестьянская. Не черная от фабричного дыма, а зеленая от полей и лесов. И русская правда тоже должна быть зеленая, крестьянская. Простая и суровая, но честная и не заемная, а своя.

Отец Сергей слушал очень внимательно.

– Какая же?

– Крестьянину враждебно государство и опасна анархия. Основа крестьянской жизни – семья. В большой крестьянской семье как? Нет ни свободы, ни равенства, а вот братство, то бишь любовь, есть. Слово отца – закон. Хороший отец детей любит, но не балует, как городские. И учит, постоянно учит. Как пахать и сеять, как обустроить дом, как уживаться с общиной. Крестьянская семья – это еще и школа. Вот почему наше Зеленское сообщество называется «Зеленая Школа».

– То есть вы считаете народ ребенком?

– В основной своей массе – безусловно. Встречаются исключения, но очень редкие. Я – директор начальной школы и обучаю своих учеников азам. Есть у меня некоторое количество взрослых помощников, они у нас носят высокое звание «учителей» и образуют наш орган управления – Учительский Совет, под моим председательством.

– Учителей избирают?

– Еще не хватало! Народ глуп. Навыбирают крикунов с краснобаями. Учителей назначаю я, директор. Самых уважаемых людей, по заслугам. В крестьянской семье уважение к личности – не подарок, который всякому достается от рождения. Уважение зарабатывают. Кто уважает младенца,

который только гадит в пеленки? Ты вырасти, прояви полезность, получи аттестат жизненной зрелости – тогда и претендуй на уважение.

Тут отец Сергей задал вопрос, от которого Мона съежилась.

– А кто назначил директором вас, Никодим Львович? По какому праву именно вы решаете, кто достоин уважения, а кто нет?

Но Жовтогуб опять не рассердился.

– Директором Зеленского народного училища меня назначили еще тридцать пять лет назад – я его и создавал. И за эти годы у меня отучились все местные, кому сейчас до сорока пяти лет. Они привыкли слушаться меня с детства. Мы здесь живем своей собственной властью с позапрошлой осени, когда в Петрограде всё развалилось. И неплохо живем. Сеем хлеб, играем свадьбы, поставили тридцать новых хуторов – потому что люди всё время прибывают. Кругом голод, разруха, а у меня директория – полторы тыщи квадратных верст полного порядка. Земли много, всем хватает – помещицьи владения мы реквизировали. По последней майской переписи у меня 11438 душ. Из них почти половина – мужики крепкого возраста, работники и защитники. В России из-за войны мужчин всюду мало, а у нас много. Дезертиры приходят – и от белых, и от красных.

– Я обратил внимание, что на улице много людей в г-гимнастерках.

– А как же? Времена такие, что надо быть готовым к обороне. У нас порядок: каждый мужчина один день в неделю состоит на военном дежурстве. Потому всегда под ружьем восемьсот человек, а понадобится – объявлю мобилизацию, и будет всемеро. Оружия и боеприпасов много. Мы в прошлом ноябре ходили на Купянск, перекрыли железную дорогу и неделю разоружали германские эшелоны. У нас есть полевая артиллерия, даже броневики. Поди-ка, сунься. Находились желающие, пробовали: и белые, и красные, и станичники из соседней волости. Пожалели. Солдаты у меня хорошие, за зеленую правду стоят крепко. Есть и бывшие офицеры, но железное правило: белую кость не беру, у них душа порченная. Только кто выслужился из простых.

– Кружки на повязке – это знаки различия?

– Да. Один кружок – десятник, два – сотник, три – есаул, четыре – полковник. Без пользы никого не муштруют, но дисциплина лучше, чем в царской лейб-гвардии. Зря не наказываем, но ежели кто провинился – получи «горячих». Как и положено в крестьянской семье.

– А как у вас наказывают? – чуть нахмурился отец Сергей. – Вы поминали «наказание третьей степени». Что это такое?

– Вы умный человек. Не вам объяснять, что с детьми без наказаний нельзя – испортятся. За хорошее детей надо поощрять, за плохое – давать

взбучку. Для их же пользы и в наущение другим. Наказание обязательно должно быть страшным. Потому что страх – отличный воспитатель. Жизнь, главный учитель, вообще страшная. И жестоко наказывает провинившихся. Если кара понятна и справедлива, люди всегда ее одобряют. У нас три степени наказания. За мелкие нарушения и шалости сажаем в карцер или сечем розгами. За средние – выгоняем из Школы. А третья степень, за тяжкие преступления, – публичная казнь. Поясню на частном примере. У нас в Школе пить вино запрещено. Сухой закон. Это заблуждение, что на Руси всегда пили и что русские без водки не могут. Иван Грозный, бес, в шестнадцатом веке учредил кабаки для пополнения казенных доходов и испортил народ. Так вот, за пьянство у нас наказание первой степени – порют. За самогонование – вторая степень: гоним в шею. За торговлю спиртным – смерть. И еще голову на шею втыкаем, для неповадности... Что насупились? – усмехнулся Жовтогуб. – Европейская чувствительность в наших российских палестинах приживется еще не скоро. Говорю вам: зеленая правда сурова. Но спастись Россия может только ею.

– И как вы себе представляете с-спасение?

– А просто. Всё настоящее вообще простое. Зеленой России надо объединиться, пока красная Россия воюет с белой Россией. Союз крестьянских республик – вот что нам нужно. Промышленный Север пускай себе живет как хочет. Урал с Сибирью нам тоже не надобны. Инородные окраины тем более. Заживем нашим черноземным земледельческим краем. Всю Россию и всю Европу хлебом накормим – не бесплатно, конечно. Что нам понадобится – выменяем или купим. Выучим наших детей наукам, построим новое здоровое общество, на братстве и справедливости. У нас уже и вождь есть, Нестор Иванович Махно, народный герой. У него двадцать пять тысяч войска. Надо только, чтобы Нестор Иванович от своей анархистской мути отошел, поверил в «зеленую правду». Тогда мы с батюшкой сговоримся, и прочие все к нам подтянутся... Так скажете вы, куда и зачем на самом деле направляетесь? – вдруг спросил директор. – Вы ведь даже имени своего еще не назвали.

– ...Скажу, – не сразу ответил отец Сергей. – И представлюсь. Но не сейчас, попозже. Сначала хочу присмотреться к вашему зеленому раю.

– Это правильно. Я и сам такой, поспешать не люблю, – кивнул Жовтогуб. – Что ж, погуляйте, поглядите.

– А что это у вас все мужики б-бритые? – спросил отец Сергей. – Даже Петру Великому такое не удалось.

– Не все. Кто показал себя зрелым – командиры, мастера и прочие уважаемые люди – могут завести усы. А самые почтенные, члены

Учительского Совета, носят бороды. – Никодим Львович с улыбкой дернул себя за бороденку. – Это как в жизни. Когда человек взрослеет – сначала волос прорастает на верхней губе, а потом уж по всей физиономии.

– Так у вас, верно, и п-парикмахерская есть? – опять спросил про чепуху отец Сергей.

– Целых три. Желаете побриться?

– И подстричься. Надоело ходить дикобразом.

– Тогда вот вам денег. Мы печатаем собственные.

Жовтогуб протянул несколько зеленых бумажек, отец Сергей их с любопытством взял. Поднялся.

– Когда насмотритесь – приходите. Буду ждать. А ты, красавица, оставайся жить, – сказал директор Моне, когда она тоже вскочила со стула. – У нас молодых женщин не хватает, зато женихов много, молодец к молодцу.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она. – Я, если можно, тоже схожу, посмотрю. Вдруг кто понравится.

И – скорее за отцом Сергием, чтоб не отстать.

Страшиловка

На площади отец Сергей отдал ей часть денег.

– Поешьте что-нибудь, а я пойду приведу себя в порядок. Встретимся здесь же через час.

– В какой еще порядок?! – зашипела Мона. – Как вы можете?! Наши товарищи в этой их «инспекторской», в застенке, где их допрашивают, а потом, наверное, убьют! Их нужно спасать!

– Они мне не товарищи. Оба мне не нравятся. И не беспокойтесь, ничего с ними не случится. Всё устроится, – равнодушно заявил бессердечный старец. – Ну, вы как хотите, а я пойду посмотрю, насколько зеленая п-практика соответствует теории.

Развернулся и пошел, оставив ее в одиночестве.

– Старый циник! – крикнула Мона ему вслед.

Есть ей совсем не хотелось. Во-первых, от нервов. Во-вторых, не так давно ужинала.

Но снеди она все-таки купила – для передачи арестантам: вареной картошки и колбасы. Заодно спросила у торговки, где «инспекторская».

– Ты, милая, иди мимо церкви на закат, за околицей увидишь Страшиловку, а от нее вертай по́солонь.

Что такое «страшиловка» и «по́солонь», Мона не знала, но сказала себе: ничего, разберемся.

Настроение у нее было решительное. Конечно, она здорово перетрусилась, когда наткнулась в кустах на людей с винтовками, и потом оробела тихого жуткого «директора», но это потому, что расслабилась от мужской компании. *Разбавилась*. Когда жизнь срывается в бешеный галоп, нужно сидеть в седле одной и крепко держать поводья – самой. И у Моны это всегда отлично получалось.

Дойдя до околицы, она схватила за рукав пробежавшего мимо пацанчика.

– Малой, где тут Страшиловка?

– Да вона, – махнул он в сторону пустыря, над которым густо кружили вороны, и понесся дальше по своим мальчишеским делам.

Мона свернула с дороги, заслоняясь рукой от малиновых лучей заходящего солнца. На гладкой, вытопанной площадке торчало десятка два жердей, на каждой по горшку.

Вороний грай становился всё оглушительней. «Посолонь, отсюда

посолонь», – пробормотала Мона. Дошла до пустыря, посмотрела вокруг – и завопила.

На всех шестах торчали не горшки – отрубленные головы. Огромные черные птицы лениво долбили по ним клювами.

Пошатнувшись, Мона ухватилась за жердь. Наверху что-то щелкнуло – это стукнулись зубы у закачавшегося черепа.

Поглядев вверх, Мона уже не могла отвести парализованного взгляда.

Одни головы облезли до кости, другие были совсем свежие. Под каждой – большая дощечка с надписью.

«Я торговал самогоном». «Я насильник». «Я белый шпион». «Я красный агитатор». «Я вытравила дитё».

Последняя голова была особенно страшна: исклеванный череп со свисающей пышной косой.

Взвизгнув, Мона кинулась прочь и остановилась, только когда сбилось дыхание.

«Страх – отличный воспитатель», вспомнила она слова директора.

Стало быть, живет себе большое село. Работает, торгует, веселится, бабы готовят еду, играют детишки, а рядом, за околицей – Страшиловка. Конечно, в такой школе будет порядок! Не забалуешь...

Моне захотелось бежать из этого зеленого рая как можно дальше, куда угодно, пусть там лучше стреляют и голодают. Она, все еще не придя в себя, даже повернула в открытое поле, но остановилась – увидела невдалеке белую хату с зарешеченными окошками.

А еще увидела Канторовича. Руки у него были связаны спереди, и конвоир тянул за веревку. Второй, с примкнутым штыком, шел сзади.

Бросилась навстречу.

Штабс-капитан заметил ее, качнул головой: не подходите. Лицо у него было в крови, над бровью синий кровоподтек.

И страх куда-то исчез. Мона была в седле бешено несущегося коня, поводья держала крепко.

Узелок с едой она отшвырнула. Визгливо, по-бабьи закричала:

– Гад! Беляк!

Кинулась на Канторовича.

– Зенки твои поганые выскребу!

Передний конвоир схватил ее за плечи.

– Ты чего, тетка?

– Он офицер, по харе вижу! Офицера мужа мово убили!

– Утихни. Ему так на так каюк. Он Акимычу на допросе скулу своротил. Мы его в овраг ведем.

Мона вырвалась, налетела на приговоренного, стала его колотить, трясти.

– Гад! Гад!

Ее оттащили.

– Сказано тебе: он свое получит. А тебе другого мужа сыщут. Давай за меня, я мужик горячий, – оскалился конвоир.

– С вами пойду, – объявила Мона. – Желая видеть, как вы его, гадюку, кончать будете.

– Иди, – разрешили ей. – Только под пулю не сунься.

Она пристроилась сзади, время от времени выкрикивая ругательства – более или менее одни и те же, фразеологический запас у нее был невелик.

Теперь, когда дело сделано, снова стало очень страшно. Успеет или нет?

Тряся штабс-капитана, Мона сунула ему в руку свой маленький карвер. Далеко ли до оврага? Хватит ли у Канторовича времени и ловкости перерезать пути? И если хватит, справится ли он с двумя вооруженными людьми? Всё, чем Мона могла ему помочь, – кинуться на заднего и обхватить за шею. Насколько это его задержит? На пару секунд, не больше.

– Покурить напоследок дадите? – спросил Канторович. – Табак у меня свой. После заберете.

– В овраге покуришь, – лениво ответил передний.

– Я на ходу люблю. Окопная привычка. Там на месте стоять было нельзя. Австриец стрелял по огоньку.

– Ладно. Где у тебя кисет?

– В правом.

Конвоир обернулся, подошел. Второй поставил винтовку прикладом на землю, достал спички.

Сейчас! – поняла Мона и приготовилась прыгнуть заднему на плечи. Страх опять пропал.

Но прыгать не понадобилось.

Канторович ударил первого коленом в пах, развернулся, сшиб второго кулаком в переносицу. В следующее мгновение в руках у штабс-капитана оказалась винтовка. Он размахнулся, чтобы пырнуть упавшего штыком.

– Не надо! – крикнула Мона. – Не убивайте!

– Почему это? – удивился он, застыв. – Они же меня собирались убить. И убили бы, если б не вы.

– Раз «если б не я», то ради меня: не надо.

Он вздохнул, пожал плечами, но послушался.

Связал обоих своей же веревкой, разрезав ее на две части. Ноги стянул

ремнями. Вместо кляпов засунул в рты мягкие солдатские фуражки. Конвоиры испуганно таращили глаза, вид с торчащими наружу козырьками у них был нелепый.

– Надо бежать! Их скоро хватятся, – сказала Мона.

Он надел одну винтовку через плечо, другую дал ей.

– Стрелять умеете? Дайте взведу. Держите их на прицеле. Я скоро вернусь.

И пошел назад, к селу.

Она догнала его.

– Вы куда?! Зачем?!

– За Скукиным. А где ваш дед?

– О нем не волнуйтесь. У него всё прекрасно.

– Ну а у Скукина совсем не прекрасно. Надо его вытаскивать.

– Вы с ума сошли! – переполошилась Мона. – Скажите спасибо, что сами спаслись! Нужно бежать!

– Как это я брошу товарища? – изумился Канторович. – Скукин, конечно, фрукт, но его же шлепнут. Да вы, чудесная Федосья, не волнуйтесь. Скоро стемнеет, а охраны там один лопух-часовой. Плёвое дело. Не успеете соскучиться, а мы уже тут, как лист перед травой.

Последний луч солнца окрасил разбитое лицо штабс-капитана пурпурным цветом, и оно вдруг показалось Моне прекрасным.

Поддавшись порыву, она притянула Канторовича к себе, обняла за шею и поцеловала в губы. Они были распухшими, солеными от крови. Должно быть, штабс-капитану было больно – он не сдержал стога. А может быть, он застонал не от боли.

Мону сжали крепкие руки, зубы ударились о зубы, и потемнело в глазах, и застучало сердце, но всё сразу же и закончилось.

Тяжело дыша, он отодвинулся. Глаза у него были не такие, как всегда, а серьезные.

– Вы удивительная женщина, – глухо сказал он. – Вы спасли мне жизнь. И вы очень красивая, я только сейчас это разглядел. Но... вам не нужно иметь со мной дело. Я потерял ту, кого любил. И я не могу... Два года скоро, а не могу... Простите.

Он совершенно замечательный, подумала Мона. Таких на свете мало.

– Я даже не знаю, как вас на самом деле зовут, – сказала она.

– Алексей. Алексей Романов. Парисович. Такое у меня смешное отчество...

– А я Мона. То есть, собственно, Елизавета Анатольевна Туурсова, но друзья зовут меня Моной.

И спросила еще одно, важное:

– Сколько вам лет, Алексей Парисович?

– Двадцать семь. Десять минут назад я шел и сокрушался, что до двадцать восьмого дня рождения не доживу. – Он улыбнулся, но глаза все еще были траурные. – Дурацкая была бы смерть. Спасибо вам, Елизавета Анатольевна. Ради бога простите, что я изображаю из себя Иосифа Прекрасного, – быстро добавил он, видя, как она мрачнеет. – Но я калека, инвалид.

Мона помрачнела не от этого.

– Ничего, – вздохнула она. – В любом случае вы для меня слишком молоды. Идите за своим товарищем, я буду ждать. Только ради бога осторожно.

Вот и этот от меня отказался, думала она, возвращаясь к пленным. Конечно, не по-хамски, как Скукин, а красиво, но все равно горько. Надо как можно скорее привести себя в нормальный вид. Глядишь, и «калека» пойдет на поправку.

Конвоиры смирно не сидели. Опустились на корточки спиной друг к другу, пытались развязать веревки.

Мона предостерегающе присвистнула, подобрала винтовку.

Один что-то угрожающее замычал, козырек фуражки задвигался вверх-вниз.

– Ну вот что вы за мужики? – сказала им Мона. – Как вы живете, самим не противно? Позволяете себя сечь розгами. Кто-то за вас решает, можно ли вам отрастить усы. Вина выпить, и то нельзя.

Снова мычание.

– Не мычать, а слушать! – прикрикнула она. – Сейчас я учительница. Видали указку?

И показала штык. Мычание прекратилось, пленные стали паиньками. Но разговаривать с ними Моне расхотелось.

– Сейчас просто плохое время. Мужское. Закончится война, настанет время женщин, и все опять станут нормальные, – сказала она не столько им, сколько себе.

Поставила приклад на землю, оперлась на дуло, стала волноваться: как там Романов, не попадет ли в беду?

Волноваться очень долго не пришлось. Вскоре после того как стемнело, на дороге появились две быстрые фигуры – повыше и пониже. Еще издали донесся сварливый голос Скукина:

– А я вам говорю, это очень глупо, что вы не прикончили часового! Он

очухается и поднимет тревогу.

– Елизавета Анатольевна меня бы не одобрила, – ответил Романов, помахав Моне. – Скажите лучше, генштабовская голова, какая у нас диспозиция?

– Добрый вечер, сударыня, – поздоровался подполковник. Его чопорность сейчас не раздражала Мону, а наоборот, прибавляла бодрости.

– Как я рада, что вы на свободе!

Но сухарь уже не обращал на нее внимания.

– Диспозиция? Нужно уйти от села как можно дальше, пока нет луны. Непонятно только, в какую сторону идти. Эти пейзажи отобрали мои швейцарские часы, а на них компас.

– Повернемся спиной к Зеленым, и давай бог ноги, – предложил Романов.

Так и сделали. Правда, через несколько минут Алексей (мысленно Мона называла его попросту, без отчества) повернул с дороги в поле.

– Про «спиной к селу» это я для конвоиров, – объяснил он. – На самом деле нам нужно выйти к реке. Она должна быть где-то в той стороне, рано или поздно наткнемся. Вернемся вверх по течению до пристани и сядем в баркас.

– Я хотел предложить то же самое, – буркнул Скукин, недовольный, что командует не он.

Примерно с час они блуждали в крошечной тьме, вполне вероятно, выписывая зигзаги, но вот впереди запахло сыростью.

– Осторожно! – предупредил Романов. – Тут обрыв.

Он спускался первым, держа Мону за руку. Подполковник обогнал их.

Внизу плеснула вода.

– Вверх по течению – это направо. Интересно, далеко ли пристань?

Оказалось, что недалеко. Правда, по речному песку идти было легче, чем по траве. Мона уже хотела спросить: с чего вы взяли, что идти надо вверх по течению, а не вниз, но здесь тучи засеребрились, с неба полился печальный свет, и совсем недалеко, в ста шагах, заблестели доски причала. Покачивался там и баркас.

– К черту Школу! Уроки отменяются. Свобода! – радостно провозгласил Романов, взбегая на помост.

Там он вдруг остановился и бросил винтовку. Вскинул руки, отступил назад.

Над лодкой поднялся силуэт.

Знакомый голос сказал:

– Долго гуляли, офицера. Я уж думал, не ошибся ли, что вы к баркасу

вернетесь.

Десятник Семен! В руке – револьвер.

Сзади заскрипел песок. От темной массы обрыва приблизились еще несколько человек.

Романов дотянулся до Моны, шепнул:

– Сглазил. Все-таки не доживу до двадцать восьмого дня рождения...

Она недостойно, по-бабски всхлипнула. Ужаснее всего, когда уже чувствуешь себя спасенной, а выходит, что главный кошмар впереди.

Дорогу обратно она не запомнила, смотрела под ноги. В спину упирался штык, и было страшно: не пропорол бы, если споткнешься.

Отвели их в какую-то белую постройку. Наверное, ту самую «инспекторскую», которую Мона видела перед закатом, но во мраке было не разобрать. Там разделили, и ее втокнули в безоконную клетушку, пропахшую прелой соломой. Хоть Мона ужасно устала, но, пощупав сырое гнилье под ногами, решила туда не садиться. Разгребла место в углу, привалилась к стене, сказала себе: «Ну вот теперь точно всё. Жить мне осталось до утра».

Увидела как наяву: шест, а на нем голова с длинными рыжими волосами, глаза выклеваны воронами, внизу табличка. Что там напишут? «Я вражеская агентка»? Ах, все равно.

Господи, как страшно!

И вспомнила историю, которую много раз рассказывала мать.

Как она юной дурочкой сбежала на турецкую войну и чуть не угодила в лапы к башибузукам. Они были свирепые, кровожадные и тоже отрезали головы. Но маму тогда спас герой, по которому она потом сохла всю жизнь. Когда Мона подросла, мать грустно говорила ей: «Ничего, это нормально – любить двух мужчин: одного, с кем живешь и старишься, и другого, с которым ты вечно молодая. В нас, женщинах, две природы. Одной нужен такой мужчина, как твой папа, другой – такой, как мой Эраст Фандорин. Но Фандориных больше не водится. Они все остались в прошлом веке...»

Да, думала Мона, обхватив себя руками за плечи. Никакой Фандорин меня тут не спасет, и ничего больше не будет. Только боль, тьма, а потом шест и вороны.

Она вообразила, как жесткий клюв впивается ей в глаз. Закрыла ладонями лицо и заплакала.

Ой...

Даже удивительно, что после таких мыслей она все-таки уснула.

Видела сон, из материнского рассказа. Страшный.

По полю скакал всадник в косматой папахе, про которого Мона знала, что его имя Смерть. Он гортанно кричал на непонятном языке, у седла болталось что-то круглое, и долго не получалось разглядеть что. Наконец разглядела: мертвая голова, привязанная к луке за рыжие волосы.

Мона закричала, вскинулась, не сразу поняла, где находится.

По полу тянулась узкая серая черта. Это в дверную щель проникал свет.

Утро.

В камере было темно и душно, но Мона согласилась бы оставаться в ней вечно. Лишь бы дверь никогда не открывалась!

Подлая дверь будто подслушала ее, заскрипела петлями. Мона зажмурилась от нестерпимой яркости. Прикрыла глаза рукой, увидела в проеме силуэт в косматой папахе.

– Поснедай, тетка, – сказал силуэт.

О пол стукнула глиняная крынка, на нее лег большой кус хлеба.

– На двор надо – потерпи, скоро выведут.

И дверь закрылась.

Про что это он, подумала Мона. В каком смысле «выведут»? Неужели расстреливать? Но зачем тогда кормить?

Сама себе ответила, со странной отчужденностью: это у них почему-то так положено. Приговоренных всегда кормят завтраком и потом, непосредственно перед казнью, еще дают покурить. «У них» значило «у людей», к миру которых она себя, выходит, уже не относил.

Не буду есть, подумала она. Но хлеб был свежесдобитый и чудесно пах, а в крынке пузырилось парное молоко.

Всё съела, и это был самый вкусный завтрак за всю ее жизнь, вкуснее круассанов с апельсиновым джемом в «Астории».

Снова заскрипела дверь.

– Выходи.

Стиснув зубы, Мона поднялась. Удивилась, что она такая спартанка: колени не подгибаются, сердце не частит.

Но во дворе было солнечно и пахло свежим ветром, в поле радостно звенели жаворонки, и новообретенное спокойствие ее покинуло.

Нет! Нет! Нет! Покидать этот мир она была не согласна!

– Доброе утро, Елизавета Анатольевна. То есть недоброе...

Романов. Щурится – должно быть, его тоже только что вывели. Романов был молодец – улыбался. Хочет подбодрить, поняла Мона и тоже попыталась улыбнуться.

Здесь же был и Скукин, но этот не улыбался и не поздоровался.

– Целых шестеро, – хмуро сказал он, кивая на охрану. – Куда столько?

В самом деле, конвоиров сегодня было шесть человек, и все держали винтовки наготове.

Романов шепнул подполковнику:

– Подойдут вязать руки – бейте в зубы и попробуйте отобрать оружие. Я тоже побрыкаюсь. Лучше получить пулю в грудь, в драке, чем в затылок на коленях.

– Дело вкуса, – кисло ответил Скукин. – Смотрите, кто пожаловал...

Из дома вышел Семен.

– Примкнуть штыки! Вы четверо – к этому. Леха, Сидор – ко второму. Два штыка ткнулись Скукину в правый и левый бок. Романов, должно быть, как более опасный, оказался меж четырех штыков.

– У меня не зарыпаются. – Десятник подмигнул.

– Куда пойдем? – спросил его Романов. – Опять в овраг, что ли? Надоело.

– К директору.

Убьют еще не сейчас, поняла Мона. Сначала будет суд или как это в Зеленой Школе называется – «педсовет»?

Через село шли медленно, потому что двое конвойных пятились спиной, наставив штыки Романову в грудь.

– Уважают, – сказал штабс-капитан. – А вы, Скукин, не заслужили.

– Я на охрану не нападаю, «инспектора» по морде не бил, – ответил подполковник. – Меня, собственно, и расстреливать не за что.

Встречные глазели на процессию с любопытством. Мальчишки пристраивались сзади.

– Рыжая-то чего? – крикнул один.

– Шпиёнка. Кончат будут.

Наконец довели до правления.

На ступеньках стоял директор, разговаривал с каким-то городским человеком в летнем песочном костюме и соломенном канотье, с приличным саквояжем. Откуда здесь только такой взялся?

Пожали друг другу руки. Городской обернулся.

Мона мельком заметила тонкое лицо, черные усики. Смотрела она на

Жовтогуба.

Директор спустился во двор, неторопливо приблизился. Лицо у него было укоризненное.

– Ну и спутники у вас, – сказал Жовтогуб, качая головой. – Черт знает что устроили. Могло плохо кончиться.

Обращался он к городскому.

Тот тоже подошел. Поднял шляпу, чтобы вытереть платком высокий лоб. Аккуратно подстриженные волосы были седые, но усы черные и лицо моложавое. Странно знакомое. Впрочем, Мона на него по-прежнему не смотрела.

– Елки, – пробормотал Романов, – это ж наш странник!

Только теперь Мона узнала отца Сергия. Какая метаморфоза!

– Я же вам сказал, всё устроится, – сердито сказал чудесно преобразившийся старец. – Хорошо хоть, никого не убили, иначе Никодим Львович бы вас не отпустил.

– Нас отпускают? – быстро спросил Скукин. – Но почему?

– Потому что господин директор с уважением относится к батьке Махно. А у меня пропуск из м-махновского штаба. На меня и на всех, кто со мной.

– Я же не знала, – пролепетала Мона. – Вы говорили мне только про письмо...

– Изъятые вещи вам вернут, – объявил Жовтогуб. – Все кроме пулемета. Он нам пригодится. Братский привет Нестору Ивановичу и Арону Воле. Передайте им мое предложение. Обязательно скажите, что медлить нельзя. В ближайшие месяцы всё решится.

Директор еще раз сжал отцу Сергию руку и вернулся в дом.

– Послушайте, как вас там на самом деле! – Скукин и тут был недоволен. – Почему вы не предъявили свой мандат сразу? Штабс-капитана вчера чуть не расстреляли! А заодно и меня.

– Штабс-капитан сам виноват. Нечего было лупить по сусалам почтенного инспектора Степана Акимовича. Невежливых людей никто не любит.

Романов легкомысленно заметил:

– Да. Если б не Елизавета Анатольевна, я уже переместился бы на следующий круг перерождений. Вы знаете, что китайцы с японцами верят, будто душа живет много раз?

– Что-то такое слышал. – Отец Сергей посмотрел на Мону. – Елизавета Анатольевна?

– Турусова. А вы?

Он поклонился, двумя пальцами коснувшись шляпы: – Эраст Петрович Фандорин.

– Ой, – тихо сказала Мона. И повторила еще раз, тише: – Ой...

У нее закружилась голова.

– Где это вы так приоделись, господин Фандорин? – спросил не заметивший ее реакции Романов.

– На б-базаре. Городская одежда здесь дешева. Никто ее не покупает.

– Не рано отказались от маскарада? Нам ведь по реке дальше плыть. Будете привлекать внимание. Кстати, если уж у нас тут срывание масок, я отрекаюсь от Шаи Канторовича. Алексей Романов, прошу жаловать.

– Маскарад больше не понадобится. Жовтогуб дал мне сопроводительный документ для соседней республики батьки Ковтуна. Дальше уже территория белых. Там будут встречать по одежке.

– А что за поручение к батьке Махно вам дал директор? – заинтересовался подполковник.

– Мечтает о союзе с анархистами. Я не стал его огорчать, но ничего из этого не выйдет. «Черная» и «зеленая» правды не просто разные. Они противоположные. Одна – правда свободы, другая – правда несвободы... Ладно, господа, идемте к нашему плавсредству... А вы что же, Елизавета... Анатольевна? – оглянулся он на застывшую Мону, не сразу вспомнив отчество.

Она молча кивнула, совершенно потрясенная.

Эраст Петрович Фандорин?!

Молчала она и по дороге к пристани, и потом, когда баркас тронулся в путь. Всё смотрела, не отрываясь, на Фандорина и не могла поверить.

Всю жизнь, с детства слышала она это имя. Оно звучало для нее так же, как «Ланселот», или «граф Монте-Кристо», или «Денис Давыдов». Нечто прекрасное, старинное и совершенно нереальное.

Кстати о старинном. А сколько Фандорину лет? Мать говорила, что он был годом или двумя младше ее. Значит, что – шестьдесят два или шестьдесят три? Совсем немного для исторической личности, но слишком много для...

Для чего? – одернула себя Мона. Ты неисправима!

Мать виновата. Это она всё время говорила о Фандорине как о несостоявшемся возлюбленном. Наверное, поэтому Мона сейчас такими глазами на него и смотрела: не как на шестидесятилетнего старика, а как на мужчину, способного вызвать очень сильную и долгую любовь.

По правде говоря, в новом обличье Эраст Петрович совсем не выглядел стариком. Красивый (даже, пожалуй, слишком красивый),

элегантный мужчина средних лет, рано и импозантно поседевший.

Господи, Турусова, эти слова – «элегантный», «импозантный» – совсем не из твоего лексикона, они всегда казались тебе пошлыми, сказала себе Мона, но ничего не поделаешь, Фандорин был именно таким: элегантным и импозантным. Только никакой пошлости в нем не было. Потому что пошлость – это когда низменное прикидывается возвышенным, а Эраст Петрович был явно не из тех, кто прикидывается.

Он сидел на корме, брил свои и без того идеальные щеки опасной бритвой: острое лезвие порхало стрекозой, в изящно отставленной левой руке сверкало зеркальце. Воротнички расстегнуты, видно мускулистую шею. Рукава засучены, и предплечья еще красивее, чем у Романова, – тонкие, но сильные.

Почувствовав ее взгляд, Эраст Петрович улыбнулся:

– Год не брился. Приятно. Да и наскучило быть к-каликкой переходим...

Мать говорила, что Фандорин очаровательно заикался, вдруг вспомнила Мона. Никаких сомнений. Это действительно он.

И поразились: как это она раньше не видела «отца Сергия» по-настоящему. Неужели дело только в том, что он побрился и переоделся? Нет конечно. Это сила легенды. Легенда озаряет человека ослепительным сиянием, и он волшебным образом преображается. Однажды, еще до войны, Мона увидела в ресторане за соседним столиком какого-то жеваного субъекта с растрепанными волосами и сказала подруге: «Погляди-ка. Это же надо есть бифштекс с таким гордым видом, будто решаешь судьбы мира». Подруга прошептала: «Боже! Александр Блок! Тот самый! Поэт!» Мона взглянула снова – увидела небесный блеск в глазах, одухотворенный профиль, изящный изгиб худых, тонких пальцев. Боже, Блок! Как он прекрасен!

К Эрасту Петровичу всё приставал Скукин, выпрашивал про директора и директорию. Больше всего его интересовали последние слова Жовтогуба – про то, что нельзя медлить, так как в ближайшие месяцы всё решится.

– Что решится?

– Кто победит – белые или красные. По мнению директора, «третья сила» имеет шансы на успех, пока исход этого п-противостояния не определился. Потом будет поздно.

– Исход уже определен, – уверенно сказал Скукин. – Белое дело побеждает, это очевидно. На востоке адмирал Колчак дошел до Волги, на западе генерал Юденич идет на Петроград, армия моего дяди вот-вот возьмет Харьков и оттуда повернет прямо на Москву. Единственное, чего

не хватает белым армиям, – координации действий. Это как раз тема моей выпускной работы в академии: «Координация действий и распределение обязанностей при войне в условиях коалиции». Я больше не сержусь на вас, Романов, – обернулся он к штабс-капитану. – Хоть вы человек взбалмошный и авантюрист, благодаря вам я вовремя перешел на правильную сторону.

– Да, – съехидничал Романов. – Белой армии страшно повезло. Ваша выпускная работа решит судьбу России.

– Несомненно, – кивнул подполковник. Чувство юмора в число его достоинств не входило.

– Послушайте, шкипер, а далеко ли отсюда до Харькова? Если напрямую, через степь? – спросил штабс-капитан Фандорина.

– Верст сорок-пятьдесят.

– Скукин, не рвануть ли нам поближе к драке? Наши воюют, а мы будем по речке кататься?

Подполковник задумался.

– Хм. Пожалуй. Я определенно желал бы участвовать во взятии Харькова. Это крупный стратегический пункт. Будут повышения, награды.

И решительно потребовал:

– Приставайте к правому берегу!

– А вы? – Романов посмотрел на Мону.

Она с трудом отвела взгляд от Фандорина.

– Что?

– Елизавете Анатольевне нужно к морю, – ответил за нее Эраст Петрович. – И мне тоже.

– Правда?! – воскликнула она. – А как же ваша экскурсия в Гуляйполе?

– Пожалуй, не поеду. Довольно с меня Зеленой Школы. Возвращение к простым нравам, будь то «черная правда» или «зеленая», меня не привлекает. Я за сложные н-нравы. Я за цивилизацию. Коли моя страна хочет опроститься – ради бога, но без меня. Вы не будете возражать, если я составлю вам компанию до Ростова? Полагаю, за неделю мы туда доберемся.

– Я не буду возражать, – тихо ответила Мона.

Лодка заскрипела по дну.

– До свидания, – кивнул Скукин и, подхватив свой мешок, выпрыгнул на берег.

Так и пошел, сухой человек, даже не оглянулся.

А Романов задержался.

– Мона... Вы ведь позволили вас так называть... Мне ужасно не

хочется с вами расставаться. Поверьте, если бы не долг...

– Ну что вы, – нетерпеливо перебила она. Ей хотелось поскорей остаться вдвоем с Фандориным. – Я понимаю. Долг офицера. Берегите себя, Алексей Парисович.

– Вы обиделись, – грустно вздохнул он. – Дайте мне время. Может быть, мы еще встретимся, и тогда...

– Нет-нет. Я же сказала, вы для меня слишком молоды.

Романов определенно был неглуп. Он приподнял бровь, покосился на Фандорина. Взгляд стал вопросительным.

Мона с улыбкой кивнула. Ее переполняло восхищение мистической непредсказуемостью жизни.

Романов поцеловал ей руку, поклонился Эрасту Петровичу и рысцей побежал за Скукиным.

– Почему он назвал вас «Мона»? – спросил Фандорин.

– Мама (ее зовут Варвара Андреевна)... – Мона сделала паузу и загадочно улыбнулась, – в детстве говорила: «Что ты всё загадочно улыбаешься? Тоже еще Мона Лиза нашлась». И прозвала меня Моной.

– Мона, желаю счастья! – крикнул с берега трогательный Романов.

Она, не оборачиваясь, помахала рукой.

Елизавета Третья?

Счастье, собственно, уже наступило, и Мона наслаждалась каждой его минутой.

Река, лодка, никого лишнего. И так будет долго, несколько дней!

Конечно, она его уже полюбила, не могла не полюбить. Это чувство досталось ей, можно сказать, по наследству.

Ни о чем не догадываясь, Фандорин сидел у руля, глубокомысленно глядя вдаль. Вероятно, думал о судьбах России или о чем-нибудь в этом роде, а Мона поглядывала на него и всё время улыбалась. Он был похож на кролика, не подозревающего, что вокруг уже оплелось гибкое тело голодного питона.

Но серьезные мысли приходили в голову и ей.

Что вся предыдущая жизнь была не более чем закуской перед основным блюдом. Настоящее начинается только теперь. Главное – не поторопиться и всё не испортить. Время есть.

Есть-то оно есть, но хочется есть, шепнул питон.

– Чему вы всё посмеиваетесь? – наконец заметил ее состояние Фандорин.

А Моне вспомнилась фраза из гимназического прошлого. Семь лет любовалась на нее с задней парты. Над школьной доской висела, каллиграфически выписанная: «Предначерташе молодого поколешя россиянь – осуществить чаяшя предковъ. *Государь Николай II*». Вот именно: осуществить чаяния предков. Что не получилось у матери сорок лет назад, получится у дочери.

Смешные они были в девятнадцатом веке. Как это мама находилась с ним рядом, влюбленная, часто наедине, и своего не добила? Объяснение тут может быть только одно, уверенно подумала Мона. Этому человеку на роду написано стать не моим отцом, а просто – *моим*.

– Скажите, вы верите в судьбу? – спросила она. – В то, что каждое событие имеет смысл, что ничего случайного не происходит и что у твоей жизни есть некий предначертанный сюжет?

Эраст Петрович ответил так, будто давно обдумал этот вопрос.

– Предначертанных сюжетов несколько. Даже много. Но по какому из них пойдет твоя жизнь, решаешь ты сам. Это и называется «карма». В принципе, всякий человек, каким бы путем он ни шел, имеет шанс прийти к одной и той же высшей точке: стать *босацу*, бодхисатвой – существом с

полностью пробудившимся сознанием и полной свободой от всякой телесности.

Мона выслушала эту маленькую лекцию внимательно и с почтением, но «свобода от всякой телесности» ее насторожила.

– И вы тоже этого хотите?

– Конечно. Как можно этого не хотеть?

Следующий вопрос будет трудный. Мона собралась с духом.

– И что, вы уже... освободились от телесности?

– Увы, – печально молвил Эраст Петрович. – Хоть это и странно. Видите ли, я перенес... долгую болезнь, когда сознание спало и никакой телесности не было. Можно было надеяться, что она уже не вернется. Как бы не так. Я еще слишком молод. Впрочем, удивляться нечему. Старости ждать еще долго. Я пока даже не достиг возраста з-зрелости, мне до него остается больше полугода.

– Возраста зрелости?

– Да. У правильно живущего мужчины зрелость наступает в шестьдесят четыре года. Это восемь восьмерок – пора физического и интеллектуального совершенства. Считается, что перед человеком открывается самый плодотворный и приятный этап жизни, движение от земного совершенства к небесному, к мудрости, которая тоже состоит из двух восьмерок, но не перемноженных, а соблюдающих равновесие: восемьдесят восемь лет.

«Я бы очень хотела провести этот приятный этап с вами», сказала бы Мона, если б была душой. Но она была умная и просто слушала, кивала.

– Японец, который когда-то научил меня владеть волей и телом, рассказывал, что стал полноценным человеческим существом лишь в шестьдесят четыре года, – продолжал Фандорин. – Это так называемый возраст «первого совершенства»: тело и ум полностью развиты, и наступает черед духа. На это уходит два двенадцатилетних цикла, после чего тело и ум утрачивают значение. Остается только зрелый дух.

– А что потом, после восьмидесяти восьми лет?

– Ничего. Развитие останавливается. Мудрец живет до тех пор, пока не угаснет интерес к этой жизни, а потом уходит. Старцы-даосы владеют мастерством останавливать свою жизнь на выдохе – в любой момент, который покажется им подходящим.

– У них, наверное, после такой духовной жизни и мощи не тлеют? – насмешливо спросила Мона, которой вся эта китайщина очень не понравилась. Придумана она, ясное дело, исключительно для мужчин. Вообразить себя старухой без ума и тела, с одной только духовностью,

нормальной женщине неприятно.

– Не тлеют, – серьезно ответил он. – Говорят – сам я, правда, не видел, – что в тайных склепах, ход куда знают немногие, совершенномудрые старцы сохраняются в нетленном виде веками и будто бы даже после смерти способны воздействовать на людей. Это очень возможно. В таком человеке накапливается очень много д-духовной энергии, а она тоже подвластна закону сохранения. Метафизика в этом отношении ничем не отличается от физики.

Шутит он или нет, Мона не поняла. Наморщив лоб, занялась арифметикой.

Сколько ей будет лет, когда он достигнет этого чертова возраста мудрости? Пятьдесят девять? Ну ладно. Это произойдет только через двадцать пять лет, в тысяча девятьсот, прости господи, сорок четвертом году. К тому времени на Земле все революции и войны давно отбушуют, и, может быть, Эраст передумает становиться даосом или бодхисатвой (кстати, какая между ними разница?).

Однако пора было поворачивать разговор в более перспективном направлении. Мона перешла в атаку.

– А мне не хочется избавляться от телесности. – Она мечтательно вздохнула и проделала элементарный женский трюк – подтянула кверху бюст и по-кошачьи потянулась. – Я люблю свое тело.

– Есть за что, – пробормотал Фандорин и отвел глаза. Но взгляд был правильный, мужской. Мона осталась довольна. Кажется, кролик начал что-то подозревать.

Маленькое отступление, чтобы не насторожился.

– Хотела спросить: а откуда у вас взялся саквояж? И что в нем?

– Купил в Зеленях, – с явным облегчением стал объяснять Эраст Петрович. – Внутри сменное белье, две рубашки, воротнички, т-туалетные принадлежности. У них там почти всё есть – по нынешним временам удивительно. Я и для вас кое-что приобрел, предположив, что вы тоже пожелаете переодеться.

– Как мило! – воскликнула она, заинтересовавшись. – Я так вам благодарна! Мне тоже ужасно надоело ходить нищенкой!

Про то, что юбка переворачивается приличной стороной кверху и про сатиновую блузку, конечно, говорить не следовало.

– Простите, покупал на свой вкус...

Фандорин достал шелковое платье, бордовое, в жуткую желтую розочку.

– Прелесть! – лицемерно восхитилась Мона.

Зато башмаки были недурны. Примерила – в самый раз.
– Вы угадали размер!
– Я не угадывал. У меня хороший глазомер.
– Не думала, что вы успели так хорошо присмотреться к моим ногам, – весело сказала она. – А дессу не купили? Только чулки?
Он смутился.
– Дамского б-белья в лавке не было. Очевидно, у местных жительниц оно не пользуется спросом.
– Придется надеть платье прямо на голое тело, – невинной овечкой проблеяла Мона.
Эраст Петрович мигнул.
– Прямо сейчас и переоденусь! С наслаждением! Только сначала искупаюсь.
Опять замигал. Нет, он еще совсем не бодхисатва!
– Да-да, я отвернусь.
И пересел на нос, принял позу каменного истукана.
Мона разделась донага, встала на заднюю скамейку и раскрыла руки – реке, солнцу, воздуху, миру.
Мгновение, ты прекрасно, но не останавливайся!
Нырнула в восхитительно холодную воду, сделала русалочий кульбит, поплыла за баркасом.
Ну, сабли наголо!
Вскрикнула:
– Ай!
Фандорин стремительно обернулся.
– Что?!
– Что-то скользнуло по ноге! Здесь могут быть водяные змеи?
– Не знаю. Может быть, ужи.
– А-а-а! – завопила, заколотила руками по воде она. – Вытащите меня отсюда! Скорей! Глаза закройте и тащите!
Он послушно зажмурился. С силой, но бережно потянул.
Мона перекинула через корму одну ногу, другую. Встала на колени. Сделала вид, что не может удержать равновесие. Ухватилась мокрыми руками за шею Эраста Петровича. Его покрасневшее лицо с закрытыми глазами было совсем близко, и она решила, что хватит разводить китайские церемонии. Он не подросток, она не институтка.
Прошептала:
– Поцелуйте меня. И ни о чем не думайте.
Глаза открылись.

– Но... – пробормотал Фандорин. – Вы... уверены?

А Моне вдруг пришло в голову, что всё это сон. На самом деле утром ее расстреляли. Сейчас ее мертвая башка торчит на шесте и наслаждается фантазиями.

Хотя какая разница? Сон так сон.

Ммм, какой поцелуй... А какой запах! Мужчины всегда пахнут как-то не очень, а этого она выжала бы в флакон, чтоб получился одеколон «Фандорин», и потом душилась бы каждое утро. Правильно написала одна умная романистка: будем учиться любви у зверей, они любят не глазами, а носом.

Она любила его всем, что в ней было, без остатка. Река, солнце, воздух, мир не мешали, терпеливо ждали. Мгновение длилось и длилось.

Очнувшись после блаженного полуобморока, Мона не позволила себе почитать на лаврах. Нужно было развивать первый успех, двигаться дальше. «Эраст для меня, дурочки, был слишком сложен», – вздыхала бедная мама, дитя невинного века. Но слишком сложными бывают только слабые мужчины. Чем они сильнее, тем с ними проще.

Мона решительно перешла на «ты», потому что любовники всегда одного возраста – пусть он сразу себе это уяснит и не смеет относиться по-отечески.

– Ты совсем еще не освободился от телесности.

– Слишком долго к-копилась энергия Ки, – непонятно ответил он.

Мона положила ему голову на плечо и скоро уснула. Это связывает еще прочнее страсти. Солдат спит, а служба идет.

Сквозь сон слышала, что завелся мотор, но просыпаться не стала, потому что его плечо никуда не делось – как-то он, значит, дотянулся до рычага, не потревожив ее. Мона чмокнула бицепс (хорошо бы, чтоб был помягче), снова крепко уснула.

В следующий раз они любили друг друга уже под звездами, и ночной мир был ничуть не хуже дневного.

А еще в темноте очень хорошо разговаривать.

– Мне больше нечего делать в России, – печалился Эраст Петрович, перебирая ее распущенные волосы. – Я столько лет пытался как-то изменить ее злосчастную карму, отвести б-беду, но карму не изменил и беду не отвел. Я выиграл столько боев, а войну проиграл. И теперь уезжаю, потому что не знаю, с кем воевать. С землей? С воздухом?

Она слушала, терпеливо дожидаясь, пока он заведет речь о главном. Самой наводить его на эту тему будет неправильно.

Попредававшись мужскому самобичеванию, посетовав о печальной

судьбе России, Фандорин наконец задал вопрос, которого Мона ждала с замиранием сердца.

– Я доведу тебя до Ростова, а оттуда до Севастополя. Что потом? Отправишься в Швейцарию, к родителям?

Про мать она ему пока не говорила – оставила на потом, когда первые радости начнут приедаться и настанет время вывести отношения на новый, провиденциальный уровень. Пусть Фандорин тоже проникнется трепетом перед высоким замыслом судьбы.

Умнее, конечно, было бы сейчас удивиться и ответить: «Ну да, в Швейцарию, а куда же еще?» Пусть бы он поразмыслил о том, понравится ли ему с ней расставаться. Через день-другой такой идиллии сам предложил бы остаться вместе, а она согласилась бы с видом великой милости.

Но сейчас, под звездным небом, Моне не хотелось быть умной. И она сказала:

– Я хочу остаться с тобой. Хочу быть там, где будешь ты, а остальное мне все равно.

Фандорин заворочался, и она испугалась, что всё испортила. Но оказалось, что он тревожится по другому поводу.

– В Севастополе меня ждет мой друг Маса. Мы сорок лет неразлучны и, надеюсь, не расстанемся до смерти. С ним тебе будет непросто. У него всегда был неважный характер, а с годами стал хуже. Да и ты, з-знаешь, тоже не рукавица.

– Я люблю всё, что любишь ты, – кротко молвила она, вспомнив, как Кити разговаривала с Левиным. – Значит, полюблю и твоего японца.

Сама же подумала: какие пустяки. В ее распоряжении имелись рычаги влияния, не доступные никакому другу. И прибавила, свирепо:

– Я люблю тебя так, как никто никого никогда не любил!

И тут вместо того, чтоб ответить столь же страстно или по крайней мере неизобретательно прошептать «я тоже», он пробормотал нечто загадочное:

– Елизавета Т-Третья? Это уж будет чересчур...

Мона села, взяла его двумя руками за горло и потребовала немедленно объяснить, что значат эти слова.

Объяснял он долго и нескладно, несколько раз пытался по-черепашьи спрятаться в панцырь или по-ежиному оцетиниться, но Мона, конечно, не отстала, пока всего не выяснила.

Тогда отодвинулась и стала думать.

Что обеих его жен тоже звали «Елизаветами» – это хорошо. Значит, у

него такая, как ее, карма.

Что оба брака паршиво закончились – это плохо. Хотя разве было бы лучше, если б они оказались удачными?

И вообще: бог любит троицу. А еще надо дать ему то, чего Елизавета Первая дать не успела, а Елизавета Вторая не смогла или не пожелала.

В ту же секунду Мона с легкостью решила вопрос, над которым веками ломали голову мистические философы: как воплотить бесплотное и уловить неуловимое.

А очень просто.

Крепко обволакиваешь неуловимого, берешь маленькую его частицу в плен своего тела и выращиваешь из этой крохи полную свою собственность. Конечно, придется пересмотреть свои принципы, изменить отношение к проблеме размножения, но принципиальность – удел умных мужчин и глупых женщин.

Волнуясь из-за затянувшегося молчания и сильно заикаясь, он робко спросил:

– Я не д-должен был г-говорить про «Елизавету Третью». Я всё испортил? Что я могу сделать, чтоб ты меня п-простила?

Мона повернулась, погладила его по щеке.

– Я, может, и Третья, зато последняя. А прощу я тебя при одном условии. Если у тебя осталось еще немножко энергии Ки.

Мгновение остановилось

На следующий день они плыли через владения какого-то атамана Ковтуна. Здесь недавно прошла война, и встречные деревни были трех видов: безлюдные, мужские и женские.

От безлюдных пепелищ Мона отворачивалась, не хотела омрачать свое нескончаемое прекрасное мгновение. В мужских деревнях на берег выходили люди с оружием, приказывали пристать. Эраст предъявлял им пропуск директора Жовтогуба, и баркас следовал дальше. В женских деревнях – тех, где никто ружьями не размахивал – Мона выходила на берег. В одной купила на остаток зеленошкольских денег еды, в другой обменяла дурацкое цветастое платье на стеганое одеяло – чтобы мягче лежалось на дне лодки.

А близко к вечеру, с правого берега, из-под свисающих над водой ив, закричали:

– Гли, барин с барыней на лодочке! Эй, шляпа, гребни суды!

Там трое каких-то поили лошадей, трясли карабинами.

– Не волнуйся, – сказал Эраст. – Покажу бумагу, поплывем дальше.

Направил баркас к берегу.

– Мы плывем с заданием от директора Жовтогуба. Вот пропуск.

Один взял документ, небрежно глянул, швырнул на песок.

– Плевать на твою директора. Мы сами по себе. Мамзель, прыгай к нам. А ты давай, спинжак сымай. И чоботы.

Фандорин вздохнул, встал, снял пиджак.

– Извини. Это недолго.

Страшно Моне не было. Скорее интересно.

Эраст Петрович легко перескочил на берег, одной ногой едва коснулся земли, а вторая, описав дугу, ударила грубияна в скулу. Тот выронил карабин и еще не успел свалиться, как Фандорин, прокрутившись на каблуке, двинул второго локтем в глаз.

– Bravo! – крикнула Мона. – Бис!

Но биса не вышло, потому что третий бандит (а это без сомнения были обычные бандиты, раз «сами по себе»), кинув оружие, бросился наутек через кусты.

Ушибленные лежали тихо, но убегающий голосил:

– Братцы! Братцы!

Где-то заржали лошади. Много.

Эраст подобрал один из карабинов, прыгнул обратно в лодку.

– Не будем навязываться, – сказал он. – Там еще и братцы какие-то.

Трр, тррррр, тррррррррррр, – заурчал мотор.

Лодка начала разгоняться.

Скоро ивняк кончился, открылось поле.

На поле было нехорошо. Там неслись галопом всадники, пылила тачанка, разливался разбойничий свист.

Баркас резко повернул к другому берегу.

– На воде нас посекут пулеметами, – быстро объяснил Эраст. – Надо вылезти и укрыться. На нос!

Взял ее за руку. Одновременно с тем, как лодка ударилась в берег, оба прыгнули. Побежали.

Да-да-да-да-да! – раскатилось над рекой.

Мона покатила по траве – это Фандорин сильно дернул ее за руку.

Над головой зашуршал воздух.

– Ты ползать умеешь?

– С двух лет не пробовала, но вспомню, – ответила Мона. Ей нисколечки не было страшно. С ним она ничего, совсем ничего не боялась.

Поползли. Вокруг хрустела и падала срезанная пулями трава.

– Вот ведь п-пристали, – пробормотал Эраст, приподнимаясь и оглядываясь.

Мона тоже посмотрела.

Из реки торчали людские головы. Над каждой вытянутая рука, в ней винтовка.

– А бегать? Надо добраться вон до той балки. Там нас пулемет не достанет.

– Я велосипедистка. У меня знаешь, какие ноги сильные?

– Знаю. Три-четыре!

Помчались, держась за руки. Как в детстве, подумала Мона. И еще подумала: а мгновение все равно прекрасно, даже такое.

Скатились вниз по некрутому склону. Перешли на быстрый шаг.

– Куда мы?

– Видела на поле курган с каменной бабой?

Она помотала головой. Вперед она не смотрела, только под ноги.

– Там и ляжем. Если эти сунутся – им же хуже.

Вылезли из балки, пригнувшись взбежали на небольшой холм.

– Спрячься за б-бабу. И не высывайся.

Но Мона, конечно, высунулась.

По полю, растянувшись в цепь, бежали люди. Они казались смешными

коротышками, потому что их по пояс закрывала трава.

– Совсем как тогда, – сказала Мона.

– Когда «тогда»?

– Когда вы с мамой убегали от башибузуков. Помнишь Варю Суворову? Я ее дочь.

Трудно было придумать более эффектный момент для этого эффектного объявления.

У Эраста черные брови выгнулись идеальными дугами, но челюсть отвисла довольно неэлегантно.

– Что? – пролепетал он. – Этого не может б-быть.

– От нашей семьи не уйдешь, – засмеялась Мона, очень довольная. – У нас длинные руки. И ноги... Ой!

Это от каменного бедра бабы с противным звуком отрикошетила пуля.

Эраст пригнул Мону к самой земле. Он тряс головой, не мог опомниться.

– Ты – д-дочь Варвары Андреевны? Но... так не б-бывает!

Моне ужасно нравилось, что он растерялся и лепечет. Свист пуль только прибавлял сцене остроты.

– Ах, как некстати эти б-болваны! – сердито обернулся он на пальбу.

– Мама рассказывала, как турки скакали, а ты целился из ружья. Правда, у нас то же самое?

– Сейчас лучше. Башибузуков было больше, а мой «винчестер» оказался не заряжен. Этих всего десяток, и в «манлихере», – он передернул затвор, – полный м-магазин. Очень прошу, не высовывайся.

А сам высунулся. На секунду. Приложился, выстрелил – спрятался обратно.

На поле заорали. Мона выглянула снизу.

Один бандит вертелся на месте, держась за плечо.

Над головой снова грянул выстрел.

Второй выронил винтовку, покачнулся, тоже схватился за плечо.

Остальные спрятались в траве.

Эраст ждал, слегка поводя стволом.

Выстрел!

– Ааа!!! – завопил бас. Сорвался, побежал прочь человек – и опять зажимал плечо.

– Ты попадаешь им в одно и то же место, – сообщила Мона.

– Когда началась гражданская война, я решил придерживаться твердого принципа: если уж убивать, то лишь очевидно плохих людей. Вроде плотовщика Стася. Про этих я ничего не знаю. Хватит ранения.

Отличная возможность полежать в п-покое и задуматься о своей жизни.

Он был сейчас так прекрасен со своими дурацкими принципами, что Мона не сдержалась. Вскочила на ноги, обняла его, стала целовать.

– Я тебя ужасно, просто невыносимо люблю!

– Погоди... – сказал он. – Право, не сейчас... Из-за тебя я упустил, куда делся крайний справа. В кубанке, с маузером... Что если он подбирается с фланга, где нас не прикрывает баба?

– Я защищу тебя лучше всякой каменной бабы. Я сама – каменная баба, – страстно шептала Мона.

Прижала Эраста к себе изо всех сил. И вдруг, случайно посмотрев поверх его плеча, увидела над травой голову в плоской кубанской папахе и тонкий ствол.

С силой, которую она в себе не подозревала, Мона развернула Эраста, поменялась с ним местами.

Что-то хрустко стукнуло ей по лопатке, словно молотком или палкой.

– Ми...льй, – пролепетала Мона в стремительно густеющую темноту.

И прекрасное мгновение остановилось.

Белая правда

Тяжело с крестинами

На Купеческом спуске Алексей остановился перед зеркальной витриной нового кафе «Норд» вроде как поправить фуражку, а на самом деле проверить, нет ли «хвоста». Следить вроде было некому и не с чего, но, как говорится, залог здоровья – профилактика заболеваний. Отправляясь на явку, Романов всегда соблюдал правила: никогда не доезжал прямо до места на извозчике и периодически проверял, «не запыхалась ли спина» (так называлось это на профессиональном жаргоне).

Спина была в полном порядке. Никто на скромного капитана не пялился, никто судорожно не присел завязать шнурок, не спрятался за фонарь, не застыл у стеночки, прикрывшись газетой. Обычная уличная толпа смутного времени: мужчин больше, чем женщин; военных больше, чем штатских. С тех пор как в Харькове разместился штаб Добровольческой армии, сюда отовсюду стекались «герои тыла», потому что есть где пристроиться и чем прикормиться. Аркаша Скукин, который знает всё на свете, сетовал, что в городе штабных, интендантов, порученцев, а в особенности так называемых ПО и ПСЗ («перманентно-отпускных» и «поправляющих слабое здоровье») в полтора раза больше, чем офицеров на фронте.

Вдруг Романов насторожился. Прямо к нему направлялся патруль: поручик-дроздовец в фуражке с малиновой тульей и двое солдат с белыми повязками. Обычная проверка или...?

– Господин капитан, прошу предъявить документы, – отсалютовал поручик. – В связи с известным событием в Харькове введены особые меры безопасности.

– Знаю, – внутренне расслабился Алексей. – Сам приказ составлял. Вот, извольте.

Протянул служебное удостоверение, да еще мандат за подписью начальника контрразведки князя Козловского, предписывавший всем чинам армии и гражданской администрации оказывать предъявителю всемерное содействие.

– Задержали кого-нибудь подозрительного? – спросил он строго, по-начальственному.

– Не могу знать. Только что заступил. – Поручик смотрел на контрразведчика с тревогой. – Как же это, господин капитан? Ужасно детей жалко. И так ведь несчастные! Кто это мог сделать? Дали бы мне мерзавцев

буквально на пять минут. Вы же контрразведка! Найдите их!

– Ищем, – сердито буркнул Романов, забирая документы.

Еще одну контрольную остановку он сделал на Клочковской, у осваговского «Информщита» с фронтовыми сводками и объявлениями командования. Ничего подозрительного не обнаружил и теперь, но настроение стало еще паршивей.

Во-первых, военные новости были хреновые. Конный корпус генерала Мамонтова, пройдя по красным тылам, захватил Лискинский железнодорожный узел и соединился с ударной группой генерала Шкуро. Взято семь тысяч пленных, и, если верить «Бюллетеню», половина вступили в Добровольческую армию. Красный фронт вот-вот развалится, и тогда откроется дорога на Москву. А тем временем на северо-западе генерал Юденич уже всего в ста тридцати километрах от второй столицы, Петрограда... Во-вторых, разговоры в кучке читающих были ужасны. Официальное извещение о трагедии в Калединском приюте еще не опубликовано, но вечерний взрыв слышал весь Харьков, и, конечно, моментально разлетелись слухи.

Один дядя – между прочим, по виду пролетарий – сказал почти то же, что дроздовец: «Поймают краснюков этих – не вешать их, а народу отдать. Голыми бы руками разорвали».

Алексей отошел, мрачно думая, что, когда выйдут газеты, подпольщиков проклянет весь город. В извещении ведь не будет ни слова о покушении на главнокомандующего, только про то, что большевики подорвали сиротский приют. И фотографии мертвых, изувеченных детей... Ах, Заенко, сволочь, что же ты творишь?

На перекрестке пришлось задержаться – шла маршевая колонна, орала добровольческий гимн:

Смело мы в бой пойдём
За Русь святую
И как один прольём
Кровь молодую...

И действительно, юные все. Лица осмысленные, воодушевленные. Должно быть, студенческий набор. Опять спасибо товарищу Заенко – наломал дров, пока здешней ЧК командовал, «почистил» класс эксплуататоров. Интеллигенция, учащаяся молодежь – все, кому положено быть за революцию, – теперь ненавидят красных. И будут драться

на смерть. А после вчерашней глупости приток добровольцев только увеличится...

С Клочковской он повернул на Ивановскую, прошел дворами и вынырнул аккуратно напротив «Коммерческой читальни». Еще разок осмотрелся и лишь тогда направился к двери.

Времени было совсем мало. Козловский сказал: «Галопом, Леша, галопом! Одна нога здесь, другая там». Придется наплесть ему что-нибудь. Обматерит, конечно, но ничего не заподозрит. Капитан Романов состоял у своего начальника в полном доверии.

С одной стороны это, конечно, было очень удобно. С другой – морально тяжело. Чертова заваруха! Вбила клин между самыми близкими людьми, ближе некуда. Старые товарищи, всю великую войну прошли локоть к локтю, не раз спасали друг друга жизнь. Алексей постоянно ловил себя на том, что, глядя в открытое, приятное лицо Лавра, хочет отвести глаза. Ведь гадость же: обманывать того, кто в тебя без оглядки верит.

С другой стороны, не отказываться же было от такой невероятной удачи? Когда в начале июня Романов попал к белым и узнал, что начальником Особого отдела Добровольческой армии только что назначен полковник Козловский, сразу же сообщил в центр: мол, хорошо его знаю. Орлов, конечно, немедленно приказал: упади в объятия дорогого друга, баловень фортуны. И полковник действительно так обрадовался Романову, что чуть не задушил в объятиях. Взял в помощники. Для дела огромная удача, для Алексея – каждодневные терзания.

Но это мерехлюндии, бес с ними, переживем. Глупо, что вся громоздкая операция «Племянник» оказалась впустую.

В мае месяце Алексея истребовали с Царицынского фронта в Москву, в Реввоенсовет республики – Орлов теперь работал там, потому что в ВЧК взяли верх те, кого он не любил и называл «дуболомами».

– Армии нужна военная информация о противнике, – сказал Орлов, – а кретины из ведомства Дзержинского занимаются чем угодно, только не этим. Сажать, ставить к стенке – это у них хорошо получается, но создать в тылу у белых нормальную агентурную сеть они не могут. Если у чекистов и есть подпольные ячейки, они занимаются всякой диверсионной чепухой. Склады, мать их, взрывают! А нам не взрывы нужны, нам позарез необходимы точные оперативные сведения. Поэтому вот какое дело, Леша... – Он тоже, как Козловский, называл Романова «Лешей». – Разработали мы одну хитрую комбинацию. По твоему профилю. Понимаешь, у командующего Добровольческой армией генерала Гай-Гаевского, которого европейская пресса называет «Белым Ганнибалом»,

есть родной племянничек, и служит он, представь себе, в Красной армии...

План показался Романову чересчур мудреным – слишком много всяких «если», но Орлов был стопроцентно прав: без нормальной разведки воевать нельзя. Половина несчастий и поражений происходят из-за того, что у белых разведка отличная, а у наших – пшик. Поэтому хоть Красная армия в десять раз больше, но это бой слепого медведя со сворой мелких злых собачонок: он только ворочается и машет лапами, а они наскაკивают откуда он не ждет и рвут его острыми зубами. Медведь истекает кровью, того и гляди рухнет.

В общем, согласился. И, главное, всё прошло на удивление гладко. Товарищ Кандыба из особотдела 8 армии отменно сыграл роль, живописно бухнулся от холостого выстрела. После такого инцидента «племянничек» повел себя единственно возможным образом, пули не догнали, от погони ушли, да и потом всё сложилось удачно. Дядя-командующий принял родственника с распростертыми, тот, в свою очередь, пообещал товарищу по приключениям хорошее место – но тут подвернулся еще более завидный вариант с Козловским, и вышло, что со Скукиным затеваться не следовало. Только подарили белым опытного генштабиста, который, будучи человеком без политических убеждений, мог бы служить нашим, а теперь оказался во вражеском лагере. Романов лично доставил командующему Добровольческой армией толкового помощника. Ну не кретинство?

На двери читальни висело объявление: «Поступило собрание сочинений Герберта Уэллса. Из-за повышенного спроса срок выдачи томов строго три дня. За задержку штраф. Скидка для учащихся не действует». Подчеркивания были красного цвета – чтобы Романов не прошел мимо, а заглянул: есть новости. Но сегодня Алексей зашел бы и без новостей.

Читальня – идеальное место для явки. Этот вид коммерческой деятельности в большом университетском городе, оставшемся без новых книг, очень популярен, людей заходит много, в том числе военных.

– Добрый день, господин Зуев. Что мой заказ? – спросил Романов, снимая фуражку.

Людей в зале было два-три человека, сидели они далеко и разговор вряд ли слышали бы, но конспирация есть конспирация.

Сутулый человечек посмотрел поверх синих очков, прошамкал:

– А-а, вы. Пришли ваши книжечки. Но на руки выдам только две. Новые правила.

У Ивана Максимовича после семи лет в каземате выпали почти все зубы и очень ослабело зрение. Он еще и ходил с палочкой, из-за

ревматических коленей. Посмотришь – старичок, мухи не обидит. Отставной учитель или, может, бухгалтер. Но ощущение было обманчиво. Зуев возглавлял харьковскую агентурную сеть Реввоенсовета, маленькую, но умно и осторожно устроенную. Романов, например, знал только самого Ивана Максимовича и его дочь Надю.

– Тогда позвольте выберу. Где книги?

– А вот пройдемте в хранилище. Надя, побудь в зале!

Вышла очень молоденькая девушка, с виду почти ребенок, ничем не примечательной внешности: серая коса, серое платье, серый вязаный платок на плечах – мышка, да и только. Романову она просто кивнула (по легенде они не были представлены), но взгляд был требовательный, вопросительный. Алексей едва заметно наклонил голову. Надя Зуева просветлела.

Он знал про нее немного: девятнадцать лет, воспитывалась у дяди, харьковского адвоката, потому что родители с 1905 года были на каторге, и мать не вернулась – погибла в протестной голодовке. С отцом Надя по-настоящему познакомилась только в семнадцатом году. Зуев использует ее как связную и для шифровки-расшифровки.

Коридор увел вглубь дома, в квартиру Зуевых. Лишь оказавшись там, за двумя запертыми дверями, Романов заговорил о деле.

– Почему красное подчеркивание? Пришла депеша?

Иван Максимович сунул руку под кожаную обивку письменного стола, вынул листок. Там мелким, девичьим, гимназическим почерком Нади было записано расшифрованное послание из центра. Орлов срочно требовал новостей о планах генерала Мамонтова: куда повернет конный корпус, разгромивший красные коммуникации, – на север или на юг?

– Пишите. «ВЫСОЧЕСТВО ПЕРНАТОМУ. (Конспиративную кличку „Высочество“ для Алексея придумал Орлов – из-за царской фамилии и потому что среднего рода, непонятно, мужчина или женщина.) По сведениям, полученным от Таракана (так у них обозначался полковник Козловский), мамонтовский корпус поворачивает назад из-за усталости конского состава». Ответив на вопрос центра, Романов перешел к своей проблеме. «Вновь настоятельно прошу воздействовать на смежников. Вчера в результате неудачного покушения на главкома погибли воспитанники детского приюта с воспитательницами. Это огромный подарок для белой пропаганды. Примите меры в Москве, иначе я приму их здесь, сам. Так невозможно работать».

– Ведь что они устроили? – пожаловался он Зуеву уже не для записи. – Знаете подробности? Вчера в Харьков приезжал главком, посещал

Калединский приют для сыновей погибших офицеров. Взорвалась бомба, заложенная под столом. Погибли начальница приюта и одна воспитательница, восемь детей, еще одиннадцать ранены, остальные контужены, а генерал за минуту до взрыва почему-то вдруг прервал церемонию, извинился и вышел. Погибли только приютские, а он остался целехонек. Кретины! За что ни возьмутся, всё проваливают! Только обеспечили белым приток новых добровольцев. Если б покушение удалось, вышло бы еще хуже. Вместо Тюфяка (так белые офицеры называли между собой флегматичного главнокомандующего сил Юга России) мы получили бы Гай-Гаевского. Этот был бы вдесятеро опаснее! Тяжело с крестинами!

Иван Максимович пожевал беззубым ртом.

– Мда. Им бы только перед Москвой выслужиться, о деле они не думают. По партийному опыту знаю: больше всего вреда бывает от своих. На борьбу с Охранкой столько сил не уходило, как на бодание с дорогими товарищами по партии. А вы уверены, что взрыв – дело рук Заенко?

– Нет, мать твою, это белые сами себя подорвали! – едко ответил Романов.

Хуже всего, что и Орлов на чекистов управы не сыщет. У них там в Москве сшиблись две стратегические линии: как рассматривать нашу революцию? За что сражаемся – за победу социализма в одной отдельно взятой стране или за мировой революционный пожар, ради которого не жалко спалить всю Россию? Спорят, ругаются, всяк перетягивает на свою сторону Ильича, а тот лавирует – говорит этим одно, тем другое. Военные хотят победы над врагами – на то они и военные. Чекистам же чем больше треска и брызг, тем лучше. Потому они и разгоняют красный террор. Чего жалеть классовых врагов, если всей России не жалко?

В Харькове у людей Дзержинского своя ячейка, созданная ушедшим в подполье начальником городского ЧК товарищем Заенко, и между двумя красными сетями нет ни лада, ни даже контактов.

– Заенко, собака, весь Харьков против себя настроил. Видели бы вы, Алексей, что тут творилось при советской власти, когда в Черном Доме каждый день кого-то «пускали в расход». Весь город нас ненавидел. – Иван Максимович вздохнул. – Я два раза на бюро ставил вопрос: отстранить Заенко. Ничего не получилось. В результате пришлось сдать Харьков без боя. Как только приблизились белые, началось восстание. Это Заенко виноват. Теперь вот гадит нам из подполья.

– А мог бы помогать. Одному делу служим! – Романов скрипнул зубами от бессилия. – Даже я, помощник начальника Особого отдела, не был осведомлен о точном графике перемещений главкома, а они откуда-то

узнали, что он должен прибыть в приют ровно без двадцати восемь. Часовой механизм был установлен на семь пятьдесят. Это значит, что у Заенко свой источник информации. Где-то на самом верху... И еще одно. – Алексей посмотрел на часы. Надо было торопиться. – Козловский опять послал меня к Седому просить о помощи. Вы помните, как быстро Седой добрался до исполнителей экска в августе? Точно так же он теперь докопается до самого Заенко. Я вам говорил, это очень опасный человек.

– Может, оно и к лучшему? – спокойно заметил Иван Максимович, наглядно демонстрируя, сколь обманчива его травоядная внешность. – Пускай ваша контрразведка к черту ликвидирует дорогих смежников. Перестанут путаться под ногами. И у Москвы в Харькове не останется никого кроме нас.

Алексей был потрясен.

– С ума вы сошли? Какие они ни есть, это наши товарищи, большевики!

Зуев посмотрел на него снисходительно.

– Не живали вы в подполье, молодой человек. Большевистской диалектики не знаете. Кто тебе товарищ, а кто нет – вопрос ситуационный. Ну хорошо. Если вы хотите уберечь Заенко – давайте шлепнем Седого. Где он живет, мы знаем. Охраны у него нет...

– Я вас самого шлепну, – буркнул Романов, но был смущен. С большевистской диалектикой у него действительно пока не складывалось.

Иван Максимович многозначительно протянул:

– Мда, тяжело с кретинами. В этом вы правы... Ладно, Надя зашифрует вашу слезницу, Радист отправит.

У него в армейском узле связи был свой человек (кличка просто «Радист»), отправлявший с уинстонского трансмиттера шифровки, которые летели по воздушным волнам со скоростью 70 слов в минуту напрямиком в Москву, на Ходынскую радиостанцию. Чудеса технического прогресса, еще несколько лет назад совершенно невообразимые.

К черному ходу Романова провожала Надя – не для вежливости, а для конспирации: сначала выглянет во двор, проверит, всё ли чисто.

В коридоре она шепотом спросила:

– Принесли?

Он молчал.

– Вы же обещали!

– Принес, принес... – Алексей сунул руку в карман.

Она требовательно протягивала маленькую ладонь, посередине

которой розовело круглое пятно. Историю этого шрама Алексей знал – Зуев рассказывал.

Летом семнадцатого, еще при Временном правительстве, он впервые начал создавать подполье. Большевиков тогда объявили немецкими шпионами, стали арестовывать. Дочка Надя, которую Иван Максимович много лет не видел, просила привлечь ее к делу, но он отказывал – зачем впутывать ребенка во взрослые игры? И тогда она сказала: «Я не буду тебя уговаривать. Я буду держать руку над огнем, пока ты не согласишься». Зажгла свечку, приложила ладонь. Он думал – через секунду отдернет. Не отдернула. И когда запахло жареным мясом, сдался. «Ничего не поделаешь, мать была такою же», – с гордостью и горечью закончил рассказ Зуев.

– Давайте же! – потребовала Надя.

Он вынул из кармана плитку шоколада «Эминем-люкс», ее любимого, положил на ладошку.

– Держите лучше вот это.

Девушка вспыхнула. Руку спрятала за спину.

– Как вам не стыдно! Вы обещали!

– Зачем вам «браунинг»? В кого вы собираетесь стрелять?

– В себя! Если меня будут арестовывать, я живой не дамся! Не хочу, чтобы меня пытали!

Романов еще раз взглянул на часы. Черт!

– Во-первых, у нас не пытаются, Козловский не позволяет, – рассеянно сказал он, двигаясь к выходу. – Во-вторых, если вас арестуют, вы ко мне же и попадете, и я вас вытащу. Так что ешьте шоколад и не думайте о глупостях.

– Почему вы с отцом всегда говорите серьезно, а со мной только шутите? Я кажусь вам смешной?

Ее голос так мучительно дрогнул, что пришлось остановиться. Романов обернулся.

– Вы кажетесь мне прекраснейшей из девушек. А шучу я потому, что, когда я вас вижу, у меня повышается настроение.

Она смотрела на него с подозрением – опять шутит? Алексей сделал очень серьезное лицо, и Надя, просияв, улыбнулась.

– Не надо меня провожать. Я сам проверю двор, – сказал он. – Ну, без обид?

Протянул ей руку, а когда Надя дала свою – не удержался, поднес к губам и поцеловал прямо в шрам.

– Вы что?! – ахнула она. От горячей свечи руку не отдергивала, а тут шарахнулась – чуть не упала.

Когда Романов вышел, с его лица какое-то время еще не сходила улыбка, но взгляд был уже совсем другой, сосредоточенный. Алексей обдумывал, как будет разговаривать с Седым.

Облачное счастье

Лучше бы ты писал про войну и мир, чем умничать о том, в чем ни черта не понимаешь, мысленно сказала автору Мона. Она взялась было перечитывать «Анну Каренину», но сразу же отвлеклась. С ней в последнее время такое происходило постоянно. Счастливые семьи у тебя все похожи, ишь ты. С собственной женой не мог разобраться, а дуришь голову читателям.

Счастье у всех разное. Например, такого, как в семье у Моны, наверное, еще не бывало нигде и никогда. Чтобы вокруг рушился мир, со всех сторон неслись вести одна ужасней другой, и глад, и мор, и трус, а завтра вообще будет непонятно что – и все-таки огромное счастье. Не безоблачное, конечно. Облачное, еще какое облачное. Небо сплошь в грозowych тучах, которые черны и громокипящи, но от этого счастье ощущается только острее. И так уже четыре месяца!

Ну, то есть в первые недели после ранения, конечно, было не шибко весело – боль, беспомощность, лихорадка, а все равно счастье. Потому что самое плохое Мона пропустила, была без сознания. Очнулась уже в госпитале, после операции. Открыла глаза, увидела над собой хмурое лицо благородного мужа – и сразу улыбнулась. Прямо с той секунды жизнь начала улучшаться, а счастья становилось больше, больше, больше.

Выражение «благородный муж» она позаимствовала у Масы. Себя «благородной женой» не считала, а к Эрасту оно подходило как нельзя лучше. Так его и называла: «Эй, благородный муж, хватит причесываться, иди завтракать!»

Эраст много времени проводил перед зеркалом: подстригал усики, возился с пробором, выстраивал идеальный угол воротничков. Считает, что при такой молодой жене должен выглядеть безукоризненно. Смешной!

С другой стороны, и слава богу, что он такой аккуратист и следит за прической – иначе никакого счастья бы не случилось. Пуля, прошившая Мону навывлет, ударила о стальной гребешок в нагрудном кармане у Эраста. Японец потом выцарапал на испорченной расческе иероглифическое изречение и поместил ее в серебряную рамку. Изречение переводилось так: «Взыскующий Красоты побеждает смерть».

Сначала Мона месяц лежала в больнице и была счастлива, потому что Эраст приходил к ней каждый день и потому что выздоравливать очень приятно.

Потом она выписалась и перебралась к Эрасту, и это было уже настоящее блаженство: жить вдвоем под одной крышей, спать в одной кровати, вместе просыпаться. Квартира, правда, была жуткая – на окраине, с жестяным рукомойником и дощатой уборной, которую Мона называла le pouzchnik, а само пристанище – le chalache, потому что с милым рай и в шалаше.

В августе открылся харьковский филиал «Лионского кредита», куда Эраст смог перевести денег со своего американского счета (да-да, благородный муж оказался еще и богат). Тогда счастливая семья переселилась в двухкомнатный люкс «Метрополя», чудесной гостиницы мирового уровня, открывшейся незадолго перед войной. А там мягкие перины, горячая вода, телефон в номере, отличный ресторан и всюду пальмы – как в Эдеме.

С этого островка нормальной жизни Мона предпочитала не отлучаться, особенно когда выяснилось, что женская задержка вызвана совсем не ранением, как предполагалось раньше. Лучший городской акушер профессор Либкинд сказал, что вследствие травматического старта беременности вплоть до двадцатой недели велика опасность выкидыша, поэтому предписывается максимальный покой. Следует всемерно «понижать тонус матки». Побольше лежать в постели, желательно на спине и хорошо бы подняв ноги кверху; правильно питаться; ни в коем случае не нервничать.

Мона понижала тонус своей матки с огромным удовольствием. Читала в кровати, задрав ноги. Устав лежать, садилась в кресло, делала маникюр и насвистывала. Пила чай с антоновкой, морщась поглядывала в окно.

Заоконный мир совсем не манил. Там царило несчастье. По улице тянулись крысино-серые колонны, провозили раненых, спешила куда-то тоскливая толпа. Война.

А Моне было наплевать. До заветной двадцатой недели оставался всего месяц. Тогда, с благословения доктора Либкинда, они уедут в Крым, сядут на пароход и уплывут далеко-далеко из страны победивших крыс. Счастье станет безоблачным.

Живот увеличивался, но не так быстро, как хотелось бы, хотя Мона ела за двоих. Живот был ее важным союзником. Всякий раз, когда благородный муж, начитавшись газет, начинал мрачно расхаживать по комнате, Мона выпячивала пузо и жаловалась на тошноту, которой ни разу не испытывала – беременность не доставляла будущей матери ни малейших неприятностей. От жалоб благородный муж сразу полошился и забывал о заоконном мире.

Еще четыре недели продержаться, а там можно и расслабиться, сказала себе Мона, садясь перед зеркалом и с удовольствием себя рассматривая. Мешки под глазами – отлично. А это что на лбу – новая морщинка? Великолепно! Когда же наконец появится хоть один седой волосок? Ей хотелось выглядеть постарее, чтобы приблизиться к Эрасту по возрасту, а то он, бедняжка, так переживает, что на тридцать лет ее старше.

Обедать еще рано. Чем бы таким заняться? Не полепить ли?

Надела рабочий халат, вышла из спальни в гостиную. Там сидел Маса, водил кисточкой по бумаге. Третьего дня купил в китайском квартале тушь, кисточки и какую-то особенную бумагу. Теперь рисовал свои каракули, на лбу и кончике носа – черные пятна.

– Поработаем? – сказала Мона.

Японец встал, почтительно поклонился.

Он появился, когда она еще лежала в больнице, то и дело уплывая в забытье. Однажды очнулась и увидела на том месте, где обычно находилось лицо Эраста, круглую физиономию с узкими глазками. Думала – сон, а оказалось, что это благородный муж вызвал телеграммой из Севастополя своего Санчо Пансу.

Японец увидел, что больная открыла глаза. Наклонил все туловище, не сгибая шеи (у них так принято). Сказал:

– Масахиросибата. Прошу любить и жаловать.

Мона его сразу и полюбила, и пожаловала. Он ее ужасно забавлял, еще больше, чем Эраст.

Маса жил в номере по соседству, но почти всегда находился в гостиной – уж во время отсутствия Эраста всенепременно.

Конечно, Мона могла бы держать благородного мужа при себе безотлучно, несчастной беременной женщине слабого здоровья это было бы очень легко, но такого человека держать взаперти, в четырех стенах не стоит – начнет томиться. С Эрастом надо было вести себя иначе: постоянно придумывать для него какие-то небольшие трудные задания. Чтоб всё время был при деле и поменьше задумывался о судьбах мира.

Сначала у Моны стали жутко мерзнуть ноги, и чтобы их согреть, понадобились носки из шерсти новорожденного ягненка. Эраст отправился по окрестным деревням на поиски этого грааля, а добыть его было непросто, потому что овец на Харьковщине почти не разводят, да и летом, как известно, ягнята не рождаются. Ничего, достал шерсть, а Маса связал носки. Но тут у Моны приступы озноба закончились и начались приступы нервного беспокойства, совершенно ей противопоказанные. Помочь могло только новейшее швейцарское лекарство, и Эраст неделю бегал по

больницам и аптекам, собрался даже отправиться в Константинополь, но это уж было бы чересчур. Мона объявила, что ей вполне помогает настой тимьяна.

Месяц назад ей захотелось лепить – благородный муж после долгих поисков добыл приличный воск. Затем возникла задача посложней – хорошие краски, всё время новые. Сегодня, например, Эраст был командирован достать светлую охру, которой художница думала поджелтить портрет Масы.

Один раз, в августе, муж сорвался-таки с поводка. Мона очень старалась не нервничать, убеждала себя, что даже царица Омфала иногда отпускала пленного Геракла поохотиться. Слава богу, продолжалось это недолго, всего два дня. И Маса был с ним. «Выбирай: или ты берешь с собой Масу, или остаешься, – заявила Мона, когда поняла, что Эраста в номере не удержать. Я отлично обойдусь одна».

Кстати говоря, заслужила этим горячую признательность японца, а то он поначалу, кажется, ревновал. Теперь-то они стали не разлей вода, и Мона твердо знала, что при любом споре с мужем Маса будет на ее стороне. С мужчинами иметь дело легко, особенно с сильными. Будь с ними слабой, во всем спрашивай совета и проси рассказывать о былых подвигах. И еще – совсем пустяк: когда Эраст и Маса делали свое дурацкое *рэнсю*, молотили друг дружку кулаками или деревянными палками, она всегда болела за японца. Муж на это немножко обижался, но его она могла утешить тысячью других способов.

Готовясь позировать, Маса сел к окну, где на столике круглел большой ком воска. Придал физиономии грозное и надменное выражение.

Мона взяла объект за колкую макушку, повернула как надо.

– Вы опять хотите, чтобы я о чем-нибудь говорил? – спросил японец, пока она натирала руки тальком. Мона кивнула. Когда он говорил, лицо оживало, а то истукан истуканом.

– Я думал про нашу прошлую беседу, госпожа, и вот что я вам скажу. У вас не может родиться девочка. Посмотрите на господина. Разве у него может быть дочь? Это невообразимо. Он слишком мужчина.

У Масы была мечта, что он будет воспитателем мальчика, потому что Фандорин ничего не понимает в детях и обязательно испортит сына.

– Посмотрите на меня. – Мона пощупала пальцами его короткий нос, чтобы уловить стереометрию. – Только башкой не вертите.

Он скосил глаз.

– А у меня может быть мальчик? Разве я недостаточно женщина? Не морщить лоб!

Идея Маса не понравилась. Он засопел.

– Расскажите что-нибудь, – велела Мона, быстро вдавливая воск.

– Про что?

– Про женщин, которых любил Эраст. Сколько их было?

Она давно уже подбиралась к этой теме.

– Нет. Господин рассердится.

– Ах, как жалко, – расстроилась Мона. – Я часто об этом думаю и начинаю беспокоиться. Вот сейчас прямо сердце закололо. Я же не из ревности спрашиваю. Кто ревнует к прошлому? Просто я хочу научиться любить его как можно лучше. А для этого мне нужно знать про женщин, которых он любил. Каких, как, за что?

Аргумент про беспокойство всегда действовал безотказно. Японец задумался, стал загибать пальцы. Скоро они закончились, и он начал разгибать их обратно.

– Я имею в виду любить, а не всякие глупости, – уточнила Мона.

– Тогда это легко. Трех женщин господин любил очень сильно. И еще трех сильно, но не очень.

– Сначала расскажите про тех, кого очень сильно.

Маса печально вздохнул.

– Первая была до меня. Про нее ничего сказать не могу. Но она была очень юная, и вряд ли вы могли бы у нее чему-то научиться... Вот вторая – я ее знал – была настоящей *сэнсэй* любви, о да, но она была лисица-кицунэ. А третьей на самом деле не было.

– Как это?

– Она всё время играла какую-то роль, а самой ее не было.

– Эраст очень сильно любил сначала девочку, а потом лисицу и притворщицу? – Мона нахмурилась. Разговор был неприятный, но безумно интересный. – Я подозревала, что он глуп в любви.

– Да, – согласился Маса, – безнадежно глуп. Я так и не смог его этому научить, хоть пытался. Слава богу, что он полюбил вас.

Никто его особенно и не спрашивал, подумала Мона.

А Маса сменил рискованную тему:

– Вы решили, куда мы уплывем? Господин сделает так, как вы хотите, вы же знаете. – Лицо у него стало умильным, голос медовым: – Если мы отправимся в Японию, там как раз будет сезон *момидзи*. На свете нет ничего прекрасней.

Этот спор у них длился давно, и Маса был прав: решать предстояло Моне. Она же пока колебалась. Фандорин уговаривал выбрать Америку, потому что Европа тяжело и надолго больна. Маса, разумеется, агитировал

за свою родину, и Мона всерьез об этом задумывалась. Про Страну Восходящего Солнца она мало что знала, но представляла ее красивым кукольным домиком, и этот образ ласкал ей сердце. А если еще все японцы похожи на Масу...

В дверь постучали. Гостиничная обслуга была давно приучена без вызова не являться, это мог быть только Эраст. Со своей старомодной церемонностью он даже в собственный номер без стука не входил.

– Нельзя! – крикнула Мона. – Мы не одеты!

Японец сердито фыркнул. Он не одобрял подобных шуток. Быстро подошел к двери, открыл, но там был не Фандорин, а высокий военный.

Ее сердце сжалось.

Не подавая вида, что встревожена, она приветливо сказала:

– Боже, сам штабс-капитан Романов! Давно вас не было. Милости прошу.

Когда Романов явился в прошлый раз, тому полтора месяца, это плохо кончилось: Эраст сорвался с поводка. Верней, так его натянул, что пришлось спустить. Правда, тогда со штабс-капитаном приходил и его начальник, колченогий князь Козловский. Может быть, тревожиться не из-за чего?

Мона подала руку для поцелуя.

– Куда подевались все звездочки с ваших погон?

– Начальник устроил производство в следующий чин. Новых погон я пока не достал – дефицит, поэтому просто вынул звездочки. У вас замечательно цветущий вид, Елизавета Анатольевна.

Поцеловал руку не по правилам вежливости – символически, а по-настоящему, губами, еще и пальцы чуть сжал. Все-таки мужчины поразительные существа. Им кажется, что если сто лет назад в миг слабости ты ему что-то позволила, это имеет какое-то значение.

Мона отобрала руку.

– Что вы, я так тяжело переношу свое состояние. Тошнота, головокружение, никакого аппетита.

Капитан раскланялся с японцем, который, в отличие от Моны, явно был рад визитеру. У Масы про августовские приключения осталось самое приятное воспоминание, и он сейчас был похож на собаку Павлова, перед которой зажглась лампочка.

– Дома ли Эраст Петрович? – спросил Романов.

Сердце опять екнуло. Нехорошее предчувствие подтверждалось.

– А вот он. – Мона показала на стол.

Капитан посмотрел – попятился.

Там, посередине, красовалась художественная композиция «Трофей Иродиады»: голова Эраста в окружении астр, роз и хризантем. Мона вылепила ее в натуральную величину, с тщанием и любовью. Подобрала и покрасила парик, приклеила усики и ресницы, прорисовала жилки на висках. Заглядение! Только глаза были закрыты, потому что Мона работала тайком, по ночам, когда благородный муж спал. Хотела сделать сюрприз. Ее немножко бесило, что он всегда такой сдержанный и невозмутимый, ничем его не удивишь, не выведешь из равновесия.

Сюрприз удался на славу.

Однажды утром они были вдвоем в ванной – Мона сидела в воде, он брился, – и она попросила слабым голосом: «Милый, достань лавандовую эссенцию». Благородный муж, ничего не подозревая, открыл туалетный шкафчик – а там его голова. Выражение лица у Фандорина сделалось такое, что у Моны от хохота чуть не приключился выкидыш. Это, конечно, было бы глупо. Зато теперь приятно вспомнить. Она и сейчас хихикнула.

Японец тоже был доволен реакцией капитана.

– Красиво? У меня скоро тоже будет. Еще лучше.

Со стеклянными глазами.

Романов оттянул воротник кителя.

– Уф. Весело живете. Не то что я... Скоро ли вернется господин Фандорин?

Ответили в один голос.

Мона:

– Нескоро.

Маса:

– Скоро.

Капитан был в затруднении.

– Разрешите воспользоваться телефоном?

Назвал номер, потом попросил кого-то, вероятно, дежурного, соединить с «господином полковником». Разговор получился короткий.

– Лавр, я в «Метрополе». Его нет. Когда будет, неизвестно. Давай я вернусь....Хорошо, понял. Буду ждать сколько понадобится.

Совсем плохо, нахмурилась Мона. Раз все-таки не обошлось без Козловского, да тот еще велит «ждать сколько понадобится».

Полковник ей ужасно не понравился с самого начала. Первый раз он возник, еще когда Мона с Эрастом жили на съемной квартире. Козловский был прост, деловит, с прямым, открытым лицом, очень славный – тем и не понравился. С Эрастом говорил, как с архиереем, очень почтительно. Сказал, что в четырнадцатом году, будучи переведен из гвардии в

контрразведочное управление, прошел специальные курсы, где изучал фандоринские операции времен японской войны. «То, что вы, ваше превосходительство, оказались в Харькове, невероятная удача, – говорил скверный гость. – Вы нам очень нужны. Я почти за честь и счастье служить под вашим началом». И дальше всякое про Белое Дело и спасение несчастной Родины от красной заразы. Мона собиралась уже упасть в обморок, чтобы прекратить эту опасную беседу, но Эраст прервал князя. Сказал, что его враги – не красные, не зеленые и не фиолетовые, а всякого рода мерзавцы, которые бывают любого цвета, и враги отечества. Кого считать врагами отечества в нынешних обстоятельствах – вопрос неочевидный. Лично ему кажется, что всех участников проклятой бойни.

И Козловский ушел не солоно хлебавши.

Но в августе появился опять – уже сюда, в «Метрополь». «Вы воюете с мерзавцами? Извольте. Вот вам мерзкое злодейство, хуже которого не придумаешь. Вы наверняка уже слышали, что вчера на Екатеринославской ограблен автомобиль армейского казначейства. Какие-то выродки забросали машину гранатами посреди людного перекрестка. Убито одиннадцать прохожих, около тридцати человек ранено. У меня нет опытных сыщиков, вся надежда на вашу помощь». Показал фотографии. У Эраста окаменел рот, сдвинулись брови – и Мона поняла, что ситуацию уже не спасти даже обмороком. Пришлось отцеплять поводок. Два дня потом металась по номеру, уговаривала себя не нервничать.

Неужели всё повторится?

Ей очень захотелось вытолкнуть Романова вон, пока не вернулся муж, но это, конечно, была глупость. Капитан просто будет ждать в фойе, и даже не узнаешь, что стряслось.

– А что стряслось, Алексей Парисович? – спросила Мона, доверительно беря Романова за локоть. – Вы выглядите взволнованным.

– Не знаете еще? Мы-то всю ночь на ногах. Кошмар. Взрыв в сиротском приюте. Покушение на главкома. Князь хотел сам приехать к господину Фандорину, но занят расследованием. Прислал меня, с пакетом.

Мона вздрогнула. Сиротский приют? Дело дрянь. Эраст снова сорвется.

– Маса, принесите, пожалуйста, из ванной мои пилюли, – отослала она японца, а у капитана потребовала: – Что в пакете? Покажите.

Романов заколебался.

– Там снимки. Жуткие...

Но вынул-таки из планшета конверт.

На первой фотографии, большой, была снята группа детей в

одинаковых темных мундирчиках, с ними женщины в фартуках с крестами – вероятно, воспитательницы. У восьми мальчиков и двух женщин лица перечеркнуты красным карандашом.

– Это те, кто убит, – пояснил Романов. – Все остальные ранены или контужены.

Остальные карточки были того хуже: каждый убитый отдельно.

– Князь приказал обязательно показать всё это Эрасту Петровичу.

Чертов психолог, злобно подумала Мона. Знает, чем пронять. Что же делать?

– Милый Алексей, – проникновенно сказала она. – У меня к вам просьба, очень большая. Вы просто скажите Эрасту, что ваш начальник просит его о помощи, а снимки не показывайте.

– Но Лавр велел непременно показать, – растерялся Романов. – Как же я могу не исполнить?

– Ради меня. Ради всего, через что мы вместе прошли... Помните?

И нежно посмотрела ему в глаза: мол, я-то всё помню, разве такое забудешь?

Не ждала, что он согласится. Но чудесный Романов со вздохом сказал:

– Хорошо. Если вы просите...

И спрятал опасные фотографии в пакет, а пакет – в планшет.

– Спасибо, – прошептала она, очень довольная, что разговор состоялся без Масы.

Тут в дверь опять постучали, и это уж точно был муж.

– Никого нет дома! – весело откликнулась Мона.

Вошел хмурый Эраст.

– Достал охру?

Он вынул из кармана бутылочку.

– Надеюсь, п-правильная.

И умолк, заметив стоящего у стены Романова.

– Вы?

– Здравия желаю, ваше превосходительство, – отчеканил капитан.

– Какое я вам «п-превосходительство»? – поморщился Фандорин.

– Действительный статский советник, по-военному генерал-майор. Я не с частным визитом, а по приказу господина полковника. Вчера вечером произошло покушение на главнокомандующего. Не нашего командарма, а Самого, – счел нужным пояснить Романов, видимо, не очень доверяя знаниям штатского человека о военной иерархии. – Князь очень просит вас принять участие в расследовании.

Обещание, данное Моне, было выполнено честно. Она поблагодарила

Алексея Парисовича легким наклоном головы.

Но тут некстати встрял вернувшийся в гостиную Маса:

– В сиротском приюте взорвали бомбу. Надо узнать, не пострадали ли дети.

– Пострадали, – мрачно ответил Эраст. – Восемь мальчиков убиты, много раненых. Чудовищная мерзость.

Вот отчего он такой угрюмый, догадалась Мона. Уже знает.

– Хорошо, капитан. Сейчас поедem, – сказал Фандорин

Жизнь в мире Инь

и опасливо посмотрел на Мону.

– Возьмите извозчика и подождите меня перед г-гостиницей, – прибавил Эраст Петрович.

Романов, козырнув, вышел. Мона, опустив глаза, молчала. Это было хуже всего – ее молчание.

– Там погибли дети. Еще страшнее то, что есть изувеченные. Они и так несчастные, п-потерявшие родителей... А те, кто это сделал, разгуливают на свободе и бог з-знает что устроят еще...

Мона молчала.

– Обещаю, что не буду ввязываться ни во что рискованное. И что постараюсь управиться как можно б-быстрее...

Наконец она посмотрела на него, с печальной укоризной.

– Ты ведь обещал. Неужели нельзя потерпеть? Остался всего месяц. – Вздохнула. – Ладно. Я же вижу – ты себе места не найдешь. Но одно условие.

– Какое угодно! – поспешно воскликнул Фандорин.

– Ты будешь мне всё рассказывать. Без утайки. С подробностями.

– Даю слово.

– И ты опять возьмешь с собой Масу.

– Нет. Мы договорились: одно условие, не два! – Эраст Петрович показал вскинувшемуся японцу кулак: заткнись. – Ты на пятом месяце. Доктор говорит, это самый рискованный период. Ни на минуту не оставлю тебя без п-присмотра. *Маса, о-нэгаи да кара! Таному дзо!*

Маса закряхтел и смирился. Фандорин редко его о чем-то просил таким тоном.

– Гляди же, ты дал слово. – Жена притянула Эраста Петровича к себе, оттолкнула. – Всё, катись. И знай: если с тобой что-нибудь – убьешь двоих, меня и ребенка.

В коляске Романов пытался завести разговор о деле, но Фандорин глядел в сторону и не слушал.

Он размышлял о мире Инь.

Конечно, Эраст Петрович и прежде знал, что никакого «мира людей» не существует, как не существует и абстрактного «человека». Есть мужчина и есть женщина. Они по-разному устроены, по-разному живут, интересуются разными вещами, руководствуются в своем поведении

различающимися этико-эстетическими нормами. Во многих отношениях мир Ян и мир Инь даже противоположны. Сам Фандорин всегда жил в Мужском Мире, отлично его изучил и достиг в этой системе координат одной из высших степеней.

Мир Ян подвластен разуму и покорен воле, тверд и ясен, в нем «да» значит «да», а «нет» значит «нет», и, в общем, всегда понятно, где Добро и где Зло.

Но четыре с лишним месяца назад по прихоти, а может быть, по милости кармы Эраст Петрович вдруг переселился в мир Инь. Это произошло в те ужасные часы, когда отнятая у бандитов тачанка неслась через степь, к большому городу с настоящими больницами, а за спиной, на охапке сена, металась и бредила раненая Мона. Фандорин поклялся себе тогда: если она выживет – о, если она выживет! – он никогда ее не оставит.

Случилось чудо. Мона выжила. А нарушать клятвы Эраст Петрович не привык. Так и вышло, что мастер мира Ян оказался в чужом мире, на положении ученика, бестолкового и беспомощного.

Объективно рассуждая, женский мир несравненно лучше мужского. Он и добрее, и жертвенней, и красивее, и *живее*. Идеологи Бусидо утверждают, что истинное назначение мужчины – хорошо умереть. Если так, то истинное назначение женщины – хорошо жить. Не случайно мужчины ловчей всего умеют отбирать жизнь, женщины же ее дарят. Мужчине существовать в мире Инь нелегко. Никогда еще Фандорин не ощущал себя таким слабым и неуверенным, никогда прежде не находился в постоянном страхе. Вдруг с Моной что-то случится? Или (страх уж вовсе непривычный) вдруг что-то случится с ним самим? Ведь это будет значить – она права, – что он обречет на гибель и жену, и нерожденного ребенка.

Прав древний мудрец: благородному мужу не следует заводить семью. А коли завел – переставай жить по правилам благородного мужа, ты уже не один на свете. Но как живут по другим правилам, Эраст Петрович не знал и даже не хотел об этом задумываться.

Вся надежда на восемью восемь. Скоро, в январе двадцатого, он достигнет 64 лет, возраста зрелости. Теоретически с этого момента разрыв между Инь и Ян должен начать сокращаться, ибо к следующим двум восьмеркам, 88 годам, приходишь уже не мужчиной и не женщиной, а Завершенным Человеком. К тому же в феврале родится ребенок, их станет трое. Тогда-то и задумаюсь о других правилах, подумал Фандорин, немного успокоился и даже позволил себе помечтать. Хорошо бы родилась девочка. Такая же, как Мона. По крайней мере Маса не будет соваться со своим

воспитанием.

– Приехали, – сказал Романов, и Эраст Петрович вернулся к действительности.

– На вокзал? – удивился он. – Почему не в контрразведку?

– Князь у командующего. Велел привезти вас прямо на совещание.

Про Гай-Гаевского было известно, что в тылу он сидеть не любит, постоянно мотается по разным участкам фронта. Полевой штаб армии располагался в поезде. Генерал слыл гением современной железнодорожной войны: стремительно перебрасывал воинские части с фланга на фланг, за сотни километров, словно шахматные фигуры, ловко оперировал бронепоездами, а летучие ремонтные бригады умели молниеносно восстанавливать поврежденное полотно. За быстроту и непредсказуемость (а также, вероятно, из-за слишком длинной фамилии) европейские газеты называли командующего Добровольческой армией «Белый Ганнибал».

– Что ж, погляжу на вашего Г-Ганнибала, – скептически сказал Фандорин, вспомнив другого Белого Генерала, из совсем иных времен. Вряд ли новый герой мог затмить того, старого.

Владимир Зенонович Гай-Гаевский действительно выглядел совсем негероически. В салон-вагоне, во главе длинного, накрытого картами стола сидел пожилой, обрюзгший толстяк с багровым носом, потухшая папироса в углу рта. Под пенсне сонно помигивали маленькие припухшие глазки. Неряшливый черный мундир с линялыми погонами сидел мешком и спереди был присыпан пеплом, в пухлой руке подрагивал стакан недопитого чая.

Но именно эта некартинная внешность и произвела на Фандорина впечатление. Полководец, который не считает нужным изображать величие, должен быть очень уверен в себе. Про Гай-Гаевского рассказывали, что при необходимости он лично водил цепи в атаку и был одиннадцать раз ранен. До германской войны карьера у Владимира Зеноновича не складывалась, ему плохо давалась служба в мирное время. Несмотря на диплом Академии генштаба, в четырнадцатом году он был всего лишь подполковником и готовился к отставке по выслуге лет. Но на фронте быстро пошел в гору и закончил войну командиром Гвардейского корпуса. В восемнадцатом этот пузатый, немолодой дядька пробрался из Петрограда на юг и, не дожидаясь высоких должностей, поступил в добровольческий полк рядовым. Теперь, полтора года спустя, он вел главную из белых армий на Москву. Фронтвики командующего обожали, причем больше всего восхищались даже не храбростью (кто сейчас не храбр?), а легендарной выносливостью

Гай-Гаевского по части выпивки. Сплетничали, что генерал выдувает в день по три бутылки коньяку и всегда подшофе, но никогда не пьян. Еще говорили, что он вечно всё теряет и роняет, что без адъютантов он как дитя без няньки – эта черта почему-то вызывала у солдат особенное умиление. Однако армия у растяпы-командующего работала как часы.

– А. – Вот и всё, что сказал Гай-Гаевский при виде Эраста Петровича (Романов остался за дверью). – Чаю?

– Б-благодарю, – качнул головой Фандорин, взглянув на остальных участников совещания совсем коротко, потому что знал обоих.

Один – полковник Козловский, начальник контрразведки: худое, жеваное лицо с нервным тиком, длинные тараканьи усы. Второй – Скукин, недавно произведенный в полковники. Он состоял при родственнике в должности офицера для поручений и, по слухам, обладал бóльшим влиянием, чем все остальные чины штаба, вместе взятые.

Козловский улыбнулся Фандорину с явным облегчением. Скукин сухо кивнул, демонстрируя, какая важная он теперь персона. С конца мая, когда они виделись последний раз, Аркадий Сергеевич в самом деле сильно изменился. Безупречностью выправки, мундира, прически полковник словно компенсировал затрапезный вид дяди.

С внутренней стороны, где, должно быть, находились личные покои командующего, не постучавшись, бесшумно появился еще один офицер в таком же, как у генерала, черном добровольческом мундире, но подтянутой и молодцеватый. Сверкал набриллиантовый пробор, поблескивали новехонькие аксельбанты. Вошедший капитан без спросу, запросто, вынул из руки Гай-Гаевского стакан, подлил туда из фляги темно-коричневой жидкости, так что сделалось ясно: это совсем не чай. Значит, про коньяк не сплетни, понял Эраст Петрович.

– Макольцев, вас разве вызывали? – неприязненно процедил Скукин. – Что за бесцеремонность! А вы, дядя, остановились бы. Утро еще!

У Фандорина чуть приподнялась бровь – здешние нравы показались ему удивительными. Однако судя по реакции остальных, сцена была обычная. Козловский лишь нетерпеливо дернул ус, адъютант нисколько не обиделся, а генерал примирительно пробасил:

– Ладно тебе, Аркаша. Я только хотел Павлика кликнуть, а он уже тут. Чутье. Останавливаться же мне нельзя. Я как бензодрезина: без дозаправки не поеду.

И, жирненько посмеявшись, с удовольствием отпил.

– Что вы здесь вертитесь, виночерпий? – все так же сердито обратился Скукин к капитану. – Сделали свое дело, и ступайте.

Но генерал заступился за своего адъютанта:

– Ты Павлом Андреевичем не командуешь. Где я, там и он. Кто позавчера под красные пулеметы за мной ходил? Кто подобрал мой любимый портсигар, когда я его обронил? Ты-то, Аркаша, в штабе сидел.

– И вам, дядя, незачем под огонь лезть. Убьют – кто армию на Москву поведет?

Эраст Петрович кашлянул.

– Г-господа, мне сказали, что дело, по которому я вызван, срочное?

Козловский взглянул на него с благодарностью.

– Разрешите продолжать, Владимир Зенонович?...Итак, поезд главкома прибыл в Харьков ровно в шестнадцать ноль-ноль – мы все знаем пунктуальность его высокопревосходительства. До половины шестого в штабном салоне шло совещание. Кроме главкома и вашего превосходительства участвовали личные помощники: главкома – полковник Шредер и ваш. – Кивок в сторону Скукина. – Потом на вокзале состоялась церемония награждения отличившихся офицеров. На середине пришлось ее прервать, поскольку у главкома был расстроен желудок...

– Он и на совещании два раза в нужник бегал, – вставил Гай-Гаевский. – Квашеной капусты переел. Я ему говорю: «Это оттого, что вы, Антон Иванович, трезвенник. Запивали бы водочкой, а еще лучше коньячком, всё было б нипочем».

Почтительно подождав, не скажет ли командующий что-то еще, князь продолжил:

– Далее, по графику, следовало посещение Калединского приюта. Главнокомандующий прибыл на место в девятнадцать сорок, как намечалось. Обратился к детям и воспитательницам с короткой речью, начал раздавать гостинцы. Они лежали на столе, накрытом длинной скатертью. Там же, как выяснилось, была заложена бомба с часовым механизмом. Очень скоро главнокомандующий, извинившись, поспешно вышел – у него снова случился спазм, а буквально минуту спустя грянул взрыв. Погибли... – Козловский заглянул в листок. – Илья Сапожников восьми лет, Борис фон Миних девяти лет, Николай Белецкий девяти лет, Константин Лещенко восьми лет, Петр Милованов одиннадцати лет, Александр Штейн десяти лет, Семен Кольцов девяти лет и Корней Ранц-Засс шести лет – это сын полковника Ранц-Засса, убитого две недели назад под Курском. Только что поступил. Он был моложе положенного возраста, но... – Князь смешался, не договорил.

– Да, это я распорядился, на мне невинная кровь. – Генерал перекрестился и сделал глоток. – Я думал – ну куда такого малыша, ни

отца, ни матери? А получается, подписал мальчику смертный приговор. Там еще две женщины убиты?

– Так точно. Начальница приюта Некритова и воспитательница баронесса Ланде, вдова офицера-дроздовца. Она была беременна. Говорят, очень надеялась, что родит сына...

Повисло молчание.

– Что вами сделано со вчерашнего дня? – спросил Эраст Петрович, не обремененный армейской субординацией. Ему было очень жаль погибших, но скорбь всегда побуждала Фандорина к действию.

– Усиленное патрулирование. Экспертиза частиц взрывного устройства. Опрос всего персонала приюта: не было ли посторонних.

Фандорин поморщился:

– Патрули ничего не дадут. Тип взрывного устройства тоже. Посторонних, конечно, не замечено – иначе вы бы обошлись без меня. Скажите, полковник, а упомянутый вами график перемещений главнокомандующего существовал в письменном виде? Кто имел к нему доступ?

Козловский обиделся.

– Кем вы меня считаете? Я профессионал, в свое время я консультировал охрану государя императора! Были приняты все положенные меры предосторожности. О планируемых передвижениях главкома знал только я – и еще Владимир Зенонович, которому я накануне доложил.

Генерал кивнул.

– Все прочие чины были осведомлены лишь в пределах своей компетенции. Комендант вокзала – о том, что будет происходить там. Начальник конвоя – о маршруте, но не о точном времени.

Фандорин ненадолго задумался.

– Почему злоумышленники выбрали именно п-приют? Они ведь не могли не понимать, что погибнут дети и это вызовет всеобщее возмущение?

– Думаю, там легче было заложить бомбу. Никому не приходило в голову, что большевики решатся взорвать детей. Почти вся охрана осталась снаружи.

– Неужто и зал п-предварительно не осмотрели?

– Разумеется осмотрели, тщательнейшим образом. За полчаса до мероприятия. Я же говорю, – обернулся Козловский к командиру, – это какая-то чертовщина! Позвольте закурить, ваше превосходительство, а то голова чугунная.

Гай-Гаевский подал знак адъютанту, тот щелкнул зажигалкой. Князь, раскуривая папиросу, задвигал впалыми щеками.

– Никакой чертовщины здесь нет. Более того, выйти на след будет нетрудно, – сказал Фандорин. – Совершенно очевидно, что устроитель или устроители взрыва получили точные сведения от человека, знакомого с г-графиком. С этой стороны и следует искать. Всё же кто кроме вас и командующего мог знать расписание? Например, ваш помощник капитан Романов?

– Нет. Он отсутствовал в городе. Был в Змиевском уезде на операции, накрыл склад оружия красных партизан, я докладывал вашему превосходительству. Мой заместитель войсковой старшина Черепов ведал только охраной, графика не знал, так что оттуда утечки случиться не могло.

– А с вашей стороны? – спросил Эраст Петрович генерала. – Вы кому-нибудь рассказывали, где и когда будет главнокомандующий?

Гай-Гаевский в затруднении посмотрел на племянника.

– Рассказывал я кому-нибудь?

– Мне, – ответил полковник. – Вы советовались, не устроить ли ужин в приюте, потому что с дамами и детьми получится уютно, по-домашнему. При разговоре был капитан Макольцев.

Удивительно, но адъютант исчез так же бесшумно, как появился. Минуту назад стоял у стены, а сейчас все посмотрели – нету.

– ...Он сказал, что ужина не надо. Была депеша из штаба главкома: банкетов не устраивать. Вы еще засмеялись, помните? Сказали: «Тюфяк дуется, что я у Врангеля бронепоезд „Добрыня“ увел. Ну и ладно».

– Да-да, так и было, – подтвердил генерал. – Однако какова планида у Антона Ивановича? Понос ему жизнь спас! У меня в шестнадцатом году в Галиции был очень похожий случай. Налили мы однажды в жженку авиационный спирт...

И рассказал яркую, но неаппетитную историю, от которой Козловский захохотал, а Скукин поморщился. Что же до Фандорина, то он и не слушал – просто дождался конца, чтобы задать последний вопрос.

– А кто в приюте знал о времени прибытия г-главнокомандующего?

– Только начальница госпожа Некритова. Она, конечно, могла сказать кому-то еще, причастному к подготовке встречи. Но мы спрашивали уцелевших, никто не признается, – ответил Козловский.

– Больше мне пока ничего знать не нужно. Ваше превосходительство, г-господа...

Эраст Петрович поднялся и вышел, провожаемый возмущенным взглядом полковника Скукина: как это можно – уйти, не спросив

разрешения у командующего?!

Но у Фандорина на этом свете командующих не было.

– Следовательно, всего три нити, – подытожил он свой рассказ в номере, перед женой и Масой. – Первая: окружение Гай-Гаевского. Скукин не болтлив, но есть еще капитан Макольцев, довольно скользкий тип. Вторая: окружение главнокомандующего. Там ведь тоже кто-то знал маршрут и график перемещений начальника. Третья нить самая тонкая – п-приют. Из четырех сотрудниц две погибли, а одна без сознания. Установить, не проболтались ли там кому-то подозрительному о приезде генерала, будет непросто.

Потом Фандорин заговорил о погибших. Назвал по имени каждого мальчика (память у Эраста Петровича была отменная), не забыл упомянуть душераздирающую историю баронессы Ланде.

У Моны заблестели глаза. Шмыгнув носом, она сердито сказала:

– Хватит меня жалобить. Черт с тобой. Даю тебе увольнительную. Делай что понадобится. Но теперь условий будет два.

– Какие? – слишком быстро спросил Фандорин, чувствуя, как мир Ян властно тянет его к себе.

– Первое все то же. Тебе будет помогать Маса.

– Нет! Он останется с т-тобой!

Японец с достоинством молвил:

– Я не пледмет мебери. – Когда он волновался, все еще иногда путал «л» и «р». – Я долго молчал. Теперь скажу. Знаете, кто виноват в том, что погибли эти бедные дети и эти несчастные женщины? Мы с вами.

– Это еще п-почему? – удивился Фандорин.

– Когда в августе мы искали плохих людей, забросавших гранатами городскую улицу, мы быстро вышли на след красного подполья. Но вы объявили: мы берем только тех, кто виноват в смерти прохожих. Мы поймали двух акунинов, дали им посопротивляться и потом со спокойным сердцем убили. А дальше идти вы не захотели. Вы сказали: в гражданской войне мы не участвуем. Теперь те же самые люди, которых мы тогда оставили в покое, – люди чекиста Заенко – устроили новый взрыв. Так кто в этом виноват, если не мы с вами? Вы знаете закон самурая: или исправь свою ошибку, или разрежь себе живот.

– Не надо про живот, – попросила Мона. – Эраст, ты не рассказывал, что вы тогда кого-то убили. Я думала, просто арестовали.

– Кое у кого слишком длинный язык, – буркнул Эраст Петрович, подумав, что японец, в сущности, прав. Взрыв наверняка устроили люди

чекистского палача Заенко, которого можно было обезвредить еще в августе.

– А кое у кого слишком короткий ум! – огрызнулся Маса. – Или вы забыли, что настоящее расследование по одной линии не ведут? Вы займитесь источником утечки в штабах, а я зайду со стороны красного подполья. Так дело пойдет быстрее.

– А Мона будет сидеть в гостинице одна? Стыдись. Я считал тебя ответственным ч-человеком!

– Мона не будет сидеть в гостинице, – перебила жена. – Ты еще не выслушал мое второе условие. В этом оно и состоит. Я чувствую себя значительно лучше и нуждаюсь в свежем воздухе. Молчи! Это не обсуждается.

Зая и Шуша

Алексей открыл глаза, вскинулся.

Звонит телефон. На часах половина восьмого.

До глубокой ночи Романов был на рабочем месте, лишь перед рассветом вернулся к себе в «Швейцарию». Гостиница дрянь, «третьего класса», совершенно ничего швейцарского, зато с телефонным аппаратом в номере – на такой службе без круглосуточной связи нельзя.

Лавр.

– Беда, Леша. На двенадцатой версте диверсия. Взорван «Добрыня». Одевайся и дуй в Отдел.

– Я и не раздевался. Сейчас буду, – озадаченно ответил Романов.

«Добрыня» был лучшим бронепоездом во всей белой армии. Гай-Гаевский с наглостью цыгана-конокрада угнал эту махину у Кавказской армии барона Врангеля, рассчитывал перебросить под Орел, где красные перешли в контрнаступление. Если «Добрыня» не остановит их огнем своих 152-миллиметровых орудий, может перемениться вся ситуация на фронте.

Оказывается, на свете бывают и хорошие новости!

Полковник уже ждал перед входом в здание Особого отдела Добровольческой армии – так официально называлось армейское управление контрразведки. Раньше, при красных, здесь же располагалась ЧК, где товарищ Заенко жег эксплуататоров раскаленным железом красного террора. Горожане прозвали страшное место «Черным Домом», потому что те, кто сюда попадал, живыми не возвращались.

Контрразведка заняла бывшее чекистское логово, потому что очень уж удобное помещение. Трехэтажный дом фасадом выходил на улицу, а двором, замкнутым высокой каменной стеной, нависал над оврагом, куда при Заенко скидывали расстрелянных. Единственное – Козловский велел перекрасить стены в белый цвет, чтобы забылось прежнее жуткое название. Князь говорил, что обыватели должны относиться к контрразведке как к своей защитнице, а не как к пугалу. «Мы – белые, нам надо быть в белых одеждах, – любил повторять он. – Только этим и победим».

– Зараза, сапог каши просит! – вместо приветствия сказал князь, сердито показывая на свою хроющую ногу. Роба у него была мятая, веки красные, изо рта несло перегаром. Рядом фырчал пыльный разъездной

«форд».

– Придется переобуться в парадные. Пойдем, Леша. По дороге расскажу.

Козловский жил в двух шагах, только пересечь Сумскую улицу и пройти дворами. Снимал бывшую дворницкую в доходном доме. Квартирка крошечная, зато с отдельным входом. Лавр был равнодушен к удобствам, а спал урывками и чаще всего прямо в служебном кабинете. Впрочем, на более комфортабельное жилье у него не хватило бы жалованья. Офицерам платили скудно. Главком говорил, что рыцари Белого Дела должны быть аскетами, и сам подавал пример: ходил в латаной гимнастерке, которую, говорят, ему стирала жена. Правда, из тылового начальства мало кто следовал этому возвышенному образцу, почти у всех имелись какие-то гешефты. Давно известно, что Русь-матушку одним личным примером от лихоимства не вылечишь.

Но полковник Козловский был из тех немногих, кто верил в принципы. «Парадные» сапоги, в которые он переобулся, оказались немногим лучше, чем вышедшие из строя. Слушая рассказ князя, Романов вдруг подумал, что его белый начальник удивительно похож на красного – Орлова. Для того тоже не существует ничего кроме идеи.

– Опять измена, вне всяких сомнений! – говорил князь, зло щеря железные зубы.

В семнадцатом году его до полусмерти избили революционные солдаты – просто за то, что офицер. Дальше – ясно: бегство на юг, добровольческий полк, Ледяной поход.

– Расписание движения знали только в штабе армии, и кто-то проболтался или, хуже того, шпионит на красных! Мы плохо работаем, Леша. Это моя вина! Я слишком ушел в разведку, а всё контрразведывательное дело бросил на тебя. Обещаю: так больше не будет.

Бедняга, подумал Алексей. Какой бы ты ни был профессионал, ничего у тебя не выйдет, если твой ближайший помощник – враг.

Результаты деятельности добровольческой контрразведки были странными. Она отлично выявляла петлюровскую агентуру, лихо ловила махновских лазутчиков и обычных бандитов, но никак не могла уничтожить красное подполье. Романову приходилось идти на всякие ухищрения, чтобы замаскировать этот слишком очевидный факт. Например, третьего дня, накрыв в Змиевском уезде подпольный склад «Революционной Повстанческой армии» батяки Махно, он доложил, что оружие принадлежит красным.

– Ты чего морду воротишь? – спросил князь.

– От тебя несет, как из винной бочки, – заставил себя улыбнуться Романов. – Не Рюрикович, а Челкаш.

– Кто это – Челкаш? – насторожился полковник.

– Персонаж Максима Горького.

– А, слышал. Сволочь. Пахнет от меня не вином – коньяком. Потому что я полночи пил коньяк с Владимиром Зеноновичем и его адъютантом, как его, Макольцевым. Хотя я гвардеец и с предметом знаком, но столько, сколько они, пить не могу. Устал. Стал проситься баиньки. И тут появляется полковник Скукин. Говорит: «Добрыню» подорвали. Генерал в крик. Орет мне: «Паршиво работаете, контрразведка! Красные подпольщики совсем обнаглели, а вам бы только коньяк хлестать!» Каково, а? Сам чуть не насильно вливает, и еще попрекает! Скукин, собака, тоже давай ябедничать. Чистоплюйничаете, говорит. Каленым железом жечь надо, облавы устраивать, показательно вешать, из подозреваемых выколачивать признание любыми средствами, хоть иглами под ногти. И командующий туда же: «Мне все равно, какими средствами действует контрразведка, я требую результата». Ну, я вспылел. Говорю: «Вы, ваше превосходительство, меня моей службе не учите, я в ней понимаю больше вашего. Контрразведчик не мясник, а хирург. Грязными руками и топором не работает». Он мне: «Если хирург плохо оперирует, его гонят в шею!» В общем, поговорили... – Князь вздохнул. – Плохо, что Владимир Зенонович прав. Если мы эту операцию провалим, нас надо гнать. – Потопал сапогами. – Всё, я готов. Едем.

На месте предполагаемого крушения, на двенадцатой версте железной дороги, стоял невредимый бронепоезд. Паровоз сердито попыхивал, у полотна собралась толпа военных. Князь решительно вклинился в нее, через пять минут вынырнул обратно довольный.

– Не всё так ужасно. Взрыв произошел прежде нужного, а состав шел на малой скорости и успел затормозить. Еще двадцать метров – скатился бы под откос, но повезло.

Алексей тоже времени не терял и успел сам разобраться, что к чему. Криворукие диверсанты то ли перенервничали, то ли плохо знали свое дело: лишь попусту разворотили рельсы. Ремонтная бригада восстановит движение за два часа, и грозный бронепоезд понесется в сторону фронта. Красное контрнаступление обречено...

– Кретины, – пробормотал Романов словечко, в последнее время слетавшее с его губ часто. – Всё не слава богу...

А князь сообщил новость совсем поганую:

– Нам повезло и с другим. Через четверть часа после взрыва в версте отсюда казачий патруль остановил двух мастеровых – просто для проверки документов. Один кинулся бежать. Станичники его зарубили. Под тужуркой обнаружили моток бикфордова шнура. Видно, прихватил с запасом, а излишек пожалел выкидывать. Второго взяли живьем. Потолкуем с клиентом?

Романов кивнул. Господи, они еще и попались. С бикфордовым, мать его, шнуром на пузе!

Арестованный стоял в сторонке, меж двух конвоиров. Немолодой, с землистым лицом, наискось рассеченным нагайкой.

– Я добрый, ты злой, – шепнул полковник и крикнул. – Этого ко мне в автомобиль!

Посадили между собой, на заднее сиденье. Козловский сразу приступил к обработке.

– Я начальник Особого отдела, а значит, в людях разбираюсь. Вижу, что главным был тот, который убежал, а ты даже не сопротивлялся. Так что не вешай нос, дядя. Погоди прощаться с жизнью. Бронепоезд цел, никто не убит, не ранен. По законам военного времени тебе, конечно, все равно положена петля, но я не люблю лишних смертей. Я – Козловский. Ты, верно, обо мне слышал? – Не дождавшись ответа, продолжил: – И так много народу гибнет, а ведь все свои, русские. Поэтому тех, кто нам не лютый враг, я казнить не даю. Особенно если у человека семья, дети.

Задержанный смотрел прямо перед собой широко расставленными светлыми глазами не мигая. Алексей хорошо знал этот русский тип, тверже камня. Был у него в оперативной группе такой же точно унтер, погиб в шестнадцатом.

– Молчишь, сука?! – взорвался Романов, как следовало по немудрящему сценарию. – Что вы перед ним бисер мечете, господин полковник? Отдать его Черепову, пусть гаду кишки на кулак наматает!

– Спокойно, капитан. Так сразу и Черепову. Дайте сначала поговорить с человеком.

Войсковой старшина Черепов, по приказу штаба армии недавно назначенный заместителем начальника (Романов числился всего лишь помощником), был кубанский казачий офицер, из «шкуринцев» – белых партизан генерала Шкуро. Козловский заместителя к расследованиям не подпускал, держал на так называемой «боевке»: арестах, захватах, акциях против зеленых и красных повстанцев. «Ликом грозен, мозгом пастозен», – говорил он про Черепова. Внешность у войскового старшины была устрашающая. Иногда его приглашали на допрос поугатать упрямого

арестанта. На робких действовало. Но этот арестант робким не был. Как Лавр к нему ни подкатывался, как Алексей ни стращал – молчал намертво.

Не помог и Черепов, которого князь вызвал, как только прибыли в управление.

Войсковой старшина явился в кабинет для допросов, похожий на смерть: долговязый, костлявый, с черной повязкой на лице – глаз ему вышибло красной пулей. Наклонился над неподвижным, безмолвным подпольщиком, с полминуты сверлил его грозным оком.

– Господин полковник, просто оставьте меня с этим куском мяса наедине. Сходите пообедайте. Через часок возвращайтесь – получите мягкую отбивную с кровью.

Он всегда так говорил. Обычно срабатывало, очень уж Черепов был жуток. Но задержанный даже не поднял головы.

– Видимо, придется, – пригорюнился князь. И арестованному, с упреком: – Зачем вы меня вынуждаете к крайним мерам? Просто не оставляете выбора. Ступайте в камеру, подумайте.

Когда остались вдвоем, Романов сказал:

– Крепкий орех. И Черепов не разгрызет.

– Я и не дам ему никого грызть, у нас не зверинец. Есть более действенный способ.

– Какой?

– Мужик крепкий, основательный. У таких развито чувство ответственности. Посмотрим, которое сильнее.

– О чем ты?

– Ненаблюдательный ты стал, Леша. Видал у него на безымянном белая полоска? Это от обручального кольца. Само-то кольцо, верно, казачки прибрали. Надо искать семью. Дать свидание с женой, с детьми – если есть. И пусть решает, перед кем он больше в ответе – перед своими родными или перед Интернационалом.

– Да как мы найдем семью, если он даже имени не говорит? – спросил Романов, хоть уже знал ответ – не новичок.

– На нем железнодорожная тужурка. Значит, работает или раньше работал в службе движения. Сейчас поеду доложу командующему, что с «Добрыней» всё в порядке, а после повозим нашего Муция Сцеволу по железнодорожным конторам и мастерским. Авось опознают.

Именно так поступил бы и сам Романов. Полковник, конечно, говорил дело: суровые мужики подобного склада умеют не только ненавидеть, но и любить. Женские, тем более детские слезы действуют на них сильнее всякой пытки.

- Хорошо. Я с ним поезжу, поспрашиваю.
- Зачем тебе? Дело простое, техническое. Пошлю Спирина. Ты лучше иди, досыпай. Ночью, наверно, не доведется... Слышно что-нибудь от Седого по тому взрыву?
- Пока ничего... Ты прав. Пойду-ка я спать, пока начальство доброе.

Ясное дело, было не до сна.

Двадцать минут спустя Романов постучал в дверь зуевской квартиры. Открыла Надежда. Замигала.

- Вы? Почему не через читальню?
 - Некогда. Отец дома? Зовите.
 - Но девушка никуда не пошла.
 - Зачем вы мне давеча поцеловали руку? – спросила она враждебно.
 - Что? – удивился он, не сразу вспомнив.
 - Если как ребенку, это в конце концов невыносимо! Я вам не девочка!
- А если... – Надя сбилась. – А если... не как ребенку, это оскорбительно.

Вместо ответа Алексей приобнял ее и поцеловал еще раз, в горячую щеку, быстро. Взял за плечи, отодвинул в сторонку, вошел.

– Некогда, Надя, некогда. Аврал. Ведите скорей отца.

Она покраснела, но больше отношений не выясняла, побежала вглубь квартиры.

Иван Максимович выслушал рассказ спокойно.

– Я уже говорил вам: пускай проблему Заенко решат за нас белые. Все равно от чекистов один вред. Сначала не смогли убить главкома, только настроили против нас весь Харьков. Теперь не справились с бронепоездом, и сейчас Козловский начнет шерстить железнодорожников, а у меня там очень хорошая ячейка. Если ее разгромят, мы останемся без сведений о переброске войск. Так пусть контрразведка лучше заберет тех, других, а наших оставит в покое.

– Заенко – кретин, но брать будут наших товарищей, таких же большевиков, как мы с вами. Если бы вы посмотрели на того, который сейчас под арестом, вы бы так не говорили. Я к вам пришел, потому что есть идея. Мне нужен помощник. Дело простое, справится кто угодно, лишь бы был четок и не трус. Всё основное я исполню сам.

– Никого не дам, – отрезал Зуев. – Для дела целесообразнее, чтобы второе подполье прекратило существование. Тогда беляки решат, что красная организация разгромлена, и мы будем вести свою работу спокойно, без помех.

Алексей разозлился:

– Нельзя всё сводить к целесообразности! Люди не щепки!

– Диалектика, Романов, большевистская диалектика. Вбейте себе в голову: люди не бывают хорошими или плохими, они делятся на своих и чужих. Свои – те, кто полезен. Чужие – те, кто вреден. И своими ради чужих, полезными ради вредных я рисковать не намерен. Всё. Кончен разговор.

– Когда-нибудь партия решит, что вы тоже перестали быть полезным, и выкинет вас на свалку!

Но Зуева было не прошибить.

– Значит, туда мне будет и дорога.

– А, ну вас!

Алексей вышел, хлопнув дверью. Попытался сообразить, нельзя ли проверить задуманное в одиночку – нет, не получится.

Во дворе его догнала Надя. Во время спора она стояла за спиной у Ивана Максимовича, не раскрывая рта, зато сейчас затараторила:

– Папа не прав. Вы сказали: справится кто угодно. Значит, и я. Я четкая и не трусиха. И вы не смотрите, что я маленького роста. Я очень сильная.

Она показала сжатый кулачок. Губы тоже были сжаты.

Романову вдруг вспомнились барышни из женского батальона смерти. Они были точь-в-точь такие же, хоть сражались совсем за другое.

– Большой силы и не понадобится, – сказал он, кашлянув, – боялся, что дрогнет голос.

Подпоручик Спириин был скотина, каратель, такого грохнуть не жалко. Второго сопровождающего, фельдфебеля Кононенко, – тоже. Этот вообще палач, за деньги нанимался вешать приговоренных. Вопрос был по третьему, шоферу, которого Алексей не знал и потому убивать не хотел. Затем и понадобился платок.

Романов стоял в подворотне, на тихой улице, куда машина контрразведки должна была свернуть по дороге в железнодорожное депо. Был Алексей в пиджаке и поддевке, на лоб сдвинута кепка. Когда из-за угла вырулил знакомый «форд», повязал платок на лицо.

Улица была пуста, только на тротуаре стояла тележка с бутылками постного масла. Мальчишка-торговец звонко покрикивал: «А вот кому маслица очистного! А вот кому маслица очистного!»

Автомобиль, понемногу разгоняясь, проехал мимо подворотни. Вдруг тележка резко накренилась, склянки с грохотом посыпались на булыжную мостовую, растеклась желтая жидкость. Машина резко затормозила.

Умница девочка. Секунда в секунду!

В «форде» было четыре человека. Впереди, за рулем, какой-то усатый,

рядом с ним Спирин, сзади арестант и Кононенко – этот, согласно инструкции, держал револьвер наготове. С фельдфебеля Романов и начал. Положил ствол на согнутый локоть левой руки, прицелился в жирный затылок. Выстрел был нетрудный, с двадцати метров по неподвижной мишени.

Лопнуло стекло, Кононенко ткнулся лбом в спинку переднего сиденья. Голова арестанта исчезла. Молодец, пригнулся.

Подпоручик успел только обернуться. Вторая пуля попала ему в середину лица.

Не опуская «наган», Алексей быстро шел к автомобилю. Хриплым, измененным голосом крикнул водителю:

– А ну из машины!

В ответ – выстрел. И что хуже всего – не по нападающему.

Шофер действовал по инструкции, а она предписывала конвою при всякой попытке освобождения первым делом стрелять в арестованного.

Проклиная себя за вечные мерехлюндии – ах, как это я буду убивать неизвестного человека! – Романов высадил весь барабан. Окно разлетелось на куски, еще раз пальнуть водитель не успел.

Арестант лежал на полу скрючившись, шумно дышал.

– Куда тебя, товарищ?

– В живот...

Первое слово, которое от него слышу, подумал Романов.

– Сейчас. Потерпи.

Выволок на мостовую тяжелого шофера, сел за руль, но справа навалился мертвый Спирин. Сидя его было не выпихнуть.

С той стороны распахнулась дверца. Надя: горящие глаза под мальчишеским картузом, в распахнутом ворота тоненькая шея. Молча схватила покойника за плечо, стала тянуть.

– Я же приказал: толкнула тележку и улепетывай! – рывкнул на нее Романов.

Она не ответила, дергая труп. Руки у нее действительно были неожиданно сильные. Подпоручик наконец рухнул на мостовую.

Из окон высовывались, кричали. Неподалеку раздался свисток.

Алексей отрывисто сказал:

– Втиснись как-нибудь сзади. Попробуй остановить кровь. Просто заткни чем-нибудь рану. И тормози его, тормози, чтобы не потерял сознание.

Он сделал резкий разворот, чтоб не порезать шины об осколки и избежать заноса на масляном булыжнике. Руль был скользким от крови.

Выжал газ, дал скорость, локтем выбил остатки ветрового стекла – лучше вовсе без него, чем с дырками от пуль.

Риск, отчаянный риск, но куда деваться? Не бросать же раненого.

Боковыми улицами, переулками выехал на Большую Панасовскую. До зуевской квартиры оттуда было, конечно, не очень близко, зато можно пройти дворами.

– Идти сможешь, товарищ? Надо, – обернулся назад Алексей. – Тебя как звать?

– Смогу, – сквозь зубы ответил раненый. – Терентий я... Назаров.

– Мы тебя с двух сторон подхватим, как будто ты пьяный. Если кого встретим – пой или матерись.

Раненый немедленно выматерился и потом хрипло ругался уже не переставая. Надя сочувственно морщилась, гладила его по плечу.

Умолк он только после того, как врач (свой, из зуевского подполья) сделал укол морфия. Тогда Назаров обмяк, повесил голову.

Иван Максимович тем временем свирепым шепотом отчитывал Романова:

– Вы что натворили? Завалили явку! Из-за слюнтяйства! Теперь придется отсюда уходить. Предупредить всех наших, что читальня засвечена, быстро не получится! С вами, Романов, я никаких дел впредь не имею. Наши дороги расходятся.

– Значит, со мной твои дороги тоже расходятся, – сказала Надя, бледнея. – Алексей поступил по-товарищески, по-большевистски. Никогда не думала, что мне за тебя будет... стыдно.

Старик вздрогнул, и Романов подумал: не такой уж он железный.

– Поглядите на Назарова, Иван Максимович. Этот человек никого никому не выдаст. И отбил я его не из-за слюнтяйства, а для пользы дела. Через него выйду на Заенко и попробую с ним договориться. Хватит нам действовать поврозь.

Черт знает, что больше подействовало – романовская логика или взгляд дочери, но Зуев махнул рукой и только проворчал:

– Глядите. Если что – на вас будет...

Пошел провожать врача. А Назаров вдруг вскинулся, поднял голову, быстро заговорил – должно быть, это действовал наркотик.

– Эх, не взорвали мы бронепоезд! Зазря Мишка сгиб! Всё сделали, как на бумажке написано, да, видно, провод коротко обрезали, раньше нужного рванул!

Он прищурился на Романова, стоявшего спиной к окну и оттого плохо ему видного.

– Ты почему платок не снимаешь, товарищ? Мне голос твой вроде знакомый.

– Нельзя мне лицо показывать.

Назаров узнал бы капитана из контрразведки, это было ни к чему. А голос Алексей приспустил еще ниже:

– Ты из организации Заенко?

– Сначала скажи, кто вы сами такие, – насторожился раненый.

– Подпольная группа РВС. Я Алексей, а это товарищ Надежда. Так ты с Заенко?

Кивнул.

– Надо мне с ним встретиться. Хватит нам по отдельности воевать. Вы вон знали, когда и где бронепоезд подкараулить, но с зарядом напутали, а у нас хороший взрывник есть. Вместе будем вдвое сильней.

Назаров молчал, торопить его было нельзя. Пусть подумает.

– Сможете отвезти меня куда скажу? Мне тут у вас все равно оставаться нельзя. И папаша, я слышал, ругается.

– Отвезем. Тебе только до извозчика добраться. Опять притворишься пьяным. Я тебе вправду водки дам. Врач сказал, если будет больно, влейте чарку. Он потом тоже приедет куда надо.

– Врач у нас свой есть. А водка – дело хорошее, – улыбнулся Назаров. – Но лучше налей две.

Про встречу с Заенко, однако, ничего не ответил.

Вечером, когда стемнело, Романов зашел снова. Еле вырвался со службы – такой переполох наделало нападение подпольщиков на машину контрразведки. Прочесыванием района, где нашли брошенный «форд», Алексей руководил сам и позаботился о том, чтобы читальню не тронули.

Сели вдвоем на извозчика. Вместо платка Романов обвязал щеку бинтом, поднял воротник, опустил козырек кепки, но Назаров в него особо не вглядывался, да и темно уже было.

Заехали за Холодногорское кладбище, в район рабочих барачков.

– Тут сойдем, – сказал Назаров извозчику.

Но шли потом долго, петляли. Два раза раненый просил передохнуть.

В третий раз остановился прямо посреди пустыря.

– Всё. Дальше сам. Бывай, товарищ.

– Что насчет Заенко?

Лица Назарова во тьме было не видно, лишь поблескивали глаза.

– У папаша там телефон есть. Какой номер?

Алексей сказал.

– Ждите весточки. От Терентия.

И трудно заковылял дальше. А Романов продолжил мысленный спор с Зуевым. Разве можно кидаться такими людьми, как Терентий Назаров? Ради чего тогда всё?

На следующий день вечером Алексея на службе позвали к аппарату.

– Господин капитан, это Коммерческая читальня, – послышался сухой девичий голос. – Вам доставили книгу Шлихтера.

Это был условный сигнал.

– Отлично, барышня. Сейчас заеду. – И пояснил Козловскому. – Мне раздобыли пособие по составлению рандомных шифров. Давно жду. Я тебе говорил, что собираюсь поменять всю нашу систему кодировки, нынешняя устарела.

Князь угукнул, не отрываясь от оперативной сводки. Ему ночью предстояло ехать к командующему – пить коньяк и докладывать о ходе расследования по обоим взрывам. Первое не двигалось, второе вовсе оборвалось, и Козловский был мрачен.

– Папы нет, – сказала взволнованная Надя. – Я одна. Позвонили. Голос незнакомый. Говорит: «От Терентия Алексею поклон. Терентий приболел, просит навестить. В полночь, у насосной станции, в Карповском саду». Я записала слово в слово.

В полночь Карповский сад пуст и тих. Хорошее место, осторожное. Всякого человека слышно издалека.

Сейчас половина десятого.

– Я к себе, переоденусь в штатское. Не в мундире же идти. Еще шлепнут с перепуга.

– Погодите. Я должна с вами поговорить. Давно хотела, но то папа рядом, то времени нет... – Надя решительно нахмурилась, но лоб был слишком гладкий и морщился неубедительно. – Никогда меня больше не целуйте. Никогда!

Смахнула сердитую слезинку.

– Хорошо, – очень серьезно ответил Алексей. – Больше никогда не буду. Слово.

– Вы не спрашиваете почему?

– А что спрашивать? И так ясно. Вам это не нравится. Вы доказали, что вы не девочка, а боевой товарищ. Так и буду к вам относиться.

К его удивлению, Надя рассердилась пуще.

– Ничего вам не ясно! Мне нравится. Мне очень нравится! Я влюблена

в вас, как последняя дура и мещанка! – Теперь она смотрела на него чуть не с ненавистью. – Нужно думать о важном, о главном, о великом, а я как дура днем и ночью: что он имел в виду, когда сказал то-то или то-то, почему он на меня так посмотрел или почему он на меня не посмотрел... Вчера села у зеркала и не заметила, как просидела полтора часа. А надо было работать с шифровкой... Вы поцеловали меня в ладонь – как электричеством ударило. Поцеловали в щеку – она потом сутки была горячей. Это невыносимо, это стыдно! Пожалуйста, не мучайте меня!

Тут Романов сделал то, чего ему ужасно хотелось: прижал девушку к груди и стал целовать мокрое, соленое лицо.

– Я же попросила... Я совсем не для этого... Я сейчас умру...

И так задрожала, что он испугался и разжал объятья. Его тоже начало трясти, остро закололо в груди.

Алексей схватился за сердце.

– Что?! Что с вами?! – закричала Надя. – Вам плохо?! Ой, у вас глаза мокрые...

– Я не знаю... – лепетал Романов. – Я думал, что уже никогда...

Он думал, что это с ним больше не случится. Больше никогда вот так не сожмется грудь, и мир тоже не сожмется до размеров женского лица. Он думал, что его убили там, в семнадцатом, в проклятой траншее, что Алексей Романов похоронен на мертвом поле, а по земле ходит призрак, только зовется тем же именем.

– Я... мне нужно... переодеться... – пробормотал он, опираясь о стену.

Надежда тоже ослабела, бессильно опустилась на стул.

– Да... да. Вы идите. А я посижу. Что-то ноги... Это ужасно.

И позже, уже по дороге на важную встречу, Алексей все еще был словно не в себе. Думал не о том, о чем следовало.

Про то, что душа – как вода. Ударит мороз – становится холодной и каменно твердой. Кажется, что это навсегда, что зима никогда не закончится. Но приходит весна, и камень тает, сочится капелью, растекается влагой, которая под лучами горячего солнца начинает нагреваться.

Надя права, это ужасно. Потому что война, и на войне все силы нужно отдавать войне, иначе не победишь. До сего момента он так и жил, только потому и выжил. Хотя на самом деле ему было не столь важно – выживет, не выживет. Призраку умереть – невелика потеря. Но теперь захочется жить. Уже захотелось. Это значит, будешь бояться, не только за себя, но и за Надежду. Имя-то какое... опасное. Романов будто услышал его по-новому и

поежился.

От сумбурных, тревожных мыслей Алексей не смотрел по сторонам и даже не запомнил, как миновал реку, железнодорожные пути (недалеко находился Южный вокзал), как поднялся по аллее к приземистой тумбе водонапорной башни.

От стены отделилась фигура. Пальцы в кармане сжали рукоятку револьвера, но Романов увидел по силуэту, что это женщина, что ее руки опущены и оружия в них нет.

Романтическая встреча с прекрасной незнакомкой, сказал себе Романов. Он больше не терзался возвышенными страданиями, включились профессиональные навыки: слух, ночное зрение, чутье.

Так, есть ли тут кто-нибудь еще?

Слева в кустах вроде никого, справа тоже. Вот в черной тени у правого края башни, кажется, какое-то шевеление.

– Это я, Алексей! – громко сказал он. – Вы от Терентия?

Женщина певуче ответила:

– Встала. Луки вот так.

Показала: развести руки в сторону.

Китаянка? Оригинально. Хотя да – у Заенко в ЧК, рассказывали, был какой-то китайский взвод, исполнявший приговоры.

Романов остановился. Поза – крест.

Женщина приблизилась. Правда китаянка. Лица толком не разглядеть, но глаза раскосые. Субтильная, ростом Алексею по грудь.

Очень ловко, впору опытному оперативнику, женщина обшарила Романова, причем вынула не только «наган» из кармана, но и «браунинг» из-под мышки (тот самый, о котором просила и которого не получила Надя).

– Ого, эротический массаж! – пошутил Алексей, когда легкая рука ощупала его снизу.

Обернувшись к башне, пигалица полупроговорила-полупропела:

– Зае, моя пловеляла.

Ага, «Зая» все-таки здесь, успокоился Романов. Настроение у него сразу улучшилось, хоть, конечно, вся эта оперетка его злила. Сын микадо Нанки-Пу и красавица Ям-Ям в городе Титпу.

Под башней чиркнула спичка, огонек стал из маленького побольше – кто-то там зажег керосиновый фонарь.

– Ну, давай сюда. Погляжу на тебя. Побалакаем, – донесся низкий, не шибко дружелюбный голос.

Алексей подошел.

На ступеньке горела шахтерская лампа, красновато освещая сидящего человека. Был он широкоплеч, длинные руки лениво покоились на коленях, повернутое к Романову небритое лицо колыхалось черными тенями.

Алексей опустил на корточки, чтобы быть с Заенко на одном уровне, разглядеть его получше.

Физиономия у начальника ГорЧК была прямо классика Ломброзо, тип «прирожденный убийца»: широкая приплюснутая голова, выпирающие скулы, обезьяньи надбровные дуги, зобастый подбородок, тяжелый взгляд. В общем, красавец.

Мелькнула мысль: у Революции, как у бога Януса, два лика. Один – чистый и мечтательный, как у Нади. Второй – как у Заенко. И поворачивается она то одним, то другим.

– Где ж вы по сю пору были, герои эрвээсовцы, что вас не видать и не слышать? – язвительно спросил Заенко.

– Хорошо работаем, потому и не слышать, – в тон ответил Романов. – Это от вас один треск, взрывалы безрукие.

Но показал зубы – и хватит. Не ругаться пришел. Поэтому дальше заговорил иначе, рассудительно:

– Слушай, товарищ Заенко, мы с тобой тут не в Москве, как наше начальство, нам не до ссор. По краешку ходим что мы, что вы. Давай помогать друг другу. У вас есть то, чего нет у нас. И наоборот.

– Ну, и чего у вас есть? Похвались, – прищурился Заенко.

– Есть связь с Москвой. Какая не скажу, но доходит в тот же день. Поделится. Есть свои взрывники, получше твоих. Если будешь согласовывать с нами акции – можешь рассчитывать....

– Это пускай баба твоя согласовывает, когда ей... – грубо перебил Заенко. – Командиры нашлись!

Романов сдержался. Спокойно продолжил:

– Еще у нас есть свои источники. В контрразведке. А у тебя в штабе армии, так?

Молчит.

– Вы ведь оттуда узнали про приют и про бронепоезд? Давай обмениваться сведениями.

Заенко моргнул, но опять не ответил.

– Ладно, начну первый. До тебя докапывается очень серьезный человек. И будь уверен – докопается.

– Козловский, что ли? – покривился Заенко. – Без тебя знаю. Хитрая сволочь, Терентий рассказывал. Их там в контрразведке трое: хромой полковник, одноглазый Черепов и капитан Романов. Назаров говорит,

капитан с казаком дубы, а хромой шустер, змеей подползает. Ничего, мы ему жало вырвем. А ты, эрвээс, катись откуда взялся. Вы, тихони слюнявые, нам без надобности. Так, Шуша?

– Хао, Зае, – откликнулась сзади китаянка.

Что ж, поговорю с тобой иначе, решил Романов. Сейчас покажу тебе «тихоню слюнявого», раз ты по-хорошему не понимаешь. С такими субъектами работает только один аргумент – сила.

Он поднялся, цапнул чекиста рукой за горло, без труда поднял кверху, чтоб глядеть глаза в глаза.

– Слушай, Зая, я сейчас тебе об эту стену мозги вышибу. И договариваться буду с Назаровым. Он не такой кретин, как ты...

Занес кулак, но что-то ударило по локтю – вроде не больно, но рука вдруг онемела и повисла.

Алексей развернулся. Китаянка Шуша стала еще меньше ростом – как-то вся растопырилась, припустилась, сделалась похожа на паучиху. Оскалила зубы, зашипела. Так же невесомо коснулась второй руки – и та тоже утратила чувствительность. Романов стоял, будто связанный, и не понимал, что с ним.

Заенко развернул его к себе.

– Рычать вздумал? На меня – рычать? Сопля зеленая!

Двинул коленом в пах. Вот это Алексей почувствовал, с криком согнулся пополам. От сильного удара в ухо полетел наземь, получил еще пинок по ребрам.

– Это я с тобой попросту, по-русски, – сказал сверху Заенко. – А будешь под ногами путаться – Шуше отдам. Она тебя по-китайски отработает. Поросем завизжишь. Поваляйся тут на холодку, эрвээс, подумай. Шуша, обезножь его.

Маленькая нога коротко ударила носком по одному колену, по другому. Теперь у Романова отключились все четыре конечности.

Заенко смачно харкнул на лежащего.

– Пукалки ему верни. Нам чужого не надо.

На землю упали «наган» и «браунинг». Они лежали прямо перед носом, но взять оружие Алексей не мог, он был совершенно беспомощен.

Услышал звук удаляющихся шагов. Потом стало тихо, только посвистывал ветер.

Парализованные нервы начали оттаивать нескоро, Романов успел продрогнуть – октябрьская ночь не баловала теплом. Прошло часа два, прежде чем зашевелились руки – хоть смог на локтях доползти до крыльца. Еще через час понемногу ожили ноги, но через парк Алексей тащился по-

стариковски, еле-эле.

Наконец кое-как очухался, быстрым шагом дошел до «гримерки» – так на профессиональном жаргоне называется укромное место, где меняют облик. У Романова для этой цели имелся деревянный сарайчик – в глухом дворе неподалеку от гостиницы. Там Алексей снова превратился в бравого офицера, а гражданскую одежду спрятал под поленницу.

Входя в тусклое фойе своей непрезентабельной «Швейцарии», мрачно думал: провалил дело. Хотел наладить отношения со смежниками, а только их испортил. Паршивая вышла ночка. Завалюсь-ка спать, утро вечера мудренее.

Однако ночь еще не кончилась.

Навстречу со стула рванулся ефрейтор – свой, из контрразведки.

– Ваше благородие, я за вами! – закричал он, от волнения забыв откозырять. – Господина полковника убили!

– Что?! – ахнул Романов. – Когда? Где?

– Около ихней квартиры, в подворотне. Пулей в затылок. Часу не прошло. Я сразу за вами, а вас нет...

Ах, Лавр, Лавр...

Романов скрежетнул зубами. Кретины, сучьи кретины! Собирались «вырвать жало» – и вырвали. Немедленно.

Получается, что он невольно погубил товарища...

У Алексея во второй раз за ночь навернулись слезы. А перед тем – и не вспомнить, когда последний раз плакал. Подтаяло сердце, ослабело.

Занимательная антропология

Получается, что в своем эдеме, сама того не чувствуя, она все-таки соскучилась по большому миру. Он был шумный, грязный, некрасивый, но Мона с удовольствием вдыхала запах бензина и даже конского навоза.

Эраст, конечно, долго не соглашался. Кипятился, спорил, грозился немедленно привезти профессора Либкинда, но в конце концов капитулировал. Мона знала, какие аргументы действуют на мужа.

– Для ребенка хуже всего, когда я нервничаю. Для того доктор и велел мне не выходить из дома, – сказала она. – Но, сидя здесь без дела, я только и буду, что сходить с ума от тревоги. Как ты не понимаешь, что мне нужно себя чем-то занять? Меня будет успокаивать и радовать, что я приношу тебе пользу. И потом, что это за нагрузка – недалняя поездка в удобном авто и мирные женские разговоры?

В конце концов договорились.

Эраст займется источниками утечки информации (Мона надеялась, что это не очень опасно), Маса возьмет на себя дело более рискованное – зайдет со стороны красного подполья, а будущая мать попробует выяснить, не мог ли кто-то проболтаться о времени визита главнокомандующего в приюте.

Назавтра после этого трудного разговора Фандорин уехал в Таганрог – решил начать со ставки главнокомандующего. Маса с утра просто исчез. Мона же со вкусом позавтракала в ресторане, поменяла в рецепции доллары, зашла в соседний «Пассаж», не спеша выбрала уместный наряд: черное платье, черное пальто, черная шляпа, заодно не удержалась – купила чудные высокие ботинки с серебряными заклепками. Купюры были смешные, с черно-оранжевой ленточкой и Царь-колоколом, назывались «колокольчики».

Переоделась, очень себе понравившись в элегантном траурном наряде. Жалко, в магазине не нашлось вуалетки, хотя, возможно, это было бы уже чересчур. Позвонила портье, чтоб приготовили автомобиль. Поехала.

Но в Калединском приюте оживление мгновенно улетучилось. Перед доской с фотографиями погибших Мона поплакала. Пожалела, что не привезла цветы.

Потом разревелась пуще: воспитательница провела мимо группу детей в синих мундирчиках, у половины ушки были обвязаны бинтами – следствие контузии. Остальные несомненно новенькие. Отцы на фронте

гибли ежедневно, в тылу матерей косил тиф, так что приток офицерских сирот был постоянный. Если б командование Белой армии так же заботилось о семьях рядовых солдат, глядишь, и гражданская война бы уже закончилась, подумала Мона.

Она спросила в приемной, как повидать новую начальницу. Ответили, что госпожа Макарова на уроке, придется подождать.

Мона села перед кабинетом со стеклянной стеной и, когда туда вошла высокая, строгая дама, последовала за ней не сразу. Перед разговором следовало определить, что за Макарова такая.

На то у Моны имелся Метод. Всякий раз перед тем, как делать портрет, она подолгу смотрела на человека, чтобы почувствовать его суть, внутреннюю вибрацию, – *стать им*. Ключ тут очень простой: нужно искренне полюбить объект, а для этого требуется залезть в его кожу, увидеть мир его глазами. Только когда это удавалось, портрет получался живым. Лучше всего, разумеется, пощупать пальцами лицо, но в случае госпожи Макаровой это, увы, было невозможно, поэтому пришлось сконцентрироваться на наблюдении.

Директриса сидела за столом и занималась своими делами, не подозревая, что к ней под кожу прокрался оккупант. А Мона действительно будто переместилась в чужое тело. Ощутила тяжесть бюста, какого никогда не имела, тугое давление лифа, грубые квадратные башмаки жали, пенсне сползло с носа. Не выпалась, ноет правый бок, я слегка мну его рукой... Горькие складки у рта – я одинока. У меня нет ничего кроме работы, но это очень важная и нужная работа. Я очень важная персона. Меня не любят, я знаю это, зато уважают. И не нужна мне ваша любовь! Зачем мне она? Но не уважать меня вы не смеете!

...Пожалуй, ясно.

Встала, постучалась.

– Войдите.

Вошла.

Говорила Мона с начальницей так, чтобы вызвать у столь непростой особы естественную симпатию: сдержанно, с достоинством, по делу и, упаси боже, безо всякой эмоциональности.

Сказала, что по профессии художница и может давать детям уроки рисования и ваяния – для сирот это очень полезно, она читала в педагогическом журнале. Жалованья ей не нужно, поскольку от мужа остались средства.

– Вы в трауре. Вдова? – спросила Макарова, пока еще настороженная.

Мона печально вздохнула и не ответила, как бы не желая отягощать

без того нелегкое бремя приютской начальницы своей печальной историей. Макаровой это понравилось. Отчасти Мона все еще была ею и даже словно бы видела себя чужими глазами: скромная, милая женщина с твердым, но не склочным характером, на такую можно положиться.

– Я бы вас взяла, даже несмотря на отсутствие опыта, художественные уроки нам очень не помешали бы, но ведь вы, кажется, в положении? – приязненно улыбнулась Макарова, и это был успех, потому что улыбалась директриса явно нечасто.

– Я слышала, что ваша погибшая сотрудница баронесса Ланде тоже была беременна, – спокойно, без надрыва сказала Мона. – Я только на пятом месяце и чувствую себя хорошо. Думаю, три или четыре урока в неделю меня не утомят.

Во взгляде начальницы прочиталось: «Она похожа на меня. Наконец будет с кем поговорить». Но вслух Макарова произнесла другое:

– Видите ли, у меня нет полномочий брать новых преподавателей. Я назначена временно.

– Возьмите и меня временно. К тому же вас непременно утвердят.

– Откуда вы знаете?

– Я художница. Я читаю людей и даже немножко умею видеть будущее. – Мона сделала вид, что колеблется – говорить или нет, но все же сказала: –...И еще. Простите за бесцеремонность, но я по натуре человек откровенный. Не казните себя. Вы не виноваты.

Та вздрогнула:

– В чем?

– В том, что были в скверных отношениях с прежней директрисой, а она погибла.

– Откуда... Откуда вы знаете о наших отношениях? – построжела Макарова. – Вам уже кто-то рассказал?

– Нет, но это нетрудно вычислить. Вас не было на церемонии, где главнокомандующему представляли лучших сотрудниц. Стало быть, покойная Некритова вас недолюбливала.

– Но этим она спасла мне жизнь! Если бы я оказалась в зале... – Макарова передернулась. – Некритовой оторвало голову. А Машу Ланде взрывной волной отшвырнуло на стеклянный шкаф, всё тело было в осколках... Ужасно!

Мона сочувственно молчала.

– И ведь никто не знал, зачем к половине восьмого нужно быть в актовом зале, – взволнованно продолжала Макарова. – Директриса ничего никому не сказала, она любила делать сюрпризы. Ни воспитательницы, ни

дети понятия не имели, что прибудет сам главнокомандующий.

– Никто кроме Некритовой не знал? Ни одна душа? – огорчилась Мона. Она так надеялась, что выйдет на какой-нибудь след и вернется к Эрасту с добычей!

– Мы догадывались, что готовится какое-то событие. В шесть часов прибыл казачий офицер с солдатами, такой высокий, строгий, с повязкой на глазу... Я видела, как он осмотрел зал, поставил перед дверью двух часовых, чтоб никого не пускали. Но никому и в голову не пришло, что сейчас прибудет сам главнокомандующий. Говорю вам, знала только сама Лидия Христофоровна, упокой Боже ее душу... – Макарова перекрестилась.

– А вы разглядели часовых?

Начальница удивилась.

– Да. Один такой чубатый, другой с рыжими усами. Почему вы спросили?

Мона прижала ладонь к груди, скривила лицо.

– Что-то меня вдруг замутило. Простите. Кажется, я сглазила, что хорошо себя чувствую...

Остаться здесь больше было незачем. Всё, что требовалось, она уже выяснила.

Через день Мона встретила благородного мужа, который вернулся из Таганрога ни с чем, хоть и назвал это «сокращением числа версий». В окружении его высокопревосходительства подробное расписание визита было известно только старшему адъютанту полковнику Шредеру. Тот клялся, что ни одной живой душе о времени посещения приюта не сообщал, и Фандорин считал, что словам офицера можно верить: человек серьезный, ответственный.

– Шпион или б-болтун здесь, в Харькове, – озабоченно сказал Эраст Петрович. – Я подозревал контрразведку, но первоначальная версия не подтвердилась... Капитан Романов с тех пор не наведывался?

– Нет. Масу со вчерашнего утра я тоже не видела.

Про поход в приют муж даже не спросил, только про самочувствие. Это было немножко обидно.

И когда он – не столько ей, сколько самому себе – объявил: «Пожалуй, начну со штаба Добровольческой армии», Мона невинно заметила:

– А я на твоём месте все же начала бы с контрразведки.

– П-почему?

Тут-то она ему и рассказала про одноглазого офицера, осматривавшего

актовый зал незадолго до взрыва и поставившего там двух часовых.

Самым лучшим комплиментом было то, что Эраст ее не похвалил, не восхитился, а сразу вцепился в новость зубами, словно волк в добычу. И стал советовать.

– Прекрасно, – протянул он, плотоядно улыбнувшись. – Как мы узнаем, кто именно стоял в карауле? Поручить это полковнику Козловскому? Кстати странно, что никто из его людей не встретил меня на вокзале. Пришлось брать извозчика, хоть я отбил из Таганрога телеграмму...

– Может быть, рано говорить полковнику? – мягко подвела его Мона к уже придуманному решению. Ей очень нравилось быть Василисой Премудрой при Иване-царевиче. – Вот если бы как-нибудь собрать в одном месте весь личный состав... как это у них называется – конвойной полусотни? – (На самом деле она уже выяснила, что охраной начальства в контрразведке ведаёт именно конвойная полусотня и находится она в подчинении у войскового старшины Черепова, того самого одноглазого офицера.) – Чубы, наверное, не у одного казака, рыжеусый, я полагаю, тоже не один, но я привезла бы госпожу Макарову, она незаметно посмотрела бы, допустим, из окна и указала бы на тех, кто нам нужен.

И опять Фандорин не сказал «какая ты у меня умница!» или ещё что-нибудь покровительственное, а просто энергично потер руки.

– Отлично! Едем в контрразведку. Поговорим с Козловским и решим на месте, посвящать полковника в план действий или же лучше просто попросить его под каким-нибудь предлогом созвать конвойных. Если ты решишь, что не стоит, – подай мне какой-нибудь сигнал. Скажем, почешу бровь.

Мона изо всех сил старалась, чтобы губы не расползлись в счастливой улыбке. Он стал говорить про нее и себя во множественном лице: «поговорим», «решим»! Он полагается на ее мнение! Они работают вместе! Для беременности это гораздо полезнее, чем лежать в постели с поднятыми вверх ногами.

– Пожалуй, – задумчиво согласилась она. – А пока они собирают полусотню, я съезжу за Макаровой. Мне ведь дадут автомобиль?

– Что-то у них с-стряслось.

Эраст нахмурился.

Около белостенного дома стояли оседланные лошади. От подъезда, истошно клаксона и визжа шинами, рванул в сторону центра автомобиль. Придерживая шашку, на крыльцо взбежал какой-то офицер, еще двое

военных, наоборот, выскочили и стремглав понеслись в разные стороны.

Отпустив извозчика, Фандорин предъявил караульному начальнику свой пропуск, подписанный Козловским.

– Недействителен, – ответил унтер. А когда Мона попросила вызвать капитана Романова, подозрительно сощурился и вообще ничего не сказал.

Что за чудеса?

– Едем-ка в штаб армии, – взял ее за локоть Эраст. – Нужно понять, что происходит. Здесь нам никто этого не скажет.

– Не надо никуда ехать, штаб уже здесь.

Мона качнула подбородком в сторону. У тротуара остановился длинный черный «паккард». Из него вылезал Скукин.

Приложил руку в перчатке к козырьку.

– А, господин Фандорин. Сударыня...

– Что здесь т-творится, полковник? Почему нас не пустили к князю Козловскому?

– Убит, – коротко ответил Скукин.

Мона вскрикнула.

– Боже! Кто его убил?

Вопрос, конечно, был глупый, женский. Понятно, что красные. Невежливый Скукин и отвечать не стал, обратился к Фандорину:

– Новый удар подполья. Командующий понадеялся, что вы поможете нам его уничтожить, но, видимо, напрасно. Пусть новый начальник Особого отдела войсковой старшина Черепов решает, нужна ли ему ваша помощь.

Мона ожидала, что Эраст вспыхнет, но он спокойно спросил:

– А где капитан Романов?

– Отстранен от должности и взят под стражу. Кто-то ведь сообщил красным, где живет Козловский и какой дорогой возвращается со службы. Кто-то из своих. А Романов дружил с убитым. И, что странно, не ночевал дома. Устанавливают, где он был... Так выяснили вы что-нибудь по делу о взрыве?

– Кое-что, – негромко ответил Эраст, и поведение Скукина сразу переменялось.

– Так бы сразу и сообщили! Пойдемте в дом, расскажете. – Полковник недовольно покосился на Мону. – А присутствие супруги обязательно?

Злопамятный, не забыл про самца-пидера, подумала Мона и сладко улыбнулась, когда Фандорин отрезал:

– Как вы скоро увидите – да.

– Хорошо. Пожалуйте, сударыня.

Она улыбнулась еще приятней. Поскольку главным человеком, принимающим решения, здесь сейчас был Скукин, следовало применить к нему Метод.

И Мона заставила себя полюбить Аркадия Сергеевича. Это оказалось очень легко. Не потому что Скукин такой милашка, а потому что очень уж любил себя сам и демонстрировал это каждым своим движением: глядите, какой я ладный, отчетливый, я центр вселенной, она крутится вокруг меня. Даже не так – это я ее кручу и подгоняю. Мона явственно услышала холодный и ясный звук флейты. Под такую музыку при Николае Палкине, наверное, гоняли солдат под шпирютены.

Передалось Моне и скукинское настроение: возбуждение, собранность, нервозность.

Полковник подозвал караульного начальника.

– Где Черепов?

– Допрашивает жильцов дома, где квартировал князь Козловский. Господина полковника застрелили в подворотне. Вдруг кто-то из окна что-нибудь видел, – доложил поручик.

Эраст и Мона тем временем перешептывались.

– Черепов меня слушать не с-станет.

– Значит, придется всё объяснить Скукину. Этот втемную действовать не согласится. Но если объяснить – горы перевернет, – уверенно сказала она.

Муж кивнул.

– Аркадий Сергеевич, на м-минуту. Я должен вам кое-что рассказать...

Скукин слушал, и его внутренняя флейта засвистала ускоренный марш (Мона это прямо услышала). Схватил всё на лету, даже не стал переспрашивать и уточнять.

– Рыжеусый и чубатый? Превосходно! Сейчас мы их, голубчиков, выявим. Идемте к Черепову, Эраст Петрович. Я прикажу ему собрать полусотню, но объяснять ничего не буду. А вы, Елизавета Анатольевна, пожалуйста, садитесь в мою машину и поскорее доставьте начальницу приюта.

Имя-отчество помнит, «пожалуйста» говорит. То-то.

Теперь, когда цель достигнута, Мона его сразу любить перестала. Все-таки он был противный, Скукин. Холодный, скользкий, как угорь. (Угрей Мона не ела, потому что похожи на змею. Фу, гадость.)

– Дежурный! Проводите госпожу Фандорину к моему авто! И знаете что – на всякий случай отправляйтесь с нею. Доставьте сюда даму, на которую укажет Елизавета Анатольевна... Так. Где Черепов?

– На третьем этаже, господин полковник. Допросный кабинет там.

Скукин и Фандорин направились к лестнице, а Мона с поручиком к выходу, но откуда-то сверху донесся громкий вопль. Что-то загрохотало, и опять стало тихо.

Мона, конечно, остановилась.

– В чем дело? – задрал голову, крикнул Скукин.

По ступенькам сбежал офицер.

– Арестованный напал на войскового старшину Черепова!

Все бросились вверх, на третий этаж. Мона, конечно, тоже. Что за арестованный? Вдруг Романов?

По коридору третьего этажа навстречу шел человек со страшным, костистым, неподвижным лицом, с черной повязкой на лице, с единственным сверкающим глазом, и тер огромный кулак. Рукава засучены по локоть, волосатые жилистые ручищи – как корабельные канаты.

– Виноват, господин полковник, – растерянно сказал он Скукину. – Допрашивал жильца из дома Козловского. Некто Сальников, банковский конторщик. Прижал его немного. Ну, как обычно: «Признавайся, сволочь, мы всё знаем». Я всем это говорю. А он как заорет, как набросится... Я и вмазал с разворота. Не рассчитал силу, угодил в висок... Не дышит...

Скукин поморщился, отодвинул одноглазого, заглянул в распахнутую дверь. Мона, охнув, увидела на полу неестественно вывернутые ноги.

– По крайней мере мы знаем, кто навел убийцу, – прогудел Черепов. – Иначе с чего бы ему на меня кидаться?

– Вы убили того, кто мог вывести вас на с-след? – недоверчиво спросил Фандорин.

– Я же говорю – не рассчитал удара. От неожиданности.

– А почему у вас з-засучены рукава? Успели завернуть, пока Сальников на вас кидался?

Черепов свирепо посмотрел на Эраста.

– Рукава засучены, чтобы не забрызгать кровью. Я с задержанными не миндальничаю, времени нет. Вместо «здрасьте» бью наотмашь – моментально делаются шелковыми. После этого не юлят, отвечают. Сальникова для разминки тоже стукнул, легонько. А он драться. Наверно, решил, что если сразу лупят – значит, он раскрыт.

– Вы били свидетелей? Всех жильцов дома, подряд? – Эраст глядел на офицера с брезгливым изумлением. – Просто чтоб были «шелковые»? И женщин?

– Бабе довольно пощечины, – промямлил Черепов, оглядываясь на Скукина, словно в поисках защиты. Войсковой старшина, кажется, не очень

понимал, кто этот настырный седовласый господин и почему так повелительно держится. Вдруг какое-то начальство?

Полковник внушительно сказал:

– Вы далеки от реалий момента, Эраст Петрович. Да, войсковой старшина человек жесткий. Даже жестокий. Уверен, что в нынешних условиях нам нужен именно такой начальник Особого отдела. Умеющий вселять страх. Мы должны действовать, как татаро-монголы, использовавшие расчетливую жестокость как самое действенное орудие пропаганды. Слухи о страшных карах, которые ожидают всех, кто посмеет сопротивляться, разносились во все стороны, и города сами сдавались Чингисхану. Парализующий ужас – вот что приведет нас к победе. А когда мы победим, эту разболтанную страну нужно будет стиснуть в железном кулаке и долго, долго не разжимать хватку. Пока съехавшее с глузда население не вернется в разум. Наши витии любят разглагольствовать о «белой правде». Чушь это. Настоящая правда совсем другого цвета.

– К-какого же?

Мона увидела, что Эрасту действительно интересно, и сразу вспомнила, что точно с таким же любопытством он расспрашивал зеленошкольского «директора».

– Коричневого. Цвета дерьма – пардон, мадам. – Скукин говорил спокойно и уверенно, должно быть, излагая нечто давно продуманное. – Дурно пахнущая и, мягко говоря, неаппетитная, зато честная. Правда в том, что всякое государство, а уж наше в особенности, держится только страхом и принуждением. Люди делятся на тех, кто принимает решения, и тех, кто их исполняет, даже если не хочет. Потому что боится ослушаться. Русь зашаталась и начала разваливаться, когда слабый и неумный царь в девятьсот пятом году затеял играть в свободы. Все, кому предписано помалкивать, сразу разговорились. Стадо, которому полагалось собираться, только когда прикажут, немедленно превратилось в стаю. Кому от этого стало лучше? Никому. В России, которую мы построим на этом пепелище заново, всё будет иначе.

– Как? – коротко спросил Фандорин.

– Крепко и прочно, а для стада – страшно. Сначала мы развешаем по площадям и перекресткам красных, малиновых и бледно-розовых. И висеть они будут долго, пока не истлеют. Как стрельцы при Петре Великом. Всех ворчащих отправим в специальные лагеря, где они или сдохнут, или перевоспитаются. У нас будет сильная, вездесущая тайная полиция, одно название которой будет повергать в трепет. И для руководства этой службой нам нужны такие люди, как Черепов. А не такие, как покойный Козловский.

Войсковой старшина, и прежде слушавший полковника с явным одобрением, дважды энергично кивнул.

– Хорош у вас начальник т-тайной полиции. Только появилась нить – оборвал собственной рукой.

– Как оборвал, так и восстановит. Благодаря Елизавете Анатольевне у нас появилась возможность добраться до подполья с другого конца. И знаете что. Может быть, мы обойдемся без начальницы, а поступим проще. – Скукин повернулся к Черепову. – Вы помните, кого поставили часовыми у дверей актового зала перед приездом главнокомандующего в приют?

Черепов насупил лоб.

– Двоих каких-то, кто подвернулся... Виноват, не припомню. Конвойная полусотня набрана недавно. По фамилиям знаю всех, по лицам пока не очень. А что такое?

Скукин вздохнул.

– Значит, без опознания все же не обойтись. Езжайте за начальницей приюта, Елизавета Анатольевна. А вы, Черепов, соберите полусотню во внутреннем дворе. Всю, до последнего человека. Один из тех часовых, а может быть, и оба, подложили в зал бомбу. Директриса укажет нам мерзавцев, а дальше мы решим: брать их сразу или установить слежку.

– Уж не Филимонов ли с Теслюком? – Черепов замялся. – Видите ли, двое казаков со вчерашнего вечера пропали из казармы. Я думал, самовольная отлучка, загуляли станичники...

– Один рыжий, второй с черным чубом? – быстро спросила Мона.

– Кажется, так... Погодите, погодите... Да ведь это их я поставил караулить зал! Точно!

Скукин свистяще выругался, на сей раз забыв извиниться перед дамой.

– Мы с Елизаветой Анатольевной п-пойдем, – бесстрастно сказал Эраст. – Больше нам здесь делать нечего. Разбирайтесь со своей «тайной полицией» сами. Единственно... Черепов, вы выяснили, где ночью находился капитан Романов?

– Говорит, у любовницы. А имени не называет, ссылается на офицерскую честь. Не доверяю я ему, господин полковник. Он же служил у красных.

– Я, между прочим, тоже, – строго напомнил Скукин. – Причем вместе с Романовым. Это храбрый, инициативный офицер. И, в отличие от вас, опытный контрразведчик. Освободите капитана. Он будет вашим заместителем.

– Слушаюсь.

– Арестовать вражеских агентов нам не удалось, но по крайней мере они выявлены и мы знаем, кого искать. Это ваша заслуга, сударыня. – Скукин приложил руку к козырьку, Мона церемонно наклонила голову. – А теперь, если позволите, мы с Череповым разработаем план розыска преступников.

– О чем ты думаешь? – спросила Мона мрачного мужа, когда они вышли на улицу.

– Если белая армия начнет воевать по татаро-монгольскому методу Скукина, она победит. Но чем коричневая Россия лучше красной? Вероятно, хуже...

Пусть будет хоть бурмалиновая, только бы нас в ней не было, подумала Мона. Подальше из этого нужника с его дерьмоправдой, подальше.

И вдруг улыбнулась, потому что к ней пришло озарение, которое называется красивым японским словом «сатори».

Надо уехать не в Америку и не в Японию. Они недостаточно далеко. В Новую Зеландию, вот куда! Мона читала про эту далекую благословенную землю в «Ниве», еще до революции. Настоящее сказочное королевство – там. Круглый год май месяц, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся, ни кровососущих насекомых, лишь зеленые луга с белыми овечками, прозрачные озера, голубые горы, а люди тихие, спокойные, приветливые.

– Ты бывал в Новой Зеландии?

– Да, – ответил удивительный муж, побывавший всюду на свете, и захлопал своими синими глазами. – П-почему ты спрашиваешь?

– Там хорошо? Действительно лучший на земле климат?

– Там очень с-скучно. Никогда ничего не происходит. При чем здесь Новая Зеландия?

Скучно – это то, что нужно. Чем-чем, а приключениями Мона наелась на всю жизнь.

– Правда, что там круглый год, как бархатный сезон в Ялте? – невинно спросила она, потому что разговор о Новой Зеландии требовал предварительной подготовки.

– П-пожалуй. К чему ты ведешь?

– К тому, что не перебраться ли нам в Ялту? Там приятней и здоровее, чем здесь. Ты же видишь, чувствую я себя прекрасно. Если мы уже установили, кто взорвал приют, значит, твое обещание Гай-Гаевскому исполнено?

– Вероятно, да... – ответил муж.

Моне послышалось в его голосе сожаление, и она окончательно

решила: в Ялту, и поскорее. Тихий тыловой город, никаких соблазнов.
– Прекрасно. Дождемся, когда вернется Маса, и поедем.

В Порт-Артуре

Масахиро Сибата прожил эти два октябрьских дня красиво и безмятежно, словно белая цапля из классического стихотворения:

О, над горами
Осеннего Хаконэ
Белая цапля!

А потом небо рассекла молния, от чего мир сделался страшен, но еще более прекрасен.

Но по порядку, по порядку, вслед за кистью.

Перед тем как Маса отправился на одиночную охоту, госпожа спросила его, с чего он думает начать.

– Буду ждать *сатори*, – ответил Маса. – Больше надеяться не на что.

Но это он поинтересничал, чтобы потом произвести большой эффект. На самом деле отлично знал, с чего начнет. С того же, на чем они с господином закончили в августе.

Тогда, расследуя дело о злодейском взрыве на городской улице, они быстро установили, что убийцам помогали китайские торговцы, торговавшие вразнос всякой мелочью. Это они, вечно торчавшие на перекрестках, передали по цепочке сигнал, что автомобиль казначейства приближается к месту нападения.

Китайцев в Харькове было много. Они нахлынули во время мировой войны, когда были эвакуированы оружейные заводы из Польши и там требовалось много рабочих рук – свои мужчины ведь ушли в армию. На окраине города образовался целый квартал, всё население которого, две или три тысячи человек, лопотало на певучем, непонятном нормальным людям языке.

После революции, когда заводы встали, многие азиаты уехали, но многие и остались. У чекиста Заенко в комендатуре был целый китайский взвод, во имя Третьего Интернационала беспощадно истреблявший врагов Советской власти. Из этого взвода наверняка были и помогавшие диверсантам разносчики.

Агенты полковника Козловского на них выйти не надеялись, все

китайцы для русских выглядели на одно лицо, да и чужим в эту среду было не проникнуть.

– Иное дело ты, – сказал Фандорин.

– Уж от вас я этого не ожидал, господин, – обиделся вначале Маса. – Только невежественные *акахигэ* могут спутать японца с китайцем. Для китайцев мы такие же чужаки, как белые.

Но господин ответил цитатой из коана:

– Думающая голова подобна кочану капусты.

Маса стал думать и, конечно, придумал. Под многими листьями поверхностных рассуждений нашлась кочерыжка правильного решения.

Отличная вышла работа, приятно вспомнить. Маса очень давно так не развлекался.

Он выдал себя за природного китайца, которого ребенком увезли в Иокогаму, где он почти забыл родной язык. «Почти» – потому что в своей бандитской юности Маса научился немного болтать с шанхайскими контрабандистами на их южном диалекте, а много лет спустя, во время расследования шумного «Дела сямских близнецов», три месяца проработал вышибалой в сан-францисском Чайнатауне и кое-как стал объясняться на северном наречии, которое называют мандаринским. Легкий язык, не то что русский.

«Иокогамский китаец» быстро освоился среди желтокожих харьковчан, нашел среди них одного, причастного к красной сети, а там уже ничего не стоило выйти и на бомбистов. Эти плохие люди сполна заплатили за свое злодейство, но китайца господин велел не трогать, поскольку тот крови не проливал. К этому-то Ченгу японец теперь и отправился. Человечек был так себе, выражаясь по-китайски – *сяожэнь*, но в Поднебесной, как и в Стране Восходящего Солнца, долг благодарности считается священным.

На второй день Маса отыскал Ченга, который сменил жилье, но, слава предкам, остался в Харькове.

Старый знакомец очень удивился неожиданному гостю.

– Ма Ся? Где ты пропадал? Как ты меня нашел?

Это Маса подобрал себе китайские иероглифы, которые читаются похоже на его настоящее имя:

– Как где пропадал? – удивился он, предпочтя не расслышать второго вопроса. – Предупредил тебя, чтобы ты спасался, и сам тоже спрятался. А теперь услуга за услугу. Помнишь, ты говорил, что сведешь меня с вашим *лаода*, а я отказался. Теперь хочу. Сведи. Буду вместе с вами!

Умом Ченг не блистал, с ним можно было особенно не мудрить.

«Лаода» значит «начальник», «командир». Наверно, Маса по-китайски выразился коряво, что-нибудь вроде «твоя предупредить бежать и моя тоже прятаться», но Ченг понял.

– Почему тогда не захотел, а сейчас хочешь? – помедлив, спросил он.

– Для белых мы, китайцы, полулюди. Они называют меня *косоглазый!* – (Это слово Маса произнес на русском.) – Я теперь за Интернационал. За красных. За *пролетарию всех стран*. Ты отведи меня к лаода. Я сам ему всё расскажу.

– Раньше было можно, теперь нельзя. Называется *конспирация*. Чужих приводить нельзя. Я поговорю про тебя с лаода.

– А он откажется или начнет меня долго проверять? Это было бы правильно, если бы ты меня не знал. Но ты меня знаешь. Я уже проверенный. Веди меня прямо к лаода!

– Не могу. У нас строгие правила. Чужих запрещается.

– Эх ты... – Маса сделал жест, которым шанхайские контрабандисты выражали презрение: покачал мизинцем. – Когда я спасал тебе жизнь, чужим не был. Что ж, я уйду, и пусть тебе будет стыдно десять тысяч лет.

Отказать в просьбе тому, кому ты обязан, – это совсем потерять лицо. Ни один мало-мальски приличный китаец так не поступит. Не смог и Ченг.

– Хорошо, – со вздохом молвил он. – Завтра *синъчисан*. Пойдем со мной.

– Что завтра? – не сразу понял Маса. – А, среда.

– По средам лаода собирает нас. Раздает недельное жалованье и задания.

– Вам платят жалованье? – заинтересовался Маса.

Ченг приосанился:

– И наградные бывают. Мне на прошлой неделе дали новую куртку, потому что я хорошо сосчитал на дороге машины с белыми солдатами. Но учти: лаода шутить не любит. И я очень сильно рискую, что приведу тебя без разрешения. Это большое одолжение с моей стороны, очень большое. Рассердится – беда.

– Я всё ему объясню, – пообещал Маса. – Я очень полезный. Лаода сразу это поймет, он еще тебя и наградит.

– Не он, а она, – хихикнул Ченг.

– Ваш лаода – женщина?!

– Да, но не простая. Ее зовут Шуша-тунчжи. – Он написал на листке имя Шу-Ша: – Шуша-тунчжи была телохранительницей в Пекине, в Запретном городе, оберегала ее величество императрицу. А сейчас оберегает самого Зае-тунчжи! Слышал про такого?

– Кто же не слышал, – почтительно проговорил Маса, поняв, что речь идет о Заенко. – Сведи меня с Шуша-тунчжи. И мы будем квиты.

Вечером в среду они отправились в «Порт-Артур», так в городе называли скопление дощатых сараев, где обитали рабочие остановившегося патронного завода. Слава у трущобного квартала была паршивая, местные туда не ходили. Здесь пахло жареным чесноком, гниющими отбросами, стираным бельем, а откуда-то сладко потягивало и опиумом – один Будда ведает, где китайцы его добывали в это скудное время.

С каждым шагом Ченг всё больше нервничал, несколько раз пытался отговорить спутника от затеи, а у самой двери встал намертво, но Маса взял его за шиворот и затолкнул в барак насильно.

За столом, под свешивавшейся с потолка керосиновой лампой сидели человек десять. У торца, на стуле с высокой спинкой – женщина, в которую японец сразу впился взглядом.

Лицо, как у монахини – бесстрастное. Возраст неопределенный. Волосы коротко стрижены. Глаза тусклые. В руке длинный-предлинный бамбуковый мундштук, в нем дымится папироса. Черная куртка со стоячим воротником.

Пытаясь понять, что представляет собой та или иная женщина, Маса всегда воображал, какой она будет в минуту страсти – нежно-податливая, как косуля, требовательно-цепкая, как осьминог, или щедрая, как сочный арбуз. Но вообразить Шушу в мужских объятьях было совершенно невозможно, а это очень плохой признак. Маса насторожился.

Поклонившись, он поприветствовал честную компанию:

– *Да цзя хао!*

Все глядели на незнакомого человека, но никто даже не кивнул. На лицах (частью молодых, частью не очень, но ни одного старого) было одно и то же выражение, которое Маса не понравилось: так обычно смотрят на залетевшую муху, прежде чем ее прихлопнуть.

Ченг, дрожа голосом, стал говорить – так быстро, что Маса половины не понимал, только общий смысл. Это-де тот самый Ма Ся, который спас его в августе от белой контрразведки, товарищ Шуша наверняка помнит. Ма Ся родом из Шанхая, но с детства жил в Японии. Очень просил привести сюда. Хочет быть с нами...

Сбился, умолк. Маса еще раз поклонился, сложив руки перед собой, по-китайски.

Лица повернулись к начальнице – что она скажет?

Выдрессированные, будто мартышки в цирке, подумал Маса. Он по-прежнему следил только за Шушей, прочие, ясно, значения не имели.

Женщина вынула из мундштука папиросу, аккуратно отложила в пепельницу.

Тихо, очень тихо (все вытянули шеи, чтобы расслышать), произнесла:

– Товарищ Ченг, я говорила – чужих не приводить?

– Он не чужой, я же объяснил... Он меня спас! Он за Интернационал, он хочет сражаться с нами против белых чертей!

– Кто чужой, а кто нет, решаю я, а приказ есть приказ. Ты знаешь, что бывает за нарушение приказа?

Шуша вынула что-то из маленькой коробочки, положила в рот. Наверное, коричную или мятную пастилку. Китайцы любят.

– Так что бывает за нарушение моего приказа? – повторила она сквозь стиснутые зубы.

Ченг затрясся.

– Выслушай меня, почтенный товарищ Шуша, – сказал Маса. – И ты увидишь, что я не чужой.

Женщина поднесла пустой мундштук к губам, раздался тихий звук, и Ченг схватился за горло, его глаза полезли из орбит. Сидевшие за столом съежились.

Несколько секунд похрипев, Ченг уронил руки. Глаза у него остекленели. Прямой, как палка, он с деревянным стуком бухнулся на пол. Из шеи, сбоку от кадыка, торчала иголка.

А, вот почему мундштук такой длинный, понял Маса. У японских ниндзя тоже есть такое оружие – трубка, чтоб плевать отравленными шипами. Называется *фукия*. Знаем, учились. Но какая поразительная меткость! Попасть с такого расстояния точнехонько в артерию! У Масы так бы не получилось. Только если как следует потренироваться.

Он снова, еще внимательней присмотрелся к китаянке, отметил невероятную скупость ее движений, верней, полное их отсутствие. Убив человека легким напряжением губ, Шуша застыла. В пальцах левой руки что-то поблескивало. Еще одна иголка.

Маса покашлял. Вдруг зачесалось горло, и как раз около кадыка.

Говорят, все императорские телохранители имели наивысший ранг своего ремесла. Он называется «живой камень», потому что, пока нет опасности, камень мертвый, не привлекает к себе никакого внимания, ничем не выдает присутствия. Но при малейшей угрозе для охраняемой особы камень оживает.

Не сводя глаз с иголки, Маса приготовился, если что, крутиться и

прыгать.

Губы женщины задвигались, в остальном она осталась такой же каменной:

– Теперь я поговорю с тобой, чужой человек. Ты старый. Ты не настоящий китаец, даже кланяешься неправильно. Никто кроме *бэнъданя* Ченга тебя не знает. Зачем ты мне? Не дашь хорошего ответа, отправишься в *ушуйши* вслед за своим никчемным приятелем.

Слово *ушуйши* Маса не знал, но вряд ли оно означало что-то хорошее.

– Я не старый. И я очень полезный. Я могу побить всех твоих людей один.

Чуть улыбнулась. Спрятала иголку в коробочку. Уже хорошо.

– Побей меня. Я буду сидеть и пользоваться только левой рукой.

Поднялась, взяла тяжелый стул пальцами, словно пушинку. Вынесла на пустое место. Села. Ступнями зацепилась за ножки, правую руку убрала за спину.

Какое у нее лицо, думал Маса. Будто густой туман, сквозь который совсем не видно душу. Вообще ничего не видно.

– Одной рукой? – вежливо посмеялся он. – Ты, наверно, шутишь?

– Победишь меня – будешь жить. Нет – умрешь.

Сидящие за столом тихо, но оживленно шептались, о чем-то между собой сговариваясь. Маса догадался о чем. Китайцы обожают заключать пари. Кажется, желающих поставить на чужака не нашлось.

Ну, сейчас я тебе устрою японо-китайскую войну, злорадно подумал Маса. Как в 27 году эры Мэйдзи, когда ваши полчища думали раздавить нашу маленькую армию, словно комара, а потом еле унесли ноги.

Он ринулся вперед без раскочки, без предупреждения, применив технику *хи-но-хё*, «огненный град» – это когда короткие удары сыплются со всех сторон.

Ни один не достиг цели. Кулаки неизменно натыкались на порхающую ладонь, а стоило Маса на долю секунды ослабить натиск – ладонь больно шлепнула его по кончику носа. Полилась кровь.

Рассердившись, он удвоил частоту ударов, но единственная рука китаянки легко их отбивала. Попробовал врезать слева коленом – его встретил железный локоть.

Маса был так сосредоточен на этой проклятой, вездесущей, непробиваемой руке, что ничего кроме нее уже не видел. Поэтому неожиданная атака с другой стороны поймала его врасплох. Шуша двинула его в висок справа, и бой закончился.

Когда Маса выплыл из черной зыби, оказалось, что он лежит на полу и

что в грудь ему упирается маленькая нога в кожаном тапке. Снизу Шуша казалась огромной, вздымающейся чуть не до потолка. Ее лицо с этого ракурса было похоже на сияющую луну.

Первая мысль, пришедшая в еще не вполне прояснившуюся голову, была: «Будда Амида, какая женщина! Никогда такой не видывал!»

– Ты сказала, что будешь драться только левой рукой, – укорил он. – Это нечестно.

– Ты только потому и жив, что одной левой оказалось недостаточно. Я очень давно не встречала таких серьезных противников.

Зыбь совсем отступила, и Маса увидел, что в помещении кроме них никого нет.

– Где все?

– Я их отослала. Хочу узнать тебя получше. Скажи, зачем ты пришел? Только не ври, что ты хочешь сражаться за Интернационал. Для этого ты слишком хитрый и слишком старый.

– Я не старый!

Сколько ей лет? Тридцать? Сорок? Пятьдесят? Хорошо бы сорок, самый лучший возраст для женщины. Но если даже больше, тоже ничего.

Посмотрел на ногу, попиравшую его грудь. Слава богу, нормальная, не перебинтованная. Впрочем, иначе ее не взяли бы в телохранители.

– Ты сама сражаешься за Интернационал. Почему не могу и я?

– У меня есть своя причина.

– Помогать большевикам? Какая?

– Скажу. Зачем мне таиться? – Она все так же глядела на него сверху вниз, неподвижная и величественная. – Или ты станешь своим, и тогда мы будем вместе. Или не станешь, и тогда никому ничего не расскажешь. Я помогаю большевику Зае, хотя он глупый варвар, потому что в Москве у него влиятельные...

Последнее слово Маса не разобрал, но догадался: начальники или покровители.

– Большевики в этой войне победят. А когда они сделают красной всю страну Элосы, они захотят сделать красными соседние страны. Это и есть «Интернационал». Тогда я вернусь в Китай комиссаром красной Москвы. И наступит мое время.

Великая женщина с великими помыслами, восхищенно подумал Маса. Я такой еще не встречал. Интересно, прямые ли у нее ноги? Под штанами не видно. У китаянок, к сожалению, ноги часто кривоваты. Но такой великой женщине можно простить и это.

Ему даже нравилось, что она вот так стоит над ним и давит на грудь.

– Я с тобой откровенна, как ни с кем, – сказала Шуша. – Потому что я вижу: ты человек серьезный и бесстрашный.

Польщенный, Маса сдвинул брови, чтобы выглядеть еще серьезней и еще бесстрашней.

– Ты тоже будь со мной откровенен, – продолжила она. – Я умею делать больно, меня хорошо этому обучили, но я знаю: от тебя болью ничего не добьешься. Если ты не захочешь сказать правду – не скажешь. Учти однако, что обмануть меня невозможно. Нас в Запретном Городе научили искусству, необходимому для хорошего телохранителя: видеть ложь в глазах. Глаза человека, замышляющего недоброе, всегда лживы. Смотри мне в глаза, Ма Ся, и отвечай. Если я замечу хоть тень неправды, я раздавлю твое сердце.

Нога усилила нажим, и Масыно сердце затрепетало, но не от страха, а от очень острого и небесприятного чувства, которому не было названия.

– Я скажу тебе правду. Я пришел сюда, чтобы добраться до Зае-тунчжи.

Узкие глаза стали еще уже, словно по лику луны проскользнула легкая тень.

– Зачем он тебе?

– Не мне. Моему *лаода*.

– Кто он?

– Тот, кто в августе нашел и наказал людей, которые летом убили на улице много мирных горожан. Мой господин – *цзюнцизы* [по-китайски это значило «благородный муж»], и его цели всегда благородны. Он великий сыщик и мастер японской боевой школы Ниндзюцу.

– Какой-какой?

Маса приподнял штанину на ее ноге и написал пальцем на коже иероглифы. Кожа была гладкая и прохладная. Захотелось ее поцеловать, но не стал.

– А, *жэньшу*, я про нее слышала много интересного. Твой *лаода* китаец или японец?

– Русский.

Тонкие брови чуть-чуть дрогнули. Это безусловно был знак крайнего удивления. Маса понемногу учился читать ее каменное лицо.

– Не знала, что среди русских бывают *цзюнцизы* и мастера *жэньшу*... – Шуша легонько вздохнула. – Как же мне с тобой быть, Ма Ся? Я могу тебя убить, но тогда твой *лаода* пришлет кого-то другого, кого я не знаю. Или начнет мстить за тебя сам....

Как она умна, подумал Маса. Жалко, что я лежу, а она стоит. Лучше бы

она тоже легла.

– И мне почему-то не хочется тебя убивать, – задумчиво проговорила она. – Это очень странно. Обычно я убиваю с удовольствием.

– Это потому что нас свела карма. Карма прислала меня потому, что твое время одиночества закончилось...

Он, наверное, очень коряво проговорил это на своем паршивом китайском, но Шуша поняла. Красивые брови выгнулись еще на полсуна.

– ...Я была уверена, что мое время одиночества никогда не закончится.

Она убрала ногу с его груди, отвернулась и обхватила себя за плечи. От этого неожиданно женского жеста, от беззащитной спины Маса растрогался, шумно задышал.

Мягко вскочив на ноги и с трудом удержавшись от того, чтоб ее обнять, проникновенно сказал:

– ...А меня карма привела к тебе, потому что я больше не нужен моему *лаода*. Я верой и правдой служил ему много лет, потому что он следовал великой цели: карал Зло. Но скоро я буду свободен, одинок и останусь без смысла в жизни, потому что господин уходит на покой, отказывается от великой цели. А у тебя она есть. Мне все равно, в чем она заключается. Довольно того, что она – великая. И если ты захочешь, я буду служить тебе.

Шуша быстро обернулась. Ее глаза были мокрыми, и у Масы тоже немедленно выступили слезы.

Цветок сливы на засохшей ветке

В первую минуту Маса даже заколебался – так горячо ему обрадовалась Мона-сан. Когда утром он постучался в номер «люкс», она даже вскрикнула от радости. И обняла, и поцеловала.

– А я со вчерашнего вечера думаю только об одном: скорей бы вы вернулись!

Может быть, я не буду третьим лишним, вдруг засомневался Маса. Госпожа искренне меня любит. И насчет воспитания сына – я говорил это не всерьез, а только чтоб сделать ей приятно, но вдруг? Вдруг? И глаза опять замутились слезами. Они теперь всё время были близко.

Но вслед за тем Мона-сан сказала, обернувшись к Фандорину:

– Он вернулся! Мы можем ехать в Ялту!

И Маса понял, что она обрадовалась не ему, а тому, что его возвращение приблизило ее счастье. Понял, но нисколько не обиделся. У женщин, *обычных* женщин, в жизни своя правда, и она заслуживает уважения. Что ж, значит, ночное решение, принятое под воздействием мгновения, было верным. Это было *сатори*, а *сатори* никогда не обманывает.

– Может быть, мы сначала выслушаем, чем Маса эти три дня занимался? Кажется, ему есть что рассказать.

Господин обеспокоенно сдвинул брови. Он что-то почувствовал – слишком хорошо знал своего вассала.

– Да, мне есть что рассказать, – торжественно объявил Маса.

И рассказал всё как было. Сначала только события. Потом перешел к чувствам.

– ...Я никогда не думал, что со мной это случится. Вы знаете, сколько у меня было женщин, господин. – И уточнил, потому что был благодарен каждой из них: – Пятьсот шестьдесят семь, если не считать той чересчур трепетной бразильянки, которая умерла от страсти, прежде чем я завершил свое дело, и той коварной венецианки, которая попыталась вонзить мне в затылок стилет в самый неподходящий момент. Она тоже умерла, – пояснил он Моне-сан на случай, если она не поняла. – Ведь мне в следующем году уже шестьдесят, и вдруг такое чудо! Будто цветок сливы распустился на давно засохшей ветке! Я в жизни не встречал подобной женщины. Уверен, другой такой нет! Она как зеленая мамба, которая чуть не ужалила меня двадцать лет назад на реке Конго, – такая же смертоносная и прекрасная!

– Она побила тебя одной левой? Н-невероятно, – покачал головой Фандорин. Душевные излияния произвели на него меньше впечатления. Про них господин сказал: – Просто тебе была нужна женщина, которая сильнее тебя, а ты, умник, думал, что тебе нравятся толстухи.

– Не только левой, еще чуть-чуть правой. И уверяю вас, что с императорской телохранительницей вы бы тоже не справились, – с достоинством ответил Маса на первую половину этой черствой тирады, а вторую как оскорбительную проигнорировал и стал обращаться исключительно к госпоже.

Вот она слушала как надо – ахала, прижимала к груди руки и утирала глаза платком.

– Я долго говорил Шуше о моей любви. Сначала она рассердилась и хотела меня побить, даже один раз стукнула, очень больно. Но я собрал все красивые китайские слова, какие только знаю. Сказал, что буду с ней до конца дней. Что готов быть ее слугой и выполнять все ее прихоти. Что сделаю ее самой счастливой китайкой на свете. И всё время на нее смотрел, а господин знает, как я умею смотреть на женщин. Она начала слушать. Потом задумалась. Потом согласилась...

– Это удивительная любовная история! – всхлипнула Мона-сан. – Почти как наша. Правда, Эраст?

Господин мрачно молчал.

Приближался тягостный миг. Маса укрепил свой дух, повернулся к Фандорину.

– Вы... отпустите меня, господин?

– Как я могу тебя не отпустить? В свое время ты сам затеял весь этот ц-цирк с «господином» и «вассалом». Тебе и решать, когда он закончится. Но я вижу, что ты чего-то не договариваешь.

Следующий этап беседы был не менее трудным. Маса начал издали:

– Тигрица вырастает тигрицей, потому что она дочь тигра и выросла в тигриной стае. Шуша – телохранительница из Запретного Города. Ее выбрали для этой судьбы с детства, ее воспитывали дворцовые боевые евнухи, люди суровые и жестокие. Она живет по внутренним правилам, которые могут показаться чудовищными. Пройдет еще много времени, прежде чем Шуша под моим влиянием изменится...

– Давай короче, а? – попросил господин.

– Я сказал, что мне нужен Заенко, потому что он злодей, и, если ей я дорог, она должна мне его отдать в знак своей любви...

Маса замялся.

– А она что? Отказала?

– Нет, согласилась... Но сказала, что я тоже должен доказать свою любовь. Один *лаода* в обмен на другого.

– Что? – не поняла Мона-сан.

– Я должен убить своего господина, и тогда Шуша мне поверит, – объяснил ей Маса.

Мона-сан вскрикнула, а Фандорин хладнокровно заметил:

– В сущности, логичное контрпредложение. У вас с ней может получиться интересная п-пара.

– Я, конечно, не стану убивать господина, – объяснил Маса испуганной госпоже. – Я просто скажу, что убил его. Пусть эта маленькая ложь останется на моей совести.

– Маленькая? – оскорбился Фандорин.

А Мона-сан пролепетала:

– Она на слово не поверит!

– Мне – поверит. Я буду очень убедителен. Только отпустите меня, господин, без горечи. И пожелайте счастья.

Просьба была произнесена чувствительно, сквозь слезы, которых Маса несколько не стеснялся, ибо еще много веков назад сказано:

Роса на листьях
Жесткого репейника.
Слёзы воина.

Но господин, вместо того чтоб растрогаться и обнять старого друга, рассеянно спросил:

– А какой императрице она служила – Цыси-тайхо или Луньюй-тайхо?

– Я не спрашивал. Какая разница? Шуша сказала, что покинула службу восемь лет назад.

– Значит, императрице Луньюй, потому что Цыси умерла в девятьсот восьмом. Понятно.

– Что вам понятно? Вы тянете время, потому что не хотите меня отпускать! – рассердился Маса. – Вы не ответили на мой вопрос!

– Конечно, иди. Я тоже желаю тебе с-счастья.

И отвернулся – несомненно, чтобы скрыть увлажнившиеся глаза. Зато Мона-сан обняла Масу и нежно молвила:

– Я очень за вас волнуюсь. И мне ужасно хочется увидеть женщину, которая так на вас подействовала.

– Пока нельзя. Сначала мне нужно ее перевоспитать... – Он понизил

голос – не хотел, чтоб услышал господин, но Моне-сан можно было это сказать. – Мне уже слишком много лет, чтобы потратить их на завоевание Китая. И на что мне Китай? Я хочу быть счастливым в любви, как счастливы вы и господин. Со мной Шуша изменится. Может быть, у нас тоже родится ребенок. Она ведь еще молодая, ей только тридцать три года. Любовь и материнство делают чудеса. И когда это произойдет, мы разыщем вас. И снова будем рядом.

Мона-сан всхлипнула. Он тоже плакал, вытирая щеки рукавом.

К назначенному месту Маса шел порхающим шагом, в груди трепыхала крылышками разноцветная бабочка. Это и есть любовь, думал он. Вот, оказывается, какая она. Совсем иная, чем я воображал.

Шуша велела идти от товарной станции вдоль ржавых рельсов заброшенной железнодорожной ветки до будки обходчика.

Вот и маленький облупленный домик с зияющей дырой окна. До будки оставалось метров пятьдесят, когда Маса увидел Шушу. Она сидела под кустом на корточках, дымя своим длинным мундштуком.

Придав лицу выражение суровости, потому что с женщиной следует быть сдержанным, Маса остановился.

– Я исполнил обещание. Исполнила ли свое ты?

Она поднялась на ноги. Уголки рта едва заметно раздвинулись. Шуша улыбалась!

– Я отведу тебя к Зае-тунчжи и делай с ним что хочешь. Но сначала я должна убедиться.

– В будущем, когда ты лучше меня узнаешь, ты научишься верить мне на слово, – строго сказал Маса. – Вот, смотри.

Он снял заплечный мешок, распустил тесемку.

– Это голова моего *лаода*. Я очень любил его, но тебя я люблю больше.

Шуша заглянула.

– Настоящий *цзюнцизы*. Красив даже в смерти.

Растянула губы еще шире – это, вероятно, был уже залиvistый хохот – и шлепнула Масу открытой ладонью по макушке, вроде бы несильно, но он опрокинулся навзничь. В ушах звенело, перед глазами вертелись радужные круги.

– А ты – настоящий *бэндань*. Прощай, ты меня очень повеселил своим смешным китайским и своей глупостью.

Она бросила папиросу, сунула в рот иголку, подняла мундштук.

Маса мог бы откатиться в сторону, потому что удар сбил его с ног, но не оглушил. Однако не захотелось. Зачем нужна жизнь, если она с тобой

так обходится?

– Сука, – сказал он Шуше по-русски. Времени сочинить предсмертное хокку все равно не было.

Трубка издала не плюющий звук, а оглушительно грохнула. У китайки точно посередине лба появился черный кружок, голова резко откинулась, тело свалилось в траву.

Маса изумленно сел.

Вдоль рельсов шел господин с дымящимся револьвером в руке.

– Ты совсем расклеился, – укоризненно сказал он. – Даже не заметил, что я за тобой иду. Стыдно.

А Маса несколько не обрадовался. Он закрыл лицо ладонями и затрясся от рыданий.

– Она меня не любила, я ошибся... Но я... я полюбил ее. Я думал, мы будем вместе. Как вы с госпожой... Я думал, у нас тоже родится ребенок. Думал, пускай у вас девочка, а у нас мальчик, и когда они вырастут...

Не мог продолжать. Рвалось сердце.

Господин взял плачущего за шиворот, грубо подволок к трупам.

– Ну, дети-то навряд ли.

– Что вы делаете?! – в ужасе закричал Маса, видя, что Фандорин стаскивает с убитой штаны.

– Полюбуйся. Это никакая не женщина. Твоя Шуша – евнух.

Маса смотрел на оголенное место, хлопал глазами.

– Когда я вычислил, что твоя избранница служила в охране императрицы Луньюй, сразу это понял. Если бы речь шла про Цыси – иное дело. Старая императрица правила сама, славилась вздорным нравом и непочтением к т-традициям. Вот она вполне могла держать подле себя женщин-телохранительниц. А Луньюй-тайхо никакой власти не имела и ни за что не посмела бы нарушить правила Запретного Города. Разве ты не знаешь, что личные покои государей и государынь там могли охранять только евнухи? Нужно читать больше к-книжек.

– Если вы догадались, что Шуша меня обманывает, почему не сказали? – спросил Маса, сжимая виски. Радужные круги не исчезли, а вертелись всё быстрее. – Это жестоко. Я никогда еще не чувствовал себя настолько униженным...

– Ты бы мне не поверил. Любовь – она такая. – Господин потрепал Маса по затылку. – Бедняга. Тебе, наверное, тяжело смотреть на нас с Моной?

Ссутулившийся, постаревший лет на сто, Маса с трудом поднялся.

– Мне очень стыдно, господин, – безжизненно сказал он. – Я думал,

что только вы глупеете от любви. Но таким дураком, как я, вы никогда не были. Простите меня. Я всё испортил. Теперь мы не найдем злодея Заенко. Шуша, конечно, его предупредила.

Фандорин щелкнул его по лбу.

– Эй, приди в себя! Ты ведь меня знаешь. Когда это я обрывал нить? Разве стал бы я убивать эту ошибку п-природы, если б Заенко уже не был у нас в руках?

– А? – спросил Маса, что, конечно, было ужасно невежливо.

– Пока вы тут ворковали, я внимательно осмотрелся. И заметил, что в окошке будки посверкивают блики. Там зритель с биноклем. Для кого, по-твоему, могла Шуша устроить этот с-спектакль? Заенко пришел полюбоваться, как умирает человек, который расправился с бомбистами. Сейчас товарищ ч-чекист сидит тихонько, ждет, когда мы уйдем. Пойди, возьми его. Тебе полезно в-взбодриться.

Круги вертеться сразу перестали.

– Мне уже гораздо лучше, – сказал Маса.

Средство от зубной боли

Судьба революции висела на волоске, стальные челюсти белых армий смыкались на горле истекающей кровью Республики, а большевик Романов глядел в окно и думал о любви.

Надя вчера сказала: «Ты не понимаешь. Проблема не в тебе, проблема во мне. Мужчина способен любить что-то больше, чем кого-то. У женщины так не получается». Алексей злился. Они наконец были вдвоем, наедине, а Надежда упиралась кулачком ему в грудь, отодвигала лицо, и всё говорила, говорила.

«А можно попонятней?» – спросил он. «Можно. Если случится то, чего ты хочешь... и про что я стараюсь не думать, потому что сразу темнеет в глазах... Если это произойдет, тогда ты совсем заслонишь мне остальной мир. Я смогу думать только о тебе, жить только тобой. А революцию сейчас нельзя бросать. Без любого из нас, даже без крошечной меня она может погибнуть. Давай дождемся победы. Тогда я смогу быть твоей целиком, до доньшка». Алексей перестал ее обнимать, сложил руки на груди, усмехнулся. «Красивые слова. А на самом деле ты просто маленькая девочка, которая хочет, но боится. Сама пришла ко мне в номер, потом испугалась и теперь, как положено интеллигентке, заворачиваешь свой страх в блестящий фантик». Он, правда, ужасно рассердился. Потому что хотел ее до дрожи в коленях. Нарочно сказал такое, на что Надя не могла не обидеться. Она вспыхнула, выбежала вон. А сейчас Романов, вместо того чтобы думать о деле, пялился в окно на дождливую улицу и говорил себе: Надя права. В России сейчас не время для любви. В России времени для любви вообще никогда не бывает.

Взять его первую любовь, пускай мальчишескую, глупую, но тогда она такой не казалась – сломана войной.

Вторая, обманная, была химерой войны. Наваждением.

Третью война просто убила...

Он зажмурился, отогнал страшное воспоминание о мертвом поле. Раньше не получалось, а теперь – почти без усилия.

Любовь к Наде – последняя. Другой уже не будет, этот хвост у ящерицы больше не отрастет. Ждать победы? Но когда мы победим – если победим – опять сыщется какая-нибудь очередная российская чума-холера, которая окажется важнее любви и несовместима с нею...

Он потрянул головой. Хватит ныть, товарищ Романов. Давай сначала

победим, а там будет видно.

И наконец стал думать про дела. Они были, культурно выражаясь, дерьмовые. Девочка сказала верно: Советская республика находилась на пороге гибели.

Генерал Юденич уже дошел до Царского Села, и падение Петрограда, колыбели революции, ожидалось со дня на день. Армия Гай-Гаевского подходила к Туле. Красный фронт там дрожал и гнулся. Алексей знал, что скоро он рассыплется вдребезги – из Новороссийска отправлен эшелон с новейшими английскими танками, идеально приспособленными для маневренной войны. Бронированные чудища посекут своими мощными пулеметами красную конницу, передавят обескровленную рабочую пехоту стальными гусеницами. И потом в два-три перехода докатят по беззащитным тылам до Москвы...

Самое гнусное, что Романов ничего не мог сделать. У него теперь не было доступа ни к каким секретным сведениям. Новый начальник освободил его из-под ареста, но к серьезной работе не подпускал. Дал совершенно издевательское задание: сидеть в гостинице и, никуда не отлучаясь, составлять штатное расписание Всероссийского Управления Безопасности, в которое преобразуется Особый отдел после взятия Москвы. Фактически капитан Романов находился под домашним арестом, а значит, агентурная сеть РВС была парализована.

Вся надежда, что второе подполье не бездействует. Из двух пропавших казаков конвоя отыскался только Филимонов – в речке Лопани, с пулей в затылке. Второй, Теслюк, бесследно исчез. Он-то наверняка был из людей Заенко. У них имеется какой-то хороший источник в штабе армии. Заенко отвратительный мерзавец и убийца Лавра Козловского, но, кроме как на чекистов, рассчитывать сейчас не на кого.

А тем временем в городе шли повальные аресты. На заводах, в мастерских и в депо забирали профсоюзных активистов, взяли целиком всю редакцию единственной либеральной газеты «Голос Юга», на улицах хватили всех мало-мальски подозрительных.

Особый отдел снова стали называть «Черным Домом», потому что из окон неслись вопли допрашиваемых, а во дворе грохотали выстрелы. На рыночной площади бригада плотников спешно сколачивала виселицы. План Скукина править через страх воплощался в жизнь.

Через Скукина и надо действовать – к такому решению пришел Романов, как следует поработав мозгами.

Хватит киснуть под «домашним арестом». Нужно, не дожидаясь вызова, отправиться на службу и закатить Черепову скандал, после

которого совместная служба станет невозможной. Когда-то, еще в самом начале, Скукин предлагал устроить боевого товарища к себе в штаб. Многозначительно говорил: я нуждаюсь в людях, которым могу доверять. Прийти к нему и сказать: так, мол, и так, Аркаша, я ваша. Бери меня под свое крыло. Буду служить тебе, как японец Фандорину. В такое горячее время находиться в штабе всяко полезней, чем в контрразведке.

Повеселев, Романов надел шинель, фуражку, подхватил портупею – и вперед.

Перед Особым отделом, как всегда в последние дни, происходила кутерьма. По крыльцу взбегали люди, другие выскакивали, из ворот с урчанием выехал грузовик – будто еж, оцетинившийся штыками, кавалерист бешеной рысью поскакал в сторону центра. С тех пор как Алексей был здесь в последний раз, суматохи стало еще больше.

– Из-за чего переполох, Миша? – спросил он дежурного офицера.

– Не слышал еще? – У подпоручика от возбуждения прыгало лицо. – Заенко взяли! Вон он лежит, сволочь. Фандоринский японец только что приволок! Начальник находится в штабе армии. Ему уже позвонили.

– Лежит? – переспросил Романов, обернувшись. Увидел в коридоре плотно сдвинутые спины. Все смотрели куда-то вниз. – Убит?

– Живехонек. Да ты пойдя, полюбуйся, – хохотнул подпоручик.

Алексей раздвинул людей.

У стены на скамейке в неподвижной позе сидел японец, опершись ладонями на колени, и важно смотрел перед собой. Под ногами у него лежал человек, весь опутанный веревками, будто его засунули в сетчатую кошелку. Даже лицо было перетянато: меж зубов торчал кусок дерева, с двух сторон прикрученный шнурком от ботинка. Глаза пленника яростно пучились, сверкая белками. Остановились на Алексее, ненавидяще прищурились. Узнал.

Как пойманный волк из сцены охоты в «Войне и мире», подумал Романов.

– Как вам это удалось, господин Сибата? – спросил он.

Японец вежливо ему поклонился.

– Очень просто. Он стрелял, я прыгал. Когда я прыгаю, попасть очень трудно. Он не попал. Потом у него кончились патроны. Тогда я ударил его по уху вот этой ногой.

Он показал на свой ботинок, в котором отсутствовал шнурок.

– А зачем у него во рту деревяшка?

– Чтоб не откусил себе язык. Это серьезный *акунин*, от него всего

можно ожидать. Когда я его уже свалил и взял за горло, он укусил меня за руку.

Японец показал кисть со следами зубов.

– Серьезный кто? – переспросил Романов, лихорадочно думая, как быть. Он охотно прикончил бы скотину Заенко собственными руками – но чекистское подполье, но ситуация на фронте...

– Это долго объяснять. – Сибата поднялся. – Вы пришли, и теперь я могу уйти. Передаю этого плохого человека в ваши руки. Делайте с ним что хотите. Господин велел передать, что на этом его участие в войне между белыми и красными заканчивается. Обещание, которое он дал вам и вашим начальникам, исполнено. Шнурок оставляю.

Японец чопорно поклонился. Перед ним расступились. Ушел.

– Вынуть кляп, – приказал Романов. – Нет, я сам...

Наклонившись вплотную к лежащему, шепнул:

– Спокойно. Я что-нибудь придумаю.

Тот, едва лишь смог говорить, прошипел:

– Поквитаться решил, иуда? Я тебя на тот свет за собой заберу...

– Дорогу, дорогу! – раздался громкий голос.

Это прибыл Черепов. Вокруг немедленно образовалась пустота – войскового старшину боялись собственные подчиненные.

– Что, сокол Дзержинского, прилетел в родное гнездо? – зловеще ухмыльнулся Черепов. – Раньше ты тут хозяйничал, теперь погрызешь морковку с другого конца.

– Да, я сокол Дзержинского, – ответил снизу Заенко. – А твой капитан – ворон Троцкого. – И мотнул головой на Алексея.

– Куражишься, вражина. – Черепов, наклонившись, нанес короткий, мощный удар кулаком по лицу. Пленник затих. – А ну, в операционную его. Скоро он у меня по-другому закурлыкает. Приготовь его, Калмыков.

Арестованного подхватили за руки и за ноги, потащили вверх по лестнице. Впереди шел фельдфебель Калмыков, ординарец начальника.

– Что за операционная такая? – спросил Романов.

Плохо дело, думал он. Заенко очнется и снова заведет про Троцкого. В конце концов Черепов прислушается.

Сияющий начальник даже не вспомнил, что запретил помощнику отлучаться из гостиницы.

– Пока вы сочиняли диссертацию, капитан, у нас тут кое-что изменилось. Помните, у Козловского на третьем этаже была картотека? Я устроил там новый кабинет для допросов. Чтоб работать по-настоящему. Сейчас поднимаемся, увидите. Только протелефонирую полковнику

Скукину. Пусть сообщит командующему, что мы действительно взяли самого Заенко.

Уже «мы взяли», а скоро будет «я взял», мельком подумал Алексей, но череповское честолюбие сейчас занимало его меньше всего.

Бывшую картотеку было не узнать. Полки с ящиками исчезли. Посередине пустой комнаты на большом столярном верстаке лежал растянутый буквой «Х» чекист, совершенно голый. Его запястья и щиколотки были пристегнуты ремнями, рот заклеен пластырем, глаза бешено вращались. Рядом стоял Калмыков в кожаном фартуке, раскладывал на столике столярные инструменты.

Войсковой старшина, мурлыкая песенку, тоже надел передник, нарукавники. Он не торопился, подчеркнуто не обращал внимания на пленника. Подошел к тумбочке, на которой красовался шикарный граммофон, сверкающий лаковой трубой. Стал выбирать пластинку.

– Люблю работать с комфортом, – пояснил Алексею.

– Почему он голый?

– Я всегда привожу пациентов в природное состояние. Запомните правило первое: допрашиваемый должен чувствовать себя голым мясом. Это избавляет от амбиций и располагает к искренности.

– ...А пластырь зачем? Он же не сможет отвечать!

– На предварительной стадии это и не нужно. Человек начинает врать, юлить, надеется как-то отбрехаться. Или гордо безмолвствует, не хочет говорить. Сначала говядину нужно хорошенько обработать. Чтоб измычалась. Пусть сама взмолится: остановитесь, всё скажу! Но мы остановимся нескоро. Правило второе: возможность дать чистосердечные показания для допрашиваемого должна быть не жертвой, а наградой, которую еще надо заработать. Подобная тактика в конечном итоге экономит время.

Войсковой старшина завел модный романс «Кончилось счастье».

– Музыка – для фона. А то сейчас начнется мычание, рычание... Ну-с, для почина легкая зачисточка.

Подпевая пластинке «Кончилось счастье, всё было сно-ом, сердце тоску-ует, сердце страда-ает», он взял наждак, с хрустом провел по голени лежащего. Она сразу засочилась кровью.

– Ммммммм!!!

На рту Заенко вздулся пластырь.

Черепов засмеялся:

– Каково подтягивает вторым голосом? – Потрепал арестованного по животу: – Я тебе пока обрисую тему будущего разговора. Ты мне

расскажешь, кто состоит в твоей шайке, до последнего человечка. И где взять каждого. Потом сообщишь самое главное: кто ваш шпион в штабе армии. Но мы никуда не спешим. У нас впереди большая программа. Я по тебе еще даже напильником не прошелся.

Арестованный снова замычал.

– Что? – деланно удивился Черепов. – Уже хочешь беседовать? А как же напильник? Расстраиваешь меня. Ладно, так и быть...

Он отодрал пластырь с одного конца. Заенко произнес короткое, смачное ругательство.

– Умничка, – одобрительно кивнул войсковой старшина, возвращая пластырь в прежнюю позицию. – Так интереснее. Пропущу-ка я, пожалуй, стадию напильника. Калмыков, давай сразу тисочки.

Пальцы Романова лежали на кобуре.

Первую пулю Черепову, прикидывал он. Вторую Калмыкову. Третьей придется кончить Заенко. Спасти его не спасешь, хоть мучить не будут. Потом, пока беготня и неразбериха, попытаться уйти самому...

«И засветиться? Оставить Республику в это роковое время вообще без агентуры? Только потому, что ты такой нежный?» – спросил суровый голос. Ответить было нечего. У Алексея задрожали пальцы, на лбу выступила испарина.

Черепов с фельдфебелем наклонились над допрашиваемым, что-то у них там полязгивало. Заенко начал изгибаться, биться. Кобура расстегнулась будто сама собой...

Стукнула дверь.

– Значит, это и есть знаменитый красный Рокамболь! – весело воскликнул красивый щеголеватый капитан с аксельбантами. – Харитоша, я к тебе от командующего.

Адъютант Гай-Гаевского, узнал Алексей. Какая-то кольцеобразная фамилия. Макольцев. Интересно, что обращается к Черепову фамильярно, на «ты».

– Паша! – обрадовался гостю начальник. – Аркадий Сергеевич уже доложил его превосходительству?

Макольцев подмигнул:

– Владимир Зенонович велел немедленно тебя доставить. Готовь грудь для награды, а глотку для коньяку.

– Я хотел выпотрошить клиента и потом обо всем разом доложить...

Войсковой старшина показал на растянутого Заенку.

– Приказы начальства не обсуждаются, а что? Правильно: исполняются. Давай-давай, Харитон. За тобой прибыл лично адъютант его

превосходительства Пал Андреич Макольцев на генеральском «делонэ-бельвиле».

– Сейчас, только китель надену, – заторопился Черепов.

– А ты давай прямо в переднике, как мясник, – оскалился адъютант, бросив взгляд на фельдфебеля и небрежно кивнув Алексею.

– Всё, едем. – Начальник застегивал пуговицы. – Калмыков, этого в Ледник. А вы, Романов, к нему не суйтесь. Сам буду допрашивать.

Он подошел к верстаку, погладил Заенку по щеке.

– До встречи, любимый. Жди.

Услышав про Ледник, Романов понял, что надо делать.

Это был погреб, расположенный посередине двора. Раньше он служил для хранения льда, при чекистах использовался как расстрельный подвал. Тогда в каменной стене, замыкавшей двор, была калитка, через которую трупы скидывали в овраг. К сожалению, Козловский приказал заложить тот проход кирпичом, символически отгородившись от страшного большевистского прошлого, иначе задача упростилась бы.

Моментально возникший план был такой.

Раз Черепова повезли пить коньяк, значит, до глубокой ночи он не вернется. Надо дождаться темноты, убрать часового, который сторожит Ледник, и переправить Заенку через стену. Понадобится приставная лестница... Взять в гараже, там есть.

Рискованно, но осуществимо.

В семь часов, перед тем как идти домой, Романов на правах старшего проверил караулы. Заглянул и во двор. Наорал на часового, придравшись к плоховыбритой физиономии, отправил на гауптвахту. Из-за сугубой важности заключенного поставил к Леднику самого фельдфебеля Калмыкова. (Идея была совместить полезное с приятным: уж если кончатся, то гада.) Попрощался с дежурным, расписался в книге, велел звонить, если что-нибудь случится, и вышел под мелкий дождик.

В октябре в это время, да в такую погоду уже почти совсем темно, но для верности Алексей решил часа два выждать – чтобы разошлись последние сотрудники.

Все равно нужно было наведаться к себе в номер. Не будет же Заенку бегать по городу нагишом?

Романов засунул в мешок штатскую одежду и штиблеты из своего «конспиративного» гардероба. Положил туда же фляжку с водкой – арестант наверняка заоченел в погребе.

К особняку Алексей вернулся уже в полной темноте, которая казалась

еще гуще там, куда не достигал свет редких фонарей. Прокрался вдоль стены, огляделся. Влез через окно уборной первого этажа (перед уходом нарочно повернул шпингалет). Пустыми, тихими коридорами, бесшумно ступая, дошел до черного хода. Приоткрыл дверь, выглянул во двор, подождал.

Ни зги.

Калмыков, чертов служака, не прохаживался взад-вперед, не курил, даже не шуршал.

Не таясь, Романов вышел наружу, зажег папиросу, встав так, чтобы фельдфебель увидел, кто это, а из окон, даже если кто-то случайно выглянет, лица было не видно.

Лениво направился к Леднику, помахивая правой рукой. В ней, лезвием вверх, нож.

Тихонько позвал:

– Эй, на карауле! Спишь, Калмыков?

Никакого ответа. Правда, что ли, уснул? Это сильно облегчило бы дело.

Фельдфебель сидел на земле, склонив голову на плечо. Дверь Ледника была приоткрыта.

Алексей быстро опустился на корточки, тронул Калмыкова за плечо – тот мягко завалился. Весь китель спереди был мокрый. Кровь! Еще не остывшая.

В погребе никого не оказалось. Как это могло произойти?! Куда делся Заенко?! Не на крыльях же улетел!

Загадка разъяснилась, когда Романов подбежал к стене. Сверху свисала веревочная лесенка.

Кто-то поступил очень просто: перелез с той стороны, спустился во двор, убил часового и той же дорогой ушел вместе с арестантом. Кто-то, точно знавший, где искать. Лестницу бросили, потому что стала не нужна.

Воспользовался ею и Алексей, чтобы второй раз не рисковать, проходя через дом. И побыстрее вернуться в гостиницу. Когда в номере зазвонит телефон, нужно быть на месте, отвечать сонным голосом.

Продрался через заросли оврага, побежал по улице.

Следовало признать, что чекистская организация работает лучше, чем эрвээсовская, которая, по правде сказать, совсем застопорилась. Может быть, конкуренция – это не так и плохо? Да и Заенко, надо отдать ему должное, хоть мерзавец, но мужик крепкий.

И вдруг стукнула идея, перспективная. Романов пообещал себе завтра же ее осуществить.

Он влетел в комнату, запыхавшись. Не включая света, остановился перед аппаратом: звонили или еще нет?

– Я уже думала, ты не придешь, – прошелестела темнота.

С кровати поднялся маленький, тонкий силуэт.

– Только молчи. Молчи...

Утром он брился перед зеркалом и пел привязавшийся романс про кончившееся счастье и про то, что всё было сном, но не жалобно, а весело. Когда-то у Алексея был красивый голос, пропавший после ранения в горло, но музыкальный слух никуда не делся.

Надя полчаса как ушла. На прощанье сказала: «Всё, Романов. Случилось непоправимое. Я люблю тебя больше, чем революцию». И тихонько засмеялась.

Он ответил серьезно: «Ну, а я люблю только тебя. Революция – всего лишь работа. И любить ее не за что. Закончить бы поскорее и забыть».

Из контрразведки ночью так и не позвонили. Должно быть, обнаружив убитого фельдфебеля, доложили Черепову, а тот запретил сообщать помощнику. Понадеялся, что сам догонит беглеца по горячим следам. Ну, это навряд ли.

– В Монастырский переулок, – велел Романов извозчику.

Там, в особняке Дворянского собрания, располагалась штаб-квартира генерала Гай-Гаевского.

Перед скукинским кабинетом Алексей остановился. Изнутри лились звуки флейты. Это значило, что полковник один и предается каким-то трудным размышлениям. Скукин рассказывал, что музыка помогает ему выстраивать мысль своей стройной гармонией.

Сейчас я тебе спою, а ты мне будешь аккомпанировать, усмехнулся Романов и нервно, требовательно постучал.

– Я только сейчас узнал! – закричал он с порога. – Фандорин со своим японцем принесли нам Заенко на блюдечке, а Черепов дал чекисту сбежать! Мало того – мне, своему заместителю, даже ничего об этом не сказал! Я только здесь, в канцелярии, узнал. Это, по-твоему, нормально?

В штабе действительно все говорили о ночном «ЧП». Новое слово, возникшее во время германской войны на волне всеобщего увлечения аббревиатурами, стало в России одним из самых частоупотребимых, остроумцы даже предлагали переименовать страну в «Чепеляндию», потому что она сама – чрезвычайное происшествие.

– Я не знал, что Заенко взял Фандорин, – нахмурился Скукин. –

Черепов говорил...

– Аркадий, в контрразведке бардак! – перебил Романов. – И виноват в этом даже не Черепов! Идиот не виноват, что он идиот. А виноват тот, кто протащил идиота на ответственную должность! Почему ты это сделал? Только потому, что он тебе лично предан? Ты же умный человек. Можно сказать, гений управления. Разве ты не знаешь, что для руководства контрразведкой одной преданности мало? Скажи, ты ляжешь на операцию к криворукому хирургу только из-за того, что он тебя обожает?

От романовского напора полковник опешил. Именно так с ним следовало разговаривать: перемежая наскок с лестью.

– Послушай, ты меня хорошо знаешь, мы побывали вместе в ого-го каких переделках, – перешел Алексей на задушевность. – Помнишь, как я, спасая тебя, застрелил товарища Кандыбу? Как вернулся за тобой в Зеленой Школе? Как мы вдвоем пробивались к нашим под Харьковом? Это я, я тебе лично предан, а не кретин Черепов! Потому что я давно понял: ты птица высокого полета. Давай лететь вместе. Как говорят авиаторы, ты – ведущий, я – ведомый. Гони Черепова в шею, пускай командует карательным отрядом. Поставь на контрразведку меня. Я профессионал!

Скукин слушал хорошо и смотрел правильно, с прищуром.

– Значит, я могу тебе доверять? – медленно сказал он. – Полностью? Во всем?

– Считаю, что я – твоя флейта, – торжественно ответил Романов. – Как задуешь, так и сыграю.

Полковник подошел к двери, которую взволнованный посетитель неплотно прикрыл, и захлопнул ее как следует.

– Как ты расцениваешь ситуацию в руководстве Белого движения? Черепову я подобных вопросов не задаю, он в таких категориях не мыслит. Ты – иное дело. И я должен понимать, како ты веруеши. Говори с предельной откровенностью, без утайки.

Это экзамен, от которого всё будет зависеть, догадался Алексей.

– С предельной откровенностью? Изволь. Руководство наше так себе. Главнокомандующий слаб. Никакой полководец, никакой администратор, в политике вообще болван. Имея такую армию, наступая на Москву, признал верховенство адмирала Колчака, которого красные треплют в хвост и гриву! Ну не глупость? Что касается твоего дяди, то в оперативном смысле он, конечно, орел, но в гражданском управлении ничего не смыслит. Ему, извини, нужна хорошая нянька.

По довольной улыбке, тронувшей сухие губы Скукина, стало ясно, что экзамен сдан на «отлично». Следующий вопрос это подтвердил:

– Как бы ты стал действовать, если бы возглавил Особый отдел? Конкретная задача: как найти Заенко и уничтожить красное подполье?

Ответ у Романова был приготовлен заранее.

– Во-первых, нашел бы шпиона, которого прошляпил Черепов и который помог Заенко сбежать. Это кто-то свой. Во-вторых...

Требовательно зазвенел телефон.

– Скукин, – сказал полковник в трубку – и Алексею, шепотом: – Черепов. Легок на помине.

Потом долго слушал, всё больше оживляясь.

– Так... Так... Так... – повторял он, и каждое следующее «так» было экспрессивнее предыдущего. – Откуда узнали? Ясно... Как это – застрелился?... А вот это отлично!.. Конечно. Работайте, как вы умеете. – Закончил строго: – Только смотрите, Черепов, это ваш последний шанс реабилитироваться. Другого не будет.

Разъединившись, полковник сказал:

– Ты вот его ругаешь, а он накрыл большевистскую явку.

– Заенковскую?

– Пока неясно. На рассвете ему позвонили прямо в кабинет. Неустановленный человек шепотом сообщил, что в коммерческой читальне на Ивановской улице находится центр большевистской агентуры.

Алексей замер.

– По адресу отправился наряд. Там был какой-то старик, живьем его не взяли, застрелился. Но Черепов сообразил оставить засаду. И час назад залетела птичка, некая юная девица. Пробовала убежать – догнали. Слава богу, стреляться ей было не из чего. Сейчас Черепов с ней поработает, как он умеет... Эй, куда ты?

Зарядил тоскливый октябрьский дождь. Извозчика было не найти. Прохожие из-под зонтов пялились на офицера, несшегося по лужам огромными скачками, придерживая шашку.

Романов не знал, что он сделает, даже не задумывался об этом. Нужно было успеть, успеть!

Наконец из-за угла выплыл знакомый дом. Он был не черный и не белый, а серый от влаги.

Вдруг на третьем этаже лопнуло окно. Оттуда, в брызгах стеклянных осколков, вылетела белая, какая-то неестественно узкая фигурка, перевернулась в воздухе, глухо ударилась о булыжную мостовую. Где-то неподалеку истерически завизжала женщина, с крыльца сбежал часовой, сверху из окна кто-то свесился – кажется, Черепов в кожаном переднике, но

Алексей смотрел только вниз.

Ноги бежали по инерции, словно сами по себе.

Надежда лежала ничком, точь-в-точь как утром, когда он любовался ею, прежде чем разбудить: обнаженная, с разметавшимися волосами.

– Капитан? – вопил сверху грубый голос. – Поглядите, жива или нет? Вот зараза! Представляете, вырвалась и с разбегу, головой в стекло...

Романов механически присел. Поискал пульс на шее. Шея была теплая. А пульса не было.

Странно, но Алексей совсем ничего не чувствовал.

Он и потом оставался таким же каменным. Стоял, смотрел, как ее уносят, как болтается худенькая рука. Послушал, как оправдывается и матерится войсковой старшина.

Романов совершенно ни о чем не думал. Дыхание было ровное, сердце билось размеренно, даже медленней обычного. При этом оно ныло, но как-то вяло, будто еще не разгулявшаяся зубная боль. У кого это было, про зубную боль в сердце? Читал где-то. А, Максим Горький.

Боль в сердце – ерунда. Алексей знал, как от нее избавиться. Нужно просто остаться с Череповым наедине. Именно поэтому он не только кивал начальнику, но и отвечал на какие-то вопросы, а в конце сказал:

– Давайте обсудим тет-а-тет, как докладывать полковнику Скукину.

– Да-да, – кивнул Черепов, оглянувшись на толпящихся вокруг сотрудников. – Идемте.

Сейчас, сейчас, еще немножко потерпеть, уговаривал себя Романов на лестнице, глядя в широкую спину с тесемками от фартука на шее.

В кабинете Черепов первым делом достал из стола водку, плеснул в стакан.

– Поди, рады? – хрипло сказал он. – Думаете, не знаю, куда вы с утра бегали? Знаю. Аркадий Сергеевич мне сразу позвонил, как только вы побежали примазываться к моему успеху. Мы с Аркадием Сергеевичем вот так. – Сдвинул два пальца. – Нас столько всякого связывает, что никто промеж не влезет. И эта история нас тоже не рассорит. Так что не стройте иллюзий... Э, зачем вам мой «браунинг»?

Это он увидел, как Романов берет со стола кобуру.

Алексей молча спустил предохранитель, навел дуло на попятившегося начальника и выстрелил в единственный вытаращенный глаз. С интересом посмотрел на красное пятно, откуда-то появившееся на обоях. Оно всё состояло из отдельных точек разного размера. Красота.

Наклонился над упавшим, сунул в вялые пальцы пистолет.

Зубная боль в сердце сразу исчезла, и как-то вдруг с исчерпывающей

очевидностью стало ясно, что сердце вообще больше никогда болеть не будет. Что бы ни произошло.

– Эй, сюда! – истошно заорал Романов, повернувшись к двери. – Беда! Начальник застрелился!

Адъютант его превосходительства

– Вскрываю.

Мона-сан прихлопнула трех валетов господина королевским флешем. Маса со своими двумя парами благоразумно спасовал.

– А он еще хвастался, что всегда выигрывает и нам будет скучно!

Алчно захохотав, победительница придвинула к себе ворох зеленых бумажек.

– Поразительно, – удивился Фандорин. – Третий раз подряд! Фортуна сбежала от тебя ко мне. Отлично ее понимаю.

Играли на доллары. От американского перевода осталось полторы тысячи. Мона-сан предложила разделить поровну и сразиться в покер. Она всё время придумывала какие-нибудь новые развлечения. Понятно зачем: чтоб отвлечь господина от опасных мыслей.

– Вы оба будете у меня на содержании, альфонсы! – засмеялась госпожа. – Что прикажу, то и будете делать.

– Я и так делаю всё, что ты прикажешь, – смиренно наклонил голову Фандорин и был за это поцелован.

Смотреть на воркующих голубков было отрадно, но Маса думалось о печальном.

Как жестоко надсмеялась над ним карма! Полюбить на пороге старости – и кого? Не прекрасную, солнцеподобную даму, как господин, а холощеного мерина! Ужасный позор! Хорош знаток женщин... Но дело даже не в унижении, а в том, что после стольких лет службы верный вассал чуть не покинул своего господина. С легкостью, из-за призрачной химеры личного счастья! Если б Маса за долгие годы чужестранной жизни не растерял большую часть японскости, то совершил бы от стыда *сэппуку*.

Вся прежняя дорога была прямой и ясной, как клинок меча, на котором высечен иероглиф «Преданность». Но обнажать сталь больше незачем, теперь она будет ржаветь в ножнах. У господина умная, волевая спутница, которая сделает мужа таким, как ей нужно, и противиться этому нельзя, потому что он будет с нею счастлив. Такой паре верный вассал ни к чему, им хватит собственной верности.

Ах, если б Мона-сан согласилась уехать в Японию! Тогда по крайней мере жизнь Масы завершила бы круг: закончилась там же, где началась. Но настаивать на этом эгоистично. Будем откровенны: госпожа не понравится японцам. Она слишком независима для женщины, слишком приметна с ее

красными волосами, слишком высока ростом, слишком громко смеется. Словно Харионна с острова Сикоку – ведьма, опутывающая мужчин острыми, как иглы, волосами.

После новой сдачи Маса развернул карты. Его жизненные перспективы были такими же, как эта безнадежная комбинация: туз, король, дама, восьмерка и шестерка. Он оставил короля и даму, чтобы не разрушать семью, остальные сбросил. Но прикуп принес драгоценный сюрприз – еще три короля. Королевское каре!

И настроение сразу улучшилось. Это была подсказка свыше: никогда нельзя падать духом.

– Удваиваю, – сказал Маса и лихо улыбнулся, как делает человек с неважной картой, собирающийся блефовать.

Фандорин сразу ушел, он совсем разочаровался в своей удаче, но госпожа клюнула и задрала ставку еще выше.

– Удваиваю, – повторил Маса. И еще раз. – Удваиваю...

Вот и ответ на вопрос: зачем я счастливой паре, радостно думал он. Господин не умеет обращаться с деньгами, госпожа имеет все приметы ужасной транжиры. Деньгами буду распоряжаться я. Сейчас заберу все доллары себе, и в следующие несколько недель докажу госпоже (господин-то это знает), как искусно я заведу финансами.

– Ставлю всё, – объявила Мона-сан и ликующе рассмеялась, потому что Маса сравнивать было нечем.

Но она рано обрадовалась.

– Господин, одолжите мне то, что у вас осталось, – попросил он.

Фандорин рассеянно кивнул, его мысли витали где-то далеко.

– Наверно, мне конец, – уныло молвил Маса. Злорадный смех изнутри щекотал хару, это было очень приятно. – Показывайте, госпожа, что у вас.

– Нет, вы первый!

В дверь постучали. Ах, как не вовремя!

Маса пошел открывать.

Это были полковник Скукин и капитан Романов. Первый, как всегда, очень деловитый, второй непривычно вялый. Всегда улыбается, а сейчас только кивнул. И взгляд, как у покойника – стеклянный.

– Позвольте? – спросил полковник. – Капитан, за мной!

– Слушаюсь.

Странно. Раньше Романов не держался с боевым товарищем, как подчиненный.

– Сразу перейду к делу, – энергично начал Скукин, сев на предложенный стул. – Эраст Петрович, я к вам по старому знакомству, с

надеждой на понимание и помощь. Впрочем, вы, разумеется, и так догадались, что это не светский визит. Позвольте представить вам капитана Романова в новом качестве временно исправляющего должность начальника Особого отдела. Войсковой старшина Черепов застрелился.

Госпожа тихонько вскрикнула – не то чтоб горестно, скорее удивленно.

– Это была неудачная кандидатура для столь ответственной должности, – вздохнул Скукин. – Провал следовал за провалом. Вы с вашим японцем поймали чекиста Заенко – Черепов его упустил. Минувшей ночью Черепову позвонил какой-то человек, шепотом сообщил адрес большевистской явочной квартиры. Контрразведка взяла там живьем какую-то девицу, которая всё бы нам рассказала. Так Черепов умудрился упустить ее! А, судя по обнаруженным шифровкам, это была не просто явка, но центр всего подполья. После таких неудач я, вероятно, тоже застрелился бы.

– Вы никогда не застрелитесь, – враждебно сказала госпожа. – И Черепов тоже не из тех, кто накладывает на себя руки.

– Вы мало его знали, – ровным голосом ответил не похожий на себя Романов. Наверное, он стал таким важным из-за своей новой должности. – Избавлю вас от подробностей, но поверьте: Черепов был психически ненормален.

– Да, – кивнул Скукин. – Те, кто давно с ним знаком, говорят, что после ранения в голову войсковой старшина сильно изменился.

– Чего вы хотите от Эраста Петровича? – все так же неприязненно спросила Мона-сан.

Очевидно поняв, кто тут принимает решения, полковник сосредоточился на ней.

– Любезная Елизавета Анатольевна, наступает роковой момент войны. В ближайшие несколько дней решится судьба России. Там, – показал он куда-то в стену, – на фронте, под Тулой.

– А при чем здесь Эраст Петрович?

Госпожа грозно посмотрела на Фандорина. Тот сразу пожал плечами: ни при чем.

– У нас под носом действует вражеская шпионская сеть. Ее главарь Заенко на свободе. И у него есть какой-то осведомитель, имеющий доступ к штабным секретам. Тот, кто сообщил подпольщикам о визите главкома в сиротский приют. Тот, кто устроил убийство полковника Козловского. Тот, кто организовал побег Заенко. Впрочем, это всё дела прошлые. Меня же сейчас больше тревожит другое. Успех нашего наступления зависит от того, прибудет ли на фронт эшелон с новыми английскими танками. Это – копьё,

которым мы прорвем оборону красных и пронзим их тылы прямо до Москвы.

– Что за новые танки? – спросил Маса, очень интересовавшийся техническим прогрессом.

– Двенадцать «уиппетов». Отличная боевая машина. Четырнадцать тонн, четыре пулемета, крепкая броня, сорокапятисильный двигатель, преодолевает почти любые препятствия, а запас хода – 130 километров. Это же два перехода до Москвы! Представляете?

– Разве Эраст Петрович танкист? – язвительно спросила госпожа.

– Танкисты – англичане, – объяснил ей Скукин. Он был из людей, не понимающих сарказма. – От господина Фандорина нам нужна другая помощь. График следования литерного эшелона строго засекречен, но кто-то ведь сообщил диверсантам Заенко о движении бронепоезда «Добрыня». Если танки не попадут на фронт, победа может уйти от нас. Помогите нам обезвредить подпольную сеть, Эраст Петрович. От этого зависит исход войны!

Мона-сан выразительно посмотрела на господина, и тот, конечно, ответил:

– Что мне за д-дело до вашей войны.

– Пойдем, Аркадий. Я говорил: это бесполезно, – хмуро сказал капитан Романов.

Полковник неохотно поднялся.

– На случай, если все-таки передумаете... – Положил на стол сложенную бумагу. – Это мандат за подписью командующего, приказывающий чинам всех частей и ведомств оказывать действительному статскому советнику Фандорину всемерную поддержку. Подумайте, Эраст Петрович. Очень вас прошу. И от имени Владимира Зеноновича, и лично от себя.

И офицеры ушли.

– У Романова что-то случилось. Что-то очень плохое, – сказала госпожа. – Ты видел, какой у него взгляд?

– Известно что. Убили его лучшего д-друга князя Козловского.

Мона-сан с сомнением покачала головой, но больше ничего про это не сказала, а взяла свои карты.

– Вскрывается? Все деньги на кону.

Маса невозмутимо выложил один за другим три короля. Изобразил панику, когда она точно так же предъявила три туза. Тогда кинул сверху четвертого короля и ахнул, когда сверху по нему шлепнул червовый туз – тот самый, которого Маса недавно скинул.

– Продулся, сын микадо! – засмеялась госпожа, сгребая все деньги.

Она жульничает, а я ничего не заметил, восхитился Маса. О, какие ловкие у нее руки!

А госпожа озабоченно поглядела на Фандорина, сосредоточенно пощелкивавшего своими зелеными четками, наморщила нос, повздыхала.

– Ладно, Эраст. Я знаю эту твою повадку. Что у тебя на уме?

– Я только сейчас п-понял... Моя ошибка состояла в том, что я разматывал одну нить, а их две. В городе два красных подполья, возможно, не связанных между собой! То-то у меня не складывалось! Эта ситуация мне з-знакома. При старой власти точно так же соперничали Охранка и жандармы. Бывало, что они даже помогали террористам убивать конкурентов из смежного ведомства. Вот что означает анонимный звонок! Гляди, Маса. Здесь организация Заенко с собственным информатором. А это вторая организация, центр которой находился в ч-читальне...

Он начал рисовать на бумаге кружки и линии, но поймал на себе взгляд жены и сбился.

– Что-то мне нехорошо, – слабым голосом произнесла госпожа. – Сосет под ложечкой и внизу живота тянет. Милый, сделай мне поскорее ту настойку, которую мы получили от доктора...

Господин бросился в ванную, а Мона-сан тихо сказала:

– Маса, что мне делать? Я же вижу, ему очень хочется довести расследование до конца. Утром я была у профессора Либкинда, он категорически против того, чтобы я ехала куда-то по железной дороге. Там тряска, не дай бог аварийное торможение. Говорит, подождите еще две недели. Но две недели это очень много. Эраст изведется от бездействия, а я изведу, глядя на его мучения. Как быть?

– Если вы хотите уезжать, мы уедем, – ответил Маса, счастливый тем, что она с ним советуется. – Я куплю на базаре пуховые перины, расстелю их по всему купе, и вы не почувствуете никакой тряски. Но на вашем месте сначала я позволил бы господину закончить дело. Это простая задача, он расщёр... расщёлкает ее как орех. – Трудное слово далось не с первой попытки. – И тогда у господина не останется чувства, что он несвободен в своих поступках. Мужчины этого не любят.

Мона-сан благодарно погладила его по руке, а тут со стаканом в руке вернулся Фандорин.

– Не надо, дурнота прошла, – весело сказала госпожа. – Черт с тобой, благородный муж. Я же знаю, что тебя свербит. Ты хочешь найти негодяя, который сообщил Заенко про приют. Ну так найди. Пусть заплатит за гибель детей. Двадцати четырех часов тебе хватит?

– Хватит, – немедленно ответил Фандорин. – Я уже знаю, как искать. Это очень п-просто.

– Но пусть с тобой будет Маса. Для моего спокойствия. Не бойся, я никуда не выйду из номера. Мне нужно собираться в дорогу. Что сидите? – Она постучала по часикам. – У вас остается двадцать три часа пятьдесят девять минут.

Господин с достоинством, но очень быстро направился к вешалке.

– Мы на телефонную станцию? – спросил Маса, когда они вышли на улицу и повернули к Николаевскому собору.

– Разумеется, к-куда ж еще.

– Странно, что Романов-кун не уцепился за этот очевидный хвост.

Господин промолчал.

Харьковский городской коммутатор из-за чрезвычайного положения был военизирован, вместо телефонных барышень его обслуживали солдаты-связисты. Фандорин предъявил начальнику свой мандат и потребовал немедленно собрать всю ночную смену, благо казарма находилась рядом. То же самое сделал бы и Маса: попробовал найти анонимного доносчика. На рассвете звонков немного, а уж вызов контрразведки оператору наверняка запомнился.

Так и вышло.

На вопрос господина сразу поднял руку немолодой солдат.

– Так точно. Был такой звонок, я соединял.

– Откуда з-звонили? Помните?

– Так точно. Из штаба армии.

Фандорин многозначительно посмотрел на помощника, и они вдвоем отвели свидетеля в сторонку.

– Что это был за человек? Попробуйте описать, – мягко сказал господин. – Услышав в трубке голос, вы наверняка мысленно представляете себе звонящего. Все телефонисты так делают, чтоб было не так с-скучно.

– Не могу знать. Я, чтоб не скучать, всегда про колбасу думаю. Сильно колбасу люблю, – пояснил солдат. – Голос как голос. «Соедини-ка, грит, меня, братец, с Особым отделом, да поживей». И назвал добавочный номер с трех цифр, не помню каких. Чтоб сразу попасть к кому надо.

Человек, привыкший командовать, понял Маса.

– Точное время звонка не п-припомните?

– Наверно, четверть пятого. Или половина.

– Молодец. На тебе, на к-колбасу.

Господин дал солдату бумажку.

– Почему у вас такой довольный вид? – спросил Маса. – Мы мало что узнали. Ведь и так было ясно, что в штабе есть шпион. Там сто или двести человек. Как мы пойдем, кто из них звонил?

– Ночью на службе людей гораздо меньше. Это раз. Вряд ли звонок был с телефона, находящегося в коллективном пользовании, – слишком велик риск, что кто-то п-подслушает. Это два. Значит, с Особым отделом связался некто, у кого есть собственный аппарат. И третье: звонил человек, которого в контрразведке знают.

– Потому что он говорил шепотом?

– Не только поэтому. Он назвал телефонисту внутренний номер Черепова вместо того, чтоб просто соединиться с Особым отделом и дать добавочный т-тамошнему дежурному офицеру.

– Значит, двадцать четыре часа нам не понадобится. Едемте в штаб искать шпиона, господин.

– Вот полный список сотрудников, которые находились на службе в указанное вами время, – сказал, вернувшись в кабинет, Скукин. – Я уточнил. Восемнадцать человек (имена подчеркнуты) имеют доступ к телефону. У пятерых, помеченных еще и галочкой, была возможность беспрепятственно говорить без риска. Ну, мой дядя, я надеюсь, не считается. В три часа ночи он отпустил меня спать, а сам остался в кабинете. Остальные четверо: адъютант Макольцев – в приемной; начальник егерской службы капитан Ржешевский; дежурный офицер гаража поручик Штубе и начальник личного конвоя командующего подьесаул Попенко. Неужели кто-то из них состоит в красном подполье? В это трудно поверить.

– Не будем делать выводы раньше времени, – уклончиво ответил господин. – Я п-поговорю с каждым. Но сначала, с вашего позволения, просто прогуляюсь по штабу. Осмотрюсь.

Большой красивый дом, в котором когда-то по торжественным случаям собирался цвет харьковского самурайства, сейчас, в дневное время, был полон военных, которые усердно занимались своими военными делами, так что отрадно посмотреть. Маса любил, когда люди стараются.

Одни сидели и писали или печатали, другие чертили цветными карандашами красивые схемы, третьи быстро шли куда-то и приятно звенели шпорами, четвертые хрипло орала в телефонную трубку. И все курили, отчего под потолками покачивался голубоватый дым – как туман из *танка* про долину Мусаси:

Голубой туман
Над долиной Мусаси.
Уткнулись в землю,
Не любят красой
Усердные крестьяне.

На двух штатских, бродящих по штабу, поглядывали с некоторым удивлением, но без подозрительности. Раз находятся здесь – имеют право.

Прислушиваясь к телефонным разговорам и обрывкам бесед, Маса скоро понял, что всё крутится вокруг трех главных тем: положения на северном фронте (там дела идут неплохо), движения «литерного» (это эшелон с английскими танками) и внезапного наступления партизанской армии Махно (думали, что батька разбит, а он внезапно ударил по Белой армии с тыла).

Господин, конечно, заинтересовался эшелонном. Поговорил с начальником службы железнодорожного движения, предъявив свой волшебный документ. Этого оказалось недостаточно, начальник еще перепроверил по телефону у полковника Скукина и только потом стал отвечать на вопросы.

На каждой станции усилены караулы, сказал он. Вдоль всего пути следования патрулируют конные разъезды. В Чугуеве назначена последняя дозаправка, но точное время неизвестно даже службе движения. Во избежание диверсий график следования *спо-ра-дический*: поезд то несется на всех парах, то делает неожиданные остановки. Эта периодичность контролируется специальными шифротелеграммами командующего.

Фандорин вежливо поблагодарил, а по выходе из кабинета сказал Маса:

– Скукин прав. В больших помещениях нет ни одного аппарата, с которого можно было бы позвонить в контрразведку, не привлекая внимания. Значит, круг подозреваемых остается прежним.

– С кого начнем?

Господин удивился:

– Ты еще спрашиваешь? Разумеется, с капитана Макольцева. Он знает всё, что известно командующему, и, вероятно, даже больше. Это раз. Адъютант заходил к генералу, когда обсуждались детали визита главкома в приют. Это д-два. Был в контрразведке незадолго перед побегом Заенко. Это три. И, конечно же, осведомлен о графике движения засекреченных поездов. Скорее всего, именно он и относит распоряжения на шифровку.

Это четыре.

В приемной капитана не оказалось. Дежурный сказал, что Павел Андреевич полчаса как уехал на автомобиле, причем сел за руль сам. Сказал, ему нездоровится.

– Далеко он живет? – спросил Фандорин.

– Нет, в гостинице «Париж».

– Зачем тогда автомобиль? Это ведь в пяти минутах.

– Не могу знать. Должно быть, совсем неважно себя чувствовал. Вид у него был какой-то... необычный, – подумав, припомнил офицер. – Павел Андреевич ведь всегда веселый, улыбается, а тут был хмурый, бледный. Не дай бог тиф.

– В г-гостиницу! – бросил Маса господин. – Быстро!

Но Макольцева не было и в номере. Более того – портье сообщил, что капитан с утра не появлялся.

Поднялись, отмычкой открыли замок.

– Будем делать обыск? – спросил Маса. – Если это шпион, у него обязательно должен быть тайник. Моя сторона правая, ваша левая?

Фандорин стоял у письменного стола, склонившись над открытым блокнотом.

– П-погоди с обыском... Здесь вырван листок. – Поднес блокнот к глазам. – Недавно. Ну-ка...

Вошел в ванную, присыпал бумагу слоем зубного порошка, осторожно сдул.

Глядя господину через плечо, Маса увидел, что на тонких вмятинах проступили буквы.

– Ростов 03.15. Александровск – неразборчиво. Ю... А, Юзовка 11.30. Луганск – неразборчиво, – медленно прочитал Фандорин. – Чугуев 18.15.

– Что это, господин?

– Станции Южной дороги. И, видимо, время прибытия? Нет, скорее, время отправления, поскольку темп движения неровный, со стоянками разной п-продолжительности... – Он посмотрел на часы и пробормотал: – Ах, вот з-зачем...

– Что?

– Вот зачем Макольцеву понадобился автомобиль. Чтобы доехать до Чугуева. Сейчас половина шестого. К-капитан, верно, уже подъезжает к станции. Нужно торопиться!

И бросился к двери, почему-то схватив со стола полевой бинокль. Маса, конечно, не отставал.

– Адъютант хочет взорвать эшелон?

– Взорвать вряд ли. Времени заложить мину нет, и непохоже, что у него есть с-сообщники. Макольцев хочет пустить поезд под откос. Каким образом – не знаю. Но это очень смелый и п-предприимчивый субъект.

– А куда мы торопимся?

– Назад в штаб. Я видел там во дворе отличный «харлей» с к-коляской.

– Мы поедем в этот Чу... Чугуев? Но зачем? Надо просто позвонить на станцию начальнику охраны, чтобы он арестовал шпиона.

– Я не хочу, чтобы этого м-мерзавца арестовали, – тихо ответил Фандорин, и других вопросов Маса задавать не стал.

Господин хочет сам рассчитаться с *акунином* за смерть детей и женщин. Очень правильное решение.

Они уже были на территории штаба. Еще две минуты ушло на то, чтобы с помощью мандата заполучить мотоцикл.

– Сейчас без одиннадцати шесть. Мы не успеем, – сказал Маса. – Эшелон отойдет раньше, чем мы окажемся на станции. Может быть, все-таки позвонить?

– Плевать на эшелон! – буркнул господин. – Это не наша д-драка. Для меня она все равно что Война Алой и Белой розы. Я не знаю, кто из воюющих прав. Очевидно никто. Наше дело – не дать уйти з-злодею. Так что держись крепко.

С ревом и грохотом вынеслись за ворота. Мотоцикл разогнался до восьмидесяти, по-лягушачьи подпрыгивая на бульжнике и по-тигриному на ухабах. Маса вцепился обеими руками в борта коляски, иначе можно было и вылететь.

– Хорошо! – крикнул он. – Помните, как мы покатались в Баку?

– А? – не расслышал Фандорин.

Маса хотел повторить, но от особенно резвого прыжка больно прикусил язык. Больше за всю дорогу ничего сказано не было.

Господин вел мощную машину так, что, если бы это был мотокросс, наверняка получил бы первый приз, но все же чуть-чуть не доехал до Чугуева. До станции оставался всего километр или полтора, когда мотоцикл резко затормозил.

– В чем дело? – спросил Маса – и сам понял, услышав вдали частую пальбу.

Не успели!

«Харлей» свернул с дороги и заскакал по склону пологого холма, под которым с другой стороны изгибалась железная дорога.

Сверху открылся вид на станцию с ее переплетением основных и

запасных путей. Там, набирая скорость, разгонялся состав: мощный паровоз, за ним вереница платформ, накрытых брезентом. Это несомненно был «литерный».

– Бинокль! – крикнул господин, встав ногами на седло, чтобы лучше видеть.

Но Маса не отдал – хотелось посмотреть самому.

В кружках было видно, как бегут, стреляя на ходу и беззвучно разевая рты, солдаты. Потом от локомотива одна за другой отделились две черные фигурки. Соскочили на ходу, покатались по насыпи.

– Он захватил паровоз! – крикнул Маса. – Заставил машиниста и кочегара спрыгнуть! Но чего он хочет? Угнать танки?

– Нет. Состав свернул в тупик. Должно быть, Макольцев заранее перевел с-стрелку...

Маса двинул биноклем вдоль линии, по которой мчался поезд, и увидел, что метрах в пятистах она обрывается – утыкается в насыпь.

Состав несся на полных парах, всё увеличивая ход.

– Настоящий *акунин*, – одобрил Маса. – С черным, но храбрым сердцем. Сейчас он очень красиво погибнет.

И приготовился к живописному зрелищу, заранее наведя окуляры на место неизбежного крушения.

– Ооо! – восхищенно протянул он, когда черная торпеда локомотива сшибла заграждение, вмазалась в земляной скос, подкинула свою заднюю часть, перевернулась, бухнулась кверху колесами, да еще покатилась. Платформы взгорбились зигзагом, налетая одна на другую, посыпались вправо и влево. С них соскочили тяжелые туши танков и запрыгали, словно спичечные коробки. В стороны полетели башни, гусеницы, еще какие-то железки.

А какой был грохот! Будто бог грома Райдзин ударил сразу во все свои десять тысяч небесных барабанов!

– Танкового прорыва не будет, – сказал господин, снова садясь за руль. – Шансы Алой и Белой роз выравниваются. Садись в коляску. Едем.

– Куда? – спросил Маса. – Капитан сам себя покарал. И я, пожалуй, прочту в его честь похоронную молитву. Он умер, как воин.

– Когда смотришь в бинокль, упускаешь из виду общую картину. За десять секунд до аварии Макольцев спрыгнул под откос. Так что давай сначала его убьем. Потом прочитаешь молитву.

Мотоцикл снова помчался по склону, теперь вниз. Через минуту они были уже подле разгромленного «литерного», и Маса увидел вблизи искореженные танки, переломанные платформы, вывернутые шпалы.

– Вон он! – крикнул господин, качнув подбородком вперед и вправо.

Там, в нескольких десятках шагов от последнего, безнадежно скособоченного танка, лежал человек в офицерской тужурке.

Маса подбежал к нему, увидел – без сознания, но жив. На щеке капитана багровела ссадина, глаза закрыты, губы плотно сжаты.

– Приведи его в чувство, – велел господин. – Через несколько минут сюда добегут солдаты, а нам нужно с ним п-потолковать. Что-то здесь не складывается...

– Согласен, – кивнул Маса. – Негодяй, спокойно убивающий детей, не стал бы так рисковать собой.

Он нажал под ключицей *акунина* энергетическую точку. Если человек не умер – очнется.

Адъютант сразу открыл глаза. Пару раз моргнул, повел головой туда-сюда. Улыбнулся.

– А, пинкертоньки... Наплевать. Дело сделано. Ни на какие вопросы отвечать не буду.

Он попробовал подняться и застонал – кажется, сломаны ребра и, возможно, не только они.

– Вопрос у меня только один, – сказал Фандорин. – Никого предавать вам не понадобится. В награду за честный ответ получите револьвер с одним п-патроном.

Макольцев опять улыбнулся.

– Большевики не стреляются. Однако любопытно. Какой вопрос?

– Вам их было не жалко? Совсем?

Красный шпион удивился:

– Кого?

– Илью Сапожникова восьми лет, Борю Миниха девяти лет, Колю Белецкого девяти лет, Костю Лещенко восьми лет, Петю Милованова одиннадцати лет, Сашу Штейна десяти лет, Сеню Кольцова девяти лет и Корнея Ранц-Засса шести лет?

– Господи, это еще кто такие?

– Мальчики, погибшие в сиротском приюте. Когда ваше подполье попыталось взорвать г-главнокомандующего.

– Это не мы. Зачем нам убивать Тюфяка? Чтоб вместо старого мямли Белую армию возглавил зубастый волк Гай-Гаевский? Мы не идиоты.

– Тогда кто это сделал? Второе п-подполье? То, которое вы сдали Черепову?

Капитан нахмурился.

– Не в свои дела не суйтесь. Я согласился ответить только на один

вопрос.

– У меня, с вашего позволения, тоже есть один вопрос, – поклонился акунину Маса. – Если генерал Гай-Гаевский такой опасный враг, почему вы его не убили? Это было очень легко сделать.

– О том же меня всё время спрашивали... неважно кто, – со вздохом ответил Макольцев. – Не смог себя заставить. Старый пьяница мне нравится.

Маса обратился к господину по-японски:

– Это искренний человек. Всё, что он говорит, – правда.

– Сам вижу. Уходим. Оставим ему последнюю минуту, чтобы уползти. Успеет – его счастье.

– Этот успеет, – уверенно сказал Маса и еще раз, на прощанье, поклонился красному самураю.

Они пошли прочь.

Адъютант крикнул вслед:

– Эй, пинкертоны, вы куда?

Но ответа не получил, потому что Маса и Фандорин беседовали.

– Красные и белые, как клан Тайра и клан Минамото. Непримиримые враги, но с обеих сторон есть и черные негодяи, и рыцари, – говорил Маса.

– На войне всегда так. Выбираешь не между Добром и Злом. Только – за какую ты воюешь розу. А если тебя м-мутит от запаха роз, отходишь в сторону.

– Это самое трудное – отойти в сторону, – печально заметил Маса.

И закончил фразу мысленно: «Благородный муж, рожденный для действия, этого не умеет. Не получится и у вас, господин».

Два дела – небольшое и маленькое

– Павлик... Я хочу сказать Макольцев сошел с ума. Другого объяснения нет, – сокрушенно промолвил Гай-Гаевский, дослушав рассказ. – Жаль, что вы его упустили, господин Фандорин. Я бы очень, очень желал посмотреть ему в глаза... Нет, это совершенно невероятно! Я относился к нему... как к сыну. Мы о стольком с ним говорили, бывали вместе под огнем... – Растерянно развел руками. – Мне уже шестой десяток, а получается, что я совершенно не разбираюсь в людях.

– О чем я вам, дядя, неоднократно говорил, – немедленно вставил Скукин.

Эраст Петрович промолчал. Он пока не понял, зачем его пригласили к командующему, да еще настоятельно и срочно. О вчерашних событиях в Чугуеве Скукину было сообщено вчера же (за исключением некоторых деталей, о которых полковнику знать необязательно). Зачем тогда вызвали? Снова излагать ту же историю?

– Дядя, разве не втолковывал я вам, что от Макольцева надо избавиться? Бог знает, сколько неудач на фронте произошло из-за этого шпиона! – продолжал свое Скукин.

– Я думал, Аркадий, ты просто ревнуешь, что я провожу с ним больше времени, чем с тобой, – пытался оправдываться генерал. – Но ты ведь трезвенник и всё время нудишь о делах, а бывает нужно и расслабиться...

– Дорасслаблялись, поздравляю.

Гай-Гаевский упрямо насупился:

– И все-таки я уверен, что Павлик тронулся рассудком.

– Нет, ваше превосходительство, – сказал Фандорин, которому начинало надоедать это родственное препирательство. – Макольцев был красный агент. Попытка подрыва бронепоезда и побег Заенко – несомненно дело рук вашего адъютанта.

– Вы еще забыли покушение на главкома, – добавил Скукин. – Макольцев сообщил подполью расписание визита, и двое красных подпольщиков, пробравшиеся в конвойную полусотню Особого отдела, подложили бомбу.

– Да-да, ты докладывал, – кивнул его превосходительство. – Потом одного из них нашли мертвым, а второй исчез.

– Несомненно второй был главным и убрал помощника, чтобы замести следы. У красных волчьи законы, дядя.

Командующий, кажется, придумал повод рассердиться на племянника.

– Если бы ты не уговорил меня назначить начальником контрразведки дурака Черепова, мы бы раскрыли вражескую сеть раньше. Мои танки остались бы целы, и сейчас победа не висела бы на волоске!

Он обернулся к Фандорину, удивленно приподнявшему бровь, – известие о том, что Черепова сделали начальником по настоянию Скукина, было для него новостью.

– Об этом, собственно, я и хочу с вами поговорить, Эраст Петрович, – продолжил генерал. – Без танкового клина наступление может захлебнуться. Людей мало, фланги растянуты. И это еще полбеды. Я верю в своих солдат. Если им не мешать, они прорвут фронт вшивых красных дивизий. Но в том-то и дело, что им мешают! Не позднее чем завтра мне придется снимать с передовой крупные силы и затыкать ими прореху в тылу. Вы слышали о наступлении банд Махно?

– Да. Газеты пишут, что Повстанческая армия напирает с востока, – склонил голову Фандорин. Военные события его интересовали мало. Эраста Петровича сейчас занимали другие мысли. Пальцы скользнули в карман, коснулись там нефритовых четок. Прикосновение холодных, гладких бусин, как обычно, ускорило дедукцию.

– Газеты не пишут и одной десятой правды! Махно, которого мы загнали на самый край Украины, каким-то чудом собрал новые полчища, разметал наш заслон и теперь катится по степям на тачанках прямо на Таганрог. Он уже взял Мелитополь и Бердянск. Если мы не перебросим на то направление минимум две дивизии, произойдет катастрофа! А без двух дивизий я не смогу прорвать красный фронт!

– Зачем мне всё это знать? – холодно спросил Эраст Петрович.

Командующий посмотрел на полковника.

– Аркадий говорит, что вы можете остановить батьку Махно...

Сказано это было неуверенно. Кажется, Гай-Гаевский сам не очень верил в такую вероятность.

Но в беседу снова включился Скукин.

– Главный советник и идеолог у батьки – анархист Арон Воля. Говорят, для Махно это высший авторитет. Я помню, как его бумага спасла нас всех в Зеленой Школе. Вы хорошо знакомы с Волей. Он прислушается к вашему мнению. Махно ненавидит и белых, и красных, а для Воли главный враг – большевизм. Мы знаем, что несколько дней назад на съезде крестьянских делегатов Воля объявил, что Повстанческая армия должна сражаться против диктатуры пролетариата и коммунистов. А когда красное командование отправило к Махно своих эмиссаров, Воля убедил батьку

выгнать их взащей. Если б вы поговорили с вашим знакомцем и объяснили ему, что, воюя с нами, анархисты помогают красным... Если бы удалось договориться о перемирии и совместных действиях... Красные повернуты к Махно незащищенным флангом, как и мы. Батяка вонзится туда, как нож в масло. А мы готовы снабжать его оружием, боеприпасами, обмундированием, медикаментами.

Фандорин, морщась, поднялся.

– Не тратьте зря п-порох. Мое участие в этой войне окончено.

«Почти окончено», мысленно прибавил он и вышел. На душе было неспокойно. Опять предстоял тяжелый разговор с женой.

В вестибюле «Метрополя» Фандорина поджидал японец. По лицу с застывшей бодрой улыбкой сразу стало ясно: что-то не так. А Маса еще и начал со слов:

– Господин, вы только не волнуйтесь...

И Эраст Петрович немедленно заволновался так, что у него затряслись руки, которые обычно не дрожали, даже поднимая гири в шесть пудов весом.

– Что с ней?! – крикнул он.

– Госпоже стало больно. Вот здесь, – показал Маса. – Я позвонил Либкинду-сенсею. Он сказал, что сейчас приехать не может. Я сказал, что если он через четверть часа не явится, я сам к нему приеду. И сказал, что я с ним сделаю. Сенсей явился. Сейчас он спасает госпожу и ребенка. Я ушел, чтобы сенсей не боялся. Когда врач боится, он может сделать ошибку.

– Ты поступил п-правильно. Пойдем, мы будем ждать в гостиной.

Они взбежали по лестнице, тихонько вошли в номер и некоторое время метались по комнате: Эраст Петрович ходил туда-сюда вдоль одной стены, японец вдоль другой.

Из-за прикрытой двери иногда доносились легкие стоны. Всякий раз, когда это происходило, оба замирали на месте и в панике переглядывались.

Наконец профессор вышел из спальни.

– Хорошо, что меня сразу вызвали, иначе случился бы выкидыш, – сказал он Фандорину, не смотря на Масу. – Истмико-цервикальная недостаточность штука опасная.

– Что это такое? – обмер Эраст Петрович. Диагноз звучал устрашающе.

– Постоянная готовность шейки к спонтанному раскрытию, – не очень понятно объяснил акушер. – Вы не беспокойтесь, я поставил пессарий.

Однако в течение двух недель извольте соблюдать строгий постельный режим, так что никаких отъездов-переездов. И, разумеется, не нервничать. Даже по пустякам.

Только теперь он покосился на японца, державшегося за фандоринской спиной.

– Почтеннейший, неужели вы действительно... мммм... сделали бы то, чем грозились?

– Мне нет прощения, – низко поклонился Маса.

– Феноменально, – пробормотал Либкинд. – Знаете, господин Фандорин, отныне мой гонорар увеличивается вдвое.

– Да-да, – поспешно согласился Эраст Петрович. Ему хотелось скорей попасть к жене.

Мона лежала в кровати бледная, но вполне спокойная, даже веселая.

– Ребенку таких непоседливых родителей тоже не сидится на месте, – сказала она, – но теперь он никуда не денется. Две недели так две недели. Я научу вас играть в канасту. Денег у вас, правда, не осталось, будете играть в долг. И еще я хочу попрактиковаться в английском. А сейчас я проголодалась. Маса, закажите в ресторане обед. Вы знаете, что я люблю.

Ела она с аппетитом, всё время оживленно болтала, но перед десертом вздохнула и обреченно спросила:

– В чем дело, Эраст? Я знаю этот взгляд. Что тебя терзает?

– Ничего, – соврал Фандорин. – Просто я немножко переволновался.

Потом она полулежала в кресле, а он читал вслух последний сборник Конан Дойля «His Last Bow. The War Service of Sherlock Holmes»^[4]. Мона шепотом повторяла незнакомые слова. Внезапно она протянула руку и закрыла книгу.

– От тебя исходит вибрация. Говори правду, иначе я начну нервничать, а мне нельзя.

Пришлось сознаваться.

– У меня осталось два дела. Одно небольшое, второе и вовсе м-маленькое.

Брови будущей матери угрожающе сдвинулись.

– Опять?

– Нет-нет, ничего рискованного. Просто две б-беседы, которые необходимы мне для душевного спокойствия. Единственное – одна из них потребует на денек отлучиться из Харькова.

– Куда это?

Брови нахмурились сильнее.

– В Таганрог.

– В ставку главнокомандующего? – спросила Мона, успокаиваясь. Поездка в глубокий тыл ее не напугала. – Ладно. Съезди. И больше не вибрируй.

– Скину с души груз и вернусь в полной безмятежности, как Будда, – пообещал Эраст Петрович.

Он уже испытывал огромное облегчение. Древняя максима гласит: «Не покаравший зло не лучше сотворившего зло». А в буддийском аду за неисполненный моральный долг на грешника навешивают камень весом в сто каммэ. Приятно было чувствовать, как эта махина скатывается с души.

На следующий день Эраст Петрович снова сидел перед генералом и полковником, но первый был много степенней вечно пьяноватого Гай-Гаевского, а второй несравненно представительней сублильного Скукина. Разговор происходил в штабном вагоне главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

– Заговор? – переспросил генерал, теребя седую профессорскую бородку, и с сомнением посмотрел на своего адъютанта. – В это трудно поверить. Честно говоря, я полагал, что мы встречаемся совсем по иному поводу...

– Выслушайте господина Фандорина, Антон Иванович, – сказал полковник. – Поверьте, это не менее важно.

По обмену этими не вполне понятными репликами Эраст Петрович догадался, что молниеносная скорость, с которой адъютант провел его к начальнику, объяснялась не только привезенным известием, но и какой-то другой причиной. Афанасий Иванович Шредер (тот самый офицер, к которому Фандорин в свое время ездил по делу о взрыве) обрадовался харьковскому гостю, как дорогому родственнику – когда Фандорин даже еще не успел изложить суть дела.

Загадка, вне сомнения, в свое время разъяснится, сказал себе Эраст Петрович, и продолжил про главное:

– Так точно, ваше высокопревосходительство, заговор. Во главе находится офицер для особых поручений при командующем Добровольческой армией полковник Скукин. Идея состоит в том, чтобы сделать Гай-Гаевского военным диктатором. Для этого нужно было вывести его в г-главнокомандующие еще до взятия Москвы. Единственным препятствием являетесь вы. Поэтому Скукин и его сообщник войсковой старшина Черепов устроили на вас покушение во время посещения Калединского приюта. Вы уцелели чудом, но погибли дети и женщины.

– Владимир Зенонович метит на мое место? Он пытался меня убить?

Не верю, – отрезал главком. – Я знаю этого человека еще с японской войны. Он не таков.

– Он-то не таков и о заговоре не имеет ни малейшего п-понятия. Вся комбинация разработана его племянником полковником Скукиным. Что произошло в приюте? Непосредственно перед вашим приездом Черепов, якобы осматривая актовый зал, подложил под стол часовую мину. Двое часовых, поставленных им перед дверями, были гарантией, что никто не войдет и не помешает. Впоследствии Черепов обоих этих свидетелей убрал, чтобы переадресовать п-подозрение... Когда покушение провалилось, заговорщики, очевидно, решили ждать следующего случая. Для этого Скукину нужно было поставить своего человека на должность начальника Особого отдела, который среди прочего ведает охраной важных лиц. Черепов собственноручно застрелил прежнего начальника князя Козловского, после чего Скукин устроил своего п-протезе на освободившееся место...

– Откуда вы это знаете? – засердился генерал. – Вы что, видели, как войсковой старшина совершает убийство?

– Нет. Но после того, как Гай-Гаевский вчера при мне сказал, что это племянник убедил его назначить Черепова вместо Козловского, я сопоставил факты. И сразу же после этого провел опрос соседей убитого. Войсковой старшина каждого из них допрашивал с пристрастием – не видел ли кто-нибудь из окна чего-то подозрительного. Один из этих людей, некто Сальников, во время допроса якобы накинулся на Черепова с кулаками и был убит. Во время вчерашнего разговора с жильцами я установил следующее. Покойный Сальников рассказывал по крайней мере двоим соседям, что действительно в ту ночь курил у окна и видел в подворотне двух офицеров. Лиц не разглядел, но оба высокие, худые. Один, в кубанской папахе, шел чуть сзади. И выстрелил первому в з-затылок.

– Черепов – кубанский казак, высокого роста и худой, – вставил Шредер.

– Полагаю, что во время следующего приезда вашего высокопревосходительства в Добровольческую армию при таком н-начальнике Особого отдела живым вы бы не вернулись.

Главком возмущенно мигал красными от усталости глазами.

– И это белое офицерство! Чудовищно...

Воротничок мятого кителя у него был несвеж, на щеках серела щетина. Сбоку, прямо на разложенной карте, стояла тарелка с недоеденной котлетой. Из-за ширмы в углу высовывался краешек походной койки. Должно быть, генерал и ел, и спал, не отлучаясь из помещения, куда

сходились нити управления белыми армиями.

– Я считал своей обязанностью рассказать вам о з-заговоре полковника Скукина, потому что, хоть и не являюсь сторонником белой России, но уж точно не желаю, чтобы Россия стала к-коричневой, – сказал Фандорин, мысленно прибавив: «А кроме того, есть еще камень весом в сто каммэ».

Эраст Петрович с удовольствием разделался бы с хладнокровным убийцей детей собственноручно, да мешало обещание, данное Моне.

– О какой коричневой России вы говорите? – спросил генерал.

Он никак не мог прийти в себя и, не дожидаясь ответа, простонал:

– Господи, устраивать заговор в такое время! И, главное, ради чего?

Шредер кашлянул.

– Антон Иванович, какие будут приказания?

Главком тяжело вздохнул.

– Скукина арестовать. Гай-Гаевского отстранить от командования. Провести тщательное расследование. Но, разумеется, не сейчас, когда такая напряженная ситуация на фронте. В ближайшую неделю всё разрешится, и тогда виновные ответят. Пока же не подавать виду. Не хватало еще в такой момент парализовать управление Добровольческой армии.

Он горько покачал головой.

– Эраст Петрович, я ведь только о том и мечтаю, чтобы выполнить свою миссию, освободить Москву от большевистской диктатуры и удалиться в отставку. Мне не нужна никакая власть. Упаси боже! У меня молодая жена, маленькая дочка. Я хочу жить с ними в усадьбе и никогда больше никем не командовать, ни с кем не воевать, не решать чужих судеб...

Услышав про молодую жену и маленькую дочку, Фандорин взглянул на главкома с интересом и сочувствием. Вспомнил, что рассказывают про генерала. Он впервые женился очень поздно, на юной дочери сослуживца, и, говорят, всякую свободную минуту старается проводить в кругу семьи.

– Видит Бог, я не стремился к этой должности. Но если на меня, слабого и неспособного, Господь возложил этот тяжкий крест, я должен честно его нести. Мы все – крестоносцы. Мы должны спасти измученную Русь от гибели.

– Зачем вы мне это г-говорите? – спросил Эраст Петрович, догадываясь, что душевные излияния неспроста. – Вы чрезвычайно занятой человек и не стали бы тратить время попусту.

Главкомандующий испытующе смотрел на него.

– Сообщенные вами сведения о заговоре безусловно важны, и я благодарен вам за проведенное расследование. Но есть неизмеримо более

значительное дело, в котором вы могли бы помочь России. Я знаю, о чем вчера вас просил Владимир Зенонович, он подробно рассказал по телефону. Вот почему я принял вас немедленно, вне всякой очереди. Передовые отряды махновской армии уже в ста верстах от моей ставки. Я должен немедленно принимать решение о переброске войск с фронта. Тем самым я почти наверняка упущу верную победу над красными. Если же вы отправитесь к Махно и убедите его прекратить наступление...

Генерал поднял руку, видя, что Фандорин хочет его перебить.

– Дайте договорить. Теперь я понимаю, почему вы отказали Гай-Гаевскому. Зачем приводить к власти мерзавцев вроде Скукина? Вы, конечно, можете отказать и мне. Уклониться от выбора. Но когда человек мог кого-то спасти и не спас – это тоже выбор. С которым потом остаешься до конца жизни. А мы ведь говорим о спасении целой страны, многих десятков миллионов. Мы, белые, отнюдь не ангелы, мы плоть от плоти старой России со всеми ее несовершенствами и пороками, но также и с ее природной силой, красотой, историей. Большевистская же власть – от Сатаны. Она превратит Россию в преисподнюю, в один огромный концентрационный лагерь.

– То же собирается сделать и п-полковник Скукин.

– Теперь, благодаря вам, не сделает. Я давеча сказал, что мечтаю об отставке. Но я позволю себе удалиться от дел, лишь когда завершу свою святую миссию. У меня нет иллюзий касательно собственных дарований. Я не обладаю железной волей адмирала Колчака, неукротимой энергией барона Врангеля, военным гением Гай-Гаевского, но в том тяжелом выборе, который сегодня стоит перед Россией, я – наименьшее из зол. Хотя бы потому, что я твердо намерен не быть злом. И когда я возьму Москву – если я ее возьму, – не будет ни расстрелов, ни виселиц. Я объявлю всероссийскую амнистию, я буду проводить политику национального примирения. Потому что дело вовсе не в Ленине и Троцком. Революцию породила общественная несправедливость. И я ее исправлю. Во всяком случае, честно постараюсь это сделать. Белая Россия – это не безгрешная Россия, но это Россия, в которой белое – это белое, а черное – это черное, и в борьбе первого со вторым власть будет на стороне белого. Вот что такое белая правда.

Фандорин молчал. Доводы Антона Ивановича на него подействовали. Особенно о том, что отказ от действия – тоже выбор. Главнокомандующий вряд ли догадывался, что почти в точности повторил древний дзэнский парадокс: «Недействие равнозначно действию, но действие не равнозначно недействию».

– Я вижу, что вы за человек, – тихо продолжил генерал. – И мне очевидно, что вы не сможете умыть руки, оставив родину погибать, а после гибели еще и гореть в аду. Если же я в вас ошибаюсь... Человек, в отличие от страны, выбирает свой ад сам... Это всё, что я должен был вам сказать. А теперь простите. У меня тяжелое положение на фронте и еще более тяжелое положение в тылу.

Эраст Петрович вышел из салон-вагона бледный. Он очень испугался, что Мона ему этого не простит.

С тем большей охотой Фандорин уцепился за возможность отсрочить неизбежное. Оставалось еще второе из двух дел, о которых он говорил жене. Совсем маленькое.

Вернувшись ночным поездом в Харьков, Эраст Петрович сначала, разумеется, заехал в штаб армии обговорить детали предстоящей поездки, но сразу после этого отправился в Особый отдел.

Романов принял гостя в кабинете, вежливо поинтересовался целью неожиданного визита. Взгляд у капитана был тусклый, лицо осунувшееся.

– Алексей Парисович, вы – красный шпион, – не спросил, а констатировал Фандорин.

Глаза Романова ожили, прищурились.

– Это шутка?

– Я давно это знаю. Со дня нашего з-знакомства. Помните, как тогда, в лодке, после бегства от красных, вы вытряхивали пустые гильзы из барабана и одна отлетела мне под ноги? Я поднял ее и увидел, что дульце удлиненное. Вы стреляли холостыми патронами, а значит, вся история с побегом – инсценировка. Я решил, что это не мое дело и п-промолчал...

Романов настороженно слушал. Нервы у него были крепкие.

– Когда в приюте случилась диверсия, вы были у меня на подозрении первым, но у вас оказалось алиби: Козловский сообщил, что вас не было в Харькове. И я опять оставил вас в покое, потому что я не участвовал в г-гражданской войне.

– Теперь что-то изменилось? – негромко спросил капитан.

– Да. Я сделал выбор. Через два часа я отправляюсь в к-командировку, которая, вероятно, решит судьбу войны...

– К Махно? Не удивляйтесь моей осведомленности. Я теперь клеветет Скукина, он мне всё рассказывает.

Эраст Петрович одобрительно кивнул. Ему понравилось, что молодой человек не юлит, не теряет самообладания, а главное – не отнимает лишнего времени.

– Вы мне симпатичны, я не ж-желаю вашей гибели. У вас два часа, чтобы скрыться. Перед отъездом я отправлю Гай-Гаевскому записку, в которой сообщу всё. Так что советую немедленно исчезнуть.

Он поднялся, считая разговор оконченным, но встал и капитан.

– Попытайтесь меня убить? – чуть удивился Фандорин. – Не рекомендую.

– Нет. Я знаю, что орех мне не по зубам... Мне было ясно, что рано или поздно вы сделаете выбор. Надеялся, что иной... Вы же умный человек. Неужто вы не понимаете, что настоящая Россия с нами, а не с ними?

– С т-товарищем Заенко? С заплеванными улицами, загаженными храмами, растоптанной культурой?

– А что, если Россия такая и есть? Что, если ту Россию, которая вам нравится, придумали Пушкин с Тургеневым? А настоящая – это Стенька Разин и Емелька Пугачев. Вы свой собственный народ-то знаете? Конечно, можно снова загнать его в подвалы и бараки, можно посадить на цепь. Но для этого придется пролить очень много крови, тут Аркаша Скукин на сто процентов прав. Никакого Пушкина с Тургеневым у белых все равно не получится. Не правильнее ли перестать себя обманывать? Признать, что Россия – не клумба с цветочками, а навозная куча. Не закрывать нос надушенным платочком, а взяться за лопаты, не бояться грязи. И тогда через сто лет, может быть, страна превратится в цветник.

– Скукин – авантюрист и *сяожэнь*. Ему не позволят распоряжаться судьбами России, а ваша аллегория хромает. Г-грязи надо бояться. Собственно, только ее в жизни и надо бояться. Если вы перестанете умничать про правильность и просто прислушаетесь к себе, внутренний голос всегда объяснит вам, что правильно, а что нет... А впрочем, это ваша карма.

И Фандорин вышел.

Не прощаюсь

...И мы выныриваем из совсем темной, до черноты, до слепоты темной подворотни на залитую солнцем улицу.

Ты зажмуриваешься от яркого света.

– Где мы? – спрашиваешь ты, и я вспоминаю, что ты плохо знаешь Москву.

– На Никольской улице. Налево, в двух минутах, Красная площадь. Видишь, как ловко я тебя вывел? Это мой город. Я знаю здесь каждый закоулок. Идем!

Меня переполняет бодрая сила, звенящая легкость. Я чувствую себя – нет, не молодым, я чувствую себя *совершенным*.

Человек, который много лет назад учил меня владеть собственным телом, называл мораль опасным барьером, отделяющим плоть от духа. «Мораль всегда предписывает ставить чьи-то интересы выше своих, тело же всегда руководствуется только тем, что лучше для него, – проповедовал он. – Ты не хочешь отказаться от вредоносной перегородки, раздваивающей твое „я“, мешающей Инь и Ян соединиться, а значит, ты никогда не станешь совершенным».

Мой малопочтенный сэнсэй был чудовищем, мы относились друг к другу одинаково: с почтительным интересом и в то же время с презрением. Он называл меня «мой полуученик», я его – «мой полуучитель». Не удивлюсь, если он жив до сих пор и по-прежнему запросто может взбежать по стене до второго этажа, а спрыгнуть с пятого. Но полусэнсэй ошибся. Я достиг совершенства. Благодаря тебе. Мне очень хочется сказать про это, но я не решаюсь. Ты всё еще сердита.

Никольская улица полна народу, все движутся в одну сторону – медленно, никто не торопится. Лица веселые, но не шумно веселые, а будто обращенные в себя, и никто не кричит, не хохочет. Не такой день.

Мы останавливаемся подле маленького Казанского собора. Отсюда видны Кремль и Красная площадь, но там слишком много людей. Толпа движется в сторону храма Василия Блаженного. Все молча смотрят по сторонам.

Вдоль длинного здания Верхних торговых рядов шеренгой стоят виселицы, с них свисают рогожные мешки. На каждом табличка. С места, где я стою, можно прочитать три ближайших: «Владимир Ульянов. Диктатор», «Лев Бронштейн. Расстреливал заложников», «Феликс

Дзержинский. Главварь палачей». Когда-то точно так же здесь болтались казненные Петром стрельцы. Но сейчас мешки набиты соломой. Казнь символическая. Главнокомандующий сдержал свое слово.

Я говорю:

– Слушай, раз уж объявлена всеобщая амнистия, может быть, и ты меня наконец простишь? Сколько можно наказывать? Ведь всё закончилось хорошо.

Ты вздыхаешь.

– Ладно. Раз уж такой день, что всех прощают... Ты подлый клятвопреступник, но ладно. Видно, такова была моя карма – связаться с «благородным мужем». Я ведь понимаю. У тебя не было выбора. Я помню твои слова: «Благородному мужу только кажется, что у него есть выбор».

– Выбор есть. Можно перестать быть благородным мужем. И теперь всё. Я стану просто мужем. Я буду жить только для тебя – и для дочки.

Я киваю на твое оттопыривающееся пальто.

– Для сына, – поправляешь ты. – Я хочу мальчика, и будет мальчик. Но амнистия тебе объявляется при одном условии. Ты должен рассказать мне про свою поездку. С того самого момента, как после встречи в Таганроге ты трусливо решил, что не станешь со мной объясняться и уедешь тайком. Я знаю лишь, что ты послал телеграмму Масае, и он, иуда, ничего мне не сказав, отправился на встречу с тобой. Что было потом? Рассказывай со всеми подробностями.

И я начинаю рассказывать.

...Самый дальний перрон харьковского Южного вокзала, отведенный для нужд штаба Добровольческой армии, охранялся специальными караулами. Там обыкновенно стоял поезд командующего. Оттуда должен был отправиться и я.

Когда на платформу пропустили Масае, я объяснил ему, куда и зачем еду. Попросил наврать тебе что-нибудь успокоительное. Передал записку про Романова, которую следовало вручить генералу Гай-Гаевскому. Про Скукина не сказал, потому что Масае вполне мог расчитаться с мерзавцем по-своему, а это в мои планы не входило. Пусть заговорщика судит трибунал. Да и трудно было бы объяснять – Скукин всё время торчал рядом. Ему поручили организовать мою поездку.

– Если до срока, названного профессором Либкиндом, я не вернусь или если возникнет какая-либо опасность, увози Елизавету Анатольевну в Крым, – говорил я Масае. – Ждите меня там две недели. Ни в коем случае не дольше. Потом отправляйтесь в Швейцарию.

– И будем вас ждать там?

– Именно так.

В глазах у Масы что-то мелькнуло, и мне вдруг ужасно захотелось его обнять. Представляю, как он перепугался бы. Вместо этого я сделал правой рукой обманный финт, а левой шлепнул его по лбу.

– Атари! Я опять выиграл.

Это у нас с ним старинная игра: один наносит внезапный удар, а второй должен отбить.

– И ни разу честно! – сказал Маса.

Я видел, что ему ужасно хочется поехать со мной, но он понимает, что должен оберегать тебя.

Тут к Скукину подошел долговязый офицер в черной кожаной тужурке, что-то вполголоса доложил.

– Эраст Петрович, мотодрезина готова. Можно отправляться, – сказал Скукин.

– Всё, пора.

Я кивнул Масае, он мне поклонился, и мы расстались.

У генерала Гай-Гаевского, энтузиаста железных дорог, на вокзале имелся целый транспортный парк: от тяжелого бронепоезда для фронтовых выездов со всем штабом до одиночных локомотив-вагонов и легких дрезин для коротких перемещений по тылу. Я выбрал самую маленькую из них – просто кабину с автомобильным двигателем.

– Вы уверены, что вам не нужно никакого сопровождения? Даже водителя? – не в первый раз спросил Скукин.

– Уверен, – ответил я, не глядя на полковника. Люди подобного склада всегда вызывали у меня отвращение.

Вдруг впереди, чуть поодаль, я заметил сцену, для режимного объекта очень странную.

Там стояла автотриса: трамвайный вагон, приспособленный для езды по рельсам, – еще одно транспортное средство из коллекции Гай-Гаевского. Мальчики в синих шинельках, с одинаковыми чемоданчиками в руках дисциплинированно поднимались по лестенке, каждого подсаживали две дамы.

– Вы знаете, как мы с Владимиром Зеноновичем относимся к детям из Калединского приюта. Командующий распорядился эвакуировать сироток в Крым, – пояснил Скукин, поймав мой взгляд. – Там теплее. Не беспокойтесь, они сейчас отправятся, и путь очистится.

Я снова отвернулся, меня передернуло от слова «сиротки». И я пообещал себе, что еще потолкую с полковником о Калединском приюте.

Когда будет уже можно.

Снова подошел кожаный.

– Господин полковник, я проверил двигатель автотрисы, – сказал он с легким кавказским акцентом, почтительно наклонившись к маленькому Скукину. – Сильно изношен, но даже если заглохнет, достаточно подтолкнуть – опять заведется. С этим даже дети справятся. Вагончик совсем легкий.

– Лишь бы автотриса не застряла до развилки, а то она может задержать господина Фандорина. Эраст Петрович, это поручик Ревазов, инженер особого железнодорожного отряда. Надеюсь, поручик, с дрезиной дела обстоят лучше?

– Дрезина в полном порядке, – козырнул инженер.

Дети уже забрались в свой вагон, поднялись и воспитательницы. Автотриса скрежетнула колесами, поехала. Синие мальчики загалдели, стали размахивать руками, хоть никто их не провожал.

Я помахал им вслед. Полковник с поручиком даже не обернулись.

– Ну вот, дорога свободна, – энергично сказал Скукин. – Первые одиннадцать верст просто ежайте за ними, а сразу после моста через реку дорога разделится. Ваша ветка уходит вправо, на...

– Маршрут мне известен, – перебил я. – Поручик, объясните, как управлять дрезиной.

Деловитый, подчеркнуто сухой, инженер первым поднялся в кабину.

– Мне говорили, вы водите автомобиль? Принцип тот же, только по понятной причине нет руля. По рельсам ход очень плавный, сопротивление минимальное. Поэтому, разогнавшись, газу поддавайте чуть-чуть. На длинном спуске для экономии топлива можете вовсе выключить двигатель. – Показал вниз: – Это педаль газа, это – тормоз. Учтите, что тормозной путь очень длинный, на скорости шестьдесят верст – не менее двухсот метров. Поэтому для аварийной остановки предусмотрен вот этот рычаг. Пользоваться им следует лишь в самом крайнем случае – машина может соскочить с рельсов, и обратно без посторонней помощи вы ее не поставите.

– Дергать на себя, рывком? – спросил я, пробуя тугость аварийного рычага.

– Не сейчас! – крикнул сердитый инженер, крепко хватая меня за руку.

И пробурчал:

– Извините. Не так-то просто потом вернуть его обратно... Что еще нужно знать? Сзади запасная канистра. Но она понадобится, только если будете пользоваться обогревателем. На ровном ходу бензин расходуется

очень мало. Вопросы?

Вопросов у меня не возникло. Управление было элементарным.

Скукин отпустил поручика, а меня осенил крестным знамением:

– Езжайте с Богом!

– Вы разве верующий? – спросил я. Субъекты этого сорта обычно к мистике не склонны.

– Нет, но в данном случае без Божьей помощи мне не обойтись, – убежденно и даже с дрожанием голоса ответил он.

Ах да, я забыл, что среди скукиных все-таки встречаются и искренне верующие – в то, что Бог существует персонально для них.

Что ж, подумал я, скоро твой бог тебе очень понадобится.

Сделав вид, что не замечаю протянутой руки, я сел на водительское место и включил мотор, заведшийся с полуоборота.

Дрезина быстро набрала скорость, она летела, словно спортивная яхта под хорошим океанским ветром – гладко и легко. Мимо проносились пристанционные постройки, потом потянулись городские предместья.

Я размышлял о маршруте.

Доехать до Лозовой, потом повернуть на Екатеринослав, до которого, я, конечно, не доберусь – он уже у махновцев. Они меня остановят раньше. Вероятно, это произойдет часа через три. Вот самый рискованный – пожалуй, единственный рискованный момент: могут не остановить, а просто изрешетить с тачанки пулеметным огнем. Тогда придется соскакивать на ходу, но это пустяки.

Как только я предъявлю пропуск, подписанный Ароном Волей, все опасности закончатся, и слава богу. Я совершенно не стремлюсь к приключениям. Лучший возраст жизни я хочу провести с женой и дочерью. Или, ладно, с сыном, хотя мужчинам фандоринского рода очень не везет с отцами. Прадед пропал при Бородине, еще до рождения деда. Дед погиб на Кавказе, оставив маленького сына. А моего родителя, чья непутевая душа вряд ли попала в царствие небесное, назвать отцом трудно.

Я стал думать, каким отцом буду я, и забыл об Ароне Воле, о батьке Махно и о войне.

Дрезина описала дугу вокруг невысокого холма и сразу за поворотом выскочила на железнодорожный мост через реку.

Сразу за ним, метрах в ста от меня, еле ползла знакомая автомотриса. Сзади и по бокам ее облепили маленькие синие фигурки.

Все-таки застряла, толкают!

Что-то эта картина мне напомнила. Что-то из давнего прошлого. Такое уже было: мальчики в синих мундирчиках и витающий над ними призрак

беды.

Но сейчас-то беды произойти не могло.

Обычным образом тормозить было нельзя – я бы врезался в вагончик и передавил детей, но ведь есть аварийный тормоз.

И я рванул его на себя со всей силы...

– Почему ты замолчал? Что произошло? – спрашиваешь ты.

Я замолчал, потому что меня кто-то зовет. Очень настойчиво. Я оглядываюсь.

– После доскажу. Нужно идти. Меня зовут. Разве ты не слышишь?

– Не слышу, – говоришь ты. – Я с тобой. Пожалуйста!

– Ну что ты, – улыбаюсь я. – Подожди здесь. Я быстро. Посмотри на праздник, на людей. Я скоро вернусь, ты и не заметишь. Ну, не прощаюсь.

И о погоде

Погода опять была чудесная. Проснувшись, Мона открыла глаз и тут же снова его закрыла – прямо в зрачок, прицельным выстрелом, ударило солнце. Хотела спрятаться обратно в сон, чтобы еще немножко побыть с тем, кого теперь могла увидеть только во сне, но уже не вышло. Хуже всего, что она никогда не могла вспомнить содержание своих ночных видений. Что-то там происходило важное. Но что?

Надо было вставать.

С некоторых пор Мона возненавидела ясную погоду. То ли дело проснешься – и небо в трауре, плачет дождем, стонет ветер. Тогда хорошо. Чувствуешь себя в гармонии с миром. Если же внутри у тебя серая стужа, а вокруг «майский день, именины сердца», природа кажется предательницей. Особенно если это даже никакой не май, а октябрь.

Снова проклятый месяц октябрь, но у них тут никак не начнется осень, всё длится и длится нескончаемое бабье лето, и каждый день парадиз, голубеют безмятежные Альпы, золотится равнодушное озеро. Чужая, открыточная, бессмысленная красота.

Мона не любила Швейцарию, называла ее «Швейцарской». Жизнь в швейцарской, под лестницей – вот что такое эта ваша Женева. Но ничего не попишешь, ребенку нужна бабушка. Особенно если мать у ребенка кукушка, которая с утра до вечера кукует, кукует, и только о себе: Куу-Куу, Куу-Куу.

Это у них с Масой недавно был разговор.

Мона сказала: «То, что значил для тебя человек, определяется по размеру дыры, которая в тебе остается. Бывает дыра такой необъятной величины, что засасывает без остатка». Он ответил: «Вы говорите про Куу, про Пустоту? – И нарисовал иероглиф. – Все из нее вышли, все в нее вернутся. Но зачем торопиться, госпожа? К тому же есть чувство долга. Вы не одна».

Что правда, то правда. Если б Мона была одна, она, наверное, до сих пор сидела бы в Севастополе, надеясь на чудо. Но в Крым примчалась мать и увезла ее, раздутую и студенистую, как медуза, «рожать в нормальных условиях».

– Я никудыфная мась, – со вздохом сказала Мона, стоя в ванной и глядя на себя в зеркало. Изо рта торчала зубная щетка. Лицо было тусклое.

Александр Эрастович проживал здесь же, в Женеве, у бабушки с

дедушкой. Мона ходила к сыну в гости. Когда чувствовала, что в состоянии улыбаться. Потому что когда человеку неполных два годика, ему нужно улыбаться. Ну или хотя бы не реветь, когда он поднимает на тебя глазки, и они такие же синие, как у...

Сегодня опять не пойду, поняла Мона и вздохнула. Залезу-ка лучше обратно в кровать. Пока погода не наладится.

Она закрутила кран и услышала, что в дверь стучат. Деликатно, но настойчиво. И, видимо, уже давно. Маса.

– Сейчас! – отозвалась Мона, медленно надевая халат.

– Я принес вам булочек и газету, госпожа, – сказал японец. Вид у него сегодня был необычный. И что газету принес, тоже странно. Мона никогда не заглядывала в газеты. Ее совершенно не интересовали новости.

– Вот, смотрите.

На первой странице заголовок «*L'arrivee de la delegation Sovietique*»^[5]. Мона без интереса пробежала взглядом по строчкам убористого шрифта.

«В Лозанну прибыла миссия из красной Москвы с целью добиться для России статуса полноправного участника грядущей международной конференции по черноморским проливам. Это первый официальный демарш большевистской дипломатии со времен...»

Дальше читать не стала.

– Зачем мне это?

Маса ткнул пальцем в самую нижнюю строчку.

– Военный руководитель делегации. Видите?

– ...Ты знаешь, где они остановились? – спросила Мона после долгой паузы. Залезть обратно в кровать ей расхотелось.

– В отеле «Бориваж-палас».

Угловой номер «люкс» лучшей лозаннской гостиницы выходил окнами на эспланаду и озеро. Это был один из самых знаменитых видов в мире, но ладный военный в отлично сидящем френче с малиновыми «разговорами» не обращал на чудесный бельвю никакого внимания. Он сидел за письменным столом и быстро писал на бумаге мелким, удивительно аккуратным почерком.

– Да? – сказал он, приподняв голову с идеальным пробором.

Скрипя лаковыми сапогами, вошел помощник, высокий брюнет, такой же подтянутый, как начальник.

– Товарищ комкор, к вам посетительница. – И после короткой паузы, со значением, прибавил: – Назвалась госпожой Фандориной.

Военный руководитель делегации слегка изогнул бровь, задумчиво потер орден в розетке из кумача.

– Вот как?

Поднялся, подошел к окну.

– Сказать, что не принимаете?

– Отчего же. Только...

Комкор неопределенно пошевелил пальцами, но помощник понял.

– Само собой. Если откажется подвергнуться обыску – не пущу.

Но посетительница не отказалась. Пока брюнет в соседнем помещении медленно и обстоятельно ее обшаривал, она стояла без движения, с отсутствующим выражением лица. Когда ей сказали: «Можете войти», – так же бесстрастно вошла.

Орденосец встретил ее с чрезвычайной вежливостью – наклонил голову, щелкнул каблуками.

– Елизавета Анатольевна, какими судьбами?

Мона внимательно его разглядывала, словно к чему-то прислушивалась.

– Чем могу? – спросил он. – Вы ведь знаете, я лицо официальное, один из руководителей советской делегации, а вы, я полагаю, белоэмигрантка.

Есть настороженность, есть любопытство, определила Мона, явственно слыша звук флейты. И что-то еще. Радостное волнение. Ему приятно меня видеть. Но это не мужской интерес, нет. Скорее торжество.

– Здравствуйте, Аркадий Сергеевич, я только хотела узнать, где сейчас Алексей Парисович Романов. Мне известно лишь, что тогда, осенью девятнадцатого, он перебежал к красным. Быть может, вы его встречали?

– Романов служит в ГПУ. Вы ведь знаете, что это такое? Мы иногда видимся по служебной необходимости. А по какой причине, позвольте спросить, вас интересует товарищ Романов?

Глаза Скукина горели веселыми огоньками. Наслаждается ситуацией, поняла Мона. Почему?

– Вы знаете причину, – тихо ответила она.

– Если это то, о чем я думаю, то Романов здесь ни при чем. – Теперь Скукин еще и улыбнулся. – Хотите, расскажу, как всё произошло? Да вы садитесь.

Он галантным жестом показал на кресла перед письменным столом. Оба сели: Мона с прямой спиной, со сложенными на коленях руками, Скукин – привольно, нога на ногу.

Она выжидательно на него смотрела.

– Ко мне в штаб явился начальник контрразведки Романов. С

неприятнейшей новостью и интереснейшим предложением. Новость заключалась в том, что меня ждут арест, трибунал и несомненно расстрел. У капитана только что состоялся разговор с вашим супругом, и Романов, будучи человеком умным, сделал из беседы соответствующие выводы. Господин Фандорин намекнул ему, что моя песенка спета, а дальнейшее Романов вычислил сам. К тому времени он ведь уже был участником моего... проекта, – неопределенно помахал пальцами Скукин. – Назовем это так. И вот, в связи с изменившимися обстоятельствами, Романов предложил мне закрыть мой проект и присоединиться к его проекту.

– Я не понимаю, – сказала Мона. – О каких проектах вы говорите?

– Неважно. Романов заявил: «Белое дело висит на волоске, и ты можешь этот волосок обрезать. Не дай Фандорину попасть к батьке Махно – и наши примут тебя как героя и спасителя революции». Я, разумеется, согласился. Какой у меня был выбор? Счет шел буквально на минуты, но я успел. – Скукин покачал головой, сам собой восхищаясь. – Романов всего лишь хотел, чтобы я арестовал вашего мужа и два-три дня подержал его под арестом. За это время Махно подобрался бы к самой Ставке, и главному пришлось бы снять войска с фронта. Но, учитывая феноменальные таланты вашего супруга, я решил проблему радикальным образом. Что, если бы он не дал себя арестовать? Или сбежал бы? Ну уж нет. Я с почетом проводил господина Фандорина в дорогу, усадил в превосходный экипаж и отправил напрямик на небо. Строго говоря, Эраст Петрович туда этапировал себя сам, собственной рукой.

Он сделал жест, будто дергает какой-то рычаг, и засмеялся.

– Был герой – и нету. Ничего не осталось, совсем. Пять пудов динамита – это вам не шутки.

В тот день на железной дороге был какой-то взрыв, вспомнила Мона. Газеты писали про очередную неудачную диверсию красных, про то, что опять контузило детей из приюта, но, по счастливой случайности, никто серьезно не пострадал.

По счастливой случайности...

Она зажмурилась, но не более чем на мгновение. Скукин снова заговорил, и Мона заставила себя слушать.

– После удачно проведенной акции я благоразумно исчез из Харькова. И неделю спустя был уже в Москве. Этот орден Красного знамени получен лично от председателя Реввоенсовета. Советская власть ценит заслуги, а новой России нужны четкие люди с диалектическим мышлением. Видите три ромба? – Скукин тронул нашивку на рукаве. – Комкор. Это как раньше генерал-лейтенант. Я всегда знал, что буду генералом, и харьковский

инцидент стал моим Тулоном.

Вот почему он так доволен, поняла Мона. Вновь наслаждается главным триумфом своей жизни.

– Это к нашей давней дискуссии о самце-лидере, – подмигнул Скукин.

Оказывается, у его откровенности имелась еще одна причина. Эраст говорил: *сяожэни*, «мелкие люди», очень памятьливы на обиды.

– Если будете рыдать или осыпать меня проклятьями, то не очень громко, пожалуйста. Это приличная гостиница, – продолжал глумиться триумфатор. – Или мы будем смотреть фильму «Страшная месть азиатской вдовы»?

– Что я, одинокая слабая женщина, могу вам сделать? Мне нужно думать о ребенке, – тихо произнесла Мона. – К тому же ваш помощник так тщательно меня обыскал.

– Он, кстати, тоже был знаком с вашим супругом. Правда, шапочно. Эй, Ревазов!

Должно быть, помощник стоял прямо у двери – она сразу открылась.

– Проводите госпожу Фандорину. Мне нужно поработать с бумагами.

Ничего больше не сказав Скукину, но задержавшись взглядом на хмуром лице порученца, Мона медленно покинула номер.

Таким же сомнамбулическим шагом она вышла на залитую солнцем эспланаду. Оглянулась на окна. Из одного, распахнутого, доносился чистый звук флейты. Комкор Скукин предавался сладостным воспоминаниям.

Мона отошла чуть дальше, села на скамейку, где дожидался Маса.

– Вы были правы, а я ошибалась. Это не Романов. Это Скукин, – сказала она, глядя на горы за озером. – Угловое окно бельэтажа.

Японец молча кивнул, надел канотье, поднялся.

– ...Погодите. Там еще второй. Длинный, черноволосый. Он тоже имел к этому какое-то отношение. Я точно не знаю, но когда я посмотрела ему в глаза – будто ногтем по стеклу.

– Я подумаю насчет второго, – наклонил голову Маса. – Идите на станцию, госпожа. Видите, над горой тучи? Скоро пойдет дождь. Вы промокнете.

– Посижу здесь. Что-то совсем нет сил, – ответила она, мысленно повторяя одну и ту же фразу. Ничего не осталось, совсем. Ничего не осталось, совсем.

Комкор довел до финала гайдновскую «Серенаду» и стал играть баховскую «Шутку», еще лучше соответствовавшую его отличному настроению. Подошел к открытому окну, залюбовался, как на кончике

инструмента попрыгивает солнечный зайчик.

По скрипу понял, что сзади приблизился и терпеливо ждет Ревазов. Оторвал губы от мундштука, не оборачиваясь спросил:

– Что?

Помощник встал рядом и стал смотреть вдаль. Ему, кавказскому человеку, нравились горы.

– Я бы не стал пренебрегать этой женщиной. Мне не понравился ее взгляд. Вы сами всегда говорите: береженого бог бережет. У ГПУ в Швейцарии неплохая агентурная сеть. Найдут и сделают что надо.

– Так я и собирался поступить. Эта встреча доставила мне удовольствие, а за удовольствия нужно платить. Распорядитесь.

Скукин прикрыл веки, готовясь играть дальше. Но сбоку раздался какой-то непонятный звук, и комкор скосил глаза.

Это всхрипнул Ревазов. Он схватился рукой за горло, выдернул маленькую иголку, изумленно на нее уставился, показал пальцем куда-то вниз, но ничего не сказал, а повалился грудью на подоконник.

Механически проследив за указующим перстом, Скукин увидел под окном, на набережной, узкоглазого господина в клетчатом костюме. Узнал, тихонько вскрикнул.

Азиат держал у рта трубку, так что они со Скукиным были похожи на дуэт флейтистов.

Что-то укололо комкору переносицу. Глаза скосились один к другому и возмущенно вытаращились на невесть откуда взявшуюся иголку.

Внизу, на эспланаде, Маса приподнял канотье и поклонился. Дождаться, когда умирающий рухнет, он не стал. Скукин еще качался на каблуках, еще разевал рот, а японец уже шел прочь, глядя на озеро.

Оно замутилось рябью, над поверхностью взвихрилась водяная пыль, небо стремительно посерело, с него засочился, быстро усиливаясь, холодный дождь.

Маса не обращал внимания на косые струи. Ему было печально и спокойно.

Всё правильно, думал он. Госпожа будет довольна. И хорошо, что наконец закончилось лето. Теперь она перестанет дни напролет лежать в постели, отворачиваясь от солнца. Заберет сына. Будет жить. Я ей больше не нужен. И ему тоже. Чему я могу научить европейского мальчика? Мне шестьдесят два года, а я ничего не знаю, не умею. Разве что убивать плохих людей, которые и без меня не миновали бы своей кармы. Хватит, надоело.

Как там сказано в последнем трехстишье преподобного Мудзэна?

Столько раз я спел
Одну и ту же сутру!
Пора и честь знать.

notes

СНОСКИ

1

Убью! (яп.)

2

Не ори так (яп.).

3

Заткнись. Голова болит (*яп.*).

«Его прощальный поклон. Шерлок Холмс на военной службе».

«Прибытие советской делегации» (фр.).